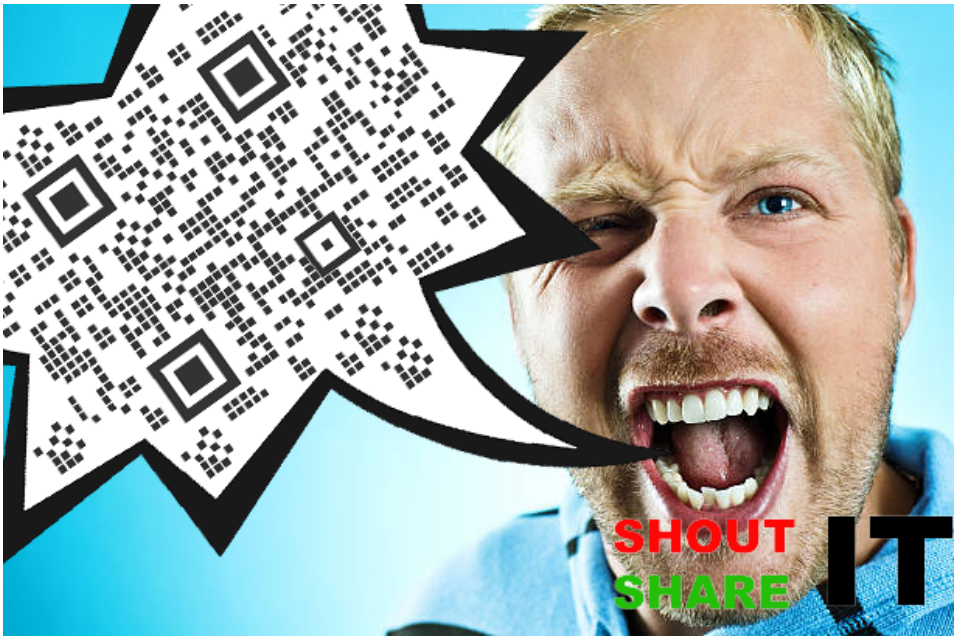
ДУГЛА$ РАШКОФФ
$ТРАТЕГИЯ
ИЗХОДА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Стратегия исхода» знаменитого американского кибер-культуролога и медиа-аналитика Дугласа Рашкоффа признана одной из самых значительных книг начала XXI века. Этот интерактивный гипертекстовый роман с открытым исходником, впервые опубликованный онлайн и обнаруженный спустя два столетия, проливает свет на все аспекты современной нам рыночной цивилизации, потребительской культуры и высоких технологий. Мы предлагаем самый полный на сегодняшний день сценарий дальнейшего развития событий (версия 10.0) – прогноз ближайшего и далекого будущего, свыше 200 полноформатных комментариев к привычным понятиям и реалиям. Стратегия исхода. Отсчет уже начат. Это не «Синаптиком» – это паноптикум.

Самая скандальная сатирическая антиутопия эпохи Интернета – впервые на русском языке. Рекомендуется тем, кто не боится будущего.

- Дугла$ Рашкофф
  -
  - Благодарности
  - Предисловие к русскому изданию
  - Предисловие к изданию с открытыми исходниками
  - Предисловие комментатора
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180

- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

Дугла$ Рашкофф
$тратегия и$хода

Шейле, моему самому преданному читателю и матери

Благодарности

Ничего бы не вышло без ехидных и безжалостных наставлений моего британского редактора Николаса Блинкоу. Я в большом долгу перед Дэвидом Беннаумом, Марком Фрауэнфелдером и Мэттью Байэлером – в критический момент их честные отзывы заставили меня сказать здесь то, что я действительно хотел сказать.

Спасибо «Маркл Фаундейшн», Зои Бэрд и Джулии Моффетт – они создали пространство и время, чтобы я это совершил.

Хочу поблагодарить Джея Мэндела и Лизу Шотлэнд из агентства «Уильям Моррис» – узнав, что я хочу опубликовать эту книгу онлайн, они все равно без устали трудились, чтобы эта идея стала реальностью.

Ларри Смит, Скотт Александер и сотрудники журнала «Yahoo! Internet Life» остаются подлинными невоспетыми героями этого проекта. Они придумали, создали и поддерживали сетевое пристанище романа с открытыми исходниками – сердца и души всего начинания.

Мы все в долгу перед Брук Белайл – из множества источников она неустанно составляла эту версию с открытыми исходниками, а затем подгоняла нашу писанину, чтобы вышла единая книжка.

Своим непреклонным стремлением эту книгу опубликовать меня вдохновляли все сотрудники издательства «Softskull Press». Я польщен, что вы сочли проект жизненным и включили его в свой канон. Еще спасибо Заку Шизгалу из «iPublish» – за то, что верит в будущее интерактивных медиа, хотя начальство этой веры и не разделяет.

Я также искренне благодарен ребе Сету Фришу, чей поразительно здравый и непредвзятый анализ Торы помог мне в сердцевине ее обнаружить незаменимые ориентиры для наших дезориентированных времен. И еще раввинам Ирвину Куле, Брэду Хиршфилду и д-ру Шари Коэну, великим соучастникам и заговорщикам в попытках заразить еврейское сообщество, по сути, его же идеями.

Еще эту книгу подпитывали, обогащали и вдохновляли участники списка рассылки «Media-Squatters» – их рвение в распознавании подлинного и иллюзорного оказалось неоценимо и весьма для меня унизительно.

А больше всего я благодарю тех из вас, кто уже участвовал или участвует ныне в онлайновой игре «Синаптиком». Из-за вас я и начал эту книгу, из-за вас она жива.

И, конечно, спасибо тебе, читатель, чье терпение и щедрость

заставляют всех нас писать дальше[1].

Предисловие к русскому изданию

Идеологию в наши дни распознать легко. Если, конечно, она не твоя собственная.

Многих американцев воспитали в убеждении, что вы в России – жертвы идеологии. Жертвы коммунизма, который правил вашей жизнью. Мы же в Соединенных Штатах – ну, нас учили считать себя «свободными». Только большинство из нас не понимало, что «свободен» означает «свободен участвовать в рыночной реальности». Свободен быть потребителем или, как в полоумные точка-комовские девяностые, свободен быть инвестором.

Распад Советского Союза странно повлиял на Америку. Будто испарилось все сопротивление капитализму. Американские «левые» объявлены по сути несостоятельными или, во всяком случае, маргиналами, о которых и говорить не стоит. Словно падение коммунизма доказало, что капитализм – единственный истинный ответ.

Так что в некотором смысле вымышленный «рыночный фашизм», описанный в этой книге, – сатира на то, что случилось с Америкой, когда исчез Советский Союз. Разумеется, появилась новая технология – Интернет, и она создала бесконечное множество историй, на которые финансовое сообщество приманивало начинающих неопытных инвесторов. Но еще у нас возникла среда без сопротивления, даже без реальной контркультуры, что противостояла бы тираническим прелестям рынка. Все желали разбогатеть, а всякий, кто пытался разоблачить ложь этого мошенничества, высмеивался как враг законного рыночного роста.

Надеюсь, вам понравится эта сказочка о выдуманном будущем государства, что прежде было вашим врагом. Пусть это будущее никого из нас не постигнет.

Дуглас Рашкофф, Нью-Йорк, 2003

Предисловие к изданию с открытыми исходниками

Я приступил к «Стратегии исхода» еще до того, как в конце девяностых зародился повышательный рынок. Я тревожился, боялся даже – слишком много моих друзей бросали свою стезю и ныряли в точка-комовское безумие. Вера в бесконечный рост рыночной экономики стала новой национальной религией. Сомневаешься в рынке – все, ты враг государства.

И я написал небольшую аллегорию о библейском Иосифе, в которой современный мечтатель строит пирамиды в услужении у своего ослепленного жадностью фараона. Чтобы читатель мог отстраниться от сюжета и увидеть в нем сатиру (а не критику собственных ценностей), я решил включить в книгу талмудические комментарии.

Я оформил ее как документ, написанный сейчас, но обнаруженный лишь двести лет спустя. Я сознавал, что хочу показать, как мы преодолели нашу одержимость деньгами, но не желаю четко воображать тот новый мир. Я написал примечания, которые понадобятся читателям XXIII столетия, чтобы понять сегодняшних людей и современные структуры. А нынешний читатель многое может о XXIII веке угадать по тому, что будущим читателям – и антропологам – известно или неизвестно.

Я так наслаждался, пока писал примечания и переживал настоящее с точки зрения будущего, что решил пригласить в игру читателей. Почему экспериментировать должен я один? И я выложил всю книгу онлайн, чтобы читатели стали писателями и комментировали ее голосами специалистов XXIII столетия.

Основной текст романа не менялся, что обеспечивало непрерывность и структурированность работы, однако всякий новый комментарий трансформировал контекст всего сюжета. Итоговое собрание – гипертекстовый лабиринт ссылок и перекрестных ссылок. В сущности, комментарии стали отдельной книгой – импровизацией сообщества на тему наших причудливых времен, которая вдохновлялась концепцией открытых исходников.

В первое издание с открытыми исходниками и первое бумажное американское издание была включена сотня примечаний, разработанных силами сообщества. (Как вы понимаете, большинство мэйнстримовых издателей, не имеющих представления о том, как работает Интернет, не особо жаждали публиковать книгу, уже вывешенную онлайн и забесплатно.) Если

удача нам улыбнется, мы выпустим и другие издания, с дополнительными примечаниями или просто абсолютно другим их набором. А может, одни примечания и выпустим.

Сам я писал примечания под псевдонимом главного комментатора Сабины Сэмюэлс. Но, как вы вскоре сами поймете, комментарии нескольких тысяч членов сообщества, принявших участие в эксперименте, юмором и глубиной превосходят мои собственные. И в этом, разумеется, сама соль проекта, величайшая и по сей день не очень-то признанная мощь движения за открытые исходники, перед которым я в большом долгу.

Спасибо тем, кто участвовал в проекте. У вас я научился невероятно многому. Я умный писатель, раз уступил вам свою власть над книгой. Данный проект – не прибыльный. Если когда-нибудь книга принесет мне какой-то доход, я поделюсь им в форме пожертвований на другие проекты с открытыми исходниками.

Дуглас Рашкофф, Нью-Йорк, 2002

Предисловие комментатора

Рукопись DeltaWave, известная как «Стратегия исхода», по-прежнему вызывает споры в научных, религиозных и, разумеется, антропотехнологических кругах. Хотя судебная экспертиза уверенно подтверждает, что файл был создан более двухсот лет назад, около 2008 года, эксперты не исключают, что в действительности рукопись гораздо позже подделали шутники-историки или даже активисты-ревизионисты.

Вне зависимости от своего происхождения данный текст являет нам уникальную картину возникновения рынкофилии в XXI столетии и распространения реактивной архитектуры на ранних стадиях Эпохи Интернета. Он также является редким исследованием Великого Капиталистического Эксперимента.

Настоящее новое, аннотированное издание включает в себя пояснительные сноски с информацией, почерпнутой из первоисточников – архивов более тридцати университетов и научно-исследовательских институтов. Каждый комментарий снабжен Сетевым Идентификатором автора.

Мы надеемся, что нам удалось сделать двухсотлетний текст более доступным нынешнему читателю, одновременно предоставив ученому сообществу материалы для дальнейших изысканий. К сожалению, недостаток точной информации о данном периоде и подъем радикального ревизионистского переосмысления капиталистического эксперимента привели к противоречивым оценкам и интерпретациям описанных здесь событий. Просим иметь в виду, что, включая альтернативные мнения, мы тем самым не подтверждаем их достоверность.

Сабина Сэмюэлс, ведущий редактор и главный комментатор, председатель ученого совета Института посткапиталистических исследований

1
Делайте ваши ставки

Я ж не из-за денег. Честно. Я ради игры[2].

Может, обстановочка виновата – свежий хэмптонсовский[3] воздух. Или «мерло». Но едва Алеков папаша предложил мне пост технического аналитика «МиЛ»[4], почему-то я вдруг заподозрил, что сочинение видеоигр – совсем не поднебесье, откуда рулишь американской культурой. Так, задворки. А мистер Морхаус давал шанс сыграть по-настоящему, в больших лигах. С реальными ставками – на деньги[5]. И я понимал: пока не забываю, что это просто игра, все тип-топ. Черт[6], 2008 год на дворе. Мы же с Великой Коррекцией справились. Теперь-то все врубились, что на самом деле творится.

Через месяц я[7] повторял себе все это в лимузине. Мы въезжали на Манхэттен по мосту Трайборо[8]. На спинках сидений в кармашках – свежие «Нью-Йорк Таймс» и «Уолл-Стрит Джорнал», для чтения – лампочка на «гусиной шее»[9]. Сотовый видеофон торчит в подлокотнике, зеленым огоньком мигает – готов. Никаких щелей для кредитки. Сплошь кредит, спасибо «МиЛ». Я, правда, решил, что еще совсем новичок – пока лучше сокровищ не копить[10]. Записал себе на счет один лаптоп[11] и последний наручный коммуникатор и пока не в курсе, как за эти железки платили.

По радио гнали матч «Никсов»[12]. Новый центровой из Боснии[13] послал свечку[14] в корзину. «Самое время закорешиться с шофером, – подумал я. – Никак не привыкну, что тут кто-то слуга, а я хозяин».

– Наконец-то у них центровой до корзины допрыгивает, – сказал я. Может, коротенький треп о «новом стиле в международном баскетболе», как выражается «Таймс» в кармашке, нас с шофером подружит. Как людей, а не классовые элементы.

– Да, сэр, – вежливо согласился шофер. Акцент, насколько я понял, ямайский[15].

– Как Юинг в лучшие времена. – Нет ответа. – Вы с островов? – спросил я с интонацией почти карибской – явно откуда-то из Третьего мира[16].

– Нет, сэр. Я из Замбии.

– А, да? И чем вы там занимались?

– Я работал на правительство.

– Кем?

– На самом деле я программист.

– О. – Я постарался уж очень откровенно не удивляться. Ну, типа, один черт – что шофер, что программист. – Вы и дальше собираетесь?

– Я здесь уже двенадцать лет. – Он глянул на меня из зеркальца заднего вида.

– Но вы же небось скучаете?

– Скучаю по деревьям. Только по деревьям. Здесь я за рулем зарабатываю больше, а мои дети живут в свободной стране.

– А Замбия разве не свободная?

– Не такая свободная, как Америка. – Он многозначительно улыбнулся. – Здесь я могу зарабатывать, как сочту нужным.

– Я сам программист, – сообщил я. – У вас есть визитка?[17] Я знаю кучу фирм, где народ ищут.

– Я преподавал в университете. Здесь не годятся мои докторские[18] диссертации и дипломы.

Диссертации? И много их у него? А тут я – зашибаю четверть миллиона только зарплаты с одним дипломом бакалавра. Я могу парню помочь. В «МиЛ» целый этаж бангалорских программистов с визами H1-G[19], и платят им шестьдесят баксов в час. Наверняка больше, чем он за баранкой лимузина зашибает.

– Правда, может, я помогу… – Но мы уже приехали, вот он – перестроенный склад на Двенадцатой авеню. Шофер выдал мне планшет с чеком. Я сунул под зажим новенькую визитку «Морхаус и Линней».

– Благодарю вас, сэр, – тихо сказал он.

– Я серьезно, – ответил я, закрывая дверцу. – Звоните, чего там.

Перед нелепым зданием толпились черные авто. Правда, только у моего на заднем стекле – большая табличка с номером. Потому что он из общего гаража, для подчиненных. Остальные – явно личные. А что, на такси больше не ездят? На подходе я изменил траекторию, отодвигаясь от непрестижного транспорта.

Бархатный канат[20] – одинокий атрибут рабочей атмосферы. Две юные леди в облегающих платьях сверяли имена со списком. Трио бизнесменов лет за пятьдесят ходатайствовали о праве на вход пред молодой судьей. А барышня, отрывая пустой взгляд от цифрового планшета, конечно, всякий раз мстила за годы родительской власти:

– Очень жаль, но в списках я вас не вижу. Еще раз – кто, вы сказали, вас пригласил?

Я нащупывал в кармане визитную карточку, но едва приблизился к контролю, одна из девчонок грациозно отстегнула передо мной канат. Я ее не узнал; зуб даю, она меня тоже. Но у

меня правильный возраст, правильный стиль и правильное поведение, так что меня пускают без вопросов. Видимо, я могу быть кем угодно, – потому они и считают, что я некто[21].

Я думал было потратить толику дармового респекта на пожилых бизнесменов, но накрапывал дождь, и не хотелось прерывать течение нежданно гладкого входа. Кроме того, они же просто квадратные в костюмах[22]. Да пошли они.

Внутри был зоопарк. В громадном бетонном зале грохотала электронщина девяностых, аж куски майлара на балках сотрясались. Мужчины в европейских костюмах – небось на воротниках бирки «годен до»; женщины – в платьях, что прячут фигуру[23] или выставляют напоказ. У всех пластиковые стаканчики, и все друг другу орут. Слишком шумно и слишком людно – не разберешь, где хоть кто-нибудь толковый. Да еще жара. Я мысленно составил список задач:

1. Засветиться в гардеробе и сдать плащ[24]. 2. Что-нибудь выпить. 3. Найти Алека.

Алек – мой лучший друг в Нью-Йорке и ходячий «Ролодекс»[25] Кремниевой аллеи.

Длинная очередь – в основном женщины с плащами – вилась по лестнице в подвал. Только я туда встал, кто-то сцапал меня за локоть.

– Плюнь. Пошли.

Я спасен! Алек. Светлые волосы расчесаны на прямой пробор и так зализаны, что я кореша еле узнал. Правда, я и вникнуть не успел. Мой тощий юный конвоир – костюм «в елочку»[26] – без единого «простите» погнал меня в обход рассерженной очереди прямо в подвал, мимо конторки, к двери за гардеробом. Одним плавным жестом избавил меня от плаща, вручил его козлобородому гардеробщику и сунул квитанцию мне в нагрудный карман.

– Никогда не стой в очередях, Джейми, – наставлял меня Алек, волоча вверх по лестнице. – Очереди не для тебя.

– Кто тут есть? – спросил я, вновь очутившись в пандемониуме.

– А кого нет? – ухмыльнулся он. – Что пьешь?

Толпа у бара – неудовлетворенная человеческая масса, еще плотнее лестничной. Все отчаянно пытались дозваться двух барменов и притом не показать своего отчаяния друг другу.

– Да ладно. Я вообще-то не хочу.

– Что будешь? – не отступал он.

– Просто пиво[27] сойдет. Любое.

Алек вручил пятьдесят баксов долговязой манекенщице, тащившей серебряный поднос суси.

– Два джина с тоником, будьте любезны.

Она глянула в сторону бара и закатила глаза. Я протянул было руку – забрать деньги и отпустить бедняжку с миром, но Алек помешал:

– Спасибо, чудесно, правда, – и отослал ее в гущу толпы. – Она зайдет с той стороны и приготовит сама. Ну хватит, Джейми, отвянь[28] – ей за это платят.

– Да я просто…

– Я ей дам побольше на чай, о'кей? – Мой новый коллега положил руки мне на плечи. – Это важная тусовка. Ты уж, пожалуйста, веселись.

Мой мозг пытался примирить «важную» и «веселись», Алек же тем временем отволок мое тело к стайке диванчиков.

– Подожди. Как она искать нас будет? – спросил я.

Алек преувеличенно вздохнул (читай: «очнись») и обозрел окрестности, ища удачной точки для аудиенции.

В отличие от меня, Алек знал, как замутить тусовку, это да. Вся моя учеба в Принстоне[29] вполне делится на две фазы: «до Алека» и «после Алека». Я поступил в колледж со стипендией по программированию и общался в основном с корешами-хакерами. Незаслуженная дурная слава автора вируса DeltaWave сделала меня как бы легендарным среди нёрдов – главным образом, выпускников средних школ с выдающимися результатами академического теста на способности[30]. Но ко второму курсу я осознал, что принадлежу к высшему эшелону принстонского эквивалента низших слоев. Почти бессознательным, но весьма привычным маневром мы – вместе с большинством афроамериканцев – низвели себя до крошечной группки обитателей современных, но непрестижных дортуаров на далеком юге кампуса. Принстонское гетто.

В знаменитых квазиготических зданиях на севере водились персонажи иного сорта. Отпрыски успешных выпускников, южных джентльменов, нью-йоркских инвестиционных брокеров и уцелевших богатых американских бездельников как-то опознавали друг друга до начала занятий и забивали четырехместные номера с видом на брусчатые дворы и каменные арки, что каждый семестр появлялись на обложке учебной программы[31].

Эти люди ходили в соперничающие школы, однако здесь попали в общий клуб и принимали друг друга как братьев.

Полный решимости прорваться наверх, я бросил питаться в кошерной[32] столовой. Мое проникновение в высшее общество целиком базировалось на действующей меритократии, а потому я отправился на отборочные по гребле и добыл себе место во

второй лодке. Мы гребли как один человек, но тем иллюзия солидарности и ограничивалась. Выиграли, проиграли – после матча узкий кружок выпускников Андовера, Экзетера и Чоута разбегался по машинам и уезжал в неизвестное, разумеется, место, победно вопя в потолочные люки.

Однако я упорно считал, что завоюю благосклонность элиты, едва стану незаменимым гребцом первой лодки. Три вечера в неделю я до кровавых мозолей на ладонях работал в эллинге на гребном тренажере[33].

В итоге я добился места получше, хотя из второй лодки так и не выбрался. Однако мои старания в нужный момент привели меня в нужное место.

Как-то к ночи ближе я боролся с противовесом, а полдюжины малолетних пижонов из частных школ водили на причале пивной хоровод[34]. Они болтали про девчонок, которых собирались окучить, и еще про то, у кого герпес и у кого богатые папаши. Они пьянели и буянили, и тут одного посетила светлая мысль затащить кег в «восьмерку» и отгрести на середину озера Карнеги.

Когда лодка наконец опрокинулась, парни так офонарели, что еле до берега добрались. Эти неандертальцы ржали, выволакивая свои мокрые туши на причал. Поразительно, как я мог домогаться принятия в их слабоумное племя.

А потом я увидел, как что-то скачет вверх-вниз в темноте над водой – не весло, не «восьмерка», не кег. Человек.

Я заорал и ткнул туда пальцем. Но вымокшие парни шатались и вяло щурились на озеро – не могли или не желали и мысли допустить, что происходит катастрофа. Поэтому я стащил с себя фуфайку и нырнул с пирса. В темноте я обнаружил маленького перепуганного блондина. То был второкурсник Алек, рулевой первой лодки – не гребец, а тот, кто сидит впереди с мегафоном и подгоняет. Алек тонул.

Когда я подплыл, он запаниковал, схватил меня за голову и запихнул под воду. В летнем лагере на курсах по спасению утопающих инструктор предупреждал, что так оно и будет, но я не верил. Прав был инструктор, и я применил метод, которому он учил: чуть жертва сопротивляется, окунай с головой. Насильственная модификация поведения тонущего посредством мгновенного отпора сработала на удивление хорошо. Успешно Алека подавив, я зажал ему голову локтем и отбуксировал к берегу.

На причале с корешами Алек вел себя так, будто все это розыгрыш; мол, он так пошутил – заманил меня в воду. Алек хитростью спасал лицо, а я не возражал. Все равно с греблей покончено. Но мы оба знали, что на самом деле произошло, и

Алек Морхаус не собирался оставлять без награды парня, который спас ему жизнь, а тем более – репутацию.

Он стал приглашать меня на тусовки и приемы на кампусе – прежде я о них и понятия не имел. Банкеты для приглашенных лекторов, коктейли в доме декана в честь щедрых спонсоров, гулянки выпускников в Принстонском клубе на Манхэттене. В такой обстановке Алек проявлял благородство, отличавшее его от позеров и карьеристов. Он с интересом выслушивал, как бизнесмены хвастаются последним вложением, и так прочувствованно хвалил, что они прямо пожирали каждый его кивок. Алеков отец был важным тузом – что наверняка помогало Алеку расслабляться, – но фишка не только в этом. Алек искренне радовался чужому успеху. Он тащился, подбадривая людей, что бы те ни делали. Он их окрылял.

А я – ну, я тащился от всеобщего невежества, в технологиях особенно. Я просто кайфовал, видя, как мало все эти шишки знают о собственных индустриях. Я был молод, терять нечего, можно повыступать. Меня представили исполнительному директору сети розничной[35] продажи канцтоваров, который при выходе в онлайн потерял миллионы, и я на салфетке набросал веб-телефонную архитектуру, исключавшую четыре этапа из его устаревшей системы электронных заказов. На сборе средств в пользу политического кандидата я подбросил будущему сенатору фразочку насчет того, что «новая медийная грамотность означает обучение детей компьютерам, а не программам» – тезис стал рефреном сенаторской образовательной платформы.

Алек впустил меня в новый мир, а я в этом мире придал Алеку некий интеллектуальный вес. Такой уж я развитой. Мы по ходу дела обучали друг друга, стали лучшими друзьями и соседями по номеру – на севере кампуса, разумеется. Мне даже не пришлось подавать заявку на членство в трехсотлетнем Ивз-хаусе. Когда пришла пора «перетасовки» – я несколько месяцев трепетал перед выматывающими слушаниями, – меня просто внесло туда вместе с Алеком.

Я знал, что его отец – инвестиционный банкир, но головоломка сложилась только в весенние каникулы, когда меня впервые пригласили в Хэмптоне на семейное сборище. То были Морхаусы из «Морхаус и Линней», одной из двадцати крупнейших финансовых компаний страны. Алек поведал родителям об инциденте на озере, даже слегка приукрасил, чтобы вопрос об отсутствии имени Коэнов в светской хронике никогда не всплывал. Не то чтобы у Морхаусов имелись предрассудки. Просто на пляже неделя – долгий срок, а сбалансированный список гостей – предмет тонкого искусства. Я Алековых

родителей против воли обаял, и через несколько дней они чуть ли не гордились, что жизнью единственного наследника обязаны сыну раввина из Куинза.

Тобиас, Алеков отец, пригласил меня в фирму не только поэтому, но я-то в основном только об этом и размышлял, пытаясь понять, кто я есть на ежемесячном званом вечере «Силикон-Элли Ридер». Я же, в конце концов, просто разработчик компьютерных игр. И даже не настоящий – я концепцию создавал. Выдумывал химеры[36], а другие, настоящие программисты, их воплощали.

Для уныния момент неподходящий. Десять лет назад большинство людей про ХТМЛ[37] слыхом не слыхивали, а теперь надувают щеки так, будто сами его изобрели. Не отличают поисковик от портала, даже если каждый год в эти модные словечки[38] вкладывают больше, чем мой дядя Моррис за всю жизнь заработал поставкой контрафактных импортных люстр[39] в типовые дома Левиттауна.

Нет-нет, богачи меня вовсе не пугали. Деньги не дарят им уверенности – один страх. Каждые семь лет они остаются без гроша. Семь лет изобилия сменяются семью годами голода. Закладным и образу жизни требуется защита. Эти люди сгорают так быстро, что директоров точка-комов[40] пробирает дрожь. Их средства в портфелях НАСДАКа[41] стоят не больше, чем люди готовы платить за эти весьма умозрительные ценные бумаги в каждый конкретный момент. Супербогачи настолько богаты, насколько богатыми воображает их публика. Но все же чертовски богаты, и я хотел урвать кусочек воображаемого богатства и отдать концы еще до финала игры, который, по моим подсчетам, уже не за горами.

– Вы знакомы с Джейми Коэном? Он недавно пришел к нам в «Морхаус», – говорил Алек высокому юнцу в костюме от Армани и водолазке. Тот тряс мне руку.

– Мы, кажется, виделись в этому году на «Комдексе»? Мы же на семинаре вместе были, да? – осведомился он. Я его не знал, он меня тоже. Впрочем, наверняка не скажешь. – Тай Стэнтон, «Партнерство ИДПП».

– Очень приятно. – Я впал в светскую рутину. – ИДПП – это же инкубатор[42], нет?

Тай хрюкнул, будто я его оскорбил. Алек нервно хихикнул.

– Эпоха инкубаторов прошла, Джейми. – Тай развернул пестрый веер визиток.

Моя робость обернулась агрессией.

– Это что, фокус?

Тай не дрогнул.

– Это демонстрирует нашу философию индивидуального подхода, Джейми. – В конце каждой фразы он вставлял мое имя – прием из учебников по НЛП[43].

– Каждый получает ту карточку, которую выберет. Наши клиенты – если можно их так назвать – получают компанию, которую выберут. Это символизирует, даже воплощает нашу корпоративную философию: многомерность, импровизация и ориентация на окружение.

– Умно, – Алек вытащил визитку. – Хм-м. Я розовую взял.

– *Выбрали* розовую, Алек, – поправил Тай. Вылитый гуру «нью-эйджа».

– А я просто возьму белую. – Я сунул карточку в карман и вручил Таю свежеоттиснутую визитку «МиЛ». Тот отмахнулся:

– Нет, спасибо, Джейми. Я их никогда не беру. От них одна путаница. И я хорошо запоминаю имена, Джейми. Кроме того, все, с кем нужно общаться… ну, мы удачно устроились. Обычно они сами нас находят.

Непонятно, воспринимать ли его всерьез. Ситуацию прояснил Алек:

– Сколько компаний ИДПП выпустили акции? – спросил он. – Пятьдесят?

– Вообще-то около сотни, Алек, – ответил Тай. – Но наши цели простираются далеко за пределы инкубатора. Каждая наша компания играет в системе ИДПП свою синергическую роль. Одни фирмы занимаются производством, от микросхем до маршрутизаторов, другие – брэндами и стратегией, кое-какие забавы со спутниками, несколько беспроводных порталов и, разумеется, весь спектр электронной коммерции и торговые гиды.

Метод сплошного полива.

– Судя по всему, тылы у вас прикрыты. – Я пытался быть вежливым.

– В том и дело, – продолжал Тай. – У остальных прикрыты те же самые тылы. Наш бизнес-план когда-то был уникален. А теперь по нему строят инкубаторы во всем мире. И у всех одинаковая РИ.

– РИ? – Я ожидал подвоха – вроде того, что популярен среди хакеров. Программисты используют выдуманные сокращения – проверяют, какой из тебя бакалавр. Если притворяешься, будто понял бессмысленную аббревиатуру, – все, выдал, что непосвященный.

– Рентабельность инвестиций, Джейми, – улыбнулся Тай. – И это вы должны ввести «Мохаус» – куда? В 1980-е, я правильно понимаю? – Идеальная колкость, балансирующая между оскорблением и шуткой.

– Так вас рентабельность не удовлетворяет? – предположил я.

– Она, разумеется, велика, но остальные догоняют. Кроме того, начинаешь трястись из-за РИ – все, ты покойник. Таков великий урок 2001-го.

– Вот, значит, чему мы научились?

– От приза глаз не отрывай. Мы сохраняем лидерство за счет конкурентных преимуществ. И потому наш директор задумал следующую фазу. – Ради эффекта и для поддержания сил Тай сцапал с проплывающего мимо подноса с закусками плюшку-малютку[44].

– Какую фазу? – Алек проглотил наживку.

– Ну, пресс-релиз выйдет только завтра, – отозвался Тай, выковыривая из зубов кусочек ветчины. – Вряд ли это кошерно.

– Ну и ладно, – сказал я. Тай блефовал. – Закрытая информация, лучше не разглашайте. – Компании вроде ИДПП объявляют о потрясающих сменах парадигмы примерно дважды в неделю. Особенно когда не происходит слияний или поглощений и рапортовать больше не о чем.

– Думаю, ничего страшного. – Тай притворился, будто уступает.

– Да нет, правда, – поддразнил я. Теперь я развеселился. – Я вовсе не хочу, чтобы из-за меня вы правила нарушали.

– Смотрите. – Тай пытался загадочностью раздуть свое откровение. – Только если вы обещаете ничего не предпринимать до открытия завтрашних торгов.

– Ну, не знаю, Тай. – Я замялся, будто меня грызут сомнения. – Мне сложно такое обещать. На вечеринке, да и вообще. Я пил, у нас в компании есть люди, о которых следует подумать.

Алек глянул сурово – я, наверное, перестарался. Повисла пауза.

– Неплохо, Джейми. – Тай сдал назад, впервые увидев во мне, по сути, соперника в очереди к кормушке[45].

– Весьма.

– Спасибо. – Я и впрямь был благодарен – Тай помог мне прийти в норму. – А теперь расскажите, что за фигню придумал ваш директор, идет?

– Ну, поскольку делать рывок в инкубаторах поздновато, мы решили сделать следующий шаг. В сущности – переход на метауровень. – Он заглянул мне в глаза. – Мы хотим создать инкубатор инкубаторов.

– То есть? – растерялся Алек. – Вы же говорите, инкубаторам конец?

– И мы поэтому переходим на следующий уровень, – закончил Тай силлогизм.

– Понял, – сказал я. Как ни противно мне сегодня это признавать, я и впрямь понял. – Борьба с товаризацией. Сегодняшняя гениальная идея – завтрашний серийный товар. Микросхемы были революцией, а сегодня их делают компьютеры и выпускают в Сингапуре на конвейере. Потом компьютеры, потом сети, электронная коммерция и все такое.

– Именно, – подхватил Тай. – Взгляните, что стало со всеми, кто в электронной коммерции. Если несколько компаний продают онлайн одно и то же, торговые гиды могут на лету сравнивать. Цены падают, маржа вместе с ними.

Меня несло, будто на стимуляторах.

– Фокус в том, чтобы окопаться в сфере бесконечных новаций, – заторопился я. – Уникальных идей. Потому такая шумиха вокруг инкубаторов. Компании высиживают идеи, а потом мечут их по новым компаниям. И ты в актуале.[46]

– То есть – пока все не начинают открывать инкубаторы. – Тай отрулил обратно к смене парадигмы. – И мы осознали, что можем стать новой бомбой, генерируя генераторы идей. Систематически. Будем выпускать три новых инкубатора ежемесячно.

– А если их еще кто-нибудь станет выпускать? – спросил Алек.

Очевидно, перспектива бесконечной регрессии Тая огорошила.

– Ну, Тай, – помог я, – наверное, тогда снова пора будет менять парадигму.

Мы все засмеялись. Каждый о своем.

– А вы лично чем в ИДПП занимаетесь? – спросил я. – Стратегией?

– Боже упаси, – Тай снова хрюкнул. Когда он хрюкает, ноздри у него, надо сказать, громадные. – Мы коллеги с Алеком. Я пиарщик. – И он отчалил.

«Это все объясняет, – подумал я, наблюдая, как Тай крадется поприветствовать директора по маркетингу баннерной сети. – Просто пиарщик. Но „стратегия“ от этого не лучше. Индустрия живет не миражами даже – фантазиями. Стратегия – не технологии, а предсказания и вылизывание картинок. А реальные технологии в основном рисуют картинки. Опять бесконечная регрессия. И что – они правда верят, что это сработает, или просто выход ищут, пока пузырь снова не лопнул?»

Алек на размышления времени не тратил. Пока я шевелил извилинами, он отловил еще одну шишку.

– Это же Тай Стэнтон был? – спросила новая Алекова жертва – лысый коренастый человек в жестком душном костюме. – Он же в инкубаторе сейчас, да?

– Если это значит притворяться, что ты не инкубатор, – ответил я, протягивая руку.

– Джейми Коэн, глава отдела интернет-стратегии. – Алек продвинул меня по службе. – Карл – коммерческий директор «Международных потребительских решений».

– Джейми Коэн, хакер? – с подозрением вопросил Карл.

– В прошлой жизни, – объяснил я, и мы обменялись визитками. На обратной стороне его карточки оказались японские иероглифы. – Вы отлично работаете, – добавил я, надеясь искупить свою мрачную репутацию. – Коммерческие сайты клевые. Вернули жанру занимательности.

– Ну спасибо, – проворчал Карл, – но клевом не позавтракаешь. Клиенту веселее – транзакций меньше. День не резиновый, глазочасов[47] не плюс-бесконечность, если вы понимаете, к чему я клоню. Нет пространства для роста. Потребительский сектор перенасыщен.

– Лучше об этом не кричать, – пошутил Алек.

– И как будете выкручиваться? – спросил я.

– Б2Б. Бизнес бизнесу[48]. Манипулировать маржой, добиваться продуктивности, никаких посредников по всей линии поставок.

– Пик Б2Б был в 99-м, – заметил Алек. – И еще в 2004-м. Потом Б2П, потом К2К, потом П2П… И цикл почти закончился.

– Но у нас хитро, – ответил Карл. – Мы это называем «Б2К как Б2Б». Да черт, как ни крути, буквально все в этом бизнесе. Вы гляньте вокруг. Даже люди – бизнесы, давайте так к ним и относиться. Получается уважительнее, чем если они просто потребители. Они участвуют в прибылях, лояльность брэнду выходит просто невообразимая. А мы целиком сосредоточимся на сокращении рисков, на совершенствовании хода сделок и на сетевых факторах.

– Каким образом? – спросил я. – У вас бизнес-транзакции похожи на потребительские или наоборот?

– Да нет разницы! В этом все дело! Новая модель: каждый клиент, делая покупку, зарабатывает кусочек нашей акции. У нас точка-комы продают что угодно – от авиабилетов до автомобилей. Покупаешь на наших веб-сайтах – получаешь акции сети МПР. Можно хранить на электронном счете, можно еще что-нибудь в МПР купить.

– Такая программа для лояльных пассажиров[49], – заметил Алек.

– Только зарабатываешь не мили. Акции. Потребители – акционеры. Покупают у собственной компании. И могут прямо в браузере, при покупке, отслеживать стоимость своей доли. Могут

даже заработать акции, включив нашу рекламу в свою переписку. Вирусный маркетинг. Вы бы видели наши пользовательские тесты. Запредельно.

Я был напуган и заинтригован – когнитивный диссонанс, к которому пора привыкать. С одной стороны, меня от этого мужика тошнило. Он не технологиями занимался, а бизнесом бизнеса. Но, с другой стороны, опошление бизнес-сетей меня восхищало. Мозг невольно вгрызался в концепцию. Играючи, разумеется. Мне внезапно жуть как захотелось жестоко парня отыметь[50].

– А вы не думаете открывать другие сети? – спросил я.

Алек заерзал – черт знает, куда меня снесет.

– А зачем нам другие? – удивился Карл.

– Ну, скажем, у вас в каждой категории есть лидеры – «Американ Эйрлайнз», «Макдоналдс», «Кока-Кола», «Херц».

– Ну да.

– Отлично. А что, если кто-то уже лоялен брэндам вторых номеров? Скажем, «Континентал», «Бургер Кинг», «Пепси» или «Авис»?

– Они перейдут в МПР. Неотразимая программа.

– Ага. – Я уже включился на полную катушку. – Пока «Бургер Кинг» и все прочие не откроют свою сеть.

У него забегали глаза. Нервничает.

– Мы их побьем. Мы потому и выбираем одних лидеров. – Карл чванливо рассмеялся и зашаркал по паркету мокасином от Бруно Мальи.

– А почему бы вам их к себе не взять? – спросил я.

– Мы не можем брать в одну сеть конкурирующие брэнды.

– Значит, вы создаете *вторую* сеть. – Я похлопал его по плечу. – Если в первой «Келлогз», во второй – «Пост» и так далее. Откройте вторую сеть со вторыми игроками. Если в первой «Тайм Уорнер», «Крест», «Майкрософт», «Кока-Кола», «Дженерал Моторс», «АТиТ», «Найки» и «Уолмарт», то во второй – «Дисней», «Колгейт», «Макинтош», «Пепси», «Форд», «Эм-си-ай», «Рибок» и «Кмарт». Еще можно открыть «народную» сеть – для тех, кто не считает, что лоялен брэнду. Скажем, «Мирамакс», «Томз из Мэрилэнда», «Линукс», «Доктор Пеппер», «Фольксваген», «Рабочие фонды», «Эйруок» и, ну, я не знаю, «Прайс-клаб». А часть клиентских акций идут, скажем, на благотворительность, чтоб потребителя по шерстке. Можно еще отдельную сеть для суперроскошных брэндов. Канал «Сандэнс», «Ментадент», «Эс-джи-ай», «Мерседес», «Люсент», «Донна Каран» и «Нейман Маркус»[51].

Карл выудил из пиджака крошечный «Палм» в кожаном чехле и теперь что-то кропал маленьким стилусом – по одной буковке,

отчаянно стараясь не отставать.

– Еще раз – какие брэнды в альтернативной сети? – спросил он.

С ума сойти – он всерьез меня слушал.

– Да неважно. – Я уже сам запутался. Все силы ушли на перечисление в одном порядке. Я решил, что можно закруглиться, скормив мужику его же словечки. Есть шанс, что он их сам не понимает. – Речь идет о повышении вашего РИ за счет сетевых факторов. Слушайте, вашими слияниями и поглощениями занимается «Морхаус и Линней»? Приходите к нам в офис, мы все обсудим.

– Нет. – Карл слабо улыбнулся. – С нами работает «СиС».

– Ну, – вмешался оппортунист Алек, – может, вам стоит подумать…

– Прекрасно, – Карл спрятал «Палм». – По-моему, большинство я успел записать. Спасибо. Пожалуйста, передайте привет отцу. – И он отвалил.

Алек кипел.

– Это что еще такое, Джейми?

– А?

– Ты вообще за кого? Они ведь так и поступят. И кучу денег сделают.

– Алек, мы же с этим не работаем.

– Мы *должны*. Тебя для этого наняли. Тут тебе не программерская конференция.

– Угомонись. Это был фантастический бизнес-план. Воплощать его никто не будет.

– Не об этом речь. Тут никто ничего не воплощает. Это просто идеи, Джейми. *Идеи*. Заставляешь людей инвестировать в идеи, доводишь до выпуска акций и даешь деру, пока никто не попытался эти идеи воплотить. Твои идеи принадлежат *нам*.

Глаза красные – того и гляди взорвется. Сопит, будто миниатюрный вьючной як.

– Ладно, прости. – Но Алек не успел ответить. Рядом раздался голос – такой знакомый, что я сначала и не понял, чей.

– Ассамблея подлинной инкарнации корпоративной машины проходит по расписанию, а?

Я развернулся. Джуд. В последний раз мы виделись в Атланте на конференции разработчиков компьютерных игр. Постарел на три года, но почти такой же. Густые рыжие волосы чуть поредели, курчавая рыжая борода чуть погустела, и все равно – тот же злобный и вдохновенный маньяк Джуд. Мне захотелось прикрыться. В костюме – но все равно что нагишом.

– Здесь ведь это и происходит? – Джуд зыркнул на меня а ля

Джек Николсон. – Преобразуем коммуникационную инфраструктуру в физическое обиталище корпоративных жизненных форм? Чтоб с глазами и ушами?

– Меня зовут Алек Морхаус. – Мои лучшие друзья – нынешний и бывший – обменялись рукопожатием.

– Очень приятно, Алек, – сказал Джуд, не спуская с меня глаз. Как перед выходом на ринг – игра в гляделки под напутствия рефери.

– Рад тебя видеть, Джуд. – Неправда, но я хотел, чтоб было правдой. – Я собирался позвонить, но совсем закрутился, а потом…

– Прошло столько времени, что ты с ужасом думал, как я отреагирую, – закончил Джуд, вырываясь из светской беседы.

– Ага. Видимо.

Алек, как всегда любезный, притворился, будто его позвал коллега, и нас оставил.

– Повышение РИ? – Джуд дал понять, что слышал все. Каждое слово моей ренегатской, корыстной риторики.

– Джуд, я эту аббревиатуру только сегодня выучил. Дым из ушей пускал, чтоб мужик отреагировал.

– Ну, где дым, там и клиенты, нет? Накачать мужика дымом через задницу, и он в воздух взлетит, как и все тут вообще. – Он замолк и огляделся, словно проверяя, чист ли горизонт. – Эти парни из МПР – нацисты, знаешь. Онлайн все есть. Обрати внимание, где были их деньги в 1939-м.

– Если обращать внимание, где были чьи угодно деньги в 1939-м, станет невозможно ни с кем работать.

– Что и требовалось доказать, – ухмыльнулся Джуд. Теорема по геометрии. – Что и требовалось, блядь, доказать.

– Ты совсем не меняешься.

– Да, мы такие, – огрызнулся он. – Ну, Джейми, и далеко планируешь зайти в услужении автоматонам?

– Кто бы говорил. Вообще ты какого хрена тут забыл?

– Ну как же, обожаю цирк. Кроме того, я решил, что ты здесь.

– А, конечно, – поддразнил я. – Ты, говорят, в последний список Кремниевых Звезд попал? – «Силикон-Эпли Ридер» ежемесячно составлял список пятисот самых влиятельных интернет-игроков.

– Ага. За журнал, – с вызовом ответил Джуд. Ну как же, его драгоценный хакерский сетевой журнал. – Но не по той причине, что большинство. Мы даже рекламу не берем.

– Тот взлом, после которого шесть коммерческих сайтов на четыре часа полегли… – Я притворился, будто меня осенило. – Кажется, про журнал в новостях писали? Что-то насчет

анонимного распространения софта для атак отказа от обслуживания?

– Никто ничего не доказал.

– Зато ты попал в рейтинг. Теперь прославишься.

– С DeltaWave пример беру.

Грубый удар. Грубей не бывает, если учесть, какую роль сыграл Джуд в моей поимке.

– Извини, мужик, – сказал Джуд. – Правда. Это же история древнего мира, нет?

– Ну, наверное. Я из-за вас, мудаков, как-никак в колледж попал. И даже сюда на работу.

– Вот за это и извини.

Ямайские Короли, как мы себя называли, может, и не имели в виду ничего подобного. Однако во всем виноваты они. Мы были как братья. Помню, я фантазировал, будто иду на пытки и даже на смерть, если возможность представится, только бы не выдать моих товарищей Секретной службе. Вот такая в нашей хакерской компании царила преданность. Обычно.

Мы вместе ездили на метро из Куинза в Штювезанд, в бесплатную школу для умных деток – Нью-Йорк ее открыл, отчаянно пытаясь удержать в системе хоть горстку бледнолицых отпрысков крупных буржуа. По «семерке» на Манхэттен ехать долго, и мы собирались в последнем вагоне, копались друг у друга в коробках с дисками и менялись ломаным софтом, который по ночам качали в Сети. Новые «аркады» – в основном компьютерные игрушки под эмулятор. Мы уже не тратили четвертаки на «Уличного бойца»[52] в «Стар-Пицце». Сунул диск в компьютер и играй, сколько влезет. Все, что находил или крал один, получали все Короли. Таков был закон: ни личного владения, ни личной славы. Все взломы и безобразия – заслуга команды.

Из-за конфликта интересов разрывался один я. Каждый год какому-нибудь старшекласснику поручали надзирать за школьной компьютерной лабораторией – и оделять остальных привилегиями доступа. Видимо, я заслужил доверие, и меня осчастливили этой желанной честью еще в предвыпускном классе. Мистер Ансворт, преподаватель информатики и заведующий лабораторией, даже выдал мне пейджер – для связи на случай сбоя системы. Моя тогдашняя квазиподруга этот пейджер раскрасила – непременный кретинизм власть предержащего уравновесился скейтбордистскими мотивами. Я был неплох – по правде неплох, – но явно не лучший из нас программист. Я просто успешнее прочих ломал школьную сеть и, может, менее всех был склонен обрушить систему потехи ради.

Так началась моя жизнь двойного агента. Днем я был хорошим мальчиком, которому доверили универсальный ключ к школьным кабинетам, полный доступ к компьютерам, власть над учениками и ключи криптосистемы Отдела образования. А ночью я был DeltaWave, самый молодой Ямайский Король.

Мы назвали себя так, хотя жили главным образом во Флашинге, потому что на оба района Куинза приходилась одна телефонная станция: если в один прекрасный день взлом отследят, имя группы собьет органы со следа и уведет на Ямайку. Кроме того, создавалось впечатление, что мы растафары с дредами (а на самом деле – еврейские подростки из Нью-Йорка). Все, кроме Эль-Греко, круглолицего армянина, получившего свое прозвище не из-за родословной, а потому что рисовал громадные картины на стенах подземных переходов. Что не мешало любым родителям спрашивать, к примеру, «кто в Астории продает настоящую баклаву?», едва Эль-Греко заявлялся на ужин.

Не мучай меня этика, может, удалось бы сохранить верность обеим сторонам и жить двуликим. Скрывать свою работу от Королей, не ставить в известность преподов. Все равно Короли действовали анонимно. Совершенно необязательно трезвонить. Но я каждый раз чувствовал себя предателем, сидя с мистером Ансвортом после уроков, работая над кодами шифрования и зная, что утром отдам их Королям. А среди хакеров я ощущал себя шарлатаном. Короли считали, что моя ежедневная игра в штювезандского Главного Программиста – прикрытие, не более того. Но в глубине души я наслаждался заработанной властью.

Я впал чуть ли не в контрафобию, постоянно делая промахи, – точно добивался разоблачения. Однажды похвастался мистеру Ансворту, что одной клавишей могу положить сервер Отдела образования. Издевался над Королями: мол, когда-нибудь все придете ко мне на работу проситься. Переживал, похоже, я один.

К весне моего предвыпускного класса Королями овладело бесстрашие. Не считая меня, все учились в выпускном. Всех, кто собирался в колледж, уже зачислили. Уроки наскучили, на оценки плевать, и Королям не терпелось приступить к нашему последнему совместному деянию. Проект, который нас увековечит: Абсолютный Взлом.

На все ушло меньше недели. Первоначальный план задумал Джуд, наш негласный лидер. Одни говорили, он потому лидер, что его остановка – первая на седьмом маршруте в сторону школы. Джуду как бы принадлежал задний вагон, а остальные просто в гости заходили. Другие объясняли Джудово первенство тем, что живет он в основном один. Его родители импортировали

из Шри-Ланки[53] тростниковые шляпы и все время катались за границу. Джуд круглосуточно располагал телефонной линией и единственным надежным сервером.

А может, в конечном итоге Джуд и впрямь заслужил место на верхушке неформальной иерархии. Ибо Джуд умел пугать. Когда не помогали мои улещивания, Джудово запугивание срабатывало наверняка. Он был рыжий, курчавый и первым из нас отпустил сносную бороду[54]. Еще он имел зловещую привычку цедить сквозь зубы и закатывать глаза – эта манера, позаимствованная из «Сияния»[55], убеждала парней покрупнее с Джудом не связываться. Как ни грустно, все мы, кроме Джуда, оставались наиболее популярными штювезандскими жертвами «подъемных кранов»[56] и «крюков»[57].

Шансов себя защитить у Джуда имелось не больше, чем у любого Короля (то есть ноль), однако Джуд понимал, что видимость – девяносто процентов власти, и превратил эту вывернутую аксиому в свое кредо. Он носил черную кожаную куртку поверх драной майки металлиста и безумствовал, едва припекало. Через несколько лет он уже будто сам писал законы и сам же был уголовником – ну, примерно. Посреди выпускного класса он перестал ходить на все курсы, кроме информатики и философии, и от поступления в колледж решил воздержаться. В общем, пока мы сидели в классе, готовились к сдаче академического теста на способности или выпрашивали рекомендации, у Джуда оставалось время на хакерство. И вел он себя теперь так, будто возвысился над столь мелочными, земными, ренегатскими занятиями. Как оно, в сущности, и было.

Вынырнув после одного достославного загула (бессонный-месяц-на-чужом-риталине[58]), Джуд предъявил успешный взлом «Microsoft Office»[59] – одного офисного приложения для рыночных исследований потребительской аудитории через Интернет. Потом Джуд с нашим альфа-нердом Рубеном написали под эту дыру крошечный почтовый вирус, который менял в «Офисе», что душа пожелает.

Мы дольше разбирались, как воспользоваться вирусом, чем его писали. Дискутировали, как завзятые талмудисты: «Если вирус повредит невинному, что станет с нашей кармой?» «Если человек использует продукцию „Майкрософт“, значит ли это, что он по умолчанию подставился?» «Что, если человек зависит от услуг кого-то, кто использует „Офис“? Нужно ли ему усложнять жизнь или даже все испортить лишь потому, что он невольно покровительствует юзеру „мелкомягких“?» И так далее.

Наконец, Джуд убедил нас, что «Майкрософт» – столь гибельная угроза свободному потоку информации и технологий,

что беспорядочный, спонтанный запуск вируса вполне сойдет за этически убедительную стратегию. И мало того: чем менее целенаправленна атака, тем меньше вероятность, что ее отследят.

Но поскольку вирус получат все пользователи «Майкрософт», поддерживают они очевидное стремление Билла Гейтса к мировому господству или не поддерживают, ущерб пускай будет чисто семиотическим. В каждый новый файл «Microsoft Word» вирус впишет единственную фразу: «Майкрософт – сосет». Грубо, но по делу.

План был таков: мы все запускаем вирус из восьми разных точек публичного доступа одновременно, в восьми разных электронных письмах. В одном говорится, что вложенный файл – порнокартинка с голой маленькой девочкой, в другом обещаны советы насчет покупки акций, в третьем – сертификат «на лотерейный выигрыш». Юзер пытается открыть вложение, и ему сообщается, что файл поврежден. А вирус тем временем заползает поглубже в «Microsoft Office» и самозапускается три дня спустя.

Судьба распорядилась так, что в субботу, когда планировалась атака, родители отправили меня в шул на бар-мицву сына влиятельного члена совета общины. По правде сказать, я был рад, что меня силой выдернули с поля битвы. В отличие от остальных, мне было что терять: аттестат для меня кое-что значил. В общем, пока остальные Ямайские Короли спамили[60] всю изученную интернет-вселенную, я танцевал хору в задней комнате ресторана Гольдштейна.

К вечеру меня так измучило чувство вины, что я не смог заставить себя явиться к Королям на полуночный разбор полетов. Я проворонил боевую тревогу и понимал, что меня ткнут носом: дескать, хороший мальчик, и стал бы дерзким хулиганом, да природа не позволяет. И пытаясь опровергнуть это обвинение, я совершил трагическую ошибку.

Я решил все же поучаствовать в атаке. Лучше поздно, чем никогда. А чтобы доказать свою преданность Королям, я вставил в код вируса свой хакерский ник. Если власти разберутся в самом вирусе, проанализируют код строку за строкой, они найдут угнездившееся среди команд слово «DeltaWave». Никто, кроме Королей, не знал, что это мой ник. Но он доказывал, что я больше них готов рисковать.

Разумеется, Короли это восприняли совсем иначе. Когда история появилась в заголовках, вирус DeltaWave превратился в синоним хакерского путча. Я фактически присвоил результаты общего труда. Такой грех не мог остаться безнаказанным.

За несколько дней до атаки мы с липового адреса послали предупреждение о вирусе продюсеру «Инсайдера»[61].

Она сначала не поверила, но после успеха – трех суток паники, пока «Майкрософт» не выпустила заплату, – возжаждала интервью с кем-нибудь из участников. Джуд выбрал для беседы веб-чат на публичном сайте и назначил меня представителем Королей.

Мне следовало догадаться, что дело нечисто. Я зашел в веб-чат из дома, с логином, который дал мне Джуд, не зная, что Джуд нарочно не стал использовать анонимный канал. Не успел я закончить тираду о движении открытых исходников[62], три агента Секретной службы уже колотили мне в дверь. Спасибо, не выломали.

Я впервые нарушил закон, я был несовершеннолетний и ужасно милый, по крайней мере, взрослые так считали. «Майкрософт» не улыбалось отправлять за решетку сладкого голубоглазого мальчугана со скобками[63] на зубах и темной волнистой шевелюрой (на судебные[64] заседания я надевал ретейнер). Корпорация рекомендовала судье приговорить меня к году консультаций и чуточке публичного унижения. В школе я лишился привилегий доступа. Меня заставляли ходить на телевизионные ток-шоу и рассказывать об опасностях хакерства.

Поначалу я был само раскаяние. Извинялся за неприятности, которые причинил, с должным сожалением толковал про интернет-зависимость. Но вскоре я уже больше рассуждал о могуществе человека за клавиатурой, чем о пороках, которыми это могущество чревато. Еще немного – и я стал громогласным сетевым прозелитом, я расписывал замысловатые видения сетевого общества, что грядет для подключенной американской молодежи.

Мою пылкую диатрибу в «Мире Риверы»[65] услышал член принстонской приемной комиссии. Он предложил мне полную стипендию новой программы по информатике. Я получил контрамарку в Лигу Плюща, попавшись за вирус, которого даже не писал! В конце концов, признайся я, что это не моя работа, пришлось бы назвать подлинных злоумышленников.

После учебы я получил несколько заказов на создание концепций сетевых игр для стартапов из Бостона, Лос-Анджелеса и Торонто. Все эти компании взлетали, а затем рушились, не успевал я набрать опционов. И до меня дошло: я вовсе не в компьютерной игре. Настоящие сетевые игры – у брокеров, инвесторов-благодетелей и директоров. Вот это – настоящая игра. Вместо сценариев для «ПлейСтейшн» лучше сочинять сценарии для бизнес-планов.

Что самое поразительное, Джуд, похоже, вовсе меня не осуждал и тоже рассчитывал сыграть.

– Я тебе хочу показать кое-что. – Он доверительно ко мне склонился. Я видел, как неуютно ему в роли просителя.

– Что? Где?

– Нет-нет, не здесь. Новая примочка, мы с парнями сочинили. Думаю, тебя заинтересует.

– Ты что имеешь в виду? У тебя бизнес-проект? – Я хотел, чтобы он сознался. Сознался, что хочет быть в актуале.

– Да, но он покончит со всеми бизнес-проектами, – несколько таинственно отвечал Джуд. – Увидишь – поймешь, о чем я.

– Увижу? Вы по правде что-то написали? – хихикнул я. – Судя по всему, это последнее, чем мы тут занимаемся.

– В этом разница между вами и нами.

– Нами?

– Мной и Рубеном в основном. Эль-Греко вначале помогал, но теперь где-то работает.

– Эль-Греко в Нью-Йорке? Где он? Все такой же толстый?

– Приходи – увидишь, – поманил Джуд. Такое впечатление, будто он взаправду хочет, чтобы я к ним присоединился. Взаправду скучает по мне, как я ревниво скучаю по нему. – У Греко работа в Джерси. Коммерция как развлекательное ПО или развлечения как коммерческое ПО. Забыл, как правильно.

Я улыбнулся, вспомнив славного Эль-Греко, – как он ходит вразвалочку по старому району, а под фуфайкой звякают банки с красками.

– Он был лучше всех.

– *Мы* были лучше всех.

Какое-то мгновение я был не прочь послать к черту весь этот мир лоснящихся костюмов и пластиковых стаканчиков, вернуться к хакерам, где мне и место. Там дешевые квартиры, а до соседей всего один пролет.

Но тут я увидел ее, и лазейка для мысленного побега внезапно захлопнулась.

– Э… Джуд, – я попытался закруглить разговор. – Я тут, пожалуй, займусь кое-чем.

– Клево. Я погляжу.

Я только сейчас заметил, во что он одет. Драные джинсы, потрепанная черная майка. Не знаю, покажусь ли я Карле крутым с такими знакомыми или меня навеки заклеймят как прохвоста.

– Нет, ну то есть – делами займусь. Они же мне зарплату платят. – Я пожал Джуду руку и похлопал по плечу.

– Нормально, занимайся делами. – Он не двигался, а Карла меня уже засекла. Теперь пробиралась через толпу. Мои вселенные вот-вот столкнутся.

– Она кто? – спросил Джуд.

– Ну, мой босс, видимо.

Я раньше об этом толком не думал, но Карла Сантанджело, глава отдела интернет-стратегии, была моей непосредственной начальницей – во всяком случае, пока. Менеджер фондов, лет за тридцать, энергичная, самолюбивая и оттого преуспевающая, выбралась из околотехнологической товарной биржи и оказалась посреди кибер-интеллектуального вакуума фирмы. У Карлы имелись мозги, красота и оптимизм – достаточно для успеха если не на Уолл-стрит, то на Кремниевой аллее, – однако отсутствовало чутье. Карла не сознавала, что делают сети с рынком ценных бумаг, и пользовалась устаревшей статистикой вроде оценки акций через доходы. Она знатно поистрепалась в период спада после биржевого интернет-бума, и ее стремление заполучить мои мозги тормозилось только угрозой, которую человек вроде меня представлял для ее должности.

Во всяком случае, так я объяснял ее романтические – иначе не скажешь – поползновения со дня моего прихода в «МиЛ». Алек представил меня главой отдела интернет-стратегии, но я был аналитиком низшего звена – в «МиЛ» таких сотни, в интернет-отделе Карлы – по меньшей мере десяток. Она пудрилась передо мной за столом переговоров и часто поглядывала мне в область промежности – я так понял, туману напускала. Мускулами поигрывала. Посредством сексуального устрашения держала парней на коротком поводке. С другой стороны, я понимал, во что такая подруга способна одним ударом превратить мою карьеру и сексуальную жизнь. Но подобные мысли я гнал из принципа. Мною не попользуешься.

Кроме того, Карла для меня – слишком нервная. Днем она носила шелковые блузки с толстенными подмышечниками, выдававшими беспрестанную тревогу, и квадратные очки в роговой оправе, которые подчеркивали ее панический отчаянный взгляд. Вьющиеся черные волосы собирала в тугой узел, и к четырем-пяти часам из него выбивалось столько прядей, что Карла напоминала ведьму только-только с электрического стула. По крайней мере, так я твердил себе всякий раз, углубляясь в фантазии о том, какие части моего тела поместятся меж ее обширных грудей. Нет. Она злобная, требовательная, истеричная сука.

Но сегодня она сняла очки, вставила линзы, и волосы падали ей на плечи. Лепные итальянские черты словно отчасти поглотили ее неистовую энергию, а длинная темная волнистая грива рассыпалась гимном спонтанности. Вдобавок Карла надела свободное пастельное платье, гибко закруглявшее движения.

Разумеется, я хотел ее – во всяком случае, пока ей не надоем.

Или джин наконец подействовал.

– Ну вот что, Коэн. – Джуд вывел меня из транса. – Так и быть, тебе не придется нас знакомить и краснеть – если обещаешь устроить мне в «МиЛ» презентацию на той неделе.

– Ничего я не краснею… – начал было я, но Карла надвигалась, и решение показалось разумным. – О'кей, Джуд. Заметано.

– Звякни. – И Джуд исчез в толпе.

– Приветик, Коэн, – Карла ткнула меня плечом – равнодушно, будто просто хотела оглядеть зал с моей точки обзора. – С кем трепался?

– Да так, старый друг, сосед. – Я разглядывал ее профиль, пытаясь расшифровать выражение лица. Непроницаема.

– С кем общался? – спросила она. – Чему научился?

Господи, порой я ею и впрямь восхищался.

– Тай такой-то из ИДПП. Карл какой-то из «Потребительских решений». – Я решил, что визитки лучше пока припрятать.

– М-да, *весьма* специфично.

– Ничего нового, – признал я.

– У нас есть способы тебя разговорить… – Карла повернулась ко мне и сощурилась. – Говорят, ты представляешься главой отдела, Коэн.

– Это не я, это Алек. Ты же знаешь его подходцы.

– Да, но *твоих* подходцев я пока не знаю, Джейми.

Лицо в нескольких дюймах от меня, и тяжело дышит. Поменяйся мы полами, я бы как пить дать выиграл иск о сексуальном домогательстве. Но я терпел ее авансы, поскольку они давали мне повод в ее присутствии возбуждаться – что я, собственно, и делал. К тому же не исключено, что я просто похотливый кобель и все понимаю превратно. Может, для меня каждый ее жест – подначка, потому что мне трудно подчиняться женщине. Красивой притом и знающей о технологиях меньше моего.

О'кей, я хотел ее тело, но ее должность я тоже хотел.

– Ну как, похвасталась акциями этой вашей домашней безопасности? – спросил я. Не стоило издеваться над ее работой, но я ужасно напрягся, и так получилось.

Все в фирме, и Карла в том числе, прекрасно знали, что я думаю насчет последнего ее проекта, для которого «МиЛ» выступал андеррайтером. Я думаю, что он недальновиден и обречен на провал. Компания «МойПривратник.com» запатентовала программу для настройки домашних систем безопасности через Повсеместно Протянутую Паутину. Скажем, человек сидит в конторе, а к нему домой пришли: на экране

выскакивает окошко с фотографией гостя. И дальше пользователь может удаленно впустить в дом родственника, друга или курьера. Система даже позволяет создавать «виртуальную подпись». Требуется специальная видеокамера: через последовательный порт подключаешь ее к домашнему компьютеру и направляешь на дверной проем. Согласно бизнес-плану устройство высылается подписчикам бесплатно, если те позволяют фиксировать имена гостей и собственные решения в базе данных компании для маркетинговых исследований. Таким образом, за юзера платишь 470 долларов с лишним, а прибыли – ноль.

– Это не хвастовство, – окрысилась Карла. – Это называется разрешительный маркетинг. Сетевые факторы. Все программируют системы безопасности по нашим стандартам, и можно людей как угодно изучать. Реклама, специальные предложения, широкополосные сети. – Она приосанилась. – Это честная игра, Коэн, и лучше бы ты ее не портил.

– Прости, Карла, но мне трудно представить, как этим прибамбасом пользуется моя мать.

– И ты прости, Коэн. Не думала, что твоя интернет-стратегия основана на потребительском спросе жены раввина в возрасте за полтинник.

Вот гадина. Насчет жены раввина особенно. В последние месяцы в газетах все чаще пишут, что сторонники левых убеждений или религиозные (не только евреи – еще активисты, экологи, спецы в политике, администраторы бесплатных школ и защитники прав потребителя) – препятствие для роста валового национального продукта. Они (вместе с возросшим интересом к реальным доходам) и виноваты в коррекции 2001 года – великом коллапсе слепой веры.

И к тому же безработица ниже двух процентов, минимальная зарплата парит над уровнем бедности. Инфляция. И все опасаются, что Эзра Бирнбаум, председатель Федеральной резервной системы и (так уж вышло) еврей, увеличит процентные ставки за счет нужд капитала.

В подобные моменты я чувствую, что оба лагеря против меня.

– Господи, Коэн, расслабься. – Видимо, Карла по моему лицу поняла. – Я шучу, ясно? Остынь.[66] Это просто бизнес.

Просто бизнес. Вечно я забываю. Карла, похоже, за свою должность не опасается. Говорят, она практикующая католичка, записная демократка со связями в министерской программе «новой медийной грамотности». Плюс женщина, а в моей – да, предвзятой – системе мироустройства это означает, что она экипирована для кормления людей. Как она при этом ухитряется корпоративного монстра питать? Как она вообще все это видит?

Я надеялся разнюхать. Да еще избежать очередной ночи в доме родителей (я жил там, пока не готова оплаченная «МиЛ» квартира). В общем, я решил переспать с Карлой.

2
Тварь

Машина сцапала меня острыми алюминиевыми челюстями и вот-вот прикончит.

Как же это меня угораздило? Основная Сеть вышла онлайн первой, я потому в нее и записался. Хотел перейти в другую, едва найдется подходящая. Но, не успев нажать на сайте кнопку «Согласен», заподозрил, что совершаю ошибку.

Я указал, чтобы дивиденды поступали электронными деньгами, которыми только в сети и расплачиваться. С каждого доллара, потраченного на межгород, я получал десятицентовый кредит. Если пообещать, что будешь пользоваться только «АТиТ», дивиденды возрастают до четвертака. С авиаперелетами то же самое. Пока я летаю одной «Американ Эйрлайнз», на каждую милю мне капают две. Та же петрушка с «Э-Трейд», «Найки» и «Кока-Колой». Поначалу несложно, моя «Виза»[67] так запрограммирована, чтобы не платить за «Пепси» или «Рибок». Не ошибешься, даже если очень хочется.

Когда открылись вторая и третья сети, программа стимулирования стала чуть навязчивее. Мои приятели из Куинза в основном предпочли Народную Сеть, Алек и коллеги из «МиЛ» – Группу Люкс, а родичи вообще решили не подписываться. Сети росли, боролись за конкурентные преимущества и начали препятствовать смешению.

Не проблема заказать колу, когда приятели пьют «Снэпл», или слетать на похороны на «Американ Эйрлайнз» и потом встретиться с семьей, которая летела «Юнайтед»[68]. Но едва к сетям прицепили политические партии, частные школы и поликлиники[69], потребительское пространство обернулось зоной военного конфликта. До того дошло, что запрещалось смотреть кино вражеской студии или – еще хуже – поступать на работу в неподключенную к сети компанию. Телефонные звонки клиентам конкурирующих сетей стоили втрое дороже.

Когда я наконец решил сменить сеть, было уже слишком поздно. По договору, в первые десять лет я мог выйти из сети, лишь вернув все полученные дивиденды – наличкой. Я заработал и потратил более 50 тысяч долларов в дивидендах, так что это был не вариант.

К счастью, возник черный рынок – там продавались липовые идентификаторы для неавторизованных сделок. Я мог ходить с родичами на мероприятия, не связанные с Основной Сетью, а с

друзьями – в незарегистрированные клубы. Так делали все, и придраться к таким нарушениям практически невозможно.

Почуяв, какие деньги утекают в незаконные транзакции, сети пошли во всеамериканскую атаку. Министерство торговли и прочие структуры, которым вроде полагалось принимать меры, съежились до сувениров из прошлого, и потому сети сами диктовали правила. Вычисленных и пойманных нарушителей лишали всех привилегий и отправляли на принудительные работы в какую-нибудь подключенную компанию.

Движение сопротивления росло и ширилось, но и простимулированная мощь комитетов бдительности тоже. Любому, кто успешно стукнул на соседа, выдавали десять тысяч долларов кредита. Нарушать мудрено, однако возможно: мелкие лавки по-прежнему с радостью вели несетевой бизнес – его можно было не оформлять. Не то чтобы налоги душили, просто многие разорялись – не выдерживали обязательных комиссий с продаж сетевой продукции.

Я приучил себя использовать идентификаторы только в крайних случаях, но сейчас, решил я, – просто край света. Карла сказала, у нее аллергия на презервативы из латекса[70], требовались органические резинки, а их выпускала компания из Народной Сети. Кроме того, я в этом самом погребке уже покупал без осложнений какие-то мелочи. Проще спереть три штуки в упаковке, чем воспользоваться липовым идентификатором, но неохота воровать. Про это есть настоящий закон. В Библии, через один после «не убий».

Для начала я осмотрелся. Старушка читала журналы, а Джуд присматривался к диетической коле. Все чисто. Я вытащил наличку и поддельный идентификатор. Кто знал, что меня выдаст лучший друг?

Видимо, Джуд тайком щелкнул по кнопке тревоги на пейджере, послав сигнал в ближайшую машину полиции Основной Сети. На входе в магазин уже опускалась металлическая решетка, в дверном проеме замелькал луч фонарика. Ныряя под железные шипы, я оглянулся и увидел Джудово лицо. Джуд скрипел зубами и тыкал в меня пальцем – злобно, с упреком – дескать, *как ты мог?*

«Как я мог? – думал я, мчась по холодным узким улицам. – Как *он* мог!» Но оплакивать предательство не было времени. Полицейская машина приближалась. Я сунул руку в карман – выкинуть бумажник с транспондером для «Визы», но не успел. Машина выстрелила «кошкой» и намертво прихлопнула транспондер, попутно вцепившись мне в пах.

Провод змеей обвил мне бедра и медленно потащил меня к

распахнутым челюстям машины, к сотням пластмассовых языков-щупалец внутри. На каждом – свой логотип, все разом прицепились мне к паху и давай сосать. Жизнь из меня высасывали. Я знал: когда машина закончит, я уже и человеком-то не буду. Я орал от боли, но звука не получалось. Щупальца сосали, вливая мне вместо крови какую-то белую жижу. В паху чудовищно напряглось, против моей воли стало расти, и наконец из штанов вырвалась пугающая эрекция.

Тут-то я и понял, что это был сон – и осознал, чья голова скачет у меня между ног. Карла. Я, видимо, отрубился, едва кончив. Теперь она сосала меня, надеясь до утра проскакать еще раз.

Шмаль.[71] Мы ведь шмаль курили, так? В этом дело, не иначе.

– Ммм, – простонала Карла. Прилежная, порнофильмы смотрит. – Мммм, – повторила она тоном ниже. Заглянула мне в глаза и облизнулась.

Я откинул голову – дабы скрыть ужас и симулировать страсть. Не успел я и глазом моргнуть, Карла уже меня оседлала – не открывая глаз, утонув в своем мире.

Вот и славно. Я остался в своем. По кусочкам собирал вечер, который вот так закончился. Считал бокалы между первой встречей с Карлой и второй, у гардероба, когда ее рука скользнула мне в карман, гладя вставший член[72].

Как она туда попала? Собранные визитки подсчитывала, что ли?

Мы чуть-чуть потрепались, слегка пофлиртовали, затем разделились – обработать побольше народу. Я опять наткнулся на Джуда, осушил, видимо, еще два джина с тоником, познакомился с чередой точка-комеров. Каждый выдумал новый способ максимизировать РИ, минимизировать риск, расширить сектор рынка или сузить конкурентную среду.

Потом Алек пытался мне что-то сказать. Мы забились в угол, бизнес-шабаш достиг крещендо. Алек бубнил про школу и как он чуть не утонул, но у него заплетался язык. А зал уже слегка вертелся. Потом стал вертеться чуть быстрее.

В разговорах я различал лишь отдельные слова. Сетевые факторы. Навязчивость. Серверный зал. Купленные опционы. Покупка опционов. Тут-то все и началось. У противоположной стены я увидел Тая – губы шевелятся со скоростью миля в минуту, без сомнения, «конфиденциально» выбалтывает про систему метаинкубаторов. А напротив него Карла – возбужденно читает помощнику записи с «Палма». Оба пускают слюни и хлопают друг друга по спинам.

Буйная орава пижонов слилась в единый многоголовый организм. Я различал его отражение наверху, в кусках майлара. Мы – будто стадо, всей толпой куда-то несемся. Между мощными глухими басами, что грохотали вокруг, каждая гигантская пасть вопила свое. Казалось, женщины визжат, а мужчины улюлюкают.

Алек посмотрел на меня. Встревожился или еще не досказал про колледж? Не поймешь. Плевать. Выбраться бы. Вернулась Карла – все равно удачнее повода не найти. Она примостилась ко мне по обыкновению этак уклончиво, мол, как хочешь, так и понимай, и я решил послушаться. Как хочу, так и понять.

Наклонившись, я чересчур слюняво поцеловал ее в губы. (Если что, скажу потом, что был пьян, – вот чем прекрасно опьянение.) И предприняв этот смелый шаг, я тут же почувствовал, что карусель вокруг замедляется. Какофония в голове смолкла, голоса уползли в свои беседы. То ли я вырубил в игре звук, то ли слишком глубоко нырнул и теперь не слышал.

Мы собрались за плащами, вежливо помахали Алеку. Тот стоял, всеми покинутый. Я попытался оглянуться – завтра поговорим. Но Алек вяло показал большой палец – мол, валяй, чувак, – как на тусовках в Доме Плюща, наш знак на случай, если кто-то умудрялся залучить наверх пьяную первокурсницу.

Я примерился к Алековой стратегии толпорезки, но меня размазали по стенке два голландских дизайнера мобильников, чуть не плюнувшие мне в лицо:

– Ты что о себе думаешь, а?

Карла меня спасла. Ее скорее восхитила моя попытка произвести впечатление, чем ужаснула беспомощность. Карла улыбалась, точно маленькая девочка, стояла очень близко и терлась щекой об мою шею.

Я влип по самые уши. Надеясь, что кошмар испарится, я заговорил про бизнес. Может, мое подхалимство ее остудит. Я почтительно отрапортовал, как замечательно хвалил нашу компанию и с какой кучей народу перезнакомился. Тут-то Карла и закопалась ко мне в карман в поисках визиток, и когда хрен у меня встал, обратной дороги не было.

Однако мое стратегическое отступление к корпоративной иерархии задало тон на остаток вечера. Карла, впрочем, ничего другого и не допустила бы. Даже когда она скакала на мне верхом, я ощущал себя не будущим бойфрендом – скорее наемником. Она брала, что ей требовалось, так Алек брал коктейль с подноса официантки: словно живая барышня – лишь деталь подноса, обеспечивающая передвижение, – колеса, например. Так Карла обращалась с теми частями меня, что не приходили в непосредственный контакт с ее эрогенными зонами.

Мелькнувшая было ранимость улетучилась. Теперь Карла делала дело. В этом есть свои плюсы: она точно знала, чего хочет.

И она была по-своему красива. Чуть тяжеловата без одежды – тяжелее, чем я воображал, и груди свисают на живот. Но ведь настоящая самка так и выглядит. Не бойкий ребенок, а женщина тридцати с гаком, которая все обвисшее компенсирует беззастенчивой решимостью кончить во что бы то ни стало[73].

И на том спасибо: я-то был способен разве что член не уронить. Я понимал, что больше не кончу – мысли совсем куда-то унесло, – но если продержусь и Карла успеет, мы заснем, а утром я разберусь, как эта ночь повлияет на всю мою оставшуюся жизнь.

Утро и впрямь наступило. Я лежал на животе, меня разбудило солнце из зеркальных окон на противоположной стене длинной студии. Я отвернулся и зажмурился. Вжался лицом в мягкую наволочку. Толстое, плотное белье. Словно гигантская салфетка из ресторана отеля «Плаза». Я вытянулся, голой кожей впитывая эту мягкую плотность. Никогда не испытывал ничего подобного – разве что в те каникулы у Морхаусов. Где эти люди берут такое белье? Меня будто в рубашку «Брукс Бразерс» запеленали.

Ну точно. Лежу голышом у Карлы в пуховой постели. Вечерний кошмар почему-то поблек. Странно – я чувствовал себя невинным и свободным. Я повернулся к свету и чуть-чуть приоткрыл глаза: вот Карла, сидит за столом, курит, кофе пьет, читает доставленные в субботу секции воскресных газет. Такая компетентная, такая просвещенная – в очках, нога на ногу, аккуратно листает страницы, чтоб краской не запачкаться[74].

Я лежал себе в постели – игрушка в хозяйкиной спальне, готовая выполнять приказания. Освежает. Ни решений, ни ответственности. Просто повинуйся.

Кем мы станем друг для друга, спрашивал я себя, разглядывая партнершу. Может, мы влюбляемся? Можно ли уже считать нас «парой»? Что скажут мои родители, узнав, что Карла не еврейка? Какой она будет матерью? Смогу ли я отказаться от квартиры и переехать к Карле? Или это был одноразовый перепихон с женщиной, которая, так совпало, со мной вместе работает; а теперь мы пожмем плечами и забудем: пьяное стечение обстоятельств, две молекулы в мензурке ненароком столкнулись при нагревании?

Как ни странно, я надеялся, что нет. Этот мир теперь мой, объединиться с Карлой – разумно. Я ей тоже окажусь полезен. Сглажу ее обтрепанные кромки, трезвым взглядом на технобудущее укреплю ее деловые инстинкты. Нам удержу не будет. Победители. У меня есть работа и подруга – и все

благодаря Алеку. В таком случае, откуда эти жуткие сны?

Я скатился с кровати и минуту постоял перед антикварным зеркалом, изучая голого себя в полный рост. Руки – на вид сильные после ночных трудов, да еще с царапинами от Карлиных ногтей, член привстал – пережитки утренней эрекции. Я решил подобраться к Карле уверенно нагим. Прошел через сводчатый дверной проем в большую комнату и замер перед Карлой. Она увлеченно изучала новости искусства. Я взял ее кружку с кофе и отхлебнул.

– Эй! – Она отняла кружку и рукавом вытерла край. – Возьми себе сам.

Отлично. Я принял этот вызов, встал у Карлы за спиной и положил руки ей на плечи. Утренний минет – еще в пределах досягаемости. Я нежно массировал Карле шею.

– Ты что делаешь? – спросила она, дернув плечами.

– Ты напряжена.

– Мне так нравится. Напряженно.

Я сдался и пошлепал к кофеварке.

– А чашки у тебя где?

Она наконец подняла голову и увидела меня – голого, посреди ее кухни.

– Слушай, Джейми. – С размеренной такой модуляцией. – Я сегодня развлекаться не могу, у меня дел полно.

– Клево. – Я сам удивился, до чего стало обидно. – Мне до полудня надо с дизайнером встретиться в новой квартире.

– Вот и славно. Нет времени на неловкий завтрак.

– Не говори так. – Ну конечно: она предположила худшее. Что мне на нее плевать, что она для меня слишком стара, что мы по пьяни сделали глупость, что я попросту проебываю себе путь наверх. Надо ведь разубедить. – Знаешь, кажется, я в тебя по правде втюрился.

– Отсюда и неловкость, Коэн. – Она сгребла кофе, газету и пепельницу и направилась к террасе. – Кружки над раковиной. Полотенце на вешалке в душе. Когда закончишь, вытри им пол и кинь в корзину.

Кофе и душ я пропустил, оделся и застыл посреди впечатляюще обустроенной квартиры, не понимая, что делать. Шагнул было к террасе попрощаться, но Карла, наверное, меня услышала. Не отрываясь от газеты, помахала – «пока-пока».

– До понедельника, – бросил я, хотя внутри уже кипел. Я развернулся и вышел – как мне теперь чудилось, с места преступления, где я оказался невольной жертвой.

Ну и ладно. Я прошествовал через вестибюль, подмигнув швейцару, точно мы с ним товарищи по борьбе с правящим

классом. Ухмыльнулся ему как мог красноречивее – мол, «я выеб богатую жилицу» – и вышел на солнечную улицу.

Ясное мартовское утро, только ветрено. Зимы уже не такие, как раньше[75], и дети шастают по улице в шортах. Я шел вдоль Грамерси-парка. Пара с двумя детишками в шмотках от «Малышовой Бреши»[76] вошла через железные ворота и закрыла их за собой. У Карлы наверняка тоже ключ есть. Сука.

А я-то фантазировал, как перееду к ней! Что я тут забыл, в этом идиотском выпендрежном квартале? Я переезжаю в новейший, самый что ни на есть настоящий, взаправду крутой район: в Обри, недавно переименованный уголок нижнего Ист-Сайда, как раз над Уильямсбергским мостом.

Художники, пуэрториканцы, панки и рейверы – все живут в домах, где сто лет назад обитали мои еврейские предки. Секция «Нью-Йорк Таймс» про недвижимость, в отличие от агентов, размещавших в ней объявления, уверяла, что Обри – «следующая бомба». В процессе Обри стал бомбой. Я получил квартиру с двумя спальнями в старательно отреставрированной достопримечательности – раньше то была вторая по возрасту синагога на Манхэттене.

«Святилище» – так назывался новый кондоминиум[77] – строилось с расчетом на растущую популяцию интернет-миллионеров. Весь дом опутывали современнейшие мультиплексные кабели, в стенах и потолках, куда ни сунься, – динамики «Долби» плюс джакузи, сауны и пять стандартных стилей оформления: колониальный, космополитический, ретро пятидесятых, токийский модерн и Ральф Лоран[78].

Приборы, коммуникации и детали обстановки квартир управлялись с центральной консоли, подключенной к мини-суперкомпьютеру в стенном шкафу. Консоль отвечала за все – от подключенных мониторов безопасности с веб-доступом и ирригационной системы для домашних растений до смены коллекции художественных полотен на жидкокристаллических дисплеях – высокое разрешение, видеорепродукции оригинальных работ мастеров, арендованы с повременной оплатой через «Майкрософт-Лувр». Распознавание внешности и биометрическая система считывания отпечатков пальцев избавляют жильцов от нелепых колец с ключами, вестибюль и коридоры патрулируются минимум полудюжиной охранников – опять же полная безопасность по пути в тренажерный зал, на гидромассаж или в обогреваемый бассейн на крыше. Архитекторы изгалялись как могли, изобретая многочисленные удобства «Святилища» и выдумывая, как бы интернет-богачам еще потратиться, консультировались с психологами, которые специализируются на

ТСБ – текущем синдроме богача. И всего от двух с половиной лимонов за студию.

«А вот интересно, – думал я, шагая по району, который через пару дней станет моим, – сколько нужно времени, чтоб эти развалины присоединились к городскому возрождению». Как ни поразительно, местные жители, очевидно, прогресса не желали. Когда строители начали рыть под «Святилище» котлован, протестовать явилась тысяча с лишним человек. Почему они сопротивлялись созданию, считай, районной дойной коровы? С таким зданием только растет стоимость окрестной собственности. «Тайм» писал, что активисты – в основном художники и сквоттеры – живут на родительские подачки или на пособие, а протестуют по всевозможным невнятным причинам – какое-то культурное разнообразие и угроза глобального капитализма. Наверняка в конечном итоге они лишь хотели через оставшиеся законы о контроле аренды сохранить в силе собственные расчудесные договоры.

А если это просто семьи, которые опасаются, что их выкурят из их района, – ну, очень жалко. Но кто в здравом уме воспротивится городскому обновлению, что периодически охватывает Нью-Йорк еще с 1990-х? Местным жить стало безопаснее и гораздо комфортабельнее, уверял я себя. Те, кому не нравится или кто не может себе позволить жить тут, пусть переезжают в пригороды. Может, меня самого уже одолел ТСБ.

В двух кварталах от «Святилища» протянулась длинная очередь бездомных с целыми тачками и магазинными тележками мусора. Как в старые времена, когда бродяги сдавали жестянки и бутылки и возле магазинов стояли в очередях за деньгами.

Я добрался к началу очереди: гараж мусороуборочной службы. За компьютерными терминалами сидели пять муниципальных сотрудников в форме. Бездомные описывали свое добро в тележках.

– Что они делают? – спросил я старуху с парой мешков одежды.

– «Э-бмен»[79], – объяснила она. – Записываешь свои шмотки, в понедельник приходишь и смотришь, кто их купил.

Видите? В этом все увязли. Все в игре. Я ее развиваю – и все поголовно в шоколаде. Никаких минусов.

– Ну так для вас же это прогресс? – с надеждой спросил я. – На это прожить можно?

– Хуй мне в рот[80] дороже выйдет! – загоготала она, распахнув беззубую пасть.

Несколько парней и одна девчонка в оранжевых кепках и с флаерами в руках бродили вдоль очереди и с энтузиазмом

агитировали за новые рабочие места на «последней миле» сетевой доставки. Бездомные в ответ равнодушно пожимали плечами. Людей с флаерами, зазывавших на работу последних городских безработных, это не смущало.

Даже у неимущих есть шанс – во всяком случае, так я себе твердил. Сетевая Революция многих выкинула на обочину, это правда, но в то же время создала новые возможности. Впрочем, один бездомный, крупный негр в розовом кашне, не уверовал.

– В чем проблема? – В голосе его мешались сарказм и откровенная злоба. – Закончились рабы для доставки фигни богатеям?

– Присоединившись к «Последней Миле», – с широкой улыбкой возразила девушка, – вы сами *станете* богатеем! В нашей компании опционы получает каждый сотрудник независимо от его роли в цикле реализации[81].

– Ага, вот *это* реализуй, – сказал негр, выставляя средний палец. Потом заорал остальным: – Народ, слыхали, а?

Я тихонько попятился от пробуждающейся толпы. Видимо, не всем охота заполучить делянку в интернет-будущем.

– Чтоб мы продавали хлам – этого они больше не хотят, – вступил еще один. – Хотят, чтоб мы его *таскали*.

– Да нет же, нет, – взмолилась девушка. – Это ведь шанс. Вы что, не понимаете? Я сама курьером начинала.

– И глянь, девка, во что влипла, – крикнула старуха. – Впариваешь лабуду таким, как *мы*!

– Ты нас из очереди не вытуришь, – в перепалку вступил другой бездомный. – Я тут с восьми утра торчу.

– Я пытаюсь помочь вам найти что-нибудь получше, – сердито всхлипнула девушка. Она и ее коллеги сгрудились вместе, а толпа постепенно смыкалась вокруг.

– Слыхали, ага. – Негр прямо плевался словами. – У нас, леди, своя доля имеется. У нас организация. Покровители. Мы электронной коммерцией занимаемся, усекла? Мы коммерсанты, а не мулы. – И он принялся скандировать эту нелепую фразу, точно лозунг. Остальные вскоре присоединились:

– Ком-мер-сан-ты, а не му-лы! Ком-мер-сан-ты, а не му-лы! – Сотрудники мусорной службы высыпали из гаража и закрыли оцинкованные ворота, отгородившись от суматохи.

Эти люди вовсе не против Интернета. Они боятся потерять свою долю! Но если не они, кто же *будет* работать на доставке? Тут я забеспокоился о себе. Я был по-прежнему в вечернем костюме от Хьюго Босса и не хотел, чтобы меня приняли за – ну, за того, кто я есть. Я поспешно ретировался за угол, к своему будущему дому.

«Святилище». Вопли озлобленной толпы стихли, едва автоматические двери сомкнулись у меня за спиной. Мне кивнули два молодых швейцара – на вид сошли бы за фотомоделей. Один проводил меня к лифту и нажал кнопку. Я ждал, а юноша в кителе без воротника терпеливо стоял рядом.

– Они еще довольно медленные, сэр, – сообщил он, аккуратно заправляя за ухо длинную черную прядь. – Мы работаем над программой. – Наверняка ходит в бруклинские клубы, о каких я слыхом не слыхивал.

– Спасибо, – ответил я. – Нормально. Можете не ждать.

– Ничего страшного, сэр.

Может, парень чаевых хочет? Так странно, когда в моем распоряжении – целый человек. Который притом круче меня и лучше выглядит. Интересно, каково подчиняться своему сверстнику.

– Ваш дизайнер ждет в квартире, мистер Коэн.

– Спасибо, – сказал я, входя в лифт. – Откуда вы знаете, как меня зовут?

– При сканировании на консоли появляется имя. Но через пару дней вас все будут узнавать.

Я прижал руку к стеклянному скан-планшету, чтобы лифт понял, куда меня везти. Шестой. Не в эксклюзивной башне, где по одному блоку на этаж, зато в оригинальном здании. У моего блока – исторический дух, каковой отсутствовал в современной двадцатидвухэтажной пристройке. Я вышел и свернул направо в Западный блок – оттуда вид на закаты, поэтому он чуть дороже Восточного.

Дверь была открыта. Мне нравилось, как щелкают мои ботинки по лакированной древесине[82].

Внутри – токийский модерн. Первый владелец выбрал. Судя по всему, он отменил ссуду, не успев въехать: его компания так и не вышла на биржу. «МиЛ» приобрел квартиру, передав ее мне всего за двенадцать тысяч в месяц, которые по налоговым соображениям вычитаются прямо из зарплаты. Треть с гаком моего дохода, но теперь многие тратят на аренду больше половины, а я уже предвкушал щедрые бонусы.

Дизайнер стояла в кухне над громадным чертежом. Высокая азиатка лет сорока, в пастельном брючном костюме а ля 1970-е.

– Похоже, все в порядке, – сообщила она, пожимая мне руку через большое кухонное окно.

– Ну еще бы. – Я раскинул руки, чтобы она поняла: я не принимаю эту роскошь как должное. – Просто шикарно. – Я и не думал, что смогу себе такое позволить, когда уйду из «МиЛ». Но пока забавно.

– Окна самоокрашиваются, – сказала она, переходя из кухни в сумрачную гостиную. Две стеклянные стены выходили на Нолиту, один из прошлых «новых», если верить «Таймс», районов. Будто над пропастью стоишь. – Но если хочется солнца, можно их отключить вот тут. Уединения не нарушите. – Она щелкнула крошечным выключателем у окна, и стекла превратились из серых в прозрачные.

– Ух ты. – Я погладил плоскую подушку на ступеньках гостиной. – И диваны отличные.

– Да, – отозвалась она. – Пожалуй, насчет ткани вы были правы. Весьма удачно. – На той неделе я возразил дизайнеру лишь однажды – настоял на обивке цвета авокадо, которую чистить легко, взамен стандартной белой. – Конечно, не вполне соответствует эстетике, но добавляет тепла. Не так потрясающе, зато мягче.

– Да тут все до фига потрясающе. – Я невольно перешел на диалект ахов-охов. – Просто великолепно. Они тут неплохо подготовились. Я жуть как рад, что моя компания ухитрилась меня с черного хода протащить. – Я хотел, чтоб она поняла: я в этом мире чужой. – Ну то есть тут в основном те еще богачи живут.

– Я рада, что вам нравится. – Ни на дюйм[83] не подалась. Видимо, ей удобнее считать меня клиентом, а не живым человеком. Но я был полон решимости убедить ее, что я из среды трудящихся профессионалов, как и она сама.

– Ну вот те, которые в башне, – продолжал я. – Там же бог знает какие миллиардеры живут.

– Мы с мужем на семнадцатом, – ровно ответила она. Вот вам и размывание классовых границ. Эта тетка на порядки богаче меня. Придется отползать.

– Наверняка вы ее отлично оформили. Я бы с радостью как-нибудь посмотрел. – Мы же в конце концов соседи.

– Хорошо. – Официально так. – Мне нужно будет свериться с графиком.

– Клево. – Клево?

– В столовой лежит руководство. – Она свернула чертежи и сунула их в алюминиевую трубку. – Там все написано про безопасность, как программировать ирригацию, свет, развлечения и сауну.

– Благодарю. Буду читать по главе на ночь.

Ноль эмоций. Я ведь понял уже: не надо с этой дамой шутить.

– Если что, звоните вниз, вам помогут, – прибавила она. – Если с чем-то не справитесь.

– Я в теме. – Требовалось защитить собственный интеллект. –

Индустрия технологий.

– Ну тогда у вас, наверное, проблем не будет, – ответила она, выходя в открытую дверь. – Всего доброго.

Я подождал, пока она исчезнет из виду, и лишь затем вернулся в квартиру. Я хотел вступить туда обновленным, без привкуса этой встречи.

Потрясающе. Что скажут предки? Слишком дорого, вот что они скажут. Деньги на ветер. Но дядя Моррис, наверное, будет в восторге – тут весь старый район под ногами. В бывшей аудитории иешивы поселился американский еврей третьего поколения. Бизнес-герой.

Так вот оно, мое амплуа? Бизнес-герой? Чем я зарабатываю? Чем делюсь? Капиталом? Вот уж только не своим. Но я стану помогать достойным предприятиям получать капитал, выживать и расти. Я – фильтр. Судия. Лучше того: я прожектор, освещаю цели, что заслуживают внимания. Могу рулить будущим, советуя, куда направлять энергию настоящего. Более того – на мне ответственность за то, чтобы энтузиазм по поводу новых технологий не угас и предотвратил очередной обвал рынка – ну то есть «коррекцию». Обвалом это называть не полагается. Не обвал. Просто временный кризис веры.

Размышления о работе без труда оправдывали тошнотворную роскошь апартаментов, которые общество сочло возможным мне даровать. Я направился во вторую спальню – для нее я выбрал оборудование домашнего офиса, к чему прилагалось автоматическое снижение налогов. Большинство выбрали офис лишь ради налоговой льготы и потом втайне реконструируют спальню. Это не для меня, с гордостью думал я, разглядывая встроенные книжные шкафы вишневого дерева. Я тут по-честному стану работать. Да я это все заслужил больше, чем любой обитатель «Святилища».

Кого я пытался надуть?

Я подпрыгнул, рухнул на кровать и вслух объявил:

– Просто заебись. – Я выиграл – и по-крупному. Я высосу из этих людей все до последней капли, пока до них не доперло, что я понятия не имею, чем занимаюсь.

И тут меня позвали:

– Але? Кто-ньть дома?

– Эй? – Я уже что-то не то натворил?

В дверях стоял невысокий лысоватый человек под сорок, в разноцветном свитере.

– Здрасьть. – Улыбка до ушей. – Дверь открыта. Хотел проверить, все тут нормалек или как.

– Можно подумать, тут бывает не нормалек.

– Ты меня понял, приятель. – Он протянул руку: – Тео Майлз. Сосед. Из 6В.

– Джейми Коэн. Послезавтра въезжаю.

– Токийский модерн, у? – Тео говорил с чудовищным австралийским акцентом. – Интернет?

– Тут во всех квартирах сеть.

– Я грю – *ты*! – засмеялся он. – В индустрии, у? Все на токийский модерн западают.

– А, ну да. Но стиль не я выбирал.

– Наплюй. Че стыдиться.

– Хочешь посмотреть?

– Не-а, я видел ниже. И еще через два этажа.

– Они что, все?…

– Угумс. Токийский модерн – поплярное решение.

– А подушки цвета авокадо у кого-нибудь есть? – Я насмешливо поднял брови.

– Чего нет, того нет, – ухмыльнулся он. – Ты прям ренегат. Под свою дудку пляшешь.

Мы оба расхохотались. Он тоже все насквозь видел. Такой же игрок.

– Пшли, ральф-лорана покажу. – И Тео поманил меня за собой.

– Ты уверен, что сейчас вовремя?

– Пшли! – И он рванул по коридору.

Я вошел следом к нему в квартиру – зеркальное отражение моей, только с деревенской плиткой вместо лакированного паркета, белыми окнами и большими пухлыми диванами в сумрачной гостиной.

– Аж жуть, у? – Тео пихнул меня локтем в бок.

– Да уж. – На псевдоантикварном[84] столе я засек кое-что интересное. Отрывной блокнот со словами «Стратегия «МойШвейцар.com» на обложке. – Твое?

– Кимпания или блокнот?

– То и другое. Оба. – Не привык я темнить с австралийскими троллями.

– Значит, оба, – сказал он. – Блокнот из «Стэплз». Семь долларов сорок девять центов. Кимпания «МойШвейцар.com» токо что получила двадцать лимонов. Второй раунд.

Поразительное совпадение.

– Эта штука через веб двери открывает, так? – Приятно быть настолько в теме.

– Не-не, – поправил Тео. – То «МойПривратник.com». А у нас – «МойШвейцар.com». Совсем другой прибамбас.

– Правда? – Я не поверил, хоть и не показал. На вид –

обычный бизнес-клон. – А как?

– Подписку о неразглашении дашь?

– Тео, мы соседи. И я в этом бизнесе не для того, чтоб людей наебывать. Кто знает, может, «МиЛ» этим заинтересуется. – Я ему не скажу, что «МиЛ» поддерживает конкурента.

– Ну, по сути, – Тео глубоко вздохнул, готовясь изложить то, что излагал уже, наверное, тысячу раз. – Как ты сказал, «МойПривратник.com» – веб-ориентированный. Подключаешь камеру к компу, имеешь к ней доступ через веб. А «МойШвейцар.com» – следующее поколение. Беспроводной. Поставляем камеру и микрофон вместе со встроенным беспроводным модемом. Дома комп вообще не нужен.

– Но на работе-то онлайн нужно сидеть?

– Не-а. «МойШвейцар» бимкает наручным телефонам, карманному видаку, чему токо не бимкает. Звук, картинка, или то и другое.

– Ох ты черт.

– И бесплатно.

– А откуда, позволь спросить, доходы?

– РИ?

– Я знаю, да. Матерное слово.

– Прям скажем, два, и оба-два матерные.

Осведомляться у технобизнесмена о движении капитала почти так же неприлично, как выспрашивать о движении кишечника. И против принципов динамической рыночной психологии[85], общей эмоциональной системы мер, в которой все мы – элементы.

– Ну ты храбрый. Прикольно, – одобрил он. – Будем впаривать логи маркетинговым компаниям и системам сертификации. Можно сказать, бизнес бизнесу. Они много платят, чтоб узнать, как люди решения про безопасность принимают. Пчу доверяют кому-то.

– Умно, – сказал я, раздумывая, взаправду ли это умно. – А система уже действует?

– Ну как бы, – замялся Тео. – Фокус же не в этом, правильно?

– Да, видимо.

Фокус в том, что по сравнению с «МойШвейцар.com» проект Карлы – просто реликт ушедших эпох. Она меня разозлила, и я готов выебать ее по-настоящему.

3
Гоим нахес

Вы небось думаете, что в те первые недели дома я терзался из-за своих бизнес-интриг. Вот и нет. Почему-то я был неустрашим, как никогда. Вечерами в Куинзе казалось, будто городская реальность меня по сути не испортила. Словно Ист-Ривер на безопасное расстояние отодвигал меня от последствий игровых ходов. К тому же под неиссякаемым потоком папашиной ханжеской критики одна мысль об этических устоях казалась идиотской. Он что, не понимает? Так забавляются люди при деньгах. Делов-то.

В тот субботний вечер я сидел в своей прежней спальне и особыми приемчиками второго «Уличного бойца»[86] мочил четырнадцатилетнего кузена Бенджамина. Я ощущал себя скорее юнцом только что после бар-мицвы, чем хитроумным техническим аналитиком, которым притворялся днем. Мы толкались перед древним VGA-монитором, соседство тел и сердечность хохота смазывали жестокость, которую творили на экране наши аватары.

Бенджамин играл Дхалсимом, гибким мастером военных искусств, да еще так, будто из этой классической аркады не вылезал с 1980-х. Через пару секунд после начала второго раунда он чудесным образом раскопал сложную кодовую комбинацию, от которой его персонаж начал пуляться шаровыми молниями, и мне пришлось скрючиться и ждать передышки, чтобы начать контрнаступление. Когда выпал шанс, жизни на моем счетчике оставалось на волосок. Я играл против тощего индуса Бланкой – чудовищным зеленым здоровяком, которому недостает ловкости, зато зверства не занимать. Но я был слишком медлителен. Один крошечный, точный удар Бенджиного лысого гуру стер остатки Бланкиной жизни, подбросив в воздух его мощную тушу. Мы смотрели, как он падает – примитивная, тормознутая анимация. В плоской древней графике моя смерть возбуждала еще больше.

Я у Бенджамина выигрывал 4:2, но он наверстывал. Мать звала нас ужинать, и я потянулся выключить машину.

– Чемпионат изведанной Вселенной? – удержал меня Бенджамин. Надеется на финальный матч, расквитаться подчистую хочет. Все ходы у него просчитаны, так что он на коне.

– Ладно, – уступил я. В кои-то веки мне плевать на победу, просто хотелось сыграть. Зашибись, что игрушка моего детства способна увлечь Бенджамина, пацана XXI столетия. Мы даже не

на «ПлейСтейшн-2»[87] и не на широкополосной приставке играли, а на моем старом «Маке» с аркадным эмулятором, который мы с Королями написали десять с лишним лет назад.

Мы только потому программировать и научились. Замудохались тратить деньги на игровые картриджи в «Ето Мы, Игрушки» или – еще хуже – потоком спускать четвертаки на консолях в «Стар-Пицце». Поехавший на математике Рубен обучил нас программированию, и мы вместе упорно писали собственный игровой эмулятор – простенькую приладу, на которой бежала бы любая видеоигра или аркада. Каждый работал над своим куском кода: один копался в графике, другой в звуке и так далее, мы по Сети перекидывали куски друг другу, пока не собрали работающую версию целиком. Мы назвали ее «ЛюбаяИгра». А потом, скачав очередную пиратскую игрушку, грузили поверх эмулятора и играли на ПК. Как правило, получалось.

Но только я исхитрился зажать индусскую черепушку подмышкой и вгрызться в нее Бланкиными зубищами, картинка застыла, а потом рассыпалась лавиной пикселей. Сначала крупными блоками, затем все меньше, меньше, пока экран не превратился в девственную снежную равнину. У эмулятора какие-то глюки с растровым изображением – дыра, которую Эль-Греко так и не залатал. Мы безмолвно наблюдали, как перед нами крутится дуэт «Сега» с Кандинским.

– Вниз, сию секунду! – рявкнул мой отец. Мы развернулись. Интересно, и давно его бородатая физиономия маячит в дверях? Отступая в коридор, папаша горестно воздел руки. Бенджамин вытаращился на меня и хихикнул. Я понял, о чем он: может, ребе по волшебству обрушил игру, поскольку игры нарушают шабат? Вообще-то мораторий на электронные развлечения заканчивается только после субботнего ужина, когда прочитана хавдала.

Я щелкнул выключателем, мы наперегонки ринулись из комнаты и почти скатились по узкому лестничному ковру, добавив еще пару царапин в пятнадцатилетнюю историю хулиганства, записанную на выцветших стенах.

– Ходите как люди! – крикнула из кухни Софи. Софи – это моя мать.

Я сжал Бенджину голову в настоящем захвате и так доволок братца по ступенькам. Мама ждала нас внизу – руки в боки и первосортная гримаса.

– Что? – как ни в чем не бывало переспросил я. Бенджамин вырывался, ногой пиная измочаленные обои.

– Ничего-ничего, Йосси, – отвечала она. Родители по-прежнему звали меня еврейским именем, а не тем, что я взял себе

в младшей школе. – Давай, превратим дом в развалину. Пусть Храмовые сестры поймут для разнообразия, каково семье жить на зарплату раввина. – Это замечание предназначалось отцу.

Синагогальные членские взносы не повышались уже десять лет. Когда-то ребе – ну, или ребецин, если на то пошло, – пользовались уважением. Теперь же люди отмахивались от любого напоминания о ценностях превыше дохода[88].

Но мои родители, ребе и миссис Коэн – евреи старой школы. Для них религия – а конкретно иудаизм – совсем о другом. Они были не совсем коммунисты (хотя родители отца познакомились в лагере социалистов в Катскиллах), но считали себя последним рубежом обороны. Против чего? Они сами толком не понимали. Но знали, что соблюдение мицвот, божественных заповедей, не позволит им опуститься до безумия толпы. Софи и Шмуэль жили ради шанса спрятать у себя на чердаке Анну Франк[89].

Помню, я подслушал, как они с извращенным наслаждением планировали, какие комнаты у нас можно превратить в убежище, если (боже упаси) представится случай.

Мама удалилась в кухню, а я потащил извивающегося пленника в столовую, где наши отцы углубились в специфически братскую баталию[90].

– И что, я должен это надеть? – риторически вопрошал дядя Моррис, отмахиваясь от кипы, которую ему совал младший брат. – Сэмми, Бог знает, что я лысый, зачем его дурачить?

Я фыркнул. Восхитительная логика. Меня в старике почти все восхищало. Шестьдесят восемь лет, стал миллионером, когда миллион еще кое-что значил, всего сам добился. И притом чувство юмора сохранил. Как пить дать, у нас масса общих генов.

– Ты просто боишься, что она упадет, раз прикрепить не к чему, – поддразнил я. – Может, «скотч» найдется?

– Или кнопки, – вмешался Бенджамин. Ну естественно, как же не помучить старика-отца!

– А жвачка сойдет? – предложил Моррис. Так в себе уверен, что может позволить над собой смеяться.

– Очень, очень смешно, – закивал Шмуэль, неохотно поддавшись моменту ради взаимовыгодного сотрудничества. Он опять сунул старшему брату кипу, и тот капитулировал – как всегда.

– Мы же все тут реформисты, Сэм, – заметил Моррис, водружая вязаный синий кружочек на сияющий кумпол. – Нам вроде можно делать, что хотим.

– Моррис, ты не у себя дома, – нахмурилась тетя Эстель из-под огненно-рыжего парика. – Для разнообразия делай, что *они* хотят.

– Да надену я, надену, – сказал он. – Просто дразню братика-раввина, вот и все.

Моррис вел себя так, будто у него есть право. Может, так оно и было. Об этом больше не говорили, но все прекрасно знали историю братьев. Их отец выжил – не после Катастрофы, а еще раньше, после русских погромов. Целые штетлы сжигались дотла. Когда казаки пришли в Кишинев, дедушка Цви был слишком молод, чтобы драться, но слишком хитер, чтоб уступить. Он залез в пересохший колодец и прятался там трое суток, затыкая уши – только бы не слышать бушующей наверху преисподней. Когда он вылез – ну, в общем, его родителей и сестер уже «не было».

В середине двадцатых, подростком, он добрался наконец до острова Эллис и умудрился сколотить себе крошечный бизнес в Нижнем Ист-Сайде – менял в многоэтажках газовые лампы на электрические. Ему никто не помогал, но он отложил денег и в разгар Депрессии отправился в отпуск, целых две недели в Катскиллах, в марксистском лагере под названием Кедем. Там он влюбился.

Цви с женой работали на износ и мечтали, что их сыновья со временем даже поступят в колледж. Моррис учился в средней школе; стало ясно, что Козны выпадают из послевоенного американского процветания, и старший сын должен помочь сводить концы с концами. Моррис начал работать с отцом и вскоре возглавил бизнес, превратив его в полноценный магазин осветительных приборов на Бауэри.

Встретив человека, который импортировал из Гонконга граненые стеклянные четки, Моррис принял решение, навеки вытащившее нашу семью из долгов. Он нанял формовщика подделывать висюльки дорогих французских люстр и начал собирать и задешево продавать подвески. Пригороды Лонг-Айленда населены итальянцами, немцами и евреями; Моррис Коэн забил их столовые фальшивыми хрустальными канделябрами. (Многие висят по сей день.) К 1967 году Моррис открыл второй магазин на первом этаже четырехэтажки в Краун-Хайтс. На втором этаже хранились подвески и светильники, а также располагалась крохотная мастерская по сборке. Вся семья жила на третьем и четвертом.

Мой отец тем временем с отличием окончил Бруклинский колледж и перебрался в Семинарию, чтобы, с одной стороны, и дальше корпеть над своим драгоценным Талмудом, а с другой – не попасть в армию. За все платил Моррис – он гордился тем, что способен защитить младшего братика от ужасов войны во Вьетнаме. Правда, Шмуэлев выбор профессии заставил дядю посомневаться в собственной целостности.

Моррис не сознавал этих сомнений до осени 1968-го. Он рьяно ухаживал за Эстель, миниатюрной рыжеволосой учительницей, младшей сестрой поставщика граненого стекла. Нью-йоркские учителя бастовали, Эстель нечем было заняться, и она увлеклась сионизмом. С целью доказать серьезность своих намерений, Моррис как-то вечером отвез ее в Еврейскую молодежную ассоциацию послушать речь нового, крайне спорного деятеля по имени Меир Каган.

Сидя в откидном кресле в подвале ветхой синагоги, Моррис услышал слова, что навсегда изменили его как еврея. Каган начал с рассказа о кишиневском погроме. Он упрекал евреев в трусости – тряслись по углам, пока насиловали их жен. Он обвинял жертв Катастрофы в том, что с ними случилось, – сбились в коровье стадо и послушно отправились на бойню. Он говорил, что независимость Израиля возвещает еврейскому народу новую эру; теперь евреи будут защищать себя и близких от любой агрессии – не только в Израиле, но и здесь. За последний месяц напали на четырех живущих поблизости старых евреек. Каган призвал всех мужчин посвятить себя новому духу сопротивления и, как он выразился, присоединиться к Лиге еврейской обороны.

Эти слова вдохновили Морриса. Его неученая деловая интуиция стреляного бизнес-воробья стала праведнее еврейской, чем упадничество интеллектуалов – младшего братца, например. Каган называл таких «славными Ирвингами». Будущее племен иудейских – не в бесконечном анализе Торы, но в храброй защите самого права на существование. В ЛЕО Моррис нашел евреев, с которыми, наконец, мог идентифицироваться: не книжных иешивских мальчиков из Верхнего Ист-Сайда, но товарищей по рабочему классу из Кэнерси, Рего-парка и дальних пригородов. Они организовали ночные патрули и блок-посты, вновь завоевав свои районы и общую гордость.

Набрав силу, они объявляли борьбу каждого еврея своей собственной. Они переправляли деньги в Израиль и контрабандой возили оружие советским евреям. Им казалось, они возвращают людям Книги мужество. Моррис богател; он стал ключевым игроком. Недостаток веры в Бога и Писание больше не означал, что Моррис – еврей второго сорта. Нет, в каком-то смысле теперь он – больше, чем его брат, – стал величайшей надеждой своего народа на выживание. «Узи», что на иврите означает «моя сила», подразумевала силу Господа в душе человеческой. Для Морриса эта сила воплотилась в израильском автомате.

Лишь в начале 1970-х семья узнала, насколько Моррис погрузился в деятельность ЛЕО: его забрали в полицию на допрос после взрыва «бомбы-вонючки» во время нью-йоркских гастролей

русского балета. Обвинения не предъявили, однако родители и жена так натерпелись, что заставили Морриса поклясться – в шуле, на Торе, – что он навсегда оставит Лигу. Моррис согласился – ради себя и жены. Он считал, что Лига чересчур увлеклась насилием – Моррису приятнее было защищать соседских карапузов, чем швыряться «коктейлями Молотова» в Карнеги-холл, – и к тому же, что важнее, он боялся, как бы дальнейшее следствие не вскрыло его процветающую аферу с люстрами.

Со своей стороны Шмуэль старался закрывать глаза на тот факт, что его образование оплачивается столь сомнительно заработанными средствами, да еще теми же долларами, на которые посылаются гранаты в Синай. Шмуэль считал, евреи так не поступают. Мы – народ культуры и интеллекта. С Божьим благословением мы приведем гоев к высочайшим этическим стандартам, не опустившись до гойской жестокости и двуличия. Шмуэль многим был обязан старшему брату, но Моррисовым занятиям не потворствовал, тем более перед всей семьей.

Кроме того, в итоге Моррис всегда надевал кипу, если просили.

– Ну все, – объявил Шмуэль. – Молитва.

– Во что вы там играли? – спросил Моррис, пользуясь уступкой братниным правилам, чтобы поговорить. – Может, купить Бенджамину такую же?

– Это не совсем игра, дядя Моррис. – Секунду я подсчитывал, как далеко в компьютерную историю надо углубляться, чтобы разъяснить, как работает эмулятор. Для таких, как я, это вечная проблема. – Это платформа, с ней можно играть на компьютере в любую игру.

– Бесплатно! – с энтузиазмом прибавил Бенджамин.

– Ух ты – лучше, чем оптом, – засмеялся Моррис. Шмуэль сделал вид, что ищет страницу в крошечном сидуре.

– Мы эту штуку вообще-то в школе написали. – Хоть чуть-чуть добавить технологической цельности нашей приладе – как ни посмотри, для преднамеренной кражи услуг. – Полно работы было, но теперь она популярна. До сих пор везде используется.

– Дашь Бенджамину копию? – спросил Моррис.

– Э… конечно, – сказал я. – Если тебе это ничего. Ну то есть, говоря технически…

– Это воровство, прав ли я? – спросил Шмуэль этак подчеркнуто идишеобразно. По мне, так этот язык гетто – грубейшая претенциозность. Все равно что белый парняга из пригородов изображает хип-хоп. От местечкового диалекта меня затошнило. Папаша тоскует по гонениям Старого Света.

– Да ладно, пап. По-твоему, любое хакерство – воровство.

– Раз незаконно – значит, незаконно, – сокрушенно возразил он. – Взлом, воровство, вандализм[91]. Уж ты-то должен понимать.

Только этого не хватало.

– Я думаю, акции «Сони» переживут, – заступился Моррис. Прекрасно знает, что Шмуэлев пенсионный фонд – в основном акции игровой компании. – Джейми, когда будем уходить, дай нам копию. – Моррис мог вот так командовать Коэнами, и мы – большинство из нас, по крайней мере, – с радостью подчинялись грушевидному патриарху.

– Мне игры тоже нужны, – встрял Бенджамин, раз уж момент благоприятный.

– Онлайн возьмешь, – отозвался я. Да, копирование игр незаконно, однако пиратство широко распространено. – Прямо в Сети. Полно серверов.

– Даже если этим занимаются все… – начал Шмуэль.

– Ша. Не сегодня, – вмешалась Софи, входя с церемониальной свечой, бутылкой вина и деревянной шкатулкой с пряностями.

– После ужина все устроим, – шепнул мне Моррис.

– С удовольствием, – согласился я, хотя папаша-талмудист выжал из этого все удовольствие до последней капли.

– Приходите все, – повторил Шмуэль чуть громче. Он не назвал Мириам по имени, хотя лишь ее стул и пустовал. – Джейми, может, сходишь за сестрой?

Моррис вынул из кармана зубочистку и сунул в рот. Я направился в гостиную.

Мириам, моя тридцатитрехлетняя сестра, сидела на диване перед маленьким пластмассовым станком и плела кашпо. На секунду я отвлекся на картинку в телевизоре: новостной сюжет – бык несется по Манхэттен-авеню. Автомобили и автобусы жмутся к обочине, полицейские машины неторопливо ползут против движения за обезумевшим быком. В верхнем левом углу значится «прямой эфир» и «последние новости».

– Эй, Мириам, – тихо сказал я. – Пора ужинать.

Она подняла голову, глянула на меня сквозь очки толщиной с бутылочное донышко и расплылась в сияющей улыбке человека, не подозревающего, как тяжела бывает жизнь.

– Я вот что делаю, – с гордостью сообщила она. Подняла недоделанный разноцветный шедевр, чтобы я одобрил.

– Ужасно красивый, Мириам. Блин, правда красивый. – Я встал перед ней на колени. – Просто не терпится посмотреть, какой он целиком.

– Правда? – спросила она. Не на комплимент напрашивается, а правда хочет знать.

– Правда не терпится. Ни секунды.

– Я поняла, – рассмеялась она. Застенчиво отвернулась, вспыхнула, будто я с ней заигрываю. Подергала себя за волосы и запуталась пальцем в локоне.

По ней не скажешь, что у нее синдром Дауна[92], думал я, нежно отводя ее руку и помогая ей встать. Может, глаза чуть шире расставлены, чем полагается, и еще высокий квадратный лоб. Но она – мой самый первый друг, первое лицо, что я помню. Господи боже, да она мне приносила бутылочку. Даже считать меня учила.

– Ты сейчас долго в гостях, – заметила она по пути в столовую.

– Да, точно. – Удивительно, как она вообще замечает, что я уезжаю и возвращаюсь. Всегда ведет себя так, будто обитает в своем личном беспредельном настоящем – не замечая моих приходов и уходов, – точно у нее совсем другое ощущение времени и пространства. – В гостях.

Глубокое наблюдение. Я впервые в жизни чувствовал себя гостем в доме, где вырос. Мириам лишь сформулировала.

– Так этот, как ты говоришь, симулятор… – начал Моррис, когда мы вошли.

– Эмулятор, папа, – поправил Бенджамин человека, который вполне годился ему в дедушки.

– Ну да, эмулятор, – продолжал Моррис, ковыряя зубочисткой во рту: обычно он эту манеру приберегает для деловых переговоров. – Ты не думал его продать? Может, из него точка-ком выйдет?

– Ну, это не совсем тот продукт, чтоб на нем строить бизнес, – ответил я. Неясно, с чего начать. Ужасно приятно, что дядю так увлекло мое детское творение. Но насчет его ценности Моррис заблуждается. Или дезинформирован. – Понимаешь, эмулятор – скорее для подрыва бизнеса, а не для создания.

Отец вручил Моррису свечу, но старец невозмутимо продолжал:

– Создавая бизнес, подрываешь другой, Джейми, прав ли я? – Моррис наклонился и взмахнул зубочисткой. – Может, тебе заплатят, чтобы ты не выставлял его на рынок.

– Так не получится, – ответил я. – Кроме того, эмуляторы выпускают тоннами. Это же один из тысячи. Даже не лучший.

– При правильном маркетинге, Джейми, – Моррис говорил о делах даже со свечой в руке, – спорим, ты еще вселишь в кого-нибудь страх Божий.

Шмуэль вцепился в этот шанс мертвой хваткой:

– Пожалуй, богобоязненным людям пора прочесть

благословения. – Он знал: Моррис намека не вычислит. В Торе страх Божий вселялся не в евреев, а в гоев, трепетавших пред мощью еврейского Бога. Шмуэля недостойно кольнуло блаженство праведности – сразу видно.

– Потом поговорим, – сказал Моррис, зажег свечу и жульнически проскакал по транслитерации в молитвеннике. Закончив, передал свечу брату и повертел в руках тонкую книжицу. Ткнул пальцем в наклейку «Уайтстоунская синагога» на задней обложке:

– Сэмми, ты что, сидур из синагоги спер?

Бенджамин захихикал. Отец сурово зыркнул на брата. В таких условиях нелегко поддерживать дисциплину. В конце концов, это ведь даже не шабат, а хавдала. Большинство евреев вообще исход субботы не отмечают, а уж реформисты – тем более.

Шмуэль вздохнул, поднял свечу и обратился к своему Богу – сначала на иврите, затем на языке, понятном всем нам:

– Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, отделивший святое от будничного.

Он окунул палец в вино и с тщательностью профессионала потушил капельками свечу. Шабат закончился; граница меж святым и будничным проведена, как только мой отец умеет ее проводить.

Разговор возобновился, но молитва изменила его течение.

– Ну, Сэмми, – начал Моррис. – Когда голосование?

– Через пару недель, не раньше, – вмешалась Софи. Она знала, что отцу не нравится обсуждать свой профессиональный кризис – особенно с нами. – Мы не переживаем. Обычная формальность.

Голосование общины о продлении отцовского контракта – что угодно, только не формальность. Новый президент общины и большинство членов нынешнего совета склонялись к мысли, что для современного мира методы их заслуженного раввина чересчур традиционны. Он всю жизнь был либералом и с кафедры учил конгрегацию, что обязанность евреев – служить духовными наставниками общества, защищать угнетенных и – прежде всего – помнить заповеди, которые Господь даровал им на горе Синай. «Как у Моисея было две матери, – проповедовал он, – так и мы принадлежим двум обществам: нации, в среде которой живем, и еврейскому народу».

В девяностых подобные сентенции шли на ура: трудягам из Куинза оставалось лишь беспомощно смотреть, как их двойники с Манхэттена пожинают финансовый урожай интернет-бума. Но теперь Куинз познал рыночные прелести, и в словах ребе зазвучала критика. Президент и казначей при закрытых дверях

встретились со Шмуэлем и порекомендовали смягчить риторику. Поползли слухи, что еще несколько членов совета требовали раввина XXI века. Вместо того чтобы продлить контракт, как это делалось год за годом, совет решил провести голосование общины – и без того унижение, да еще голосовать будут на веб-сайте синагоги.

– Ты же будешь бороться, правда? – спросил Моррис.

– С чего бы мне? – отозвался Шмуэль. Софи поставила перед ним суп. – Я с этими людьми знаком двадцать лет. Они меня знают.

– Может, в этом и проблема, – сказал Моррис, маскируя критику грубой имитацией Граучо Маркса[93].

– Цыц. – Эстель пихнула его локтем. – Сэм свою конгрегацию знает.

– Никаких цыц. Сэмми должен это услышать.

– Да-да, Моррис. Что ты хотел сказать? – Шмуэль опустил ложку.

– Не надо так, Сэм, – сказал Моррис с редкостным сочувствием в голосе. – Я просто хочу понять, все ли возможности ты рассмотрел.

– Какие возможности? Они проголосуют. Увидим.

– Можно бы слегка поддаться. Как-то смягчиться по мелочи. Ты же с этими людьми каждую неделю говоришь. Покажи им, что тебе их проблемы понятны.

– Мне их проблемы слишком понятны, – объяснил Шмуэль. – В этом их проблема.

– Ага, видишь? – Моррис взмахнул ложкой. – Вот об этом и речь.

– Так ты думаешь, они правы? – Отец уже сердился. Моррис лишь пожал плечами.

– Может, тебе мейлы разослать? – предложил я.

– Великолепно, – буркнул отец, снова уткнувшись в тарелку. – Теперь у нас перевыборная кампания.

– Я серьезно, – настаивал я. – Это же они решили все проводить на вебе. Вот давай этим и воспользуемся. Список рассылки откроем. Это не стоит ни цента.

– Ребе не продается собственной конгрегации, Йосси. Это не торговля. Мы не на рынке.

– Ошибаешься, Сэмми, – возразил Моррис. – Они платят взносы. Платят за этот дом. И надо видеть в них клиентов. Может, я смогу внести пожертвование.

– Да не в деньгах дело! – внезапно заорал Шмуэль. Минуту мы сидели в молчании. Перед нами дымились тарелки с супом.

– Бульон очень вкусный, – высказалась Эстель, осторожно

отхлебывая. – Ты больше перца добавляешь?

– Свежемолотый, – объяснила мать. – Есть разница.

– Мм-м, – согласилась Эстель. – А тест[94] у тебя сейчас какой?

– «Экспроммт». Серия В.

– На штамм «эр-12» сканирует?

– Ну, я думаю, – обиженно сказала мать. – Самый дорогой тест.

– Мм-м, – сказала Эстель, поболтала в супе ложкой, затем медленно ее отодвинула.

– Ради бога, Эстель, – буркнул Моррис. – Ешь суп, и все.

Вспомогательная беседа неловко заглохла, и мама попыталась начать новую – теперь со мной.

– Звонил Джуд. Сказал, ему надо с тобой поговорить, срочно.

– Джуд? – переспросила Мириам. – Он придет? – Они давным-давно не виделись. Побочка истории с вирусом: всем Королям, кроме Эль-Греко, запретили к нам являться.

– Я не знал, что его допускают на территорию, – сказал я.

– Не глупи, – ответила мама. – Вы теперь взрослые.

– А что вы делаете? – Бенджамин аж на стуле подпрыгивал. – Опять ломаете?

– Нет, Бенджи, – сказал я. – Просто бизнес-проект. Хочет нам что-то подкинуть.

– Нам? – переспросил отец. – Этой вашей фирме?

– «Морхаус и Линней». Ага. Парни новую технологию придумали. Может, удастся использовать.

– Использовать?

Ненавижу, когда он отбирает мои слова, будто зерна истины для дроши[95].

– Господи боже, папа, я легализую то, что они делают. Думаешь, их надо защищать от большого жестокого мира? Да они меня чуть в тюрьму не упекли.

– Йосси, если они такое хулиганье, а ты так разобиделся, зачем ты им делаешь одолжения?

– Слушай. – Я попытался защитить свою тактику: – Мне это важно, понимаешь? Я – крупная фигура, пускай тебе и трудно в это поверить. В Нью-Йорке. Ты бы видел, какие люди со мной советуются. Мне доверяют миллионы долларов. Ты должен гордиться.

– Отец тобой гордится. – Мать занялась миротворчеством. – Правда же, Сэмми?

– Разумеется, горжусь, – ответил он.

Но папаша не одобрял. Это легко понять по тому, как он ложкой размалывал на кусочки клецку, прежде чем отхлебнуть.

Делал вид, будто настолько захвачен животными инстинктами, что ему прямо не терпится утолить свои безграничные земные желания.

– Что? – переспросил я. – Ну, говори.

– Ничего. – Он пожал плечами. – Ты сказал, что ты горд, она сказала, что я горд, так что все мы горды. – Он снова чуть-чуть отхлебнул, а потом на идише пробормотал, вроде как себе под нос: – Гоим нахес[96]. Имея в виду, что такими вещами пристало гордиться одним гоям.

– Гоим нахес! – повторила Мириам, с наслаждением катая во рту иностранные слоги. – Гоим нахес! Гоим нахес! – Она распевала и ножом для масла дирижировала своей симфонией. Улыбаясь в невинные глаза Мириам, Софи потянулась через стол придержать дочкину руку.

– Дело же не только в деньгах, папа, – начал было я, но умолк.

Никто меня не защитил. Даже Моррис. Миг прошел – спасибо певческому взрыву Мириам. Я воевал без надежды на победу – особенно теперь. За обеденным столом ребе всегда прав.

4
Выкрасить и выбросить

У Тобиаса Морхауса – самый крупный хрен[97] на Уолл-стрит, о чем знали все видные шишки. Лишь немногие государственные старейшины могли засвидетельствовать, что видели легендарный агрегат капиталиста вживую и вблизи, но даже они понятия не имели, какова его настоящая длина.

В 1960-х брокеры шутили, что Тобиас на пари о длине своего хрена заработал больше, чем на товарной бирже. Это, конечно, вранье, однако оно утешительно для Тобиасовых товарищей по клубу.

У него не было их родословной[98], их образования и связей. Ничего такого – лишь пара-тройка волшебно рассчитанных звонков насчет нефти-сырца в начале войны во Вьетнаме; они и обеспечили Тобиасу место за столом. Многие считали, что Морхаус подкупил старого флотского кореша, но против таких махинаций в открытую не выступишь. Не те времена: информашка флотского интенданта бывшему летчику-истребителю за пивом не более скандальна, чем намек, брошенный за стаканом бренди в Кучерском клубе. Морхаусу, начинающему маклеру из безымянной фирмы, у которой даже места на бирже не было, требовалось проникнуть внутрь, чтобы расти.

Но за вход с него содрали дай боже.

Началось с подначки как-то поздно вечером в Красной гостиной Кучерского клуба – по крайней мере, так рассказывают. Двадцатитрехлетний Тобиас травил байки о двух педиках с авианосца «Вэлли-Фордж». Как они на его снаряд пялились. Как по утрам он его паковал в узкие моряцкие штаны – посмотреть, как педики шныряют по палубе в поисках оптимальной точки обзора. А однажды он его завернул между ног, чтобы педики восторгались, как величественно елда умостилась между ягодицами.

И вот тут джентльмены из Кучерского клуба подбили новичка на состязание. Поставить десять тысяч, что у него длиннее всех в гостиной. В ошеломленном презрении Тобиас оглядел тридцати-примерно-летние холеные головы, что тянулись из распластанных крахмальных воротничков. До костей гнилушки, все до единого, решил он, поставив дцатый «скотч» и извлекая дородное тело из кожаного кресла. Такое случалось не раз, и соперники бывали посильнее этих пижонов. Тобиас поставил единственное условие:

все соискатели открываются первыми. Тобиас покажет ровно столько, сколько понадобится для выигрыша.

Нежными рукопожатиями старики выразили согласие, а немногочисленный контингент молодых помощников столпился у бара – видимо, рассудил Тобиас, решить, кто из них убедительнее представит клубную мужественность. Или, может, дрочили, чтоб из своих дарований побольше выжать.

Когда массовка наконец расступилась, в центре стоял не Льюис, не Спадз, даже не Родсовский студент Маршалл Теллингтон, но прислуга. Помощник официанта, штаны спущены до лодыжек, а длинный черный необрезанный пенис[99] болтается ниже камзола.

– Всех в гостиной, – прохрипел Спадз, тошнотворно, по-девчачьи подхихикивая и на буксире волоча унылого африканца. – Парень тоже был в гостиной, Тоби!

Да, Тобиас выиграл – и что? Он-то понимал, что эти ублюдки заплатили по три сотни с носа, чтобы посмотреть, как он меряется хуями с парнем, которого они звали «ниггер».

После сорока лет твердохренной торговли, андеррайтинга, слияний и поглощений одинокий выживший основатель «Морхаус и Линней» снова ощутил себя вроде как аутсайдером. Времена изменились, нелегко сохранять бычизм на столь абстрактно бескровном рынке. Может, в свои семьдесят четыре Тобиас Морхаус и располагает самым длинным, самым толстым и уважаемым хером на Уолл-стрит, да только накачать этот хер уже нечем.

По крайней мере, так говорил Алек, когда мы ждали его отца за тридцатифутовым черным мраморным столом в поместительном конференц-зале. Дверь красного дерева напротив вела прямо в кабинет Морхауса, стеклянная дверь в гигантской прозрачной стене – к лабиринту загончиков[100], где корпели эксперты, андеррайтеры и их помощники. По периметру – офисы и конференц-залы, точно такие, как у Морхауса, только чуть меньше, и каждый отделен от центрального зала толстым зеркальным стеклом, а порой – элегантными белыми жалюзи. Четвертая стена Морхаусова конференц-зала смотрела на финансовый район – с почтенной высоты в 37 этажей.

Все думали, что старик просто-напросто научился лучше прятать активы. Однако правда в том, что активы сократились. На этом рынке Морхаусу не заработать ни гроша – нет ничего реального, не во что вкладывать. Морхаус поднялся на торговой бирже. Нефть, хлопок и медь. Ценность лепилась к вещам, а не историям. К сырью, а не рекламе. Он прогрыз себе путь на новый ринг, но его отсюда уже выпихивали.

Индустрия высоких технологий (если можно вообще назвать ее индустрией – подлинной индустрии тут кот наплакал) – следующий рывок в абстракцию. Ни спроса, ни предложения, ни реальных товаров. Сплошь истории. Победители и проигравшие есть, но на виду никто в игры не играет – во всяком случае, в те игры, которые Тобиас и его ровесники в состоянии опознать. Все ставят на мираж. Притом агностики от новой религии даже иллюзию не распознают. В последний раз мираж прожил пять лет, а затем испарился. В 1999-м, когда Тобиас начинал, все уже катилось под откос. Теперь же иллюзия, подпитываемая заговором оптимистов, обернулась новой реальностью. Богатство не зарабатывалось – оно создавалось. И с Тобиасовой точки зрения, смысла в этом – круглый ноль.

Потому-то все поколение Тобиаса держит поблизости пару детишек вроде меня – чтобы показывали, где кнопки, и не выставляли стариков идиотами. Парней, которым хватает ума оценить новую технологию, но не хватило, чтоб открыть свою компанию, когда ветер дул, куда надо, и еще оставались лазейки для независимых предпринимателей.

В девяностых Тобиас слушался пришлых консультантов. Но синяки и шишки его научили: сколько денег им в зубы ни сунь, не поймешь, правда они с тобой в одной команде или лапшу на уши вешают. «Они как шлюхи, – сказал мне как-то Морхаус. – Сосут лучше жен, но никогда не глотают». Так что теперь он от них отказался и уводил из деловых изданий журналистов «новых медиа» быстрее, чем раньше нанимал гарвардских докторов наук. Но у каждого своя программа действий: карьера, популярность их фразочек в контркультурных кругах, цельность, даже личные убеждения.

И хотя консультанты и журналисты знали об интернет-бизнесе больше любого парнишки, готового на круглосуточную пахоту, их появление не означает, что к тебе на борт забрались интернет-специалисты. Они являются без фанфар и пресс-релизов. Из них не получается историй (если, конечно, они не писали, как ради тебя совершали подвиги, – но и тогда речь шла только о том, как они одной левой спасли твою тупую задницу от неминуемой гибели).

– Карла Сантанджело – лучшее, что папик смог найти, пока ты не появился, – поведал Алек.

– Она ничего, – сказал я. – Умная, напористая, красноречивая.

– Джейми, ты вообще головой думай, с кем спишь. Поосторожней надо бы. Она ж абсолютно некомпетентна. Ты ее место займешь, понял?

– Ты ведь шутишь?

– Для нее попасть на ринг – уже победа. Это мир *«Гейм-боев», «Уокменов»* и *«Рукочуваков»*[101]. Женщины – целевой рынок, не более того. Жертвы, не игроки. Они не уважают подвигов друг друга – а нам за каким рожном?

– Ребята, вы не говорили… ну то есть, Алек, я что-то про технологии знаю, но…

– Это вопрос не «если», а «когда».

– Но… – Я умолк – из-за двери вышел Морхаус-старший. Я поднялся. Алек – нет.

– Хороший костюм, Джейми. – Тобиас сел у дальнего конца стола, откинулся в кресле, расслабился.

– Да, мне, типа, нравится. «Агнес Би».

– Она теперь с двумя пуговицами шьет? – Неплохо осведомлен, надо же.

– Ну, видимо, да. – Я пересек зал. Самое близкое к Морхаусу кресло – в шести футах.

– А Карла где? – спросил он, вытаскивая из кармана «монблан».

– Не знаю, – буркнул я. Мне что, за всеми тут следить?

Морхаус нажал кнопку на телефоне.

– Где Карла? – Устало так. Будто все это было уже не раз.

– К врачу пошла, мистер Морхаус, – бодро отозвался из динамика мужской голос. – Вчера оставила сообщение.

– О господи. – Морхаус вновь нажал кнопку и вырубил динамик. Потом вздохнул. – Ну, расскажи мне про эту затею с безопасностью. Как называется?

– «МойПривратник.com», – сказал я.

– Угу. Открывается завтра, так?

– Да. Завтра. – Я еще не решил, ждать ли выхода компании на биржу, чтобы сообщить о ее возможном преемнике.

– Ну, Джейми, и что думаешь? – спросил Морхаус. – Все в норме? Чин по чину? – И такое, главное, доверие во взгляде.

– Наверное, – вильнул я. Неохота умалять Карлины заслуги, но и неохота оказаться виноватым в том, что одобрил неминуемый провал.

– Выкладывай. – Алек почуял мою нерешительность. Я с радостью позволил загнать себя в угол. Так моя вина меньше.

– Я в выходные просмотрел бизнес-план, – начал я. – Стратегия определенно убедительная.

– Но… – подсказал Алек.

– Тебе не понравилось? – Тобиас облокотился на стол. Громадные лапы испытали на прочность пиджачные швы.

– Ну, прекрасная идея, все очень продуманно, – сказал я. – Но

я не уверен, что Карла учла широту конкурентного ландшафта.

– Не понял? – Тобиасовы брови поползли от доверительного изгиба к треугольной ярости. Он запыхтел, ноздри с каждым вдохом раздуваются, хоть и притворяется спокойным. – Она уверяла, что горизонт чист. – Морхаус нажал кнопку на переговорном устройстве. – Сантанджело найдите, быстро.

– Мне к врачу позвонить? – спросил голос.

– Просто найди ее, Брэд, ясно?

– Я сегодня Карлу не видел, сэр, и ей не говорил. – Я уже заподозрил, что совершил чудовищную ошибку.

– Ее что, вообще сегодня не было? – спросил он. Откуда мне знать? – Джейми. – Тобиас говорил тихо и нежно – это плюс. – Мы все тут разговариваем откровенно. Баки заколачивать некогда, и чувства щадить – тоже. Мы в одной команде.

Ну да, в команде. Это просто игра, напомнил я себе. Что толку играть, если не ради выигрыша? Кроме того, деньги мне платит Тобиас, а не Карла. Успешно подавив колебания, я принялся добивать ее в спину.

– В общем, я узнал об одной австралийской компании. Только что завершила второй раунд. Называется «МойШвейцар.com». Тот же сервис, что у «МойПривратник.com», только без домашнего компьютера. Беспроводная технология, даже умеет звонить на наручный телефон.

– Это возможно? – спросил Морхаус.

– Конечно, возможно, – вступился за меня Алек. – Так, Джейми?

– Пока, строго говоря, нет, – объяснил я. – Но «МойПривратник.com» тоже невозможен. Не в этом дело.

– Так, Джейми. – Морхаус отдышался, стиснул клешни, прижал костяшки к верхней губе, точно дым удерживал. Он выдохнул, и волоски на пальцах затанцевали. – Растолкуй, в чем же дело.

– И то и другое возможно в будущем. Сферу разработок следует оценивать скорее с позиции дарвинизма. Идеи конкурируют за господство. Более удачные финансируются, пока не найдется идея получше. До устаревания очень немногие продвинутся дальше стадии прототипа.

– А рентабельность? А движение капитала? – спросил Морхаус. – Терпеть не могу эти силовые игрища. Сплошная психология, и быстро не выпутаешься.

– Это другой рынок, пап, – объяснил Алек. – Поэтому так важен пиар. Рассказать историю, в которую люди вложат бабки. Получить деньги благодетеля, потом венчурные фонды. Провести второй раунд, может, третий, остаток забить акциями. И

подольше историю подкармливать – чтобы хватило времени врубить стратегию выхода и смыться. Экономика роста.

– Мы тут что, блядь, «Эмвэй»?[102] – Морхаус со всей силы долбанул кулаком по мраморной столешнице. Такой толстой, что удар едва слышен. – Я хочу, чтобы «МиЛ» отличался от мошенников. Чтобы все знали: «МиЛ» принес в новую экономику здравый смысл. Карла обещала, что силовых игрищ в этот раз не будет. Совсем сдурела, что ли?

Время остановилось. Я подсчитывал объем наливающегося кровью громадного Тобиасова черепа. На лбу пульсировала жилка. На секунду все поплыло, и, кажется, я почти различил тени двух шишек, выступающих у Морхауса под кожей. Потом я проморгался в реальность, и все пришло в норму.

Тобиас глубоко вздохнул.

– Джейми, твоя задача – оценить новый проект и понять, можно ли выжать из него деньги. С этой точки зрения, как ты считаешь: Карлин выход на биржу – в интересах «МиЛ»?

– Послушайте, мистер Морхаус, – сказал я, все еще не зная, прокручивать ли кинжал в ране. – Я не бизнесмен. Вы знаете, во что хотите вкладываться. Основы, импульсы, что угодно. – В мозгу промелькнула картина: Карла читает газету на террасе. Мое предательство забило крылами. – Я лишь говорю, что на бумаге «МойШвейцар.com» смотрится лучше, чем «МойПривратник.com». Они выйдут на биржу, и я не могу вообразить человека, который предпочтет клубок проводов комплексному решению. – Ну вот. Я это сделал. Карла, считай, покойница.

– Я Карлу нашел, – гордо сообщил Брэд из динамика. – Звонил и звонил, пока трубку не взяла.

– Джейми, – сурово шепнул Морхаус, – я сам, хорошо? Просто слушай – если что, я тебе скажу.

Алек мигнул – мол, будь спок.

– Спасибо, Брэд, – сказал Морхаус в телефон. – Переключи ее.

– Господи боже, Тобиас! – пронзительно рявкнула Карла из пластмассовой коробки. – Я, блядь, в гинекологическом кресле, и у меня расширитель в пизде!

– Очень смешно, Сантанджело, я тоже как раз о тебе думал, – пошутил Морхаус. О – сарказм вернулся.

– Ха! Врач хотя бы любрикант заливает, а уж потом свои прибамбасы сует.

– Все так же сухо, а? – поддразнил Морхаус. – Говорят, с возрастом хуже становится.

Я запсиховал. Почему они так разговаривают? Они что, спали друг с другом?

– Ай! – завопила Карла. Мы услышали, как ее телефон грохнулся на пол.

Оба Морхауса засмеялись.

– Она там небось под хер приспосабливается, – шепнул Алек.

– Тогда снимите перчатки и поднимите его, понятно? Алло?

– Слушай, Сантанджело, мне очень неприятно тебя отрывать от реконструкции, но у меня хорошие новости.

– Ты помираешь от рака простаты?

– Хит номер два, – ответил Морхаус. – Я высвобождаю остаток акций этого твоего дверного жульничества для членов фонда.

– А? – смутилась она. – Тобиас, это же розничные клиенты. Меньше сотни тысяч. На фига им отдавать?

– Мы тут обсуждали имидж компании, – объяснил Морхаус. – И подумали, неплохо показать, что у швали, которая инвестирует через «МиЛ», шансов достучаться до крутых сделок не меньше, чем у больших шишек.

– Что творится, а? – насторожилась она.

– Ты бы мне спасибо сказала, что ли. Не хочешь – не надо.

– Нет-нет, – смягчилась Карла. – Спасибо, Тобиас. Теперь фонд кругами забегает.

– Ну и хорошо. Значит, договорились.

– А ты что за это хочешь? – спросила она.

– Пообещай мне, Карла.

– Что?

– Когда вернешься после своих гинекологических развлечений, постарайся не метить мебель.

Алек хрюкнул.

– Очень смешно. Больной ублюдок.

– И я тебя люблю, Сантанджело, – ответил Морхаус и нажал кнопку. – Непроходимая тупица. – Он с отвращением покачал головой. – Еле сдержался. И что, она думает, так вообще разговаривают?

Я смутился, запутался и говорить не мог. Алек смутился, но не запутался, и ему хватило ума сформулировать вопрос:

– Ты что делаешь?

– Пускай хоть раз заплатит за свои ошибки. Вот что я делаю.

– Вы разрешаете выход на биржу? – спросил я.

– Слишком поздно отзывать и спасать лицо, – ответил Морхаус. – Но это ж ее лузерский баланс рухнет, когда вы двое объявите, что мы – гаранты «МойШвейцар.com». – Он нажал другую кнопку. – Морт?

– Да? – проскрипел кто-то.

– Мы продаем акции «МойПривратник.com». Только платиновый фонд. Может, еще какие-нибудь из инвестиционной

группы. Только первый ярус. И ни звука.

– Есессно, – сказал Морт и отключился.

– Я все равно не врубаюсь, – сказал я. Но я уже врубался – даже слишком хорошо.

– Пусть Карла раскрашивает свой провал собственным жалким фондом. Мы обязались полгода держать шестьсот тысяч акций. Ущерб лучше ограничить ее людьми. Подождем пару дней, потом дернем из-под нее ковер. Ее фонд рухнет, а мы подопрем тонной опционов. Выход заковыристый, но в целом после комиссии мы все равно срываем куш. И в итоге получим роскошный предлог ее уволить и назначить тебя.

– Пап, мы эту сагу используем для рекламы нового духа «МиЛ». – И Алек вдохновенно углубился в свою пиар-стратегию. – Дадим эксклюзив в «Уолл-Стрит Джорнал», представим Джейми эдаким юным перебежчиком: мол, полез вперед, дал гарантии компании, которая прямо конкурирует с одной из наших, лишь потому, что их технология лучше. Проглотят.

– Неплохо, – сказал Мохаус. – И прикроет нас от очередного группового иска.

– Я уже твою реплику придумал. – Алек бешено царапал в блокноте. – Слушай: «Уволить? Черт, да я его повысил! У нас в „МиЛ“ за такую дерзость вознаграждают». Может, стоит еще отвезти Джейми на шабаш. В Монтану. Похвастаться им.

Кому надо с такими друзьями терзаться чувством вины?

– В Монтану? – простодушно переспросил я.

– Не раньше следующей недели. – Мохаус поднялся. – Алек тебя просветит.

Я возвращался в кабинет, не зная, праздновать грядущее повышение и вхождение в круги власть имущих или оплакивать погибшую душу. Я пялился на свои блестящие новые ботинки – они шагали по ярко-синему ковру, кожа ритмично поскрипывала. Скрип – будто голоса, что музыкально бранили меня за прегрешения.

– *Предатель*, – хныкали ботинки. Но это ведь Мохаус решил выкрасить и выбросить, возражал я своему греческому ножному хору. – *Да*, – пели ботинки, – *но ты всю дорогу знал, что так оно и будет!* – Я не все обдумал, – твердил я. – *Это потому, что ты знал, чем все закончится!* – Но я злился, просто выплеснулось, эмоции одолели. – *А по нам – так первоклассная интрига! Макиавелли в полный рост!* – Я, видимо, интриги выдумываю быстро. Уследить за ними не успеваю. – *Ты мог остановиться! Ты мог остановиться!* – Хор нарастал.

– На хуй греков, – сказал я вслух. Голос перекрыл скрип ботинок, хор заткнулся. И вообще. Я не грек. Я наследник

Маккавеев. Они вытурили эллинистов из Святой земли. Наверное, из-за такого как раз хорового дерьма.

Переход на иудейские рельсы дал лишь крошечную передышку. Чокнутых греков сменило эхо скорбного папашиного голоса – проповедь на Йом-Кипур. Согласно еврейским верованиям, причитал отец, первое, о чем спрашивает Бог, когда умираешь, – как ты себя вел в бизнесе. Нормально, решил я. Сегодня я умирать не планирую.

Даже тогда евреи понимали: сбиться с пути в бизнесе проще всего – даже проще, чем в сексе. Систему законов изобрели главным образом для работы с темной стороной денег. Почему-то погоня за благосостоянием приводит к корысти, а корысть – к разврату. Я поклялся, что впредь буду честнее – даже если все это игра. Одно грязное жульничество – ладно, пусть, но отныне – все выше и выше.

Да черт возьми, я же только учусь. И, конечно, не моя вина, что Карлы не было, когда все случилось. Вот повысят до интернет-стратега – буду великодушен. Извлеку урок. Эволюционирую. В Библии все поначалу ошибались. Эта ошибочка меня многому научила, так что босс из меня выйдет получше, чем Карла. Уж по крайней мере я ни за что так не подставлюсь. А что до секса – ну, пока не буду об этом думать.

В крошечном общем конференц-зале возле моего кабинета сидели Джуд, Рубен и юный Бенджамин. Я назначил встречу, но не особо рассчитывал их увидеть. Утром в воскресенье я перезвонил Джуду и пригласил его показать этот их прототип «абсолютно убийственной мета-прилады». Они с Рубеном называли ее «Тесланет» – говорили, что с ней кабельные модемы и высокоскоростной телефонный доступ устареют в мгновение ока. Джуд хотел показать мне Тесланет на моем лаптопе, попросил привезти железку в Куинз, и может, трубку выкурить, либо пригласить их к себе домой и захватить лаптоп. Я решил, пусть лучше Бенджамин железку отнесет. Я не желал воссоединения на их территории, но не был готов демонстрировать им роскошь, в которой скоро стану обитать. Кроме того, Бенджамин умолял познакомить его с оставшимися Ямайскими Королями. Я послал к ним младшего кузена – показал, что я им доверяю.

Судя по всему, они взяли Бенджамина под крыло: пацан молотил по клавишам моего компа, демонстрашку причесывал.

– Эй, Джейми, – сказал Рубен, почесывая шею. Еще выше, чем я помнил, а оттого совсем уж тощий. Прыщей нету, но надо лбом по-прежнему шипастыми взрывами торчала пакля. Джуд был лидером, но Рубен – Мастером. Вроде папы римского при короле

Джуде. Джуд был обязан – и вполне способен – писать мутирующие вирусы или дерзко ломать системы, но касаемо технической стороны дела последнее слово всегда оставалось за Рубеном. Он знал то, чего не знали другие, – шла речь о телефонных протоколах или языках программирования. И мы все ему доверяли, ибо единственный его царь и бог – элегантность кода.

От этого он сходил за либертарианца, хотя сам себя мнил скорее великодушным технократом. Он верил, что рынки, культура и вообще материя достигнут высшей продуктивности с развитием социального и технического программирования. Джуд написал вирус DeltaWave, но Рубен сократил код до крошечных 78 Кб. Мы тащились, представляя, как испортим «Майкрософту» имидж, а Рубен считал, что вирус – подарок Биллу Гейтсу, ибо теперь софтверный магнат исправит дыры в программе. Потому Рубен и потратил столько часов, вычищая из вируса лишнее. Он хотел, чтобы вирус изъяснялся максимально четко и кратко.

Рубен не опасен – если быть в курсе, кого, по его мнению, в данный момент следует осчастливить уроком.

– Рубен! – я ущипнул его за щеку. – Ты чего-то вырос!

– Много времени прошло, – тихо сказал Рубен. И впрямь. Со школы не виделись.

Джуд обнял нас обоих за плечи и притянул ближе.

– И их осталось трое.

– Четверо, – поправил Бенджамин.

– Трое с половиной, – пошутил я и направился к нему. – Ну, доконал мою железку?

– Джейми, перестань, – со всей серьезностью возмутился Бенджамин. – Я знаю, что делаю. Джуд, правда ведь?

Джуд многозначительно подмигнул. Бенджамин просиял. Я положил руки ему на плечи.

– Я знаю, Бенджи. Я знаю. – Странно: как быстро Джуд узурпировал мою роль. Неясно, что меня больше нервирует: как бы мои бывшие друзья не развратили Бенджи или как бы я в процессе не лишился его уважения.

– Кофе и плюшки – это, между прочим, вам, – сообщил я, махнув на хромированный столик у двери. Две черные цилиндрические пластиковые урны, суровые на вид, и восьмиугольная тарелка с печеньем. Все посмотрели на столик. – Ну то есть, когда приходят гости из реального мира, тут всегда так делают.

– Тут, значит, всегда так делают, – повторил Джуд, кидая два печенья в нелепую квадратную чашку и заливая их кофе. – Рубен, ты будешь?

– Нет, спасибо, – отозвался тот, рассматривая один угол чашки. – Из принципа.

Мимо пробежал Алек, прижимая к груди кучу ярких папок. Я помахал ему через прозрачную стену[103], надеясь, что это сойдет за «привет». Алек намек понял и почесал дальше.

– Давайте уже работать, пока люди не набежали, – сказал я.

– Конечно, – начал Джуд. – Имей в виду, это все только прототип.

– Не переживай. То, что здесь обычно финансируют, как правило, и до этой стадии не доходит.

– Неудивительно. – Рубен все разглядывал фарфор.

– В общем, – сказал Джуд, – посмотрим, что «тут» скажут.

Он стукнул пару клавиш на моем лаптопе, появилась простенькая заставка: «TeslaNet».

– Загружается, – объяснил Рубен. – Будет быстрее.

– Давай, Бенджамин, загрузи на той, – распорядился Джуд.

Бенджамин открыл второй лаптоп на другом конце стола, запустил ту же программу.

– А теперь, – объявил Джуд голосом лохотронщика, – вероятно, по-твоему, компьютеры нужно связать в сеть, чтоб они общались?

– Раз они общаются, они по определению в сети, – отвечал я. Альфа-гик в лучшем виде.

– Ну да. Но их же надо подключить, так? К телефонной линии, кабелю, инфракрасному порту, какой-нибудь сети, так?

– Конечно.

– А теперь смотри. – В руках у Джуда оказался кусок провода с зажимами. – Помнишь эксперименты Тесла со статическим электричеством и заземлением? Как он думал, что осветит все Восточное побережье одной большой катушкой и никаких электропроводов не надо?

– Угу.

– Тесланет коннектится к сети через заземление. Одним концом к твоему лаптопу, – он прицепил зажим к шурупу у лаптопа на заду. – Другим – в землю. – Второй зажим вгрызся в металлическую пластину над выключателем. Бенджамин тем временем цеплял провод от своего компьютера к железному подоконнику.

– Теперь гляди, – сказал Рубен. Я успел позабыть эту его манеру стоять, стиснув руки на груди: мол, его никто и не попросит клаву тронуть – настолько он уверен, что все заработает.

На экране появилась юниксовая[104] командная строка.

– И? – спросил я.

– Валяй, Бенджамин, – сказал Джуд.

Бенджамин заколотил по клавишам. На моем экране волшебным образом возникали слова:

> Запрос на чат-сессию от пользователя 17014. Согласны? (д/н)

Я напечатал «д». На экране появился примитивный чат.

> Привет, братец. Как болтается?[105]

– Потрясающе! – сказал я. Правда потрясающе. – В обе стороны работает?

– Еще б. – Рубен позволил себе улыбнуться. – TCP/IP. Просто через землю.

– То есть компьютеры соединены, потому что они, по сути, цепляются друг к другу через железки в комнате, так? Общаются через заземление?

– По сути, да, – подтвердил Рубен. – Но на самом деле они умеют и через саму землю. На огромном расстоянии.

– Вот именно, – сказал Джуд. – Легко: цепляешься к водосточной трубе или к палке какой-нибудь, которая в земле торчит.

– Все заземленные входят в сеть, – гордо объяснил Рубен. – Если у них софт стоит. Когда логинишься, оно автоматически дает тебе уникальный адрес.

– Господи боже. – Я затрепетал. – А к Интернету через него можно подключаться?

– В этом и красота, Джейми, – ответил Рубен. – Если одна нода подключена, подключена вся сеть. Тесланет ставит любой крупный сервер – университет, искалка, провайдер, – и канала хватит для миллионов юзеров.

– Да не в этом дело, – почти рассердился Джуд. – Сила-то в чем? С Тесланетом никакой Интернет не нужен. Он – вместо Интернета. Центральных серверов нет. Заземлил комп – оп-ля, подключился. Взял и сунул провод в розетку. У большинства машин они и так уже в розетке. Если на батарейках или на улице – суешь провод в землю. Сеть – сама земля. Чем больше народу использует, тем мощнее сеть и больше покрытие. Абсолютно неподконтрольная штука.

Я смотрел в монитор – зеленый провод тянется к выключателю, на экране мигает сообщение. Что я должен чувствовать? Жадность? Радость? Зависть? Восторг? Ужас? Может статься, это технология на миллиард долларов. Если получится запатентовать. Тогда она просто убьет дюжину других технологий

на миллиард долларов. Интернет-провайдеров, телефонные компании, спутниковую индустрию. Революция. Или катастрофа.

А хочу ли я снова работать со старыми друзьями? Если то, что они показали, умеет то, что они говорят, – выбора нет. Но с другой стороны – может, оно вообще не работает. В некотором роде – какое будет облегчение. Я предпочел цинизм.

– Через комнату, значит, оно работает, – сказал я. – А почему вы считаете, что заработает через океан?

– В земле все дело, – пояснил Рубен. – Земля – магнит. Оно заряжается от вращения земли. Потенциальное напряжение выше, чем у всех электростанций, вместе взятых.

– Если ты нам не веришь – нормально, – сказал Джуд.

– Я не об этом. – Я сдал назад. – То, что вы показали – поразительно, честно.

– Тогда продолжим, – предложил Джуд. – Может, из вестибюля?

– Может, с крыши? – возразил я. – И к Интернету меня подключите.

– Сделаем, – кивнул он. – Бенджамин, коннектись, а мы через тебя.

– Ладно, Джуд, – отозвался тот, лучась послушанием. Точь-в-точь я, второкурсник Штювезанда и Джудов апостол. – Где подключаться?

Мне совсем не улыбалось пускать парней в офисную сетку с моим логином и паролем, но иначе все застопорится без техподдержки. Я не хотел выглядеть ламером – будто IP-коннекцию не могу сам настроить. Или будто старым друзьям не доверяю. Кроме того, решил я, они поймут, что там брандмауэр какой-нибудь. В общем, я помог Бенджамину выйти в интранет «МиЛ», а затем и в Интернет.

Мы с Джудом зашагали к лифту. Поднимались на вершину небоскреба молча, в обществе мужчин в серых костюмах и французских голубых рубашках – в точности как у меня. Я-то думал, буду в голубой рубашке индивидуалистом – а это, оказывается, новая униформа. Голубой – нынешний белый. К пятьдесят второму этажу в обшитой деревом кабине остались мы вдвоем.

– Ну, я вижу, ты по уши увяз, – сказал Джуд.

– Не совсем. – У меня шумело в ушах. – Просто удачный способ вернуться в Нью-Йорк. Изучить индустрию, знакомства завязать, вложить что-нибудь ценное в точка-комовское безумие, пока навек не лопнуло.

– И в процессе заработать пару-тройку лимонов.

– Не помешает, – признал я. – Но я – не как все. Я тут

максимум на год. Потом открою игровую компанию. Точно.

– Обедаешь с дьяволом – прихвати длинную ложку, – небрежно процитировал Джуд.

– Да я на вытянутой руке все это держу. Не переживай. Я же понимаю – тут сплошь дым и зеркала.

– Уверен, да?

– Ага, уверен.

– Ну то есть – различаешь, что это все игры?

– Абсолютно. – Я формулировал, и моя позиция прояснялась. – Подрываем систему изнутри.

– Приятно слышать, Джейми, – сказал Джуд, обнимая меня за плечи. – Иначе я бы забеспокоился.

– Ты о чем? – Он *о чем*?

– Ни о чем. Просто рад, что ты ко всему этому не слишком всерьез. Я на днях за тебя тревожился.

– Меня заносит, я знаю. – Двери открылись на последнем, шестьдесят восьмом этаже. – Поэтому мне очень важно, что вы Тесланет принесли сюда. Ко мне. – Я ни с того ни с сего разволновался. Впервые после вирусной атаки я ощущал родство с бывшим соучастником преступления. – Ну то есть я как бы вижу, что вы не считаете меня последним гадом каким-то.

– Я никогда и не считал, – Джуд придержал мне дверь. – Просто в таком месте на раз голова закружится. Не забывай об этом. Фокуса не теряй.

Мне вдруг страшно захотелось признаться, что я сегодня утром натворил. Как я подложил свинью Карле – женщине, с которой лишь на той неделе спал.

– Ты мне будешь рассказывать, – вот и все, что я выдавил. Мы хором рассмеялись и зашагали к лестнице на крышу.

Мы направились к парапету. Ветер трепал нам волосы. Галстук выбился и символом моих оков трепыхался за спиной. Под нами – шестьдесят девять этажей, любимчики Уолл-стрит спешат по делам. Крошечные жалкие муравьи, понятия не имеют о технологии, что вот-вот навсегда изменит их мир.

– Может, тут? – Я махнул зажимом на большую вентиляционную установку.

– Вроде подходит, – сказал Джуд. – Валяй.

Я законнектился, Джуд запустил программу.

Связь установлена.

– Черт! – Я перекрикивал механический грохот. – Это же невероятно, что вы такое сделали!

– Рубен в основном делал, – скромно отозвался Джуд.

– Дай я напишу. – Волнующий момент.

– Что-нибудь толковое, – посоветовал Джуд. – Исторический

же миг.

Я отнесся к задаче серьезно:

> Уотсон, кок слышите меня?

Через несколько секунд пришел ответ:

> Это не телефон, чучело. И орфографию подучи. Пишется «как»!

– Покажи, как оно к Интернету подключается. – Я со школы так не восторгался технологиями.

– Браузер открой, и все.

Я кликнул на Microsoft Explorer. Как-то неудобно, что более эгалитарного Netscape[106] на моей железке нет. Еще неудобнее, что стартовая страница на экране – ключевые акции «МиЛ».

– А если канал пошире? – сказал я, забивая адрес сайта с потоковым видео.

Браузер достучался до сайта почти так же быстро, как по обычному модему. Не запредельно, однако быстро – картина ясна.

– Потрясающе, – сказал я, а затем переключился на бизнес: – Вы это запатентовали?

– Да мы в бизнесе не рубим, – ответил он, и я вспомнил собственное утреннее заявление Тобиасу. – Мы потому к тебе и пришли.

– Я польщен, правда. – Мозг невольно вычислял, как бы украсть права на технологию. Даже как уйти из «МиЛ» и стать у Джуда директором. Может, я их уломаю сделать меня главой компании. Но я заставил себя утихомириться. – Я уговорю «МиЛ» эту штуку поддержать. Точняк.

– Сможешь?

– Абсолютно. Они тут понятия не имеют, чем занимаются. Послушаются, что я ни посоветую.

– Хм-м, – сказал Джуд.

– Я не то хотел сказать. Я хотел…

– Все круто. Твой мир, мужик. Не мой.

– Теперь и твой тоже. Оглянуться не успеешь.

– Ну тогда, – сказал Джуд, выуживая из кармана толстенный косяк, – давай отпразднуем.

Я инстинктивно огляделся, потом сам же расхохотался.

– Паранойя гложет, – пропел Джуд, поджигая.

– Она в жизнь вползти может, – закончил я цитату из «Буффало Спрингфилд» и затянулся.

Мы выдохнули дым на ветру, перегнулись через парапет и

уставились на улицу.

– Мужик, – сказал Джуд.

– А?

– Там, внизу. Так организованно. Смотри, сколько взаимосвязей ради поддержания жизни метрополии.

Машины остановились на красный свет, пешеходы послушались мигающих знаков на переходах.

– Так точно, – говорил Джуд. – Организованно. Машины на проезжей части перемигиваются, предупреждают о намерениях, перекрестки проезжают, соблюдая право проезда, все до одной. И люди на тротуарах. Видят друг друга за десять ярдов, бесконечно малыми приращениями подстраиваются, чтоб не столкнуться. Вычисляют свои векторы и скорости по малейшим кинестетическим сигналам.

Джуд говорил, и я различал в городской суматохе симфонию. Или школу рыбьих танцев вкруг коралловых рифов – синхронные, единые движения отрицали причинно-следственные связи. Восхитительная динамическая система. Кульминация мириадов соглашений. Идеально функционирующий организм[107].

– А с другой стороны, – продолжал он, делая глубокую тяжку, – можно иначе посмотреть. – Он протянул мне косяк. Я затянулся. – Хаотические джунгли свободы воли. Смотри – машина автобус подрезала.

Визг автобусных покрышек по асфальту взлетел до самой крыши.

– Люди протискиваются мимо людей. – Джудов голос раскачивался все безумнее. – Женщины сердито вжимают телефоны в черепа, ни фига не слышно. Мужчины пожирают сэндвичи с переработанным мясом, огибая тела бездомных изгоев.

Джуд прав. На тротуаре спали несколько человек в грязно-серых пальто. А раньше они были? Брокер в ярко-зеленом жилете с отвращением плюнул на асфальт возле одного квазитрупа. А поток пешеходов воспользовался временным автобусным параличом и потек через дорогу, сбивая с пути таксомоторы.

– Кошмар, – заметил Джуд. – Индивидуальное безумие на фоне беспрерывной паники. Каждый стремится к своим эгоистическим целям, о нуждах остальных не вспоминает. Друг друга считают ярлыками, клиентами или даже продуктами. Лузеры обломаются, или их обломают. Все топчут всех.

Люди на улице теперь двигались нескладнее. Агрессивнее. Яростнее. Два человека у грузовика уронили громадный ящик с запчастями. Запчасти посыпались на тротуар. Пешеходы разбежались во все стороны, маша руками и матеря грузчиков.

Кто-то споткнулся и упал. Такси, обруливающие застрявший автобус, заметались, виляя меж обломков. Одно смачно врезалось в черную машину на соседней полосе. Водители выбрались из машин и принялись ругаться. Движение и вовсе застыло. Взревели гудки. Пешеходы устроили свалку, пытаясь воспользоваться затором. Пандемониум.

– Что случилось? – спросил я. – Ты откуда знал? Это ты подстроил?

– Джейми, улица одна и та же. – Джуд прислонился спиной к парапету и прикурил, закрываясь от ветра. – Как посмотришь, так и будет.

5
Разбег

Клиент в Торонто печатает распоряжение: «4000 по 74». Браузер шифрует[108], привешивает ключ; цифр в комбинации – как букв в Ветхом Завете. Компьютер клиента преобразует последовательность чисел в бинарные команды, а их, в свою очередь, – в IP-пакеты и пересылает по телефонному кабелю. Цепочки данных – биты числовой информации – одна за другой прибывают на серверы в Детройте, Чикаго, Толедо и Сент-Луисе. Каждый сервер распознает полученные пакеты и отправляет их дальше, в Нью-Йорк.

Тамошний сервер дожидается всех пакетов, собирает их в единую числовую последовательность и наконец пересылает на сервер «МиЛ», на двадцать четвертый этаж небоскреба на Уолл-стрит. Самый последний сервер получает собранное цифровое послание, своим ключом его дешифрует и преобразует в бинарный код. Видя, что это распоряжение о покупке, сервер переводит код в команды и переправляет их через интранет «МиЛ» по специальному каналу. Сервер на втором этаже Товарной Биржи принимает команды и переводит бинарный код обратно в числовую последовательность, понятную биржевому софту.

На экранчике в кабинке «МиЛ» возле медной биржи появляется указание из Торонто:

4000 по 74

Человек в черно-оранжевом клетчатом жилете – фирменный дизайн «МиЛ» – пишет записку, передает ее женщине в жилете таких же расцветок. Та стоит на второй из трех ступенек, что спускаются в ковровый кратер – в громадном зале двадцать таких восьмиугольных амфитеатров. Остальные люди – в основном мужчины в ярких, цепляющих глаз жилетах – стоят на круглых ступенях лицом к центру биржи и орут. Синапс.

Женщина читает записку. Палочки и колбочки различают на белом карандашные каракули, посылают информацию зрительному нерву, тот передает сигнал верхнему холмику. Ага – импульсы конвертируются в символы, ранее обработанные и записанные теменной долей. Почти мгновенно существо, известное под именем Карла Сантанджело, успешно интерпретирует данные как распоряжение о продаже четырех

тысяч ноябрьских медных опционов по средней цене минимум 74 доллара за штуку.

Женщина поднимает голову и озирается. Мужские рты выкрикивают числа. Руки изображают количества и цены. 200 по 78. Продано. 300 по 77 1/2. Продано. 100 по 78. Продано. Два юнца в бурых толстовках, единственные человекообразные африканского происхождения в этом бедламе, сидят на корточках в самом центре и записывают каждую заключенную сделку в КПК, которые транслируют данные прямо на серверы. Одни серверы пересылают информацию дальше. Другие конвертируют их в последовательность, выстраивающую из светодиодов числовые комбинации, что мчатся по стене зала торговой биржи.

74 – дешево, но четыре тысячи – многовато для разового сброса. Если не осторожничать, женщина может самостоятельно сбить цену до 72. Она ждет затишья в продажах, когда покупатели занервничают, сколько еще контрактов осталось. Расслабляет лицевые мускулы, чтобы не выдать, сколько у нее фьючерсов и за какие деньги. Для начала завышает, надеясь перехватить одиночек – независимых брокеров, покупающих и продающих за собственные деньги и не по лучшим ценам.

– 400 по 79, – объявляет она. Не вышло. Она повторяет: – 400 по 79.

Какой-то жирняга возражает ей через всю биржу:

– 400 по 78.

– 400 по 78 и 1/2.

– Продано. – Сделка заключена, цепь замкнулась.

– 300 по 78 1/2 – предлагает она.

– 78 и 1/8? – отвечают ей.

– Продано. – Искра чертит дугу в вольтаже, равновесие восстановлено.

И так далее. Въехав, сколько всего у Карлы опционов, одиночки остывают к ее предложениям – боятся, что не сбросят акции к концу дня. Организации выдвигают войска и сбивают цену до 76, 75, 73, даже до 71.

Каждую транзакцию покупатель физически записывает на крошечный бланк, а затем отдает помощнику. Тот вводит информацию в компьютеры, конвертирующие и пересылающие данные замершим в ожидании клиентам. Где-то, в каком-то мгновении фиктивного будущего кто-то получил какую-то медь. До реального ноября она достанется сотням, а то и тысячам людей и организаций.

Женщина, которую я сменил на посту технологического стратега «МиЛ», продала свои четыре тысячи опционов в среднем, как выяснилось, за 75 1/8. Мозг ее целиком погрузился в процесс

передачи прав на медные фьючерсы клиентам, которых она никогда не встретит и даже не попытается себе представить. Будто идеально функционирующий нейрон, она сверяла разницы потенциалов и максимальную выгоду каждой продажи. Закончив, вручила запись о последней сделке помощнику и уступила место на бирже другому черно-оранжевому брокеру.

– Впечатляет, – сказал я, когда она выходила с ринга.

– Я несколько часов заново въезжала, – признала она.

– Ну, мне-то, наверное, никогда не въехать.

– Снисходительности не надо, Коэн.

– Я вовсе нет, – сказал я. – Ну, просто я…

– Ну?

– Просто – извини, что все так вышло.

– Да ладно. Мне оставили ключ от директорского туалета. – Физиономия у нее оставалась непроницаемой, как на торгах. – И вообще, туго теперь придется тебе.

На базе «МиЛ» Карла села перед компьютером. Да какая база – скорее телефонная будка. Полно железок, от остальной толпы прячется за перегородками, которые увешаны портретами спортсменов и сексуальнейшими кралями. Прямо автосервис семидесятых. Политкорректность[109] на биржу не добралась. А может, это биржевой ответ политкорректности.

– Правда, Карла, я не думал, что они этим «МоимШвейцаром» прихлопнут «МойПривратник.com». Мне просто показалось, что это удачный бизнес-план. А тебя я не нашел.

– И не пытайся. – Она крутанулась на стуле и сделала вид, будто проверяет цены на мониторе. – Ты меня наебал. Забрал мой фонд. Теперь он твой. А я вернулась на биржу, о чем Мохаус всю дорогу и мечтал. Ты тут ни при чем.

– Но вы с ним были?…

– Что?

– Ну… ты с Мохаусом – у вас ведь что-то было, правда?

– Ты думаешь, я с ним *еблась*? Господи боже, Коэн. Да у него уже лет тридцать эрекции не бывало. Тем более с этим его гигантским хреном.

– Но вы с ним так разговаривали…

– Ты еще салага, детка. – Она глянула жалостливо.

Так она с ним не спала? Если б я тогда знал.[110]

Карла открыла бутылку «Эвиана»[111] – одинокий артефакт высокой культуры в этой богом забытой раздевалке – и глотнула. Рукавом отерла губы.

– У меня другие варианты есть. За меня не волнуйся. *Волнуйся за себя.*

– Ты о чем это? – Она что, отомстить задумала?

– Ты считаешь, вся эта ерунда надолго? – Она закатила глаза. – Рынок вялый. «Гонкой хитростей» подотрите мне жопу. Как думаешь, сколько до Уолл-стрита будет доходить, что все уже кончилось?

– Тут еще полно денег. Помимо истерии. Интернет только-только распространяется глобально, широкополосный и беспроводной доступ едва зародился. Потери неизбежны, но это ведь пока еще молодой рынок.

– Вчерашнее изобретение, Джейми, – сегодняшний товар. Все мы рано или поздно оказываемся на биржах. – Она сдула со лба прядь. Карла определенно очень сексуальна, когда уверена в себе. Или это потому, что она побеждена. Я не против, чтоб она меня снова оседлала. – Компьютеры были последним писком, – продолжала она. – А теперь их раздают тем, кто покупает доступ в Интернет. Доступ в Интернет? Его теперь раздают тем, кто подписывается на онлайновые торги. Торги? На них людям платят тысячи за одно открытие счета, как раньше старушкам дарили пятьдесят баксов и автобусный билет в Атлантик-сити. Пока бесплатные дозы не закончатся, надо пятьдесят сделок за первый месяц провернуть, чтоб окончательно попасться.

– Карла, это же просто стимулы. Чтобы люди преодолели нерешительность.

– Не врубаешься, да? – Карла, судя по всему, искренне удивилась. – Знаешь, как появились бейсбольные открытки?[112] Их совали вкладышами в жвачку. Стимул. Потом так стали делать все. Опа – открытки уже ценнее жвачки. Вскоре стали раздавать жвачку в пачке открыток. А теперь и жвачку не продают, одни открытки. Вот что будет с твоими точка-комами.

– Но открытки – все равно ценность. Контент – король, так ведь? Ты знаешь, сколько сегодня платят за одно только имя в точка-ком?

– А это, Коэн, называется искусственный дефицит.

– Новые идеи ценны. – Я предпочел отступить. – Я двадцать бизнес-планов в неделю читаю.

– А раньше было под сотню.

– Зато теперь качество выше. Рынок разборчивее. Для всех плюс.

– Повторяй это себе почаще. – Она допила «Эвиан» и с десяти футов швырнула бутылку в корзину. – Новых идей больше не бывает. Один придумал, другой тут же скопировал или придумал получше. Неделя, две, и гениальная идея – еще один товар. А в итоге все тут будем. – Она обвела рукой биржевой зал. – Гравитация.

– Ну, значит, ты в правильном месте. – Пожалуй, хватит мне

извиняться.

– Мы оба, Джейми.

– Я рад, что ты так думаешь.

Почему-то это уязвило ее больше всего. Она отвела глаза, взглянула снова – сощурившись, с расчетливой злобой.

– Так это все? – спросила она. – Просто извиниться за то, что украл у меня работу?

– Ну… еще, наверное, за то, что между нами было.

– Между нами ничего не было.

– Но, Карла… – Неужто я так сыграю? Можно подумать, я невинная овечка. – Мы все равно могли бы, ну… – И я это почувствовал. Я бы переспал с ней прямо сегодня. Не из сочувствия и не победы ради.

– Виноватую свою головенку можешь не забивать, – посоветовала она. – Мы оба просто трахались. – Она что, всерьез?

– Так это ничего не значило?

– Я напилась.

– Угу. Видимо, я тоже.

– Услуга за услугу, – сказала она. – Я лучше поработаю.

– И еще. – Что же мне, вот так взять и уйти? Пускай поймет, что теряет. А может, я по правде хотел совета. – Морхаус меня берет на какое-то совещание. В Монтану.

– Он тебя везет на Бычьи Бега? – Она искренне поразилась.

– Ага, а что это? – спросил я, не показывая, что знаю столько, сколько уже знал. – Ты там была?

– Нет, Джейми. Это для мальчиков. Девочки не допускаются.

– То есть? Это бизнес-тусовка или что?

– Пожалуй, скорее «или что». – И с этими словами Карла вернулась на биржу.

Я – прямо персонаж видеоигры, что в конце уровня победил особо могущественного монстра. Я впитал ее силу.

Я решил прогуляться до «МиЛ». Примирение с Карлой, если можно так выразиться, прошло быстрее, чем я рассчитывал. Да и передышка не помешает. Снаружи оказалось ненормально жарко. Глобальное потепление, что ли? Не исключено, решил я, расстегивая плащ. Погода явно изменилась. Радикалы пеняют за это на рынок и его зависимость от массового потребления и одноразовых продуктов. Здравое зерно тут есть: больше мусоришь – больше покупаешь. Но если экология – по-настоящему серьезная проблема, разве не должен появиться бизнес, который наживался бы на ней, как на всем остальном?

Да, игра в коммерцию неплоха, если правильно играть. Моя стратегия домашней безопасности лучше, потому и смыла Карлу. Хватило объявления о том, что «МиЛ» выступит андеррайтером

австралийской компании – и Карлин фонд рухнул. «Уолл-Стрит Джорнал» опубликовал статью о моем повышении – только так «МиЛ» и мог остановить кровотечение. Кто я такой, чтоб отказать компании – плевать, что я и сам выиграл. Я же в команде, в конце концов.

Но о чем Карла меня предупреждала? Волнуйся за себя. Просто отрезвить пыталась. Я ее выкинул с ринга, вот в чем фишка. Обиженный лузер. Но она будет в шоколаде. Ей же ключ от уборной оставили. И пакет опционов тоже. Вреда ноль, грязи ноль.

Улицу запрудили люди, игравшие по тем же правилам новой экономики, что и я. Разумеется, каждый за свою карьеру делал пару сомнительных шагов, особенно вначале, пока учился. Мы все шагали по свежевылизанному центру, любуясь собой и тем, что мы сделали с городом. Тротуары чистые, конторские комплексы блистают фасадами, модельеры зашибают бабло. За последний месяц я сам удвоил свой гардероб, купив шесть костюмов. На моем счете впервые в жизни больше десяти тысяч долларов.

А сегодня я полечу на личном самолете главы «МиЛ» на выходной шабаш, такой весь из себя эксклюзивный, что в «Форбс» и «Вэнити Фэйр» о нем пишут намеками: «ежегодный званый вечер нью-йоркской биржевой элиты» и «частный курорт для нью-йоркской финансовой аристократии», соответственно. Я прибыл три недели назад – и уже в центре поля.

И тогда я впервые его увидел. Человек заворачивал за угол, но целую секунду, пока он не исчез, я различал бесспорный бычий профиль[113], торчащий из голубого воротничка. Я рванул с места, чуть не поскользнувшись на углу. Вся Броуд-стрит – как на ладони, но бык исчез. Или голова стала нормальной. Мог быть кто угодно. Или вообще не быть. Никто ничего из ряда вон выходящего, кажется, не заметил. Странно.

Вернувшись, я решил засветиться у Морхауса. На шабаше я устраиваю презентацию – может, Тобиас хочет ее увидеть первым. Кроме того, я чувствовал себя важной шишкой, являясь к нему в кабинет без предупреждения. Обитатели загончиков на такое бы не отважились.

За столом энергичный черный помощник Брэд прилежно синхронизировал Морхаусов «Палм» с новым мобильником.

– А Тобиас здесь? – Я спросил громко, чтобы все слышали: я зову основателя фирмы по имени.

– По-моему, он не занят, – сказал Брэд. «По-моему» – и только. Никто пока не понимал, как ко мне относиться. Пацан, который с Морхаусом общается, будто с коллегой, а не начальником. Ставки понизились, можно с Тобиасом

фамильярничать – как конкурсант «Кто хочет стать миллионером»[114] с Регисом в первых турах, когда подсказки не израсходованы и не теряешь тысяч, поскольку их нет. И, мне кажется, Тобиас ценил мою прямоту. Он мне за нее и платил.

Морхаус сидел в кабинете и читал «Пост». На первой полосе – репортаж про беглого быка[115].

Судя по всему, бык затоптал маленькую девочку (остается в критическом состоянии), и завтра зверюгу принесут в жертву. Может, это и объясняет мою уличную галлюцинацию. Наверное, краем глаза увидел фотографию.

– Ты видел уже? – скорбно вопросил Морхаус. Неужели Тобиас узнавал себя в несчастном, запертом быке? Мощный зверюга, выпал из своей среды, вот-вот будет казнен?

– Ага, – ответил я. – Ему конец.

– На редкость самоуверенный порою фрукт.

– Кто?

– Бирнбаум. – Тобиас развернул ко мне газету. – А по-твоему кто?

– А, ну да, – прочухался я. – Бирнбаум. – Тобиас не про быка. Я не признался, что не врубаюсь, о чем он толкует, и попытался на месте проглядеть статью. Эзра Бирнбаум, председатель Комиссии по ценным бумагам и биржам, начинает расследование онлайновых торгов. Федеральное бюро защиты потребителя. Мошенничество. Риск. Санкции.

– Но ведь нас это не касается, да?

– Ясное дело, касается.

– Мы же не мошенничаем, – сказал я. – Они просто вычистят жулье. – За последние месяцы немало брокеров-любителей вляпались в сомнительные аферы; в «60 минутах»[116] был репортаж.

– Семьдесят процентов наших доходов с комиссий поступают с онлайновых торгов. Розничные клиенты – не инвесторы. Пока они торгуют, нам плевать, зачем они торгуют и сколько зашибают. Расследования, сенатские слушания, запросы Комиссии меняют отношение публики к торгам. Публика сокращает торги.

– Я об этом не подумал.

– Уже пора. – Тобиас выхватил у меня газету. – Эзра приедет на выходные, надо будет его обработать. – Он понял, что в законах и психологии, которые рулят биржами, я совсем зелен. – Ч-черт. Иди с Алеком пообщайся. Мы должны были сами на этой полосе оказаться.

Ну вот. Кризис в самом сердце свободного предпринимательства. Минимальное представление о

компьютерных сетях окунуло меня в деловую политику по самые уши – как мало кого другого в мире. Я – точно сотрудник Белого дома, очутившийся в военном штабе. Все, что я сейчас делаю и говорю, в итоге может попасть в заголовки «Нью-Йорк Таймс».

Однако я понятия не имел, что творится. Может, Алек меня просветит, пока никто не догадался.

– Тебе не кажется, что участники рынка иногда сбивают акции, просто чтобы любителей с биржи выгнать? – вопросил Алек из-за стола – куска толстого зеркального стекла на хромированных козлах.

– Слушай, – начал я, рассчитывая на сочувствие. – Торги – это не для меня. Я умею информационную архитектуру, сетевую стратегию, электронную коммерцию, контент, дизайн интерфейса…

– Но, Джейми, это *и есть* интерфейс. – Алек развернул ко мне монитор и вбил адрес. – Вот, посмотри.

На экране появилась доска объявлений про крошечную НАСДАКовскую акцию «XTXT». Алек открыл сообщение юзера, который называл себя «Брокерский Шут».

– Смотри, – сказал Алек. – Шут пишет, что сбросил XTXT.

> БРОКЕРСКИЙ ШУТ (12:31)
> Тема: Сброс без покрытия
> Только что по конференц-связи общался с руководством. Ребята в заднице. С серверной линейной xtxt жестко конкурирует IBM и другие крупные игроки. Договоров нет, доходов нет – на чем оценка держится, непонятно. Я тут подсчитал, если каждая акция по 1,3 доллара, реальный коэффициент цена/доход – больше 3000! Ну что вам сказать – ДРЕВЕСИНА!!!!

– И? – спросил я. – Парень играет на понижение. Делов-то.

– Ну да. – Алек развернул ко мне другой монитор. – Теперь смотрим на сделки сразу после его постинга.

На экране список транзакций – колонки белых цифр на синем фоне. Возле каждой – красная или зеленая стрелочка.

– Стрелка показывает, по спросу ушли или по предложению, – объяснил Алек.

В 12.32 все стрелочки покраснели. Сотня акций за 1,28 доллара, еще сотня за 1,27, четыреста за 1,27 1/8, все ниже, ниже, до пятидесяти за 1,21 к 13:00 того же дня.

– Ну? Новости плохи – люди продают.

– Еще раз посмотрим запись, – предложил Алек голосом спортивного комментатора. – Следующие постинги прогляди.

ЧЕЛОВЕК ХТХТ (12:40)

Тема: Древесина у тебя в штанах

Не знаю, ШУТ, с кем ты тут разговариваешь, но, помоему, ХТХТ уникально позиционируется. Их серверы умеют Дигитальный Датчик Трансмиссии – проприетарная технология. Ни одна компания на такое не замахивалась. А 30-дневное скользящее среднее акций плюс аналитика лент Бродинджера доказывают, что акции вот-вот вырастут. Сбрасывай, сколько влезет. Жду не дождусь, когда тебе придется их покрывать.

БРОКЕРСКИЙ ШУТ (12:55)

Тема: Дигитальный Датчик Трансмиссии

С каких это пор ты стал спецом по ХТХТ? Что-то я тебя тут раньше не видел. Сколько у тебя сейчас их бумаг? ДДТ – еще одна аббревиатура, Дребедень для Дневных Торгов. Колись, а?

ЧЕЛОВЕК ХТХТ (13:08)

Тема: Дигитальный Датчик Трансмиссии

Я технический эксперт, у меня больше 1,2 миллиона инвестиций в мелкие компании. Если посмотришь на доски по «Люсент» и PRPS, увидишь, что я полтора года предсказывал точно. За ХТХТ слежу с их выхода на биржу в апреле, а нынешний спад кажется мне попыткой участников перед повышением вытрясти с рынка мелочь. Хочу тебя спросить, БРОКЕРСКИЙ ШУТ, как это ты умудрился с руководством пообщаться? Инсайдерские сделки противозаконны.

БРОКЕРСКИЙ ШУТ (13:15)

Тема: Клевета

Я переправил твое последнее сообщение своим адвокатам. К концу недели они с тобой свяжутся. Это публичная доска объявлений, ты отвечаешь за все, что пишешь. Если кто-нибудь следит за дискуссией, обратите внимание: когда ХТХТ нечего сказать, он мешает собеседника с грязью – вылитый политик. Он исчерпал разумные аргументы. Продавайте, пока можно. Я

сваливаю.

ПРИДИРА ПАМЕЛА (13:21)
Тема: Вытряхивание брокеров
Спасибо, Шут, что не бросил дискуссию, хоть тебя и обижали. Я, например, ценю твои соображения. Я продала свои акции полтора часа назад за доллар с четвертью.

ЧЕЛОВЕК ХТХТ (13:30)
Тема: Адвокаты
Я к их звонку подготовлюсь;) Меня поражает, как ты великодушен к другим юзерам этой конфы. Просто Мать Тереза. Кстати, я написал вице-президенту по инвестициями, так он меня заверил, что никаких разговоров ни с каким руководством сегодня утром не было. Вообще-то все руководство на конференции в Лас-Вегасе, у них презентация на промышленной ярмарке НПП. Они там с утра. Пресс-релиз почитай: http://www.xtxt.com/release122A.html.

АВАНТЮРИСТКА (13:41)
Тема: Ярмарка НПП
Что такое, Шут? Расскажи нам, как ты до руководства добрался. Я прочла пресс-релиз. Похоже, Человек ХТХТ дело говорит.

ЧЕЛОВЕК ХТХТ (13:50)
Тема: Вытряхивание
Ну, Шут, и кто тут кого вытряхивает, а? Я отправил всю переписку руководству ХТХТ. К концу недели они с тобой свяжутся;)

– Видишь? – Алек ткнул в другой монитор. – Примерно тогда же перестали продавать. А до этого по предложению ушло больше сотни тысяч акций.

– Я вижу, но не понимаю, что в этом такого. Люди читают

доски, решают. Это их проблема, кому верить.

– Это еще не все, Джейми. – Алек пролистал список сообщений. – Брокерский Шут молчал как рыба до следующего утра. И вот чем все закончилось.

> БРОКЕРСКИЙ ШУТ(11:45)
> Тема: До свидания
> В последние полгода я писал на эту доску под псевдонимом «Брокерсий Шут», «Марк24» и «Иньвест». По соглашению с руководством ХТХТ я хочу сообщить, что ни с кем не разговаривал по конференц-связи, как утверждал вчера. Я понятия не имею о конкурентном положении компании и об их ХТ-серверах. Прошу прощения за любые неудобства, причиненные моими постингами. Я больше не буду участвовать в дискуссиях на этих досках. Всем удачных торгов и хорошего дня.

– Хочешь сказать, это была сплошная лажа?

– Дальше – больше, – ответил Алек. – Смотри, как взлетели акции сразу после признания Шута.

Он пролистал длинный список транзакций – все с зелеными стрелками. К 15.00 акции поднялись до 2,1 доллара.

– Потрясающе, – сказал я. – Одна перепалка в Сети такое сотворила?

– Еще бы. – Алек сделал эффектную паузу. – Он ее затем и инсценировал.

– Кто? Шут? У него же теперь небось проблемы? Или Человек ХТ?

– Не Шут и не Человек ХТХТ, – улыбнулся Алек.

– То есть?

– Джейми, это *один человек*.

– Что за хуйня?

– Один и тот же брокер, – объяснил Алек. – Притворялся, что ругается сам с собой.

– Быть не может.

– Может-может. – Алек сиял. – Изображал сразу медведя и быка. Сначала дал медведю выиграть, чтобы покупать. Собрал 80 тысяч акций, пока Брокерский Шут сбивал цену. Купил все, что хотел, выпустил ХТХТ, тот прервал падение, спросив, была ли вообще конференц-связь. Назавтра подготовился продавать…

– И вывесил признание Шута!

– Именно! – Алек хлопнул по монитору. – Притом одновременно под еще двумя никами на других досках. Месяцами

лепил виртуалов, а тут одним махом всех убил. И в процессе заработал 300 тысяч.

– Невероятно. А ты почему так уверен?

– Этот парень – наш клиент. Живет в Хобокене, целыми днями торгует. Мы на этих акциях рынок делаем.

– Господи боже, Алек, это разве законно?

– Пока да, законно. Ну то, что *он* делал, – незаконно, но мы-то просто его сделки проводим. Откуда нам знать?

– Но мы знаем. *Ты* знаешь.

– Мы знаем, но мы не знаем. Можем все правдоподобно отрицать. Не будем же мы следить за каждой сделкой. Их там сотни.

– Играешь в игру – изволь рисковать?

– Добро пожаловать в удивительный мир онлайновых торгов.

– Но на доске объявлений ваше имя, имя вашей компании. – Я снова перешел с «МиЛ» на вы.

– Мы публикуем дисклеймеры. «„МиЛ“ не несет ответственности за опубликованную информацию».

– Какие вы добрые.

– Ну а как иначе? Если Бирнбаум своего добьется, компанию можно будет привлечь за любой постинг. Он выдумает процедуры и проверки, а нам они обойдутся дороже наших комиссионных.

– Но то, что твой отец хочет – в перспективе-то это ведь не может быть удачная стратегия? Раз большинство брокеров деньги теряют.

– Это не настоящие клиенты. Это идиоты, погрязшие в дневных торгах. И торгуют они как никогда. Домохозяйки читают о таком вот эпизоде и чувствуют, что они в центре вселенной. В игру попали. Им нравится – значит, они готовы платить. Некоторые вот платят, чтобы в кино сходить. А эти кретины выкладывают деньги за удовольствие поплавать с акулами[117].

Мы поняли, когда прочитали отчет «Юпитера», что сообщества поднимают трафик на коммерческих сайтах. Мы открыли доски, и сделки подскочили на 175 процентов.

– Не хочу оскорблять семейный бизнес, но должны же для стимуляции найтись способы получше.

– Чудесно, Джейми. – Алек развернул мониторы обратно. – Ты же у нас теперь интернет-гуру. Вот и придумай.

Я принял вызов:

– Придумаю.

– Давай-давай! – Он с энтузиазмом закивал, чтобы я понял: мое презрение его позабавило, а не обидело. – Лимузин отъезжает через час. Вещи захватил?

Я кивнул и отчалил.

Справлюсь, думал я по пути в кабинет. Игровой дизайн один к одному. Чтоб онлайновые торги развлекали, без мрачных дискуссионных выебонов, на которые «МиЛ» полагался до сих пор. Делов-то. Занимательно даже. И я реально сделаю толковую вещь.

Черт, да Морхаусы понятия не имеют, что у меня припасено. У меня же запредельная, потрясающая новая технология есть. Тесланет. Коммуникационная инфраструктура на магнетизме самой земли. Она весь мир на уши поставит. И ее изобрели соседские парни. Вот потому я среди квадратных и работаю, напомнил я себе. Потому и притворяюсь одним из них. Я агент перемен – прямо скажем, двойной агент. Занимаюсь подрывной деятельностью на должности в штабе корпоративного капитализма.

Я так порадовался за собственную душу, что решил звякнуть домой и поболтать с матерью. Она как-то умудряется по голосу распознавать, здорова ли моя душа, поэтому я предпочитал общаться, лишь когда чувствовал себя уверенно. Иначе мать вычислит провалы в логике моих эмоций и мертвой хваткой в них вцепится – мне тогда и жить не захочется. Как в тот раз, когда я позвонил из артистической Джеральдо. Мама так меня запутала с моими нападками на Ямайских Королей, что я в эфире перестарался и объявил Интернет «полем для хакерских игрищ».

Мать не защищала Королей – ни в коем разе. В то время она считала их виновниками моего крушения. Но настойчивые вопросы – честные, искренние, непредвзятые – действовали на меня китайской водной пыткой[118].

– Ку-ку, мам, – бодро провозгласил я.

Без толку притворяться. У Софи новости не фонтан.

– Как хорошо, что ты позвонил, – сказала она. – Мы же не общались с…

– Ага, – прервал я упрек. – Тут было сумасшествие. – О сумасшествии я заговаривал всякий раз, когда с языка рвалось ругательство. – Я сегодня в Монтану еду на какое-то сумасшедшее совещание.

– Ой. – Пауза. – А я надеялась, ты завтра приедешь. Мы в синагогу всей семьей идем. Поддержать.

– Зачем? Что не так? – Я уже понял.

– Он сегодня утром в Ассамблею звонил. – В Раввинскую Ассамблею то есть. Туда раввины звонят, когда ищут работу.

– Тебе не кажется, что он поторопился?

– Конечно, кажется. Я считаю, он должен бороться.

– Ты ему сказала? – Это я один такой уникальный, или все сыновья – посредники между родителями?

– Он говорит, я пристрастна. Конгрегация его оценивает не так, как я.

– Они думают, что найдут более опытного раввина за такие деньги? Они что, с ума сошли?

– Не знаю, милый. Но, по-моему, он тебя послушает.

– Меня? Он меня врагом считает.

– Вовсе нет. Он тобой гордится. Ты бы слышал, как он курлыкал над статьей в газете.

– Вы читали?

– Моррис читал. Пришел на той неделе в синагогу – только чтобы нам показать. Что ж ты не говорил?

– Я вам газету оставил, – соврал я. – Вообще-то, знаешь, там все прямиком из пресс-релиза. Ну то есть – ерунда.

– Никакая не ерунда. Вся конгрегация об этом говорит.

– Конгрегация, которая пытается от него избавиться.

– Ну вот ты понимаешь, милый. Поэтому ты ему нужен. Он тебя послушает.

Моя мама умная, только немного чересчур аналитического склада. Она в колледже психологию изучала, так что я понимал, к чему она клонит. Конгрегация обижает лично папу. Может, он с ней помирится, если помирится со мной. Большая натяжка, однако.

– Папа слишком для них хорош, – сказал я.

– Он им нужен, Йосси. Нам всем.

То есть мне. Из ее фрейдистского плана я, видимо, не ускользнул.

– Слушай, я в эти выходные не могу. Я прямо сейчас уезжаю. Но я приеду на следующей неделе. И на Пасху.

– Еще бы ты не приехал на Пасху. – Можно подумать, присутствовать – моя обязанность, а не любезность. – Кого-нибудь особенного приведешь? – Может, мне еще и внуков ей забацать?

– Особенных сейчас нету, мам. Но я, может, кого и приведу. Посмотрим.

– Как квартира? – Мама сменила тему.

– Слушай, мне бы уже собираться.

– Может, поговоришь минутку с Мириам? Она любит твой голос.

– Конечно, только минутку…

Мама уже отошла. Я слышал, как она зовет мою сестру. Взяли вторую трубку.

– Алле? – в пустоту спросила Мириам.

– Привет, Мириам.

– Привет, – сказала она.

– Я поеду смотреть ковбоев. – Я несколько идеализировал

поездку.

– Настоящих ковбоев или понарошку?

– Настоящих, детка. С лошадями и всем таким прочим.

– По телику? – спросила она.

– Нет, Мириам. По-правдашнему.

– Грузовик с сеном? – Мы с ней как-то в детстве ездили на озеро Джордж на сенокос.

– Точно. – Я вспомнил впервые за много лет. – Классно было, да?

– Я тебе кашпо закончила, – ответила она о другом.

– Спасибо, Мириам. Замечательно. Приеду – посмотрю.

– Ты сейчас приедешь?

– Нет, Мириам. Скоро.

Из другой трубки вмешался материн голос:

– Детка, Джейми пора идти.

– Но его тут нет, – сказала Мириам, не умея испытать подлинное единение через телекоммуникации.

– Ему надо от телефона отойти, – объяснила Софи. – Попрощайся.

– Пока, Джейми, – сказала Мириам. – Я тебя люблю.

– Я тебя тоже. – И под такой финал я повесил трубку, решив отдельно с матерью не прощаться.

В органайзере я записал: позвонить из Монтаны домой. Да нет, я не забуду, но так мне легче уезжать, когда я нужен семье.

Следующий час я вбивал в презентацию Тесланета в «PowerPoint»[119] дополнительные слайды. Стибрил пару графиков и таблиц с веб-сайтов «Уайред»[120] и «Апсайд»[121], в графическом редакторе поменял названия на «Исследовательский отдел „МиЛ“». Все так делают.

Едва золотое сияние заката превратило картинки у меня на мониторе в нечитабельные тени, в дверях появился Алек: в руках чемоданы, на голове ковбойская шляпа.

– Ну шта, готофф? – спросил он, надвинув шляпу на лоб.

– А то. – Я вынул диск и сунул в карман. – Пошли.

Алеково ребячество оказалось заразительно. Мы шествовали к кабинету Тобиаса, и я чувствовал себя могущественным младотурком, каковым и был. Мы шагали по коридорам и громко беседовали, от чего вздергивались головы младших менеджеров и секретарей в загончиках.

– Ты на таких тусовках раньше бывал? – спросил я.

– Первый год. Он обычно Морта берет или какого-нибудь фондового менеджера.

– Видимо, я теперь тоже фондовый менеджер.

– Не тех фондов, – осадил меня Алек. – Многомиллиардных.

Платинового или инвестиционной группы.

– И зачем, по-твоему, он нас берет?

– Наверстать упущенное, – объяснил Алек, заворачивая за угол. – Бычьи Бега за десять лет изменились. Раньше – сплошная валюта, политика, процентные ставки, а теперь – интернет-вечеринка. У папика репутация тотального тяжеловеса, да еще противника НАСДАКа. Старая школа. Он теперь в разговорах фишку совсем не рубит.

– Он что, не понимает – там никто ни хуя не рубит. Все только выделываются.

– Поэтому, друг, у нас прекрасно получится. – Мы пришли к дверям Тобиасовой приемной.

– Он через минуту появится, – сказал Брэд, не заметив, что Тобиас с чемоданами уже выходит. Брэд подскочил забрать чемоданы; Морхаус на секунду замялся, потом уступил багаж – мол, я и сам могу, без проблем, но какого рожна?

Брэд с чемоданами возглавил колонну и направился к лифтам. Тобиас за ним – такой крупный, что нам с Алеком, груженным собственной поклажей, пришлось поотстать. Однако смотрелась наша процессия будь здоров. Денщик, генерал и два юных крепких лейтенанта. Перед нами расступались, девушки жались спинами к стене и стискивали папки у груди, пропуская конвой. Маршируя за Тобиасом, я чувствовал себя могущественным по ассоциации. Я вхожу в узкий круг, я – ключевой игрок в корпоративном завоевании новых территорий.

Мы вошли в поместительный лифт, и Брэд нажал кнопку «Вниз». В лифт набивались люди. Нас, призванных офицеров, невозможно не заметить. Я знал, что на меня пялятся. Взгляды меня ободряли – возбуждали даже.

Мы остановились на двенадцатом этаже. Курьер-велосипедист, примерно мой ровесник, вошел и невозмутимо облокотился на поручень. Судя по виду, из нацменьшинств – смуглый итальянец, а может, марокканец, с болтающимися каштановыми дредами. На боку – синяя брезентовая сумка, в руке – велосипедное колесо. В драной красной футболке, бедра, накаченные круглосуточным верчением педалей, обтянуты лайкрой. Загорелая кожа блестит от пота – от беспрерывных гонок по нью-йоркским улицам. Вид у него был такой, будто ему на все плевать.

Не я один его разглядывал. На юношу уставились все женщины в лифте. Их взгляды гладили изгиб его шеи, поясницу, выпяченный таз молодого распутника, гениталии, проступающие под велосипедками. И вот я уже задыхался в костюме, сумки тянули к полу. У меня в кармане презентация, которая стоит

миллионы, а то и миллиарды долларов. Но спросить этих женщин – я просто очередной квадратный. Вот курьер ни на кого не похож. Беззастенчивый тунеядец. Свободный.

Мне хотелось заорать. Чтоб они поняли – тут стою ненастоящий я. В колледже я был спортсменом, притом неплохим. Грудь у меня достойная и руки сильные – не слабее, чем у велосипедиста. Может, я бы выиграл, подерись мы не на жизнь, а на смерть. Но сейчас мне, корпоративному придурку с ног до головы в «Армани», казалось, что хрен у меня крохотный и привстать-то не сможет. Хрень.

Да нет же! Этот лодырь – настоящий лузер, хотя женщины только о нем и мечтают. В конечном-то итоге он всего-навсего курьер, семью не прокормит, детей в школу отправить не в состоянии. Хотя – кто знает? Может, у него рок-группа, в выходные играют по клубам, рывок не за горами. Или, может, он многообещающий молодой художник, не сегодня-завтра – выставка в «Уитни». Он держался так, будто живет настоящей жизнью. Живет.

У подъезда небоскреба нас ждал лимузин. Я уже опытный: поставил сумки на тротуар – Брэд с шофером погрузят. Но я не мог целиком доверить им свой лаптоп, так что притворился, будто открываю дверцу Алеку с Тобиасом, а сам следил, чтобы сумки поставили аккуратно. Я не привык, что мои вещи таскают за меня, и в глубине души сомневался, что о них должным образом позаботятся.

Как это богачи так доверяют слугам? И что будет, если те ошибутся? Нырнув в багажник, Брэд с шофером обсуждали, как сэкономить пространство, а куча дорогущего багажа стояла себе на тротуаре без присмотра! Они просекут, если кто-нибудь решит сумку уволочь? Они вообще смотрят? Или бродяги такого не крадут? Может, живы еще рудименты соглашений шестнадцатого века между уличными селянами и дворянскими слугами?

В багажнике места все равно не хватило, так что пришлось мне с ручной кладью садиться спиной к водителю. От Алека с Тобиасом меня отделяла громадная бесполезная лимузиновая пустота.

– Как насчет выпить? – Тобиас указал подбородком.

Только тут я заметил бар в полированной деревянной панели.

– Вы что будете? – Я встал на колени перед шеренгой бутылок и бокалов. – Есть скотч и, кажется, водка.

– Скотч со льдом, – сказал Тобиас.

– Мне тоже, – сказал Алек.

Цепляясь за покрытый ковром выступ на полу, я смешал три.

Один поставил на бар, затем с бокалами пополз к Морхаусам.

– Свой тоже принеси, – сказал Тобиас.

Я подчинился. Похоже, Тобиас желает излить на нас свою мудрость. Сидеть на полу у его ног – небольшая цена за подобное приближение к главе «МиЛ».

Но Морхаус попивал скотч и разглядывал в окно сцепившиеся бамперами машины, что тащились к тоннелю Холланд.

– Наверное, надо было нам по мосту, – сказал я, пытаясь завязать разговор. Если Тобиас не отреагирует на сигнал, вернусь на свое место. Морхаус не ответил. Я молча размышлял, как бы смыться, не показывая, что не оценил чести, и тут Алекова голова откинулась, а челюсть отпала.

Тобиас посмотрел на сына и с невероятной нежностью передвинул его так, чтобы тело удобнее привалилось в угол. Подложил ему под шею свернутый пиджак и укрыл плащом.

– Славный пацан, – сказал Тобиас. – Тем более – столько перенес.

– Ага, – я попытался изобразить сочувствие. Что такого перенес этот привилегированный ребенок?

– Бирнбаум, знаешь ли, нашему семейству сильно жизнь усложнил, – сообщил Тобиас.

– Да? А как?

– Алек тебе не рассказывал?

Я покачал головой.

– На него похоже, – Тобиас улыбнулся спящему сыну. – Все нипочем. Даже несчастный случай.

Я так понял, Тобиас имеет в виду принстонскую неприятность.

– Да ничего особенного и не было, – сказал я, пытаясь умалить собственный героизм. – Темно. Заплутал слегка. Со всеми бывает.

– Не в этом дело. Он же левую руку не может выше плеча поднять, знаешь.

– Не знал. Понятия не имел.

– Его в Андовере из-за этого дразнили. Он правда тебе не говорил?

– Нет. А как это вышло? – Вряд ли такая уж гениальная идея – обсуждать Алека, пока он сном праведника спит.

– Забавно, как все повернулось.

Я не въезжал, о чем он толкует. Даже не знал, как спросить. Морхаус прекратил мои мучительные раздумья.

– Мы с Эзрой дружили еще с «Манхэттенских сбережений и ссуд», – начал он. – У «МиЛ» даже места на бирже не было, а Бирнбаум проверял бизнес-ссуды в банке. По субботам прямо из

синагоги приходил к нам домой, на угол Лекса и Восемьдесят третьей. Помню, он стаскивал с головы ермолку, аккуратно складывал пополам и совал в задний карман. Потом мы смотрели игру. Ну трепались за парой пива. Обсуждали, как завоюем финансовый рынок.

– Я не знал, что вы так давно знакомы.

– Давно, да, – сказал Тобиас, подставляя мне стакан. Надо смазки подлить. – Бирнбаум тогда был настоящим психом. Полнейшим невротиком. К психоаналитику[122] ходил.

– А что с ним было? – спросил я, осторожно вручая Тобиасу стакан, до краев наполненный языкоразвязывателем «Джонни Уокер Блэк».

– Ему казалось, людям что-то на головы рушится, – засмеялся Тобиас. – Или вот-вот рухнет. Коктейля не бывало, чтоб он не предупредил кого-нибудь – мол, вроде вон та люстра сейчас сорвется с потолка им прямо на головы. Или, скажем, на улице всегда стройки обходил – боялся, что леса обвалятся или кран упадет. Помнишь, как на «Панам» вертолет грохнулся?

Я отупело поморгал.

– А, ну да, – пожал плечами Тобиас. – Ты слишком молод. Небоскреб «Метлайф»[123]. Там наверху была посадочная площадка. Вертолет как-то не рассчитал и вмазался прямо в верхний этаж. На улицу мусор посыпался, погибла женщина.

– А Бирнбаум это предсказал?

– Нет. Но посчитал доказательством того, что такие вещи случаются. Вырезал из газет все заметки, носил в портфеле. Куда бы ни ехал, все время их перечитывал.

– И психиатр его вылечил?

– Конечно, – сказал Тобиас. – Вылечил. Загипнотизировал и дал ему такую маленькую – как сказать? – мантру короткую, говорить всякий раз, если кажется, будто с кем-то случится несчастье. Что-то вроде: «Все вне опасности, ничего страшного, все в безопасности, все будет хорошо».

– Простенько так.

– И действовало, уж ты мне поверь. Как-то он приехал в субботу. «Нью-Йоркские Ракеты» играли. Алеку не было года. Еще на четвереньках ползал.

– Трудно представить, как вы двое сидите на диване, пивко попиваете, и Алек под ногами ползает. – Я с наслаждением вообразил Тобиаса каким-то мелким буржуа.

– Хуже того, – хмыкнул Тобиас. – Мы сидели в раскладных креслах – я их купил, хотя мать Алека была против. Не в ее вкусе. Господи, она их терпеть не могла. Ну вот, мы накачались «Микелобом», смотрели «Ракет», а Мэри на кухне жарила

гамбургеры или курицу.

– Поразительно, что Алек не стал фанатом, – заметил я.

– Поразительно, что у Алека фобий не развилось, – отозвался Мохаус. – Понимаешь, когда Мэри была на кухне, за Алека я отвечал. В доме все было для детей безопасно, так что мы ему позволяли везде бродить. Ну, может, попкорна ему подкидывали. Эзра всегда в таком состоянии был, он следил за Алековым ротиком, чтобы ребенок не подавился.

– По-моему, довольно дико.

– Но когда Эзра вылечился, все изменилось. Понимаешь, у него только закончилась гипнотерапия, и он все повторял свою мантру. Мы слышали, как он себе под нос бормочет, входя в лифт. Непрерывно бубнил. Я привык не обращать внимания. Он по правде видел, что сейчас будет, но ничего не сказал.

– Что видел?

– Мы в этих креслах лежали. Полностью откинулись. Почти горизонтально. Алек залез под мое. Эзра видел, хотел меня предупредить, но решил, что дергается, потому что болен. И стал повторять свою мантру. «Все вне опасности, все в безопасности» и так далее. А тут меня Мэри с кухни позвала. Жир от курицы слить, что-то такое. Никогда не забуду. Я кладу руки на подлокотники, сейчас встану и вижу: Эзра зажмурился, у него губы шевелятся – мантру повторяет.

– А Алек?…

– Ну, я на руки-то оперся, чтобы встать. Ножки кресла задвинулись – тут я и слышу крик. И ничего не поделать.

– Ох, господи.

– Я сразу кресло раскрыл, но Алеково тельце уже все перекрученное. Он даже не плакал – хрипел только. Воздух ртом ловил. – Мохаус глядел на сына. – Мы его отвезли в неотложку, там сказали, что сломаны два ребра. Что рука вывихнута, но они ее сейчас вправят, резать не надо.

– Господи боже, у вас, наверное, шок был.

– Да, но до Эзры далеко. – Тобиас обернулся ко мне. – Мы приехали из больницы среди ночи. Открыли дверь, а Эзра сидит в кресле, бубнит свою мантру, снова и снова. Совсем с катушек съехал. Два месяца оклемывался.

– А Алек?

– Выяснилось, что насчет плеча врачи ошиблись. Порвалось несколько сухожилий. Он еле рукой двигал. Года в три мы его положили на операцию. На плечике и на руке носил твердый гипс несколько месяцев. Но рука все равно не совсем двигается.

– Вы в суд подали?

– Кто с врачами тогда судился? Начало восьмидесятых.

Халатность не в моде. Но после этого Бирнбаум заботился о нас, как только мог. Когда его избрали в совет Нью-Йоркской резервной системы, намекнул мне, куда федералы процентную ставку сдвинут. Вообще-то все отчетливо понимали, куда, но подтверждение не мешало. Я смог действовать смелее.

– А что теперь Эзра? – спросил я. – По-прежнему невротик?

– Ну, он все ходит к тому же идиотскому аналитику. – Изо рта Тобиаса полетела слюна – от алкоголя расслабился. – Но я думаю, сессии мисс Холстэд ему вдвое полезнее.

– Проститутки? – Дядька еженедельно ходит в синагогу и по шлюхам?

– Скорее мадам, – ответил Тобиас. – Любовницы, называй как хочешь. Девчонки в коже, с кнутами, все такое. Связывают его или он притворяется школьником, а они его шлепают. Такие вещи. У него в голове бардак. Представь, что с федералами будет, если все это появится на шестой полосе?[124] – Тобиас подмигнул.

– Да уж, – сказал я. А что тут скажешь?

Тобиас повернулся к Алеку. Пихнул его локтем – убедиться, что сын спит. Тот свернулся калачиком.

– Я, знаешь ли, потому его с собой и взял.

– То есть? – спросил я.

– За Бирнбаумом должок.

Тут бы мне и понять, что эти ребята не в бирюльки играют.

6
Облом

Я проснулся, когда Морхаусов «Гольфстрим-2» коснулся посадочной полосы. Я собирался бодрствовать весь полет – раньше я никогда на частном самолете не летал, – но третья порция суси с сакэ меня доконала. Поболтать все равно не с кем. Тобиас, прежде летавший на военно-морских самолетах, почти всю дорогу просидел головой в кабине, с двумя добродушными пилотами обмениваясь байками про «чуть-чуть не попал». Алек обсуждал декор с Анеей, чешским дизайнером самолетных интерьеров, которую наняли дотянуть «Г-2» до уровня самых выпендрежных богачей Силиконовой Долины.

– Ешли вжлетаете ш полной ванной, как миштер Гейтш, – объясняла она, тыча длинным малиновым ногтем в чертеж, – тогда вот тут надо подштавку.

В итоге ее услуги никому не понадобились. Усевшись на рассвете в кресло второго пилота, чтобы помочь приземлиться, Тобиас у взлетно-посадочной полосы узрел воздушный флот остальных боссов. Некоторые – пассажирские, как у него, но остальные – переоборудованные военные самолеты.

– Ебена мать! – сказал Тобиас, втискивая «Г-2» между парой «МИГов». – Тут, блядь, у всех военные? На какие шиши они это дерьмо покупают?

– Не так уж дорого, пап, – предположил Алек. – Наверное, в армии лишние, вот и продают.

– Выясни, – распорядился Тобиас, отстегивая ремень безопасности. – Если кто и вправе на такой посудине летать, так это я.

Черный «линкольн-навигатор»[125] отвез нас с посадочной полосы на ранчо, – сорок тысяч акров, когда-то принадлежавших чуть ли не последней независимой скотоводческой компании, но затем перекупленных медиа-империей «Интертейнинк», которая больше на них заработала, сдавая под натурные съемки, чем торгуя быками. Ежегодные Миллиардерские Бычьи Бега проводились на ранчо задолго до продажи. Ходили слухи, что председатель совета директоров «Интертейнинка» Маршалл Теллингтон, бывший Родсовский стипендиат, только ради участия в Бычьих Бегах эту недвижимость и купил.

Наши авто миновали загон для скота и въехали по холму к центральному зданию. Меня душили мощные ароматы коров и удобрений. Я глотнул для профилактики антигистаминов[126] и

ослабил узел галстука.

– Не сейчас, – сказал Тобиас. – Доберемся до номеров – тогда переоденемся. До тех пор – бравый вид.

Морхаус после приземления на три точки пребывает в остаточно военном режиме, рассудил я и подчинился. По деревянным ступеням мы поднялись на крыльцо (Анею с пилотами отправили в ближайший мотель), затем в дом – громадный старинный западный особняк, на вид – вылитая съемочная площадка, каковой он и был. В вестибюле перед бронзовой статуей ковбоя-укротителя верхом на быке (в натуральную величину) расположился стол регистрации.

Тут я заметил девчонок. Самая клевая вручала мужчине в спортивном плаще полотняную сумку, набитую блокнотами, буклетами, кучей футболок, мышиными ковриками и прочей корпоративной дребеденью[127].

Короткие рыжие волосы и зеленые глазищи, что понимающе улыбнулись, когда она отправляла мужчину в номер. За столом сидели три девчонки, и две свободны, однако я обрулил коллег и оттиснул их спиной, чтобы поняли: рыжая – моя.

– Джейми Коэн, – сообщил я, ожидая, когда она поднимет взгляд. Девчонка шуршала списками гостей. Она сдула со лба челку и глянула на меня с той же понимающей улыбкой, какой удостоился предыдущий гость. Подействовало так, будто я – первый мужчина в ее жизни, которому она улыбалась.

– Вы будете жить в четвертом коттедже, – сказала она. – С мистером Морхаусом.

– Это, наверно, я. – Алек ошивался в округе. Я непроизвольно оттер его плечом.

– Вы шта, весь год на ранчо? – спросил я, изо всех сил изображая монтанский акцент.

– Ох нет, – засмеялась она, вручая мне бэдж. – Мы прилетели. На мероприятие. – Она что-то записала и потянулась под стол за полотняной сумкой.

– Правда? – спросил я, отчаянно не давая разговору угаснуть. – Откуда? Из Нью-Йорка? Мы оттуда.

– Ага. – Мой навязчивый и неловкий флирт явно ее забавлял. – Технический эксперт, «Морхаус и Линней», – прочитала она на моем бэдже.

– Точно, – засмеялся я, пытаясь за горой блокнотов разглядеть ее бэджик на сиреневом пуловере. – А вы, значит…

Она выгнула спину, приподняв грудь над кучей бумаг на столе; грудь натянула свитер. Разумеется, девчонка понимала, как это действует.

– Джинна Кордера, – прочитал я. – Красивое имя. Испанское?

– Наверное, раньше было, – ответила она. – Вам национальность важна?

И что отвечать? Она думает, я расист? Или вычислила, что я уже размышляю, каким образом католическая девушка отчасти испанского происхождения повлияет на генеалогию Коэнов? Родители приспособятся. Или, может, она примет иудаизм.

– Просто интересно. – Кажется, я выкрутился. – Ну, наверное, увидимся.

– Наверное. – Она улыбнулась не то с искренним любопытством, не то с самодовольством человека, который только что успешно выпроводил еще одного из толпы бизнесменов, целый день болбочущих то же самое.

– Господи, Джейми, – насмехался Алек, пока мы распаковывались. – Ей *платят*, чтоб она с тобой кокетничала. Это ее *работа*. Большинство этих девчонок – профессионалки, ты меня понимаешь?

– О как, – сказал я. Игры и забавы. Ну да.

В четвертом коттедже, как и в остальных, стояли две кровати (одинаковые спинки с ковбойскими мотивами), такие же комоды, а между ними – ванная с подковой на двери. Тобиас поселился в центральном здании с прочими старичками. Одна лишь вероятность, что кто-то из этих шестидесяти-с-хвостом-летних начальников страдает неприличными физическими недугами[128] – недержанием[129], например, или заворотом кишок, если не чем похуже, – без вопросов обеспечивала им право на личные апартаменты.

Алек сел на кровать. Он уже переоделся в потрепанные джинсы, синюю фланелевую рубаху и весьма потертые ковбойские сапоги. Он отлично смотрелся на фоне просмоленной бревенчатой стены. Заранее костюмчик припас? Может, и у Мохаусов такая недвижимость есть? Алек всегда на высоте – и при полной маскировке. Хорошо бы этому в начальной школе учили.

– Ты только глянь, сколько они нам говна втюхали, – сказал Алек, копаясь в груде корпоративной дребедени на кровати. – Четыре футболки, два ковра, три бейсболки, йо-йо, пять… нет – шесть ручек, блокнотов – завались… Дребедень-сити.

– Завтрашний мусор. – Я открыл сумку.

– А знаешь, можно открыть компанию по продаже дребедени. – Алек продемонстрировал первую попавшуюся футболку веб-компании. – Ты знаешь, сколько такой фигни выбрасывается? Спорим, хватит весь мир одеть. Можно скупать лишнюю одежку у обанкротившихся компаний, всякие остатки с конференций – ну, ты понял. А потом продавать как высокую

моду. И клеить свой лейбл, где хорошо видно. Скажем, на сиське. Или в случайных местах. Для каждой тряпки разных, но заметных.

– А на лейбле что будет?

– Например, «Дребедень». Понимаешь, да? Переобозначить дребедень вообще – «Дребеденью». Вторичная, однако новая уродливая одежда под видом социальной сатиры.

Алек генерил подобные идеи постоянно. Я страшился дня, когда этот пацан возглавит «МиЛ» и получит шанс их воплотить.

– В этой мусорной куче расписания нет? Когда я с Тесланетом выступаю?

– По-моему, на общем заседании по «новым технологиям». Сегодня днем, в три, – отозвался Алек, пролистав буклет якобы из сыромятной кожи.

– На заседании? – переспросил я скорее в пространство. – Я не могу на заседании. Это не для дискуссий. – Публика на общих заседаниях отключается, поскольку ораторы только и делают, что вбрасывают новые компании или продукты. С другой стороны – а я-то разве не сотрудник компании, вбрасывающей новый продукт?

– Повезло, что ты вообще туда попал. За все выходные – два заседания и парочка речей.

– А в остальном?…

– Ковбойские штучки, Джимми. И тусовка. Пошли. Одевайся. Что наденешь, чувак?

Я зарылся в сумку. У меня была какая-то легкомысленная одежда, но вся новая – сплошь высокомодные тряпки, которые я закупил в «Армани» и «Прада»[130], когда Тобиас одобрил мой костюм. Зашибись. Я наконец вырос. В совершенно не подходящий момент. Мои студенческие одежки подошли бы лучше. Я покопался, ища чего попроще, и в итоге выложил на кровать пару новых черных твидовых штанов, футболку и серую фуфайку с капюшоном, которую привез на случай, если удастся пробежаться.

– Вот это? – спросил Алек.

– Должно сойти, – сказал я, печально стаскивая рубашку.

– В таком шлюх не клеят, – засмеялся он. – Нормально. Мне больше достанется.

Пятьдесят трех мужчин и двух женщин, которые прибыли с утра, кормили на обширной лужайке за центральным домом. Красно-белые клетчатые скатерти, гигантские плетеные корзины с жареными курами. Я искал в корзине ножку и не мог отогнать мысли о курице, косвенно виновной в том, что Алека покалечило.

А может, я подсознательно различил в боку графина с

лимонадом отражение старого невротика.

Эзра Бирнбаум. Я узнал его тут же – видел по «Си-эн-би-си»[131]. Жилистый семидесятилетний дядька застрял ковбойскими сапогами между скамьей и столом, из ниоткуда появились две девчонки, подхватили его под локотки и усадили рядом со мной и напротив Морхаусов.

– Новый год и новая, блядь, гулянка, – прокомментировал Бирнбаум. На его новехонькой ковбойке остались сгибы от упаковки, на шее – накрахмаленный белый платок. И то, и другое отчаянно контрастировало с черными бифокальными очками на длинном семитском носу и с редкими серыми загогулинами, гелем прилепленными к черепу.

– Я тебя тоже рад видеть, Эзра, – отозвался Тобиас. Этот в маскарад вписался гораздо лучше хилого председателя Федерального резерва. Из-под черной войлочной шляпы у Морхауса торчали жесткие седые волосы. Выглядел он крайне мужественно, не считая налитых кровью глаз. В замшевой куртке и плотной хлопковой рубахе. Лицо с разбухшими венами – вроде обветренное, а не алкоголическое. – Ты сидишь рядом с Джейми Коэном, нашим пополнением.

– Очень приятно. – Бирнбаум кивнул в мою сторону, не отрывая взгляда от приза – корзины с курицей, до которой не доставал примерно фута. Я встал и подтолкнул корзину к еврейскому старцу, уместному здесь не больше меня. – Спасибо, – сказал Бирнбаум и, по-стариковски судорожно облизнувшись, склонился над корзиной в поисках лакомого куска. Вот моя подлинная судьба, подумал я. Эзра ощупал зубной протез и запустил его в птичье мясо.

Я еще успею оплакать свою ДНК. А сейчас – какая возможность! Рядом со мной сидит председатель Федеральной резервной системы, личный друг президента Соединенных Штатов! И все молчат. Я могу заговорить о чем угодно: о природе капитала, о влиянии технологий на мировые экономики, об имидже Всемирного банка. Но я знал, как напряженно отнеслась моя компания к федеральному плану расследования сетевых торгов, и мне оставались только безопаснейшие темы.

– Вкусная курица, да?

– М-мм, – сказал Бирнбаум. – Разве что пересушена чуток.

– А Мэри покупала кошерное, когда ты приходил, помнишь? – спросил Тобиас. Он точно рассчитал цепочку ассоциаций в Бирнбаумовом мозгу: курица, футбол, раскладное кресло, хруст. Видимо, сработало.

– Алек, ты из Принстона сразу в фирму пошел? – спросил Бирнбаум.

– Да, сэр, – отозвался тот. – Год в Европе, потом в фирму.

– Это хорошо. Расширяй горизонты. Побесись.

– Еще бы. Уже, – гордо засмеялся Алек.

– Ты же понимаешь, Тобиас. Федеральные решения не я один принимаю, – сказал Эзра, вдруг выуживая из текста подтекст. Я слыхал, это в его стиле. Заставать людей врасплох. На следующей неделе ему выступать на сенатских слушаниях, все хотели выяснить заранее, что он скажет, и попробовать на него повлиять. – Они все голосуют. Я только посланец. – Эта внезапная прямота меня восхитила. Я ждал Тобиасовой реакции. Ее не последовало.

– Ох, господи, вы только посмотрите. – Тобиас сменил тему. – Эти синапсовые ребята – прямо сектанты, блядь.

Шестеро молодых людей за соседним столом ножами и вилками ели курицу. Двое – в зеленых теннисках с логотипом, еще один – в зеленой кепке.

– Синаптикомовские, пап, – поправил Алек. – Лидеры в области реактивной архитектуры.

Реактивная архитектура – последняя версия липучести в экономике внимания. В интерфейсах «Синаптикома» вместо обычных препятствий к уходу с веб-сайта применялись витки обратной связи и команды Павлова. Подлинным прорывом компании стал печальный «бом» – пользователь слышал его всякий раз, когда проверял почту, но не получал писем. Появление новых сообщений приветствовалось веселеньким аккордом, а от «бома» юзер чувствовал себя одиноким и покинутым. «Бом» создали после двух лет исследований ауральной психологии – вообще-то на основе «чпока», с которым садовые ножницы отхватывают палец. С тех пор «Синаптиком» разработал серию звуковых и визуальных команд, поощряющих транзакции и карающих за несоответствие.

– Что с их директором случилось. Ужас какой, – сказал Эзра. – Настоящая трагедия.

– Говорят, они днем на заседании объявят, кто его заменит, – сказал Алек.

– Я надеюсь, вы там будете, мистер Бирнбаум, – прибавил я излишне рьяно. – У меня тоже презентация. Наша совсем новая технология.

– Правда? – Эзра отчаянно сражался с кукурузным початком. На мою презентацию ему решительно наплевать. А всем остальным?

Но когда слушатели начали сползаться к деревянным скамьям амфитеатра на лесистом склоне к югу от центрального здания, я решил, что моя презентация все-таки произведет на

этих джентльменов впечатление. Круглая сцена располагалась у подножия холма – буду обращаться к аудитории, точно римский сенатор.

Расписание пересмотрели – у меня всего десять минут на рассказ о том, как работает Тесланет и как он навеки видоизменит интернет-доступ. В процессе я зарекомендую себя очередным великим молодым медиа-пророком. Как минимум не полным кретином.

Моя презентация – третья из четырех, сразу после нового директора «Синаптикома», который в соответствии с их «зеленой» кампанией явиться лично отказался и вещать будет через спутник. Может, капитализм и впрямь возродит окружающую среду. После меня выступит Руг Стендаль, бывшая цэрэушная оперативница, ныне – директор инвестиционного консалтинга, который уговаривает восточноевропейские компании вкладывать ресурсы в НАСДАК[132].

Эта миниатюрная, однако мощная дама захотела проверить каждый кадр своей презентации, почти не оставив мне времени на подготовку. Пошла к черту. Тесланет обрушит всю пирамиду.

Я проглядел записи и рассчитал время смены кадров, а тем временем первый оратор, Тай Стэнтон из ИДПП, анонсировал свою революционную бизнес-концепцию «Мета-Инкубатора». Тай, разумеется, выболтал свою новость почти всем присутствующим, так что выслушать его никто не потрудился. Микрофон на лацкане Тая не спас – увлеченный бубнеж толпы заглушил презентацию. Из гула заключения сделок выплескивались только редкие взрывы реакции в динамиках. Наконец Тай слинял со сцены, не добившись аплодисментов. Эти люди слишком значительны, чтобы изображать вежливость. Со своего места Алек одними губами сказал мне: «Не дергайся».

Я и не дергался. Тай провалился – мне это не грозит. Видеопрезентация «Синаптикома» – идеальный переход к моей речи. После тягомотины спутниковой связи аудитория порадуется энергичному юному оратору, явившемуся во плоти.

Но едва зеленые руководители «Синаптикома» вышли на сцену, я испугался, что обречен сыграть на понижение. Словно тысячи лазеров выстрелили из леса, и в дневном свете на сцене вспыхнула яркая, головокружительная разноцветная радуга, превратившаяся в зеленый логотип. Из динамиков, будто с небес, полилась музыка: мощный оркестр – мелодии не различить, но аккорды, казалось, резонировали с радостью, оптимизмом и надеждой. Меня, как и собравшихся боссов, охватило воодушевление момента. Музыка вздыбилась в крещендо, и лазеры ослепительно-белым взметнулись к небу. Зрители

повскакали. Пульсирующая стена жемчужного света окружила амфитеатр и вознеслась до облаков. Все шумно возликовали – я в том числе.

Едва включилась видеозапись, зеленорубашечники выстроились перед центральным экраном. Умопомрачительная графика повествовала об истории «Синаптикома», от разработки липучего сайта до появления фирменного «бома». Компьютерный женский голос рассказывал о роли «Синаптикома» в лоббировании снижения лимитов на лечение дефицита внимания[133] – среди американской молодежи это привело к 45-процентному росту количества глазочасов, потраченных на коммерческие веб-сайты, и к утроению сумм, израсходованных на электронную коммерцию. К рубежу веков компания купила Американскую ассоциацию гипнотерапевтов с целью создать отдел сертификации и завершить тестирование линейки «Реактивной Архитектуры»™ – веб-решения под ключ. Приспособив фундаментальные гипнотические принципы подстройки и ведения к индивидуальной информационной среде, «Синаптиком» стоит теперь на пороге разработки веб-сайтов, фиксирующих все нюансы юзерского поведения, идеально эти нюансы отражающих, способных завоевать доверие пользователей и заставить их потребительски реализовывать подсознательные психологические нужды[134].

Сама кнопка «купить» активирует выработку серотонина в мозгу.

Звуковое сопровождение ударилось в диссонансы. Телесъемка: лихой двадцатишестилетний директор «Синаптикома», в прошлом январе выступавший в американской олимпийской команде по сноубордингу. В знакомом репортаже молодой человек делает сальто над оврагом, но промахивается мимо земли, врезавшись доской в скалу, чуть-чуть не долетев до края. Он бешено молотит руками, словно пытаясь взлететь, спастись, он падает вдоль обрыва, то и дело натыкаясь на зазубренные камни, доска летит вслед за ним. Зрители хором ахают, когда его голова бьется о камень, шея ломается, голова откидывается так резко, так далеко, что подбородок стукается о спину. Повтор микросекунды агонии, камера ближе, снова повтор – камера ближе, а затем репортаж возобновляется, и обмякшее тело летит, ныряет безжизненно в поток на дне оврага.

Тишина. Лазеры бледнеют до оранжевого сияния, вновь звучит синтезированный женский голос:

– По всему миру совет директоров компании искал нового руководителя, способного дальше вести «Синаптиком» по дороге в следующее тысячелетие. Члены совета опросили тысячи

претендентов, но встретив человека, с которым вы сейчас познакомитесь, поняли: это кандидат столь уникальный, столь бесценный, так глубоко проникший в суть влияния технологий на эволюцию человеческого духа, что с ним «Синаптиком» достигнет невиданных высот. Леди и джентльмены, – пропел компьютер, – с невероятным наслаждением представляю вам нового директора «Синаптикома». Из своей горной виллы возле родного Стокгольма с вами в прямом эфире Тор Торенс.

Ну конечно! Легенда геймерского сообщества. «Торенс Интерактиф» выпускала безумно популярные игры, обучавшие детей основам экологии и заботе о природе. В девяностых компанию поглотил «Виаком» – в результате обмена акциями Торенс стал миллиардером. С тех пор он тратил деньги на экологическую деятельность. Даже на ООН работал, потом выступал добровольным консультантом программы Большой Восьмерки по развивающимся странам. Ходили слухи, что впоследствии он принял буддизм.

Не успели зрители зааплодировать, на гигантском экране возник Торенс. Лет сорок пять, прямые темные волосы и прозрачные голубые глаза. Темно-зеленая рубашка под белесым пиджаком – вот откуда взялась синаптикомовская корпоративная мода. Торенс застенчиво улыбнулся и откашлялся.

– Я счастлив оказаться сегодня с вами, – спокойно сообщил он с легким скандинавским акцентом. – Мне очень жаль, что я не могу присутствовать лично, однако мы только сегодня утром обсудили мой пакет опционов. – Он засмеялся, и слушатели присоединились. Я тоже. Шутка сработала, поскольку Торенсова репутация ее опровергала. Я поймал себя на сочувствии к новоиспеченному директору и понадеялся, что принципиальный европеец найдет в себе силы конкурировать с собравшимися баронами-разбойниками. Если судить по шеренге зеленорубашечников, которые с обожанием уставились на патрона, проблем у Торенса не будет.

– Сейчас наша команда раздаст демонстрационные диски с прототипом новой технологии «Синаптикома». Между собой мы ее любовно зовем «Версия Шесть».

Зеленые корпоративные войска рассеялись в толпе, раздавая стильные черные коробки с одиноким компакт-диском.[135]

Черный пластик, вечно твердил мой друг Эль-Греко, – идеальная обертка для диска. Джуд говорил, Эль-Греко работает у Торенса, может, он эту коробку и придумал, размышлял я, ощупывая компакт. Я оглядел зеленорубашечников, но Эль-Греко не обнаружил.

– Вы увидите, – объяснил Торенс (его видеопортрет уполз в

правый верхний угол экрана, освобождая место графической презентации), – что Версия Шесть работает в любой динамической веб-среде. Если ваш сайт компилируется в реальном времени и по ходу дела способен отслеживать пользовательскую реакцию – да, и еще неплохо, если он создан в этом столетии… – Толпа опять засмеялась. На сей раз нервически – боссы понятия не имели, динамические ли в их компаниях сайты. Тобиас глянул на сына, тот пожал плечами. Тор дождался, когда все прекратят пожимать плечами, и продолжил: – Если да, вы можете использовать встроенный в Версию Шесть алгоритм реакции на импульс,

Несколько пожилых ковбоев бросили притворяться ковбоями и надели очки.

– Например, едва пользователь заходит на данный демонстрационный коммерческий сайт, сервер пользователя узнаёт, видит, чем пользователь занимался в Интернете, находит ссылки, а также любую потребительскую информацию, которой мы уже располагаем, включая покупки по кредитной карте, страховки, читательские билеты, сканирование мозга – все, что есть.

В левой части экрана развернулся список возможных баз данных с информацией о потребителе. Курсор пополз по названиям, листая веб-страницы.

– Данный пользователь держит двух собак, посещает психолога – последователя Юнга, принимает натуральные витамины, живет в разгороженном колониальном доме с двумя спальнями, зарабатывает 142 тысячи долларов в год и так далее. Поэтому текст и изображения на экране, а равно предложения и цены адаптируются с тем, чтобы максимально увеличить кликабельность. Далее: информация о сессии фиксируется в более крупной базе данных – не по конкретному пользователю, а по всем пользователям, данные о которых содержат сходные или аналогичные потребительские параметры. База данных доступна для всех медиа-сайтов, поддерживающих «Синаптиком».

Невзирая на воодушевление Тора, его презентация всего-навсего слегка расширяла концепцию индивидуального маркетинга, хотя и с добавкой психологических трюков. Настраиваемый веб-сайт на пользовательских перекрестных ссылках. Тоже мне. Моя лучше.

– Дальше становится интереснее, – предвосхитил Торенс мою реакцию. – Мы в реальном времени подключаем посекундный анализ программы реактивной архитектуры. Например, сколько времени проходит между пользовательскими кликами? Жмет ли пользователь на кнопку мыши справа, то есть проявляет ли

деятельность рационального левого полушария, или слева, то есть склонен к эмоциональному принятию решений? Рассчитав предварительную нейролингвистическую модель, мы в реальном времени вводим вовлекающие методы. Например, меняем частоту мигания курсора, вызывая определенные состояния мозга, вводим пульсацию меню в рамках цветового спектра и, разумеется, посредством изображений и звуков стимулируем или воздействуем на подсознательные психологические стремления к сексу, выживанию, выгоде и даже личной самореализации, в зависимости от состояния пользователя в данный момент. Закрепление рефлексов.

Торенс говорил, а веб-страница постепенно адаптировалась к психопрофилю вымышленного юзера. Похоже на органическую стену, всю покрытую граффити, – почти психоделическое буйство красок, образов и пульсирующего света. И все указывает на кнопку «купить».

– Когда пользователь приходит на сайт повторно, мы можем продолжать, за точку отсчета взяв полученную ранее информацию. Наши предварительные тесты на потребительскую уверенность и материальный оптимизм после погружения в реактивную архитектуру дали весьма многообещающие результаты. Субъекты из наших фокус-групп нередко вообще отказываются от компенсации. Более десяти процентов попросились на работу в компанию, чтобы работать с этим интерфейсом! По-видимому, программа вызывает столь мощное ощущение благополучия, что потребитель вознагражден одним только шансом с ней работать. Но недостаточно вознагражден, – добавил Тор, великолепно изобразив ухмылку, – ибо желает вернуться, едва представится случай.

Аудитория рассмеялась. Я услышал, что и сам хохочу.

– И что лучше всего, джентльмены, – сказал Тор, заполнив собою весь экран, – информации, которую мы собираем для единой пользовательской базы, не говоря о данных, касающихся психологии сделок, более чем достаточно, чтобы превратить эту попытку реактивной архитектуры в подлинную дойную корову интеллектуальной собственности. Поэтому «Синаптиком» готов предоставить свою программу индустрии электронной коммерции… бесплатно.

В тот же миг все вскочили и бешено захлопали. Все, кроме нескольких стариков, включая Бирнбаума, какого-то азиата во втором ряду и Тобиаса Морхауса – тот сидел посреди вопящей толпы и чесал в затылке. Наверное, они выбивались из параметров целевой аудитории, на которую рассчитаны угодливые методики Торовой презентации.

– Благодарю за внимание, – закончил Торенс. Его портрет растворился в черноте, и на экране нарисовался фирменно зеленый логотип «Синаптикома». Того же оттенка, что баксы, только ярче. Почти неоновый.

Обалдеть. Лишь завзятый гуманист с рекомендациями из развивающихся стран и экологических организаций мог выдать столь откровенно бесчеловечную технологию. Зачем ему?

Сейчас переживать некогда. Объявление о моей презентации потерялось в буйных аплодисментах Торенсу. Как мне с ним состязаться? Показать ворованные слайды с динамикой потребительского восприятия новой технологии? Я решил переть напролом. Тор использовал все презентационные методики, известные человечеству, – от лазеров до бог знает каких приемов видеогипноза. Ну его к черту, этот «PowerPoint». Лучше задушевная беседа – метод, который я, перевоспитавшийся хакер, использовал у Опры[136], излагая родителям десять тревожных симптомов компьютерной зависимости.

– Привет, – легко сказал я, делая вид, будто хвостик овации для Тора встречает мое появление. – Большое спасибо.

Алек занервничал. Махнул на большой экран – мол, презентации нету. Я демонстративно отложил дистанционный пульт, затем неспешно взялся за стенки кафедры. Я наклонился к микрофону – почти так же делал мой отец по большим праздникам, заклиная общину повиниться в грехах[137]. Вот она – возможность достучаться до могущественнейших людей, навеки изменить их мнение о Сети.

– Я раньше был хакером. – Смелое начало, подумал я. Далее я описал свой роман с компьютерами. Как я с ними забавлялся в детстве, как наслаждался свободой, которую они даруют. Как ломал сети, попался и в итоге стал создавать игры, позволявшие людям попробовать на зуб сетевое блаженство без судебных последствий. Моя шуточка ожидаемой реакции не вызвала. Все сидели в замешательстве.

– Величие сетей – в свободе, которую они нам дают, – продолжал я. – Освобождение, независимость и возможность общаться со всеми, везде, в любое время. – Алек покрутил пальцем в воздухе – дескать, закругляйся. – Поэтому я с гордостью представляю вам появление первой подлинно беспроводной, безмодемной, абсолютно инфраструктуро-независимой сети: Тесланет.

Это их проняло. Несколько бизнесменов зашептались с молодыми техэкспертами.

– Вот именно, – подтвердил я. – Ни модемов, ни спутников, ни передатчиков. Тесланет – программный продукт, позволяющий

любому компьютеру выходить в сеть через саму землю. Установите программу, подключите компьютер к любой заземленной розетке или просто воткните металлический провод в грунт, – и вы онлайн. Плата за доступ в Интернет станет делом минувшего.

Аудитория притихла. Потрясена. Я решил уйти – пусть жаждут продолжения.

– Я готов обсудить с вами эту технологию в любой удобный для вас момент. – Я улыбнулся и слегка поклонился. – Большое спасибо.

В победном самодовольстве я шел за стол, а тем временем Рут Стендаль, бывший инвестиционный аналитик ЦРУ, наклонилась к микрофону на кафедре.

– Впечатляет, – восхитилась она, – если работает.

– О, работает. – Меня не слышно. Я потянул микрофон к себе через стол. – Работает.

– Однако мне любопытно, – пропела Стендаль на верхотуре своего диапазона, – какую модель доходов вы разработали.

Доходов? Я думал, не полагается говорить о доходах.

– Ну что ж, я с радостью объясню. – Я говорил как мог вежливее, хотя ее нападки меня почти парализовали. – Мы продаем программный продукт. За деньги. – Язвить приятно, в адрес таких, как Стендаль, – особенно. Слишком уж часто они сами так поступают. – Мы полагаем, розничная цена в районе пятидесяти долларов плюс стратегия вирусного маркетинга, которая будет стоить нам меньше миллиона долларов на все про все.

– Но прошу извинить меня за этот вопрос… – Стендаль говорила так, будто раздирать меня на кусочки – чудовищно болезненная процедура. – Как, по-вашему, подобная технология отразится на жизнеспособности индустрии телекоммуникаций?

Не надо было поддаваться на провокацию.

– Это *их* проблема, вам не кажется?

Слушатели заерзали. Морхаус прикрыл глаза. Кто-то из слушателей поднял руку. К нему засеменила девушка с микрофоном.

– Мистер Коэн, – сказал человек, неловко скребя усы, – вы, конечно, знаете о Консорциуме индустрии телекоммуникаций…

К избиению я оказался решительно не готов. Один за другим бизнесмены в ковбойских костюмах вставали и клеймили Тесланет «классовым убийцей», «безответственным пиратством» и «очередным кошмаром с открытыми исходниками». Только регламент меня и спас.

Рут Стендаль возродила энтузиазм толпы оптимистической

оценкой потенциала движения наличности в странах Восточного блока, и мужчины разошлись готовиться к вечернему барбекю. Я так и сидел у микрофона, пряча лицо в ладони и надеясь, что никто со мной не заговорит.

На плечо мне легла тяжелая рука.

– Со всеми случается, парень.

Тобиас. Он вытащил меня из кресла и обнял. Очень кстати.

– Все будет нормально, – утешил он. Тем хуже, что я его так подвел.

– Но технология правда работает, – сказал я. – Она может все изменить.

– Я понимаю, Джейми, – сочувственно ответил он. – Я понимаю. Но иногда хороший бизнес означает не слишком все менять.

– Какая нам разница, если мы другим компаниям все расхуячим? – спросил я. – Это называется конкуренция. Так рождаются технологии.

– А почему, как ты думаешь, никто по сей день не выпустил машины на солнечных батареях? Или хоть приличного электромобиля? – спросил Тобиас. – Пацаны из МИТа[138] каждый год новый метод изобретают.

– Но тогда…

– А потом какая-нибудь нефтяная компания его выкупает. – Тобиас улыбнулся. – За неплохие деньги, это да. Просто, чтобы на рынок не вышло.

Подкрался Алек. По-моему, удивился, заметив, что его отец меня обнимает.

– Вы оба как? В порядке?

– Мы будем просто в полном, – ответил Тобиас. – У нас теперь есть козырь. Разыграем его по-умному.

7
Устрицы прерий

Я качнулся в кресле назад и посмотрел в небо. Может, дело в высоте, в плоскости высокогорья, а может, просто загородный[139] воздух – небо взаправду больше, чем в городе. А сейчас, ночью, звезды – скорее вещество, чем огоньки. Сахар на сланце. Вот потому богатые и едут сюда – или в Аспен, или в Сан-Вэлли. С конкордским летом не сравнить.

Папа. Ох черт. Забыл напрочь. Ладно, нормально. Для того и нужны поездки: забыть о проблемах реального мира. Кроме того, я работал.

– К костру пойдешь? – На крыльцо вышел Алек. Одной рукой держится за пузо, словно ребрышек на барбекю объелся, в другой – косяк. Разжиревший обкуренный университетский ковбойчик. Сетка хлопнула, и под Алеком скрипнули доски.

– Загляну, видимо. А ты?

– Не зна. Там одно старичье. Я, правда, слышал, что костер последний год. И это, ну…

– Хоть какое-то занятие? – закончил я. Он вручил мне косяк, я затянулся.

– Джейми, не куксись. О твоей презентации, между прочим, только и разговоров.

– Злятся небось что вы меня притащили.

– Ты так говоришь, будто это *плохо*, – пошутил он.

– Ох блядь. Что я им всем скажу?

– Правду. Лучше сразу узнать, что фиговина не работает, чем когда уже в нее вложился, нет?

– Так в этом же все дело, – заканючил я. – Она *работает*. Это, наверное, единственная за последние три года фиговина, которая работает.

– Если народ не хочет, чтоб она работала, значит, она не работает.

– Этот народ тут вообще ни при чем. Мы выпускаем Тесланет, и он распространяется, как вирус. Не остановишь. Добро пожаловать в сетевой мир.

– Ну а зачем тогда твои друзья у тебя помощи просят?

– Наверное, зря они. – Я задумался. – Может, я просто влез. Алек, Тесланет – это часть революции. – Гипербола укротила мою риторику. – Революция в деньги не конвертируется.

– Уже конвертировалась, Джейми. Хаос девяностых – все, ку-ку. Вернулся порядок. Ты вообще где был? У нас теперь не

сетевой мир. У нас сетевая экономика.

– И все равно технологии распространяются по законам эволюции. Выживает сильнейшая. Идеи конкурируют за господство.

– Технологии распространяются в зависимости от их способности приглянуться – *всем, кто за столом*. Это командный спорт. Что такое, по-твоему, Бычьи Бега? Тут выдумывают правила.

– Тогда почему сюда Билла Гейтса никогда не приглашали? Он-то правил навыдумывал как никто.

– Его *приглашали*. Только он не являлся. Думал, один справится. И у него неплохо получалось, пока Минюст не убедили взять его за жопу. С тех пор никто и пикнуть не смел.

– Да ладно. Хочешь сказать, эти парни дергают за ниточки в Минюсте?

Алек лишь брови поднял.

– Ну и что, монополий все равно целая туча, – сказал я. – «АОЛ-Тайм Уорнер»? «Виаком-Дисней»?

– Конечно, туча. Но пока все охвачены, все выигрывают. Никто не шикает.

– А пресса? Четвертая власть[140] вроде никуда не делась.

– Пресса защищена от правительства, а не от корпораций. Эти люди владеют прессой. Они много лет назад раскупили телеканалы с аукциона.

– Но отдельных репортеров и журналистов не покупали же?

– А этим какого рожна лодку раскачивать? У них ползарплаты – опционами. Маршалл Теллингтон своим авторам на десктопы НАСДАКовские сводки вывешивает – чтобы про акции не забывали. Думаешь, кто-нибудь станет в статье наезжать на медиабизнес, когда учеба ребенка в Брандейсе зависит от цифирки в углу экрана?

– Ты так говоришь – какой-то выходит ебанутый заговор.

– Зато ты теперь внутри, а? – Алек навис надо мной. – Хочешь обратно? Сценарии для игрушек писать из конуры в Соммервилле? Или с нами потанцуешь? Давай, приятель, опять пора на север кампуса.

Алек отлично работал. Каждое слово рассчитано – целевая аудитория эмоционально отреагирует. Даже упоминание именно Брандейса. Я прекрасно понимал, что он делает, но все равно действовало.

Может, мое дневное унижение сродни инициации Кучерского клуба, рассуждал я, пока мы брели под крошечными фонариками, развешанными по всему лесу.

– Как думаешь, заставим твоего отца агрегат показать? –

спросил я.

– Охота глянуть? – хмыкнул Алек, хватаясь за промежность. – Это, знаешь, по наследству передается.

– Они же такого больше не вытворяют, правда?

Алек замер и уставился в лес. Я тоже увидел. Впереди на полянке бушевал громадный костер. Вокруг – несомненно силуэты пляшущих девчонок.

– Вперед! – вдруг заорал Алек, хватая меня за рукав и волоча к костру.

Полянка в рыжих отблесках ревущего огня напоминала сцену из Дантова «Ада» (я вообще-то не читал, но, по-моему, Данте имел в виду что-то такое). Я распознал у костра семь скачущих девушек, одетых в разнообразные сочетания черной кожи, белых кружев и каких-то виниловых, что ли, купальников.

– Это, типа, мощно. – Я попятился. Я бы предпочел смотреть с безопасного расстояния. В бинокль.

– Давай, мужик, ты чего? Офигеть! – И Алек ринулся в самую гущу.

Никакой гущи, правда, толком не было. Обширным кругом у огня расположились человек тридцать – расселись на пнях, накрытых вельветовыми подушками, защищавшими престарелые ягодицы. Как ни поразительно, происходящее им, похоже, было решительно до лампочки – они трепались, посасывали сигары и пили пиво из громадных урн.

И Тобиас тоже – сидел между Эзрой Бирнбаумом, сменившим жесткий ковбойский прикид на трикотаж, и своим давним проклятием из Кучерского клуба Маршаллом Теллингтоном, главой «Интертейнинка». «Грохнуть сюда бомбу, вот прямо сейчас, – подумал я, – и правительство, экономика и средства массовой информации уничтожены. Тем более, раз уж теперь это все одно и то же».

Алек махал шляпой и плясал с девчонками, не замечая, что остальные зрители участия в действе не принимают. Смотрелся он жалко, но я его импульсивности все равно завидовал. Я нашел безопасное место в группке Тобиаса. Меня даже не заметили. Я вспомнил, как в колледже работал официантом на свадьбах пьяных богатеев. Те звали меня, только если требовалось помочь им добраться в уборную и сблевнуть. Они обращались со мной, как с пустым местом, будто перед незнакомцем блевать не совестно, если незнакомец не дотягивает до человека.

Пока же я притворился мухой на стене. Подобные увеселения в еврейском словаре значатся сразу после «гоим нахес». Что за грехи творились в Содоме, я знал давно. Гоморра до сего дня оставалась загадкой.

Между костром и зрителями возникли еще три затянутые в черную кожу девчонки – они тащили на цепи какого-то дылду в ошейнике. Совершенно голого, не считая черной кожаной маски. Девушки подвели его к металлической хреновине с большой рукояткой. Вроде механизма, который опускает в колодец бадью.

Я сел у Тобиаса за спиной. Всякий, кому любопытно, поймет: я из «МиЛ» и я на работе. Вообще-то молодежи почти не наблюдалось, а те, кто был, сконфузились не меньше моего. Один или два присоединились к Алеку в надежде потереться о скудно одетых танцовщиц, но остальные скорее кривились, чем восторгались. Мол, бессмысленная трата времени, нам еще сделки заключать.

Голый раб руками и ногами обвил горизонтальную поперечину. Девушки столпились вокруг – снимали с пояса кожаные ремешки и привязывали свою жертву к столбу.

– Спорим, Эзра, ты бы не прочь на его месте оказаться? – Мохаус пихнул председателя Федерального резерва локтем.

– Ах-х, радости просексуального[141] движения, – фыркнул Теллингтон. – В мире, где стажерка даже полизать не может у президента Соединенных Штатов, нам хотя бы это осталось.

– Хочешь – иди к ним, Бирнбаум, – дразнил Тобиас. – Наверняка они от лишнего раба не откажутся.

Надежно приторочив жертву к горизонтальной трубе, кожаные повелительницы покатили конструкцию к огню. Даже самые закаленные зрители при таком повышении ставок смутились и обратили туда взоры.

– Это вертел! – невольно вскрикнул я, осознав, что происходит. Тобиас и Теллингтон расхохотались.

Теперь голый человек болтался над костром, и языки пламени лизали ему спину. Одна девушка полила его маслом, вторая медленно крутила рукоятку, поджаривая раба, точно фаршированного поросенка. Алек побрел к отцу. Не хотел, чтобы его приняли за второе блюдо владычиц.

– Пап, они же не будут его взаправду жарить? Не будут?

Тобиас и Теллингтон мудро улыбнулись друг другу.

– Полагаю, мы увидим, – зловеще произнес Тобиас. – Эзра, что скажешь? – Он толкнул старика под локоть, рука Эзры упала с колена. Бирнбаум поспешно прикрыл ладонями пах и скрестил ноги. Но мы все заметили эрекцию под трениками.

Мохаус и Теллингтон разразились оглушительным, дребезжащим, прокуренным гоготом.

– Я знал, что нас это почему-то развлекает! – проговорил Тобиас посреди припадка. Теллингтон и слова вымолвить не мог. Лицо свекольное, глаза выпучены. Алек тоже смеялся, хотя и не

понял, что случилось.

– По крайней мере, Тобиас, у меня еще встает, – наконец ухмыльнулся Бирнбаум. Морхаусово лицо сменило оттенок красного, а Теллингтон рухнул с пня.

Я хотел оказаться подальше отсюда. Где угодно. Я отдалялся от оргии. Представлял отца в шуле за кафедрой – как он всматривается в лица, старается не считать, кто еще за него.

На сей раз я почувствовал: надвигается. Я опять вгляделся в бредовую толчею; собравшиеся сатиры двигались почти сверхъестественно. Будто демоны – нет, будто мифические твари. В мигающем свете костра их черепа меняли пропорции. Сумрачные тени сгущались надо лбами, из громадных распахнутых пастей раздавался низкий, нечеловеческий рев. В бестолковом экстазе ликовали дикие быки, целое стадо.

Они смеялись, как настоящие люди, даже выражения морд человеческие. Но головы преобразились. Быки топали ногами. Из огромных ноздрей вырывался дым. Сплошные быки. Все поголовно. Все, кроме человека на вертеле – тот в ужасе глядел сквозь прорези в маске моими глазами.

Я выдернул себя из транса. Опять завелся греческий хор: *Ты что тут делаешь? Ты что о себе возомнил?* Заткнитесь, чтоб вас разорвало! Я перекричал их. Тут всем по кайфу. И мне тоже. Это, блядь, обычное шоу. Развлекуха. Никто не пострадает. Мне, что ли, быть судьей? Я что, лучше всех должен быть? Я ведь здесь, так?

Да, *здесь*. Прямо тут, прямо сейчас. Вообще-то я – первое поколение моей семьи, выбравшееся на такой уровень. На самую верхушку. До самой что ни на есть глубины.

Я попробовал засмеяться – интересно, получится? Понравится? Понравилось. Я попробовал еще – прозвучало чуть натуральнее. Отдалось в груди.

– Йи-ха-а! – заорал я. Как те задаваки, с которыми я греб в Принстоне. – Йи-ха-а! – Я воздел кулаки. Повелительницы вытащили хлысты и принялись стегать жарящегося раба.

– Гори, детка! – Невиданная сила несла меня. Плевать, что провалилась презентация, что я жестоко оттер Карлу, плевать, что я захочу натворить, что за подленький план я задумал, плевать, сколь гойские эти нахесы, – я слился с безумием, и оно уничтожило все. Все пожрал огонь. Не оглядывайся, Джейми. Давай.

– Давай! Давай! Давай! – Я слышал, что ору во всю глотку. Без разницы, кто еще слышит. Я член стада. Меня приняли. И это приятно.

Ибо мы были все вместе. Одичавшие. Кого ни возьми, все –

соучастники. И каждый уязвим не меньше Бирнбаума с его стояком. Люди, что стесняются стояка, вдруг показались болванами. Мы ведь мужики, так?

Чем громче мы орали, чем отчаяннее шалели, тем глубже становилась наша связь. Гальванизированная нашей бравадой. Назад пути нет.

Я откинул голову и взвыл к звездам Монтаны. Сомнения обратились в пыль, до последней унции улетучились, едва я расслышал свои вопли и рев. Общая какофония поглотила мои грехи. «Вот чувство, какого не полагается еврею, – подумал я. – Могущества, что высвобождается жертвованием первенца языческому богу Молоху. Отказом от закона отцов, что диктуется страхом. Избавлением от обязанности не вмешиваться и судить. Ни богоизбранности, ни людского презрения. Просто зверь, один из многих. И един со всеми».

И тут я заметил. Раб в маске неистово тряс головой и извивался, пытаясь вырваться. Часть представления или что-то по правде не так? Как различить? Я думал было отмахнуться, но что-то во мне твердило: у нас проблема, по правде. Слишком далеко зашло. Даже одна мучительница вроде признала, что жертва реально паникует. Девчонка отчаянно звала коллег. Но тех захватил всеобщий накал, и они приняли ее тревогу за такое же неистовство.

Не я один замер и вглядывался. Несколько зрителей кричали девушкам, чтобы те прекратили, но эти предупреждения не отличишь от ободряющего рева остальных. Кожа на голой груди и спине бедного раба краснела, краснела – ее лизало пламя. Я уловил несомненный запах жареного жира и горящих волос. Рот раба вопил сквозь маску.

Веселье прогнило до пандемониума – до остальных артистов доходило, что они поджаривают человека живьем. Они попытались поднять железный вертел, но тот слишком нагрелся. Помахали, чтобы мужчины им помогли, – никто не двинулся. Наконец я схватил Алека, и мы нырнули в огонь, за нами – еще парень. Я снял фуфайку и ею, точно кухонной рукавицей, схватился за вертел. Втроем мы ухитрились выволочь несчастного раба. Его обугленная спина кровоточила. Алек рухнул на колени и проблевался в шляпу. Хозяйки отвязывали от железяки подрумяненного товарища.

Но они улыбались. Я в ужасе попятился, потрясенный таким легкомыслием. И раб тоже! Теперь и он улыбался, вовсе не торопясь заняться ранами или сбежать.

И тут я услыхал аплодисменты. Оглядел столпившихся вокруг мужчин. Они хлопали и смеялись. Повелительницы встали

в ряд, раб вместе с ними. Держась за руки, они в унисон поклонились.

Я помог еще более потрясенному Алеку встать, и мы вернулись на свои места.

– Надули тебя, пацан, – сказал Тобиас, глотая пиво. – Надули тебя, хорошо.

– Это все постановка? – спросил я.

– Господи, – сказал Алек, смахивая с губ каплю блевотины. – Я думал, они…

– Ну да, еще б ты не думал, – сказал Теллингтон.

– Ах, молодость, молодость, – прибавил Бирнбаум.

Я разозлился.

– Я вам не верю.

– Не переживай, Коэн, – улыбнулся Тобиас. – Через год будешь просто смотреть.

– Каждый платит взнос, – прохрипел Теллингтон. – Каждый платит.

Все трое расхохотались. Под экзотическую музыку из леса появились две девчонки в перьях.

Мне хотелось в ярости бежать. Пускай поймут: нечего со мной шутки шутить. Накалывать меня. И оскорблять. Но я не мог себя заставить. Тобиас похлопал меня по спине и кивнул. Понимал, о чем я думаю. Подбадривал меня. Худшее позади. Меня приняли.

Я понимаю, сейчас-то звучит глупо, но тогда это для меня было очень важно. Весь спектакль ставился ради меня. Вроде Тобиасовой инициации в Кучерском клубе. Подумать только, они так напрягались! И не своих тошнотных развлечений ради, а для меня и остальной молодежи. Чтоб допустить нас к игре. Все – игра, и участвуют лишь те, кто это сознает. Я понял наконец, что значит быть игроком. Не объяснишь. Надо им *быть*.

Алека трясло. Он развернулся к тропинке:

– Пошли, Джейми. С меня хватит.

– Да ладно, мужик. Ты вот сейчас уйдешь? Трудное закончилось. Нас уже приняли.

Он замотал головой. После рвоты зелененький. Нижняя губа дрожит.

– Может, шмаль такая, – попытался утешить я. – Довольно мощная дрянь. Может, из-за нее паранойя. – Я точно утешал его после неудачного трипа.

– Но ты-то, Джейми… – И Алек рванул прочь. Тобиас встревожился.

– Я с ним поговорю. – Я устремился следом.

Алек бежал под фонариками назад, к коттеджу. Я крикнул, но

он не отозвался. Ладно. Пусть переварит. Ему тяжелее пришлось, чем мне. Выветрится шмаль, он и очухается. Кроме того, у амфитеатра, свидетеля моего унижения, происходила какая-то жизнь. Игрища у костра так меня вдохновили, что я нашел в себе силы вернуться на место преступления.

Несколько парней тихо беседовали на сцене, сгрудившись у микрофона. Вокруг выпивка, цитронелловые свечи вместо пепельниц. Мирное зрелище. Никаких тебе инициаций. В ковбойских прикидах только двое – как раз они смотрелись дико.

– Следует верить, – вещал один синаптикомовский зеленорубашечник. Наверняка с обеда здесь торчит, на вопросы отвечает. – Это не пустышка, пока люди не считают, что она пуста. Система будет расширяться вечно. Вселенная же вечно растет? – Бедняга, серьезный какой. А может, перепили все.

– Но учитывать возможность нового обвала все-таки надо, – возразил один ковбой. Зеленорубашечники на него так посмотрели, будто он нарушил священный масонский пакт. – Ладно, уговорили – коррекции. Может опять случиться коррекция, и надо подстраховаться хоть по минимуму.

– Каждая хеджированная ставка – упущенный шанс, – объяснил другой зеленорубашечник, поменьше. – Способствует обострению страхов. А мы теряем все.

– Я вас умоляю, – сказал ковбой. – Мой сбалансированный портфель вам ничего не стоит.

Я вытащил стул и оседлал его, непринужденно скрестив руки на спинке и раздумывая, вмешаться ли в дискуссию.

– Конечно, стоит, – сказал маленький синаптикомовец. – Если ваша потенциальная энергия заперта в акциях крупных корпораций, приверженцев устаревшей парадигмы, остается меньше топлива для роста. Эти компании не рискуют. И в перемены не вкладываются.

– Хуже того, – продолжал второй. – Вложения в ценность – по сути своей иные. Вы предаете рынок, который вас кормит.

– Вероломно, – прибавил маленький.

– Мы на него не сильно давим, – заметил третий. – Джейми, скажи?

Они знают мое имя. Наверное, презентацию видели. Может, мне пригодится.

– Простите, – сказал я. – Как вас зовут, я не уловил?

– Коэн, ты меня не узнаешь?

Я вгляделся в энергичного юношу – серый костюм, зеленая рубашка. Я растерялся.

– Ты из Принстона, да?

– Джейми, это я. Клайв Ваганян. Забыл?

– Эль-Греко! Чертов ебаный карась, мужик! – заорал я и вскочил обнять изящного парня. В детстве он был толстяком. Застрял в ограде, когда мы сматывались от управляющего «Радио-Шэк»[142], громыхая потыренными диодами в ранцах. – Джуд говорил, что ты в «Синаптикоме». Черт, ты офигенно выглядишь.

Похоже, мой взрыв эмоций Эль-Греко чуточку смутил. А может, он испугался, что я про наше детство заговорю. Пожал мне руку. Тепло, но прохладно.

– Я за собой следил, – объяснил он. – Компания помогала. Диеты, тренажеры и бассейн прямо в здании. Мы тут в результате все довольно здоровые.

– Я в шоке. Честно. – Я тоже слегка занервничал. Может, Эль-Греко расслабится, если выудить его из зелени, в которой он теперь окопался. – Пошли, прогуляемся.

– Конечно. – Эль-Греко обернулся к своим: – Я скоро.

Мы шагали вниз по склону за амфитеатром, луна освещала нам путь. После разбирательства из-за DeltaWave прошло много времени, и мы оба не понимали, дуется ли другой.

– Ну, – спросил Греко, – ты, значит, с Джудом общался?

– Ага. – Как славно, что он о реальном мире заговорил. – Джуд сказал, ты под Тесланет вначале закладывался.

– Закладывался. Ну, как бы.

– То есть?

– Ты ведь тоже закладываешься, да? – спросил Греко.

– У меня доля. Ну, то есть у компании. Еще бы. – Он, наверное, меня не понял. – Я с Джуда проценты драть не буду.

– Смешно, что Джуд в бизнес ударился, да? – задумчиво сказал Греко. – Такой был весь из себя коммунист.

– Да мы все были. – Надо прощупать, как у него с идеологией. – Помнишь ведь? Ни личного владения, ни личной славы.

– Мы, видимо, оба чуть-чуть повзрослели. – Вот и ответ.

Мы вышли к ручью. Я нашел ветку, метнул в воду. Ветка проплыла пару метров, застряла под камнем и задергалась, пытаясь высвободиться.

– Так ты совсем увяз? – спросил я.

– Да ладно, Джейми, кто бы говорил. Ты в брокерской фирме.

– Я ничего такого не хотел, – соврал я. – Безумие ведь, правда? Как все стало дико. – Своих опасений лучше прямо не выдавать – вдруг он меня отошьет.

– Наверное, некоторый когнитивный диссонанс естественен, – сказал Греко. Вот это словечки!

Я осторожно подобрался к воде, потянулся к заклинившей ветке.

– Ну, то есть порой надо перестать менять мир, – признался он наконец. – И учиться менять себя.

Я подобрал камешек и кинул в пленницу. Мимо.

– И как же ты себя менял? – Я нашел еще камень, кинул чуть сильнее. Мимо.

– Ты меня понял, Джейми. Работать по-настоящему, в бизнесе разобраться.

Теперь мы оба искали камни: свободу ветке.

– Да, понятно. Но ты ведь художник был. Гений графики. Работаешь на «Синаптиком» – это я могу понять. Ну а здесь ты что забыл, с этими денежными мешками?

– Графику теперь сама программа генерит, – печально ответил Греко. – Я разработал принципы. Блиттинг, растры, самонастройка фонтов, даже пару аналоговых графических генераторов. А программа картинки рисует. Автоматика. Потом по успешности вычисляется алгоритм.

– Так пускай платят выходное пособие и отпускают. – Мой камень задел ветку, но кривовато – она не двинулась.

– Я работу сделал, но контракт не закончился, – объяснил Греко. – Меня перевели на продажи с остальными вместе.

– С какими остальными? У вас же есть, наверное, отдел, где от тебя пользы больше? Дизайн интерфейсов? Научно-конструкторский? ХТМЛ, наконец?

– Ни одного не осталось. Двадцать шесть сотрудников. И еще кто-то из временных агентств на поддержке.

– Но у «Синаптикома» офисы по всему миру. Амстердам, Сидней, Каир…

– Просто серверы. Виртуальные офисы. Когда надо, мы на переговоры и пресс-конференции посылаем команду. Гораздо дешевле. У нас негативное движение наличности – меньше двух лимонов в год. А рыночная капитализация на той неделе достигла отметки в сорок пять миллиардов.

– Вы небось загребаете немеряно.

– Вообще-то бизнес-план уникален. Клиентов нет, реального потока доходов тоже. Мы просто раздаем технологию, а затем – поскольку знаем, как она работает, – вкладываем деньги в компании, которые ее взяли. Модель бесконечной акселерации, проще говоря. – Греко бросил камень. Мимо. – Затем программа изучает пользовательскую реакцию и самосовершенствуется. Поэтому научно-конструкторский отдел избыточен.

– Признайся – жутковато ведь, – сказал я, перемещаясь на более удачную позицию для атаки на ветку.

– Ну не знаю. Липучие сайты и нереактивная принудительная архитектура, по-моему, жутче. Пользовательские симптомы

идентичны крайней стадии амфетаминового психоза. Бесконечная стимуляция, позитивной реакции – ноль. От такого в итоге кто хочешь свихнется.

– А от вашей реактивной архитектуры не свихнется? Вы окунаете юзера в среду, которая выдумывает желания и поведение. За верные ответы платите ему, будто «Ризез»[143] в глотку пихаете. Он даже не в курсе, что его на поводке таскают.

– Видимо, не в курсе. – Греко помолчал, потом вроде как подумал вслух: – Наверное, на то он и потребитель.

– Наверное.

Внезапно Греко пустил камешек по воде. Тот срикошетил и выбил ветку, нырнув прямо под ней. Течение унесло ее в темноту.

– Они и так бредят, – сказал Греко. – Никто же не врубается, что на самом деле происходит.

– Как посмотришь, так и будет, – засмеялся я, повторив вечную Джудову присказку.

Может, в глубине души Греко смотрит на все, как я. Тоже ведь геймер был. Когда-то.

– Надо тебе к нам в офис заглянуть, – сказал он. – Я думаю, тебя пропрет. Совсем не так паскудно, как ты думаешь.

– Да нет. Я же не говорю, что паскудно. Наверняка чумовая развлекуха, если ее всерьез не принимать.

– Ты о чем?

– Ни о чем. – Дикость какая. Я хотел, чтоб он был мне союзником, но из какого лагеря? Хакеры против системы, бизнесмены в системе или подлинные игроки, которые выше тех и других? Для хитрого подмигивания оснований нет, так что я выбрал сочувствие. – Я, видимо, просто обломался. Презентация же днем не удалась. Я, народ, вам даже завидую.

– А. – Эль-Греко это не убедило. Я задергался. Будто он вот-вот нажмет кнопку на ремне, и явится эскадрон зеленорубашечников.

– Правда, Греко. Потрясающе. Я не прочь как-то поучаствовать. Может, мы бы реализовали этот ваш интерфейс на нашем сайте торгов. Ну, знаешь – сделать систему, где люди захотят больше заключать сделок.

– Наверное, он туда портируется. – Греко почмокал – вроде задумался.

– Меня просили выдумать легальный способ увеличить частоту сделок, – объяснил я. – Федералы гайки закручивают. В сообществах мошенничают напропалую. Не исключено, что это идеальная альтернатива.

– Кажется, мы уже пытались. Чересчур зарегулировано. Власти под ногами путаются.

– Я все устрою. Бирнбаум с Морхаусом – старые друзья. – Я уже завелся. – Много лет. Типа всякая гнусь. Тобиас его за яйца держит. Бирнбаум сделает, как мы скажем.

– Тогда кайфово. Я уверен, мы что-нибудь учиним.

– Как в старые времена, – улыбнулся я.

– Надеюсь, нет, – засмеялся Греко и зашагал назад по тропинке. Я не давил. Синаптикомовский эксклюзив более чем восполнит мою дневную оплошность.

– Расскажи, – попросил я, когда мы взбирались по берегу. – А почему зеленые рубашки?

– Забавно, – отозвался Греко. – Никто никогда не спрашивает.

– Вообще пугает, знаешь.

– Так не задумано. Началось в шутку – увидели, что мистер Торенс такую носит. А потом как бы прилипло – тем более экология, все такое. Гипнотический цвет, если подробно изучать.

Изучать зеленый цвет? Все, уже не спросишь, поезд ушел – мы вернулись к остальным, и Эль-Греко смешался с зелеными войсками. Но все же я вроде как выиграл дважды. Еще немного, и я докажу, что Морхаус не зря меня сюда привез. И я восстановил связь, пускай и хиленькую, с еще одним Ямайским Королем. Может, в итоге все и сложится.

– Ну, – обратился главный к Эль-Греко, – наш друг из «МиЛ» в команде?

В команде? Так это все подстроено? Эль-Греко приказали меня окучить?

– Джейми выяснит, нельзя ли реализовать систему на сайте торгов «МиЛ», – как-то робко ответил Греко. Выходит, ему хватает совести краснеть.

Пусть видит: я понимаю, его заставили, я ради него подыграю.

– Он очень восторженно рассказывал о программе, – сообщил я. Надеюсь, Греко поймет, как я стараюсь. – Очень увлекательно говорил.

Главный не дался:

– Друга защищать не надо. Мы все, Джейми, прекрасно осведомлены о талантах Ваганяна. – Он меня раскусил. Не даст за свой счет заключить альянс. Эль-Греко в его команде, не в моей.

– Да нет, правда, – упорствовал я. – Он очень убедительно излагал.

– Если ты понял, что тебя убеждают, – хмыкнул главный, – значит, он не справился с работой.

– Да нет, он же не всучивал ничего. – Я сдал назад. – Просто, мне кажется, это прекрасное дополнение к нашему сайту. Нам сильно поможет. Он это очень внятно объяснил.

– Ну хорошо, – сказал главный. – Будем рады, если ты присоединишься. Моя фамилия Лори. Симпсон Лори. – Он пожал мне руку. А затем, дабы я не усомнился, что меня разыграли: – Надеюсь, вы воспользуетесь этими вашими ходами у федералов, чтоб регулирование обойти.

Ладно, чудесно. Все было подстроено.

Да ерунда, решил я, поднявшись на крыльцо четвертого коттеджа. Если хотят, пускай думают, что они круче. Это ведь они технологию раздают, а прибыль наша. Что до Эль-Греко… Ну теперь он явно в форме по сравнению с последней-то нашей встречей. И все же приятно пообщаться с Ямайским Королем, даже при таких обстоятельствах. *Особенно* при таких обстоятельствах. По сравнению с Эль-Греко я просто вольная птица. Если еще перед Джудом и Рубеном в громовержца[144] сыграю – вообще идеально.

Я тихо отворил дверь и услышал, как заворочался Алек. Бедный пацан. Не включая свет, я попытался нащупать дорогу. Снял штаны, положил их на комод, добрался до кровати и сел. На ватном одеяле – что-то мягкое. Гусиные перья какие-то. Я похлопал рукой в поисках утечки. Обнаружилась целая куча пуха, просто гора перьев. И она внезапно зашевелилась.

– Эй! – крикнул женский голос.

Я подскочил и врубил свет.

В моей кровати сидела пернатая танцовщица. Джинна, рыжая из-за стола регистрации.

– Что за?… – ахнул я. Она собирала шмотки. На полу – пузырь бурбона, на тумбочке – предательские остатки порошка возле скатанной сотенной купюры.

– Привет, – сказала Джинна. – А сколько времени?

Алек сел в постели, держась за стену. Убит в никуда.

– Джейми, прости, – пробормотал он. – Я думал, ты…

– Нормально, – сказал я, пытаясь въехать, что происходит. – Я найду кровать в…

– Нет-нет, все в порядке. – Джинна уже собралась. – Это не то, что ты думаешь. Мне работать утром.

– Ну ладно, – сказал я. – Эм-м. Спокойной ночи.

Она остановилась у Алековой постели.

– Мне точно взять деньги, ты уверен?

– Заткнись и проваливай, поняла? – сказал Алек.

– Вас, студентиков, не поймешь. – И она вышла, по пути задев меня объемным птичьим бюстом.

Я запер дверь, смахнул с кровати пух, перевернул подушку и выключил лампу.

– Что ж ты ее выпроводил? Она ничего себе, – заметил я,

хотя, по-моему, она была чудовищно безвкусна, и я хотел ее сам. – Ее на тебя пробило.

– Я ей не за это платил. Я к ней не клеился. Не в том фишка.

– Ну как скажешь. – Ладно, пусть. – Ты в норме? Ты сколько выпил? – Явно ведь чудовищно насосался[145]. Но про кокаин ни слова не скажу.

– Я очухаюсь, – ответил Алек. – Комнаты иногда и побыстрее вертятся.

– Ну ладно, тогда спокойной ночи.

– Ага.

Некоторое время мы полежали молча.

– Знаешь, я бы и сам добрался, – наконец сказал он.

– А?

– К причалу. Когда лодка перевернулась. Я бы и сам добрался, без тебя.

– Да тут нечего стыдиться. Ты пьяный был.

– Не настолько пьяный, Джейми.

– Слушай, мне твой отец сказал про руку, – признался я. – С такой рукой, да еще под градусом…

– Я бы и сам добрался, – пробубнил он.

– Засыпай. Мы об этом завтра поговорим.

Он уже отрубился. Я лежал, и меня, как ни странно, грызла совесть. Будто я его свалил, занял его место у кормушки. Поглотил жизнь очередного персонажа.

Когда я проснулся, Алека не было. Тем лучше. Больше времени до встречи. Может, потому он и слинял.

Я нащупал на полу часы. Семь утра. Как это Алек встать умудрился? Я раздвинул занавески, и белое монтанское солнце брызнуло на меня сиянием, какого я никогда не видал в городе (куда вечером буду счастлив вернуться). Сплошная белиберда на этом ранчо. Открывает людские темные стороны.

Я принял душ, побрился и оделся так, как хотел с самого начала. Рубашка «Брукс Бразерз», вельветовые брюки и джемпер. Ковбои лесом идут.

В центральном здании никто не завтракал. Какая-то обслуга за столом ставила на планшетах галочки в списках. Одна женщина подняла голову. Джинна.

– О, доброе утро, мистер Коэн.

– А где все? – спросил я. – Завтрак уже кончился?

– Да нет, дуралей. – Она нежно хлопнула меня по руке. – Еще не начинался.

– И где?…

– Вы сегодня питание зарабатываете, – ответила она. – Все на

западном выгоне.

– На западном?… – Карту я изучал – мне ее выдали с путеводителем. Я знал, где выгон, но мне было любопытно, кто такая эта Джинна, и что с Алеком стряслось. Или, может, сам ее окучу.

– Вон туда, – показала она. – Мимо коровников. Прямо вдоль холма идите.

– Не проводите меня?

– Я со щеглами не гуляю, – засмеялась она. – Даже если они громко воют. – И Джинна подмигнула. Ну еще бы. Мы оба, надо думать, в курсе наших темных сторон. Я вспыхнул и отвалил. Господи[146], сколько всякой грязи про важных шишек знают эти женщины. Лучше их не злить.

Возле коровников я столкнулся с работниками – настоящими ковбоями, которые воевали с быком. Стальными кольями они пихали его к беспокойной корове в крошечной клетушке. Один ковбой заметил меня и секунду разглядывал. Я незваный гость. Шкет из летнего лагеря встретил студента.

Работник внезапно уставился в небо. Видимо, слышал он лучше меня: я лишь через несколько секунд разобрал ворчание. На луг спускался вертолет.

– И какого хуя они теперь устроят? – спросил работник коллегу.

Какого бы хуя ни устроили, я хотел выяснить и помчался за вертолетом. На длинных стальных проводах он волок громадный деревянный ящик. Я бежал всю дорогу до западного выгона, где и нашел остальных курортников – все повисли на заборе. Тобиас махал шляпой.

– Как раз вовремя, Джейми! – заорал он. – Привезли его.

– Кого? – спросил я, взбираясь по столбу к Мохаусу поближе.

– Быка из Нью-Йорка. Которого пристрелить хотели. Его Теллингтон купил, поганец!

Вертолет, раскрашенный в фирменные ярко-рыжие цвета «Интертейнинка», повис над загоном. Повсюду носились коровы, работники пытались их угомонить. Гигантский ящик медленно снижался.

– У меня хорошие новости, мистер Мохаус, – сообщил я. Не понять – то ли сейчас идеальный момент, то ли хуже не бывает.

– И что у тебя, пацан? – игриво осведомился Тобиас. – Трахнул кого? Алеку-то подфартило?

– Нет-нет, я не об этом. То есть я не знаю, подфартило ли Алеку. – Я уже чувствовал, что падшего друга следует прикрывать. – Вполне могло. Я, ну – я тут пообщался вчера с ребятами из «Синаптикома». Насчет использования их программы

на сайте торгов. По-моему, очень уместно. И они жаждут с нами поделиться.

– Пожалуй, неплохо, – согласился Тобиас, не отрывая глаз от ящика. – Валяй.

– Ну да. Сделаем. Проблема в регулировании. Откровенно говоря, они готовы с нами стусоваться отчасти потому, что вы общаетесь с Бирнбаумом.

– Типично, – заметил Тобиас. – Но они правы. Если эту дверь кто и выбьет, так это мы. Только пусть эксклюзив дадут, раз уж нам напрягаться.

– Я думаю, проблем не будет. – Это я уже учел.

– Значит, по рукам. – Тобиас снова воззрился на ящик. – Ты глянь, а?

Потрясающе. Вот так и заключаются сделки. Посреди всего. Когда что-то должно случиться, оно берет и случается. Встает на место.

Вертолетная лебедка опустила ящик очень низко, и все равно он с чудовищным грохотом хряснулся об землю. Мы все зааплодировали.

Теллингон обратился к толпе в мегафон:

– Джентльмены, с невероятным удовольствием представляю вам: прямо из джунглей Нью-Йорка – существо, приговоренное к казни лично губернатором… Бык Отто!

Все восторженно заорали, два ковбоя отодвинули боковую панель и помчались прятаться. Ничего не произошло. Крики стихли – все предвкушали быка. Ящик стоял, как стоял.

Один ковбой осторожно подобрался к дыре в стенке. Заглянул внутрь, поскреб в затылке. Внезапно дыру затопила чернота. Потрясенный ковбой зигзагами ринулся в укрытие, Отто рванул из крошечной тюрьмы. Бык пролетел футов десять и застыл. Ковбой вжимался в землю, прикрыв голову руками. Бык постоял, как ни в чем не бывало отвернулся и захромал по выгону.

А теперь что делать? Теллингтон подал пример – захлопал, и мы тоже зааплодировали, сначала нерешительно, потом храбрее. Овация достигла пика, и Теллингтон поднял мегафон:

– Джентльмены, найдите себе помощников и отправляйтесь искать завтрак!

Тобиас похлопал меня по плечу.

– Давай, пацан, пошли.

Вместе с молодым работником я и Тобиас побежали на луг; десяток таких же трио с нами.

– Мы что делаем? – спросил я на бегу.

Тобиас не ответил.

– Смотри, – обратился он к ковбою. – Вон там. – К стогу сена жался молодой бычок. – Этот?

– Да, сэр, – отвечал работник. – Завалить его?

– Ну как, завалить его, Джейми?

– Ну… э… – Я не въезжал.

– Завали, пожалуй, – решил Морхаус. – Идем, Джейми.

Работник стянул с пояса веревку и крадучись направился к молодому зверю – малюсенькими шажками, размахивая петлей. Почмокал губами – бычок обернулся. В тот же миг ковбой накинул ему на шею лассо, одним плавным скачком рванулся вперед и прижал бычка к земле. Умело обмотал и связал ему ноги, обездвижив за несколько секунд.

– Идите сюда. – Ковбой стащил с плеча мешок и сунул мне.

– Давай, – сказал Тобиас, подталкивая меня к мешку.

Я заглянул внутрь. Пустая банка и флакон дезинфицирующего средства.

– Так, а теперь откройте флакон и дайте сюда, – спокойно распорядился ковбой.

Я сделал, как велели. Отвинтил крышечку – внутри оказался длинный помазок, с которого капало что-то бурое.

– Давайте сюда, – сказал ковбой. – Намочите получше.

Ковбой держал бычка яйцами наружу. На меня навалилась реальность происходящего. Мы их сейчас отрежем.

– Эм-м…

– Нормально, давайте. – Ковбой взял помазок и смазал живности мошонку. – Сойдет. – Из кожаного футляра на бедре извлек длинный сияющий нож. – Ну, кто сделает?

– Он, – сказал Тобиас.

– А где Алек? – спросил я. – Вам не кажется?…

– Валяй, Коэн. Нет ничего лучше, чем зарабатывать пропитание.

Я взял нож и уставился на свою жертву. Ясное дело, я не смогу, но тормозить – еще хуже. И с Тобиасом все так удачно складывалось.

Я сложил в уме слова. *Извините*, начну *я*, *но я просто не*… И будто невидимая рука стиснула мои пальцы, потянула нож к перепуганной твари.

– Надо б лезвие почистить! – Ковбой кивнул на флакон.

Отсрочка. Я бережно, не торопясь нанес дезинфекцию на лезвие.

– Ну давайте. Прямо вот тут, – сказал ковбой, пальцем проводя по основанию мошонки. Бычок внезапно брыкнул, пытаясь вывернуться. – Скорее, ну.

Секунду назад я бы это сделал. А теперь не мог двинуться.

Даже говорить не мог. Скорчился с ножом в руке, к месту примерз.

– Все нормально, сэр, – сказал молодой ковбой. Я впервые глянул ему в глаза. Ему же пятнадцать, не больше. – Давайте, вы его просто подержите.

Он взял нож и медленно уступил мне место. Одной рукой я схватил бычка за ноги, другой вцепился в веревку, раздвинув животине бедра, как делал ковбой. Ну слава богу – задача проще, я был благодарен и желал хоть ее выполнить. Парень опустился на колени и наклонился.

– Вот черт, – сказал Тобиас. – Дайте *мне*.

Парень отдал ему нож.

– Прямо у основания, – сказал он.

– Я знаю, что делаю.

Лезвие приблизилось к нежной розовой коже. Время замерзло. Брит-мила[147] моего кузена. Бенджаминовым сайдаком[148] должен был стать Шмуэль, но его вызвали к постели умирающего члена общины, и хотя мне было всего пятнадцать, меня попросили его заменить. Я пришел в ужас, но моэль оказался очаровательным древним хасидом, длиннобородым, с добрыми, сияющими глазами. Он нежно, однако твердо объяснил мне ритуал – пять тысяч лет еврейской традиции маячили у него за спиной. В футе над столом я раздвинул ноги новорожденному, а моэль трудился над крайней плотью.

Мелкий братец вопил и дергался, а я лишь смотрел в мудрые глаза под громадной черной шляпой. Это успокаивало. Словно позади моэля стояла длиннющая колонна моэлей прошлого. И вилась она до самого Авраама. Брит-мила стала инициацией не только для Бенджи – для меня тоже. С тех пор я чувствовал, что мы с ним связаны.

В прерии же, глядя в заматерелое лицо под черной ковбойской шляпой, я совсем не находил утешения. Вены на Морхаусовом лбу вздулись и запульсировали. Зубы стиснуты, чело пошло бороздами. Это вам не обрезание – это грех. Евреям не позволено отрезать куски от живых животных. Это некошерно. Евреям даже охотиться нельзя.

Лезвие вспороло кожицу, бычок замолотил ногами и замотал головой. Я держал крепко. Если отпущу, твари хуже будет. Тобиас пропилил дюйма три у основания мошонки. Сунул в мешочек пальцы и выудил путаницу красных вен и белой оболочки.

Я отвернулся, пытаясь сосредоточиться на другом. О чем это я? Ах да. Законы кашрута. Дабы возвысить человечество над охотниками-собирателями. Мы – пастухи и крестьяне, мы не

охотники. Мы создали свои законы, дабы сбавить жестокость нашу к остальным формам жизни. Дабы низвергнуть закон джунглей. Правила интервенции, дабы наверняка убивать гуманно. Может, цыпленок с кошерно перерезанной глоткой мучается не меньше цыпленка со свернутой шеей, но во всяком случае, кому-то есть до этого дело.

Зловонный пар из бычьей промежности выдернул меня из транса.

– А теперь тащите, ну, – говорил парень.

Из разреза Тобиас выудил одно, затем другое красное, окровавленное яичко. От них к бычку по-прежнему тянулись вязкие вены, артерии или что там. Держа яички в одной руке, другой Тобиас дернул этот шнур. Он все тащил и тащил – вены не кончались. Кровавым месивом сплетались на земле. Наконец глубоко в мешочке Тобиас обнаружил начало и принялся кромсать ножом.

И тогда бычок закричал. Завыл протяжными, горестными всхлипами. Брызнула кровь, Тобиас шарахнулся. Бордовая струя изогнулась римским фонтаном. Меня окропило, красными теплыми чернилами заляпало вельвет. Тобиас секунду передохнул, замшевым рукавом вытер пот со лба и вернулся к резне.

Куда ни глянь – бойня. Бычок яростно лягался, под него натекла лужа крови. Меня мутило, я старался смотреть в небо. Решил вообразить, что я не здесь, но, пока искал блаженную картинку, почувствовал, что бычок вырывается. Я сильнее вцепился в веревку, но упустил его ноги. В отчаянии животное умудрилось выпрямиться и скакнуть почти на целый ярд, докуда веревки хватило. Бычок завертелся на месте, всех нас окатив собственной кровью.

Он бросался туда-сюда, он пытался бежать, но я уперся каблуками в землю и тянул веревку. Животное совсем взбесилось и кинулось туда, куда только и могло: кругами вокруг мучителя. Пара секунд – и я запутался в веревке. Бычок носился кругами, веревка все короче, короче, и наконец нас с животным скрутило вместе – истекал кровью он, орали оба. Он забился, и веревка скользнула мне на шею. Дышать стало нечем.

– Не двигайся, – крикнул Тобиас и ринулся заканчивать недоделанную операцию на двухголовой теперь твари. Я ловил ртом воздух, мое лицо и морда бедняги вдавились в грязь. Я шеей чувствовал его влажное дыхание, он стонал.

– Есть! – сказал Морхаус, с хлюпом швырнув окровавленные яички в стеклянную банку и облегченно вздохнув.

– Помогите! – прохрипел я, лицом уткнувшись в кровавую

жижу. Обезумевший бычок кувыркался на мне сверху.

Ковбой взял у Тобиаса нож и разрезал веревку, что связала нас – двух перепуганных млекопитающих. Едва очутившись на свободе, бычок поспешно заковылял через луг, оставляя за собой кровавый след. Я отделался лишь чуточку легче. Ковбой усадил меня, постучал по спине, помогая отхаркнуть грязь и бычью кровь. Вздохнуть не удавалось.

– Не торопитесь, сэр, – сказал парень. – Дух перехватило, вот и все.

Некоторое время я хрипел и отхаркивался, наконец глотнул воздуха. Когда сознание окончательно вернулось, я понял, что сижу в луже крови, шерсти и требухи.

– Оп-ля-ля! – воскликнул Тобиас. С лица его капал красный пот. – Крутая животинка попалась, а?

Я сидел и жалобно дышал.

– Тебе, пацан, к завтраку не мешает переодеться, – посоветовал Тобиас, протягивая мне руку.

– Ага, – сказал я наконец и протянул свою.

– Вы как? – спросил ковбой.

– Ага. – Может, надо парню чаевых дать? – Спасибо.

Я добрался до коттеджа, благодаря судьбу, что эта пытка скоро закончится. Предвкушая полет домой (и стараясь, чтобы меня больше не втягивали в бычьи забавы), я переоделся в свой лучший костюм от «Прада». А под него натянул бледно-зеленую тенниску – намек на зарождающийся альянс с «Синаптикомом».

Но, как выяснилось, вся команда с утра укатила в Непал. Человек двадцать пять собрались за шестью длинными столами на задней веранде центрального дома. В основном старые банкиры и инвестиционные магнаты, что приезжают на ранчо много лет.

– Еду получат те, кто что-нибудь принес, – объявил Тобиас, похлопав по соседнему стулу. Я сел.

– У нас четыре, – торжествовал Алек через стол. – Я, Теллингтон и мистер Ньюмен.

– А ты тоже был? – спросил Морхаус.

– Конечно, был, – возмутился Алек, будто под сомнением его честность.

– Обалдеть. – Я решил его поддержать. – Четыре? Мы еле добыли одно. Или одна пара считается за два?

– За одно, Коэн, – рассмеялся Теллингтон. – Всего одно. Но с этим старым клоуном – я поражаюсь, как вам хоть это удалось!

– Вообще-то он все сам сделал, сэр, – признался я – ради благодетеля и ради Алека.

– Ай, – пожал плечами Тобиас. – Коэн там себя показал, вы уж

не сомневайтесь.

– Приятно слышать, – сказал Теллингтон. – Мне твой подход нравится. Ты вчера на сцене просто герой был.

– А, ну…

– Да нет, правда. Я бы вам, ребята, помог.

– Это с чем же, Маршалл? – как бы между прочим осведомился Тобиас, притворившись, будто поглощен кукурузным хлебом.

– С этим проектом вашим, как бишь его?

– Тесланет, – поспешно встрял я.

– Да-да, Тесланет. Я подумал – может, сбагрите его мне. Пусть в «Интертейнинке» будет, в разработке.

– Что значит – в разработке? – спросил я.

– Это значит – в разработке, Джейми, – оборвал меня Тобиас. Мы все понимали: в разработке – значит, на полке.

– Если скинете его мне, к концу следующей недели смогу предложить вам четыре миллиона, – сказал Теллингтон.

Брокерской фирме обычно перепадает тридцатипроцентная комиссия. Значит, Джуду и Рубену – больше двух лимонов. И конец их Тесланету.

– Но команда разработчиков…

– Будет участвовать в конечных доходах, – перебил Теллингтон. Разумеется, если программу не выпустят, никаких конечных доходов не предвидится.

– Давай шесть, подбрось чуток позитивных статей в агентствах про онлайновые торги – и по рукам, – сказал Тобиас, намазывая хлеб маслом. Впечатляет. Мохаус уже раздумывает, как пропихнуть альянс с «Синаптикомом» через Комиссию по ценным бумагам.

Теллингтон стиснул ладонями физиономию.

– Предложение действительно до появления омлетов, – прибавил Тобиас.

– По рукам.

Я раздумывал, надо ли и как именно сообщить бывшим друзьям-хакерам, что, приняв по два лимона баксов на нос за работу всей жизни, они похоронят проект с концами, и тут ковбой поставил передо мной тарелку. Омлет, овсянка и свежие, поджаристые, тушеные с луком бычьи яйца.

Все вокруг алчно поглощали пищу, ворча и хлюпая, жевали плоды своих трудов. Я вылупился на трефное[149] в тарелке.

– Не робей, Джейми, – подбодрил Алек. – Обычное мясо. Как сосиска.

Я ткнул вилкой в жилистый мясной шарик, поднес его к лицу. Никто не смотрит, но куда я эту фиговину дену? Я закрыл

глаза и сунул кусок гениталий в рот. На зубах скрипит. Одни жилы. Не прожуешь. Но едва мои зубы сплющили жизнетворную железу, мне кажется, я мельком уловил, откуда взялась эта традиция. Или почему не вымерла.

Ничего не осталось, кроме этих яиц. Ковбойские забавы для взрослых. Где еще престарелым спортсменам быть мужчинами? На реальных войнах не повоюешь, деловые войны – слияния, поглощения – развязываются очкариками с матфака. Даже стеклянный потолок скоро треснет, и женщин в «Форбс 500»[150] окажется не меньше, чем мужчин. Знакомая игра закончится.

Но это не объясняло, почему Рут Стендаль, королеве интернет-инвестиций, дозволено сидеть за столом и вместе со всеми чавкать бычьими яйцами.

– Эй, – шепнул я Морхаусу. – А в ней что такого особенного? Ее же там не было?

Тобиас рассмеялся и с полным ртом проревел:

– Маршалл! Пацан хочет знать, почему Рут дали поесть.

– Может, у нее и спросишь? – предложил Теллингтон. Громко – Стендаль услышала через стол.

– Что такое? – спросила она.

– Ему интересно, почему ты устриц жуешь!

Рут лишь улыбнулась и отсалютовала Маршаллу апельсиновым соком.

Фиг с ним, решил я, но Алеково любопытство тоже разыгралось.

– Так *почему* она с нами ест, пап?

Тобиас и Теллингтон переглянулись, молча сговариваясь, кому выпадет честь изложить. Выиграл Тобиас.

– Прошу, – сказал Теллингтон.

– До конца восьмидесятых, – начал Тобиас, – на Бычьих Бегах ни одна женщина не появлялась.

– Кроме актрис, разумеется, – прибавил Теллингтон.

– Хочешь сам рассказать? – спросил Морхаус. Теллингтон поднял руки – капитулировал. – Ну ладно. Когда начался бум биотехнологий, а потом микрочипов, большинство из нас остались среди руин. Стендаль все предвидела. Она раньше работала со шнырантами из Госдепа, ей достало хитрости увести отдел Национального научного фонда в частный сектор, а потом его возглавить с какими-то старыми дружками из Минобороны. Так все получилось, что нельзя точка-ком открыть, у нее не зарегистрировавшись.

– Это мы знаем, – перебил Алек. – История Интернета. А устриц прерий она почему ест?

– Я до этого еще не дошел. Это было году в девяносто

четвертом или девяносто пятом. Так, Теллингтон?

Маршалл кивнул.

– Кажется, в девяносто пятом, – продолжал Тобиас. – Мы все собираемся за устрицами – так в то время говорили. А она смотрит на нас, будто мы совсем имбецилы. Накануне сидела на костре, ни на что не купилась. Видимо, решила, что мы еще разок попробуем, и с нами не пошла. Мы думаем – ну и к лучшему. Пусть не суется. Это наше развлечение. И чтоб ее носом ткнуть лишний раз, все собранные яйца покидали в большое ведро и оставили в кухне на столе. Сели, ждем, когда она туда глянет и с воплями убежит. Зрелище и впрямь кошмарное. Окровавленное ведро бычьих яиц. Аж мурашки по коже.

– И что дальше было? – спросил я.

– Она вприпрыжку к столу, спрашивает, типа – «ну что, мальчики, закончили»? А мы сидим, этак ухмыляемся, мол, сейчас попляшешь. Вот, думаем, теперь-то она себя и выдаст.

– А потом? – спросил Алек. Ему аж на стуле не сиделось.

– Она заглядывает в ведро, усмехается. Не бледнеет ни капли. Сует туда руку, достает одно. Берет за жилу, качает этой сырой кровавой штукой перед лицом. Оглядывает нас, совершенно, заметьте, невозмутимо, и спрашивает: «Это чье?»

– Уй-й! – взвизгнул Алек.

– Мы не знаем, что и сказать. Окаменели все. Парни ноги скрещивают и вниз смотрят. И тут она раскручивает эту штуковину, как лассо, закидывает в рот и проглатывает, глазом не моргнув.

8
Контракты и заветы

Предвкушая победу на референдуме насчет отцовского контракта, совет Уайтстоунской синагоги любезно подготовил проект соглашения, которое доставили «Федэксом»[151] в понедельник перед голосованием. Если Шмуэль немедленно уйдет с поста, синагога заплатит ему выходное пособие в размере годовой зарплаты.

Естественно, придумали они это лишь затем, чтобы не сесть в лужу перед Еврейским Союзом[152] – инкубатором новых раввинов, куда после ухода отца синагога обратится в поисках ребе полиберальнее. Чем тише все пройдет, тем лучше для всех.

Они просили отца самоуничтожиться – подозреваю, от такого у людей случается рак. Я не хотел, чтобы отец в этом участвовал.

С другой стороны, я не без удовольствия наблюдал, как он прогибается, наконец, под волной экономической экспансии, которую я теперь волен седлать потехи ради. Я как никто понимал, что это такое – сидеть и ежиться под его самодовольным взором. Кто добровольно согласится терпеть это каждый шабат? Мы ж не католическая мафия – признаваться, сколько убийств заказали. Просто успешные люди, которые слегка развлекаются.

Я редко появлялся дома и опасался, как бы при виде меня отец не решил, что мы скрываем от него ужасные новости. Когда знаменитый бейсболист появляется у детской кроватки в больнице, само его присутствие означает: смерть неминуема. В общем, я по материному совету на тот же вечер назначил дома встречу с Джудом и Рубеном. У меня будет предлог увидеться с отцом, а в моем бизнесе замаячит прямодушие – последнее, что в нем найдется.

Как водится, Софи заказала у Силвермана упаковку коричных рогаликов, и моего прибытия ожидало целое блюдо резиновых плюшек. Шмуэль по обыкновению корпел над линованной бумагой – готовился к проповеди, раскидав вокруг тома Мидраша, а мы с сестрой на другом конце стола поглощали рогалики.

– А о чем ты будешь говорить, пап? – спросил я.

– Тебе правда интересно, Йосси?

– Конечно. Расскажи. Про Песах, да? – Отец порадуется, что я назвал Пасху по-еврейски.

– Ты раньше никогда не интересовался.

– Раньше чего? – Можно подумать, я не понял.

– Папочка, я хочу послушать, – взмолилась Мириам.

– Очень хорошо, – сказал Шмуэль и отложил ручку. – Я буду рассказывать, почему Господь не позволил Моисею войти в землю Ханаанскую. Помните, почему?

Я вообще-то терпеть не могу, когда отец с нами беседует точно с иешивскими школярами. Но в тот день меня его снисходительность грела.

– Недостаток веры, кажется? Или нарушение закона?

– Близко, Йосси. Из-за веры Моисея, но больше – из-за старости.

– Как это? Он был слишком стар? Они же там жили, типа, лет по четыреста.

– Не преклонный возраст. Старое мышление. – Шмуэль уже привычно ораторствовал. – Народ Израилев в пустыне, у Хореба. Исход. Они устали, больны, голодны. Что хуже всего, они хотят пить. «Зачем ты вывел нас из Египта – чтоб мы умерли от жажды в пустыне?» – спросили они Моисея. Первая еврейская шуточка: «С тем же успехом мы могли умереть и в Египте, но там у нас хоть была бы вода!» И Господь сказал Моисею воздеть жезл и ударить по скале, и явится вода. Моисей так и сделал. Стукнул жезлом по большой скале, и хлынула оттуда вода для народа и для скота.

– Ну правильно, Моисей все время же такие чудеса творил?

– Моисей заставил расступиться Мертвое море, – сообщила Мириам.

– *Красное* море, – нежно поправил Шмуэль. Как они будут за ней ухаживать, когда его выпрут, подумал я. Наверное, я смогу помочь, если позволят.

– Но затем, – продолжал отец, – годы спустя, люди снова закричали на Моисея: «У нас нет воды. Мы наверняка умрем от жажды». И Господь сказал ему: «Пред всем народом обратись к скале, и из нее польется вода». Но Моисей не послушался Господа. Не заговорил со скалой. Нет – он воздел жезл и дважды ударил по скале. И хлынула вода, как и в первый раз.

– Ну и что такого? – спросил я. – Проверенный метод.

– Он, конечно, подействовал. Но Моисей сделал не так, как повелел Господь. И Господь сказал ему… – Шмуэль полистал записи. – И сказал Господь: «За то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою на глазах у сынов Израиля, не введете вы собрание это в страну, которую Я дал им».

– Скажем прямо, довольно круто. Молотить жезлом по скале – все равно нехилый акт веры. Кроме того, это уже срабатывало. И к тому же на него, судя по всему, сильно давили.

– Но Моисей основывался на собственном опыте, а не на

слове Господнем. Не верил, что одни лишь слова его откроют воду.

– И Господь на него разозлился? После всего, что Моисей сделал?

– Я бы не сказал, что Господь разозлился, – задумчиво ответил Шмуэль. – По-моему, он не столько проверял Моисея, сколько пытался ему что-то доказать. Что Моисей не из того поколения, которое может привести народ в новые земли. Что он все понимает по-старому. Мощь жезла понимает, а мощь слов – нет. Поэтому он не мог вести за собой молодежь. Он не из них.

– Проблемы с апгрейдом, видимо. – Я пытался пошутить. Я понимал: отец о себе говорит. Готовит прощальную речь.

– Объясни, – невинно попросил он.

– Ну, существующие системы, они… Когда требуется новая программа, она… – Я не понимал, как ввести его в курс дела.

– Вот поэтому я в некотором смысле вроде Моисея, – улыбнулся он. – Ты мне даже не можешь объяснить, чтоб я понял, что в этой твоей виртуальной голове творится.

– Да нет, пап, правда…

– Не переживай, Джейми. Ничего страшного. Просто, значит, пора двигаться дальше.

– Пап, тебя не уволят. Мы все разрулим. – Он назвал меня американским именем. Значит, совсем пал духом.

– Порой приходится доверять тому, что дает нам жизнь. – Шмуэль потянулся к блюду с рогаликами. Я передал блюдо через стол. Отец взял рогалик, съел, мелко кусая. – Я понимаю, из-за твоей работы я жестко с тобой обошелся. Из-за твоего выбора.

– Вовсе нет, – соврал я. – Ты пытался меня поддержать.

Мама – наверняка из кухни слушала – встала на пороге, чтобы слышать лучше.

– Нет, я совершенно тебя не поддерживал. – Шмуэль покачал головой. – Не как Моррис. Но не потому, что я тебе не доверяю. Просто мне непонятно. Все эти разговоры про сети, про деньги, про бизнес. Они меня пугают, потому что я не понимаю.

– Но они и *должны* пугать, пап. Это жуткие вещи. Я бы не обрадовался, если б ты с ними смирился, как дядя Моррис. Никто не знает, куда все катится. И ответственных нет.

– Ты ответственный, Джейми. С этим мне приходится смириться. – Он оглядел разбросанные книги. – Иногда я думаю, Тору писали для родителей. Или для раввинов.

Я хотел немедленно сознаться отцу во всем. Что я впутался во что-то неуправляемое. Что я ел яйца молодого бычка. Что я вот-вот продам друзей с потрохами. Что я помогу Тобиасу Морхаусу запустить сайт торгов, гипнотизирующий юзеров, чтобы те

больше торговали. Что я – в банде рыночных фашистов, которые выжимают деньги из самого человечества. Но я не успел и рта раскрыть – позвонили в дверь.

– Кто-то пришел! – крикнула Мириам и побежала открывать.

– Наверно, Эпштейны, – сказала Софи и ринулась вслед за дочерью.

Таких, как Эпштейны, в раввинских кругах называют «возвращенцами». Богатство, скука, экзистенциальное отчаяние после смерти матери мистера Эпштейна – и эти двое вернулись к религии своей юности, надеясь обрести единение с чем-то более подлинным, нежели квазиантичные фасады универмага «Сипорт» на Саут-стрит. Сорокатысячным пожертвованием на реставрацию синагоги они купили места в совете, и Шмуэль рассчитывал, что их приверженность традиционным ценностям добудет ему несколько голосов.

Но возвращенцы без собственных проблем не возвращаются.

– Добрый день, добро пожаловать! – приветствовала их Софи.

– Шалом, ребецин, – сказал человек лет сорока. – Шалом!

– О, ну конечно, Марк, – поправилась Софи. – Шалом.

– Вообще-то, – сказал он, целуя мезузу на дверном косяке, – я решил отныне зваться еврейским именем. Мейер. Мейер Эпштейн бен Моше вэ Ривка.

– Как замечательно, – Софи захлопала в ладоши. Мама знает, как себя вести. – Шалом, Мейер Эпштейн.

– С моей женой вы знакомы. – И Мейер церемонно представил: – Шошана Ирит.

– Шалом, ребецин. – Женщина кланялась, как шеф-повар в суси-баре. – Я своего еврейского имени так и не узнала, – грустно прибавила она. – Мы посмотрели в книгу и выбрали самое похожее.

– Ну заходите, пожалуйста, Шошана Ирит, Мейер, – пригласил Шмуэль, поднимаясь со стула. – Вы знакомы с моей дочерью Мириам?

Мириам приняла у Мейера пальто – поверх штанов спереди у него болталась белая бахрома цицит.

– Хабад! – возгласила Мириам, наивно приняв Мейера за любавичского[153] ортодокса – они обычно такое носят.

– Нет-нет, – ласково сказал Мейер. Вся община знала о болезни Мириам. – Просто добрый еврей.

– Проходите, проходите, – Шмуэль показал на столовую. – Давайте сядем и займемся делом.

Мистер Эпштейн решил второй раз пройти бар-мицву, поскольку теперь знал, каков «истинный» смысл ритуала. Добавочная церемония состоится через неделю, перед всей

общиной, и отец готовил Мейера дома, персонально, а не в синагоге с тринадцатилетками. Мейер прошел интенсивный курс иврита в нью-йоркской ортодоксальной синагоге и теперь скакал по своему отрывку из Торы, закрыв ладонью английскую транслитерацию, дабы доказать, что правда читает на иврите[154].

– Отличная работа, – похвалил Шмуэль, когда Мейер закончил. – Я бы сказал – великолепная. Знаете, иудаизм – единственная западная религия, где инициация, бар-мицва, равна доказательству грамотности.

– Разумеется, я все равно не понимаю, что говорю, – признался Мейер.

– И тем не менее весьма похвально, мистер Эпштейн, – сказал Шмуэль. – Это восхитительный отрывок, – продолжал он. – Он показывает нам, что египетское рабство есть символ порабощенного сознания.

– Но рабами в Египте мы тоже были, – прибавила Шошана Ирит, пощипывая рогалик.

– В некотором смысле какие-то израэлиты наверняка были, – ответил Шмуэль. – Однако освобождение из рабства представлено здесь скорее кульминацией Авраамова завета с Господом. Казни египетские нередко воспринимаются буквально, хотя на самом деле они скорее символичны. Убийство египетских первенцев в действительности означает убийство перворожденной цивилизации. Ивритское обозначение Египта – «мицраим» – переводится как «узкое место».

– Но казни правда были? Ведь так, ребе? – настаивал Эпштейн.

– Ну, та история, что вошла в Агаду, была написана во время римской оккупации, – пришел на помощь я. – Евреи нуждались в повести о революции. Она давала им надежду: иго будет уничтожено, храм отвоеван. – Я и сам удивился. Может, я все-таки еврей.

– Совершенно верно, Джейми, – кивнул отец. – Агада считалась подрывным документом. Но, что еще важнее, это урок – как избежать порабощения разума. Или души. Рабства, в которое мы загоняем лишь сами себя – строя пирамиды ложным богам.

Мейер был явно выбит из колеи. Он не затем платил сорок тысяч, чтоб захлебнуться в сомнениях насчет своего наследия.

– Но именно сейчас, – пожаловался он, – ведь так важно, чтобы мы добрались до исторической правды? Масса людей называют себя евреями и даже не верят, что Моисей существовал! – Шошана Ирит сочувственно кивала в такт мужниным словам.

Шмуэль тяжело вздохнул. Он разрывался: то ли ему, как

истинному раввину, следует помочь слишком ревностным возвращенцам обуздать экстремизм, то ли воспользоваться их консервативными пристрастиями и обеспечить себе место в синагоге. Как обычно, высшее призвание одержало верх над эгоизмом.

– Хорошо, Мейер, – сказал ребе. – Давайте тогда подробнее займемся историей. Почему вообще израэлиты оказались в Египте?

– Голод! – крикнула Мириам.

– Прекрасно, Мириам, – сказал Шмуэль. – А почему их пустили в Египет?

– Потому что премьер-министром был Иосиф, – поспешно ответил Мейер, точно соревнуясь с Мириам на игровом ток-шоу.

– Правильно. Братья предали его и продали в рабство. Но благодаря пророческому дару он стал правой рукой фараона. Он жил как египтянин. А его народ последовал за ним. Как потом оказалось – в рабство, строить пирамиды.

– Ужас какой! – заметила Шошана.

– Он забыл, что он израэлит. Но спустя четыреста лет Моисей – египетский аристократ – вспоминает. Видя, как надсмотрщик бьет раба, он вдохновляется и действует.

– Еще как, черт возьми, действует! – Эпштейн хлопнул в ладоши. – Убивает надсмотрщика на месте!

– Абсолютно верно. Он видит жестокость, и она выдергивает его из грез. Он освобождается и берется освободить свой народ.

– И вы говорите, ничего подобного не происходило? – Мейер возвел очи к потолку, словно призывая Господа обратить внимание на такое богохульство.

– Нет, мистер Эпштейн, – пояснил вместо отца я. – Он говорит, что это по-прежнему происходит. Каждый день.

Секунду мы с отцом смотрели друг на друга. Глаза Шмуэля сияли новообретенным признанием, я же старался не скукожиться от незаслуженного восхищения. Как-то полегче, когда он критикует. В потоке Шмуэлевой веры я внезапно поплыл без весел и руля.

Спас меня звонок. Мириам снова бросилась открывать.

– Кого я вижу? – Джуд поклонился ей с порога. Поцеловал ей руку, будто королеве. Мириам засмеялась и сделала книксен.

Джуд пришел с юным Бенджамином.

– Ну, мы празднуем или как? – спросил Джуд.

– Видимо, – ответил я. – Пошли наверх, я вам все расскажу.

– Здравствуйте, ребе, миссис Коэн, – сказал Джуд. – Рад видеть вас опять.

Мои родители кивнули бывшему сыновнему образцу для

подражания.

– Пошли, – сказал я. Без особой необходимости эти миры лучше не смешивать. Мы уже навострились по лестнице, и тут Мириам выхватила из-под носа у миссис Эпштейн блюдо рогаликов.

– Возьми, Джуд! – крикнула она, на бегу рассыпая добрую порцию плюшек. – Поешьте!

– Похоронная еда! Клево, – пошутил Джуд. Потом Шмуэлю: – Я не имел в виду, ну…

– Да все в порядке, – отозвался тот из-за стола. – Веселитесь.

«Я его словно бросаю», – думал я, поднимаясь по лестнице.

Ничто не мешало мне сделать иначе, и однако же я впаривал проект Джуду, себя не помня. Я ни словом не упомянул, что «Интертейнинк» собирается навек похоронить Тесланет, болтал лишь о том, как распределятся шесть лимонов и как потом будет оцениваться доход. Джуд, похоже, ни капли не удивился, даже не впечатлился, заслышав о миллионах долларов. Пока я рассказывал, он лишь кивал, будто и не ждал ничего другого. Бенджи тоже и бровью не повел. Он вообще, кажется, из-за этой сделки дулся. Просек, что я не договариваю?

Наконец я закруглился, и Джуд задал единственный вопрос:

– Так ты считаешь, это правильный ход?

Что тут сказать? По сути я был честен, хотя и не абсолютно откровенен. Прямо скажем, большего Джуд и не заслужил. Это парень меня наебал – и пофиг, что в результате это оказалось мне на руку. Кроме того, я теперь в другой команде, и эта команда от меня зависит. Целая индустрия от меня зависит. Но я не мог без угрызений сказать безусловное «да». Особенно после библейских откровений этажом ниже.

– Я думаю, сделка неплохая, – сказал я. – Очень неплохая сделка.

– Ты считаешь, нам брать деньги? – надавил Джуд. Что – мне за него решать? Мой греческий хор зашелестел нотами.

– Если не умрешь без контроля над проектом – да. – Я на грани разоблачения.

Говори! Говори! – скандировал хор.

– Ну если Тесланет выпустить, ни у кого никакого контроля не будет, так ведь? – риторически вопросил Джуд.

– Если Тесланет выпустить – это точно. – Я выбирал слова тщательно, будто президент перед большим жюри присяжных[155].

– Они же его выпустят, так? – спросил Джуд.

Мы все-таки добрались до развилки, которой я надеялся избежать. Джуду равных нет в раскопках слабейшей строчки кода.

– Знаешь, – выдавил я, – если они не хотят его выпускать, то

платят просто запредельные деньги. – Вот. Я упомянул такую возможность. Реплика проходная, но позже смягчит мою вину.

Ты погиб, Йосси! Ты погиб!

– Тогда клево, – успокоился Джуд. – Сделаем все, как ты скажешь.

– Ну… – Я улыбнулся как мог убедительнее. – Похоже, вы теперь интернет-миллионеры.

– Поправочка: Тесланет-миллионеры.

Мы чокнулись рогаликами. *Как ты мог???*

Я углубился в детали передачи заявки на патент «Интертейнинку», дал Джуду подписать предварительные соглашения, по которым «МиЛ» становился посредником. Бенджамин совсем ушел в себя. Джуд ускакал сообщить Рубену, а Бенджи я попросил задержаться. Он подчинился, точно по учительскому приказу.

– Тебя что, все это не радует? – спросил я.

– Да радует, наверное.

– Ты, между прочим, тоже участвуешь. Пять процентов. Будешь самым богатым пацаном в классе.

– Круто, – безжизненно бормотнул он.

– Джуд тебя не застремал, а? Эти парни бывают жестковаты.

– Нет.

– Это хорошо. – Я втайне рассчитывал, что Бенджаминово отношение к Джуду изменилось.

– Это все? – Ему хотелось уйти.

– Нет. – Я подыскивал тему. – Как с эмулятором получилось?

– Клево. Я под него скачал кучу игрушек.

– Еще работает?

– Со старыми игрушками. Да.

– Знаешь, там графику в основном Эль-Греко писал. Я его недавно опять встретил. Он больше не жирный. Помнишь его?

– Нет.

Сидит на кровати, на самом краешке. Маленький скелет аж выпирает под полосатой футболкой. Громадные карие глаза таращатся в пространство. Я почувствовал себя грязным. Взрослым.

– Ну что такое? – спросил я. Шкет ведь не мог в мою прогнившую душу заглянуть, правда? *Он мог, мог!* И вообще, я их только что сделал миллионерами. *Ты их сделал рабами!*

– Ничего, – сказал Бенджамин. – Я лучше пойду.

– Что, в школе гульфик[156] проверяли?[157]

– Я этого больше не боюсь, Джейми. – Он подошел к двери. – Мне пора.

– Эй! – Я поплелся за ним по лестнице. – У меня есть билеты

на «Никсов», на пятницу. Хочешь сходить? – Мощное приглашение[158]. Билеты мне вручил Мохаус лично – для клиентов, а не кузенов.

– Не-а, – сказал Бенджамин, уже седлая велосипед. – У меня уроков полно.

– Ну ладно, – крикнул я ему в спину. – У тебя же мое новое мыло есть?

От Бенджаминова странного поведения я острее почувствовал себя ядовитой змеей, что заливает ядом весь Куинз, едва появившись дома. Словно в портфеле у меня – бизнес-токсины. Но на самом-то деле они не токсичны; все от контекста зависит. Я сделал моим друзьям шесть миллионов долларов, я заложил «Интертейнинку» основу для решающей стадии развития свободной рыночной экономики, я вычислил, как сайтам «МиЛ» увеличить трафик, не полагаясь на брокерское мошенничество. Довольно сложный список потенциально несовместимых задач, а теперь все слаженно работает. Нехило для новобранца.

И на следующий день, с аккуратно перевязанной коробкой рогаликов подмышкой проскальзывая к шестеренкам «МиЛ» через обесчеловечивающие крутящиеся двери, я будто вносил макрофага в кишки системы. Я так долго отрицал свое этническое наследие – теперь оно послужит мне секретным оружием. Сама кошерная пища – символ добродетели, моей связи с чем-то вне этого казино. Отныне я в этой игре смогу играть за обе стороны.

Я прошагал к Алекову кабинету и поклонился на пороге, протянув открытую коробку, словно искупительную жертву. Может, это она и была.

– Сначала работа, плюшки потом, – сказал Алек, проворно скользя по людному этажу к кабинету Мохауса. – Бирнбаум вот-вот начнет.

Заранее поговаривали, что федералы прихлопнут нынешний всплеск (внутри цунами) электронных торгов[159].

На компьютерных мониторах в кабинетах и загончиках по всему небоскребу светилось потоковое видео – речь Бирнбаума в прямом эфире.

Тишина затопила нью-йоркские брокерские конторы, коммерческие компании, таксомоторы и киоски с тако, едва старик поправил бифокальные очки на носу и вперился в свои заметки. Нет, политического решения не будет; лишившись власти менять процентные ставки без одобрения Конгресса, Бирнбаум политических решений почти не принимал. Однако его слова все-таки воздействовали на весьма эмоциональный рынок. Каждый говорил себе, что местами суровые прогнозы на него лично не повлияют, но страшился того, что Бирнбаумовы

заявления сотворят с настроением остальных. И это опасение в свою очередь сворачивало рыночный кураж, точно люди Бирнбауму поверили сами.

Когда мы добрались до кабинета Мохауса, Бирнбаум уже продрался сквозь традиционные предостережения насчет инвестиций, основанных на «якобы правдоподобных комментариях сетевых брокеров». В выражениях, позаимствованных из прошлых своих выступлений, он объявил: «Те, кто пользуется анонимностью Интернета для мошенничества с ценными бумагами, должны понимать: онлайновый мир не спасет от правоохранительных органов».

– Чем меньше новостей, тем лучше, – заметил Тобиас, откидываясь в кресле. – Кажется, он нас послушался. – Делая вид, что федералы в теме, Бирнбаум молчаливо одобрял интернет-торги.

– Но и при наших нынешних возможностях надзора, – продолжал Бирнбаум, – господствующее в массах восприятие онлайновых торгов как замены наличных сбережений, а ценных бумаг технологических компаний – как, по сути дела, социального страхования[160], лишь увеличивают риск потенциально катастрофических последствий для неосведомленного инвестора.

– Ну, понеслась. – Алек наклонился к монитору задней проекции. – Значит, неосведомленные инвесторы?

– Ш-ш, – заткнул его Тобиас.

– Новое поколение программ сетевых торгов грозит лишь обострить эту тенденцию, маня публику к неслыханному, бешеному пароксизму оптимистических сделок.

– А? – переспросил Алек.

Тобиас хлопнул ладонью по столу. Гораздо громче вышло, чем кулаком на той неделе. Научился.

Однако с тем же успехом можно было вырубать трансляцию. Свой главный тезис Бирнбаум озвучил, и наше положение прояснилось. Договорив, спустя час и сорок пять минут, старикан зарекомендовал себя стражем рационализма в пекле общегосударственного компьютерного психоза. Он твердил, что недавняя «коррекция» вполне может повториться. Даже сенаторы от его позиции пришли в ужас и выворачивались наизнанку, дабы защитить интересы корпораций, вложившихся в предвыборные кампании.

Все это тянулось полдня[161]: справа и слева от прохода[162] сенаторы атаковали Бирнбаума за старания посеять недоверие в душах удовлетворенных граждан; за то, что поставил личные заботы горстки элитарных банкиров над приоритетами нации

частных инвесторов, которые пытаются конкурировать в условиях все более открытой международной экономики. Но Бирнбаум свое дело сделал. Он заявил, что намерен придать огласке сомнительную деятельность компаний, организующих онлайновые торги, и грядущий переход «МиЛ» на синаптикомовский алгоритм очутился как раз на линии огня.

– К завтрашним вечерним новостям выпустим рекламные блоки, – сказал Алек, вороша бумаги на столе.

– Одной рекламы нам мало, – проворчал Тобиас. – Он объявил войну. Как он мог? Невероятно. Мудак.

– Он стар, – сказал я. – Ему нечего терять.

– В смысле? – переспросил Алек.

– В смысле он волен говорить, как на самом деле думает. Его мало что остановит. – Мне было на удивление легко. Будто и мне терять нечего.

– Я в этом не уверен, – сказал Алек.

– Да ладно, – перебил Тобиас. – Если запускать пиар-кампанию, мало показать, что люди обожают нашу систему. Надо атаковать Бирнбаума лично. Куда бить?

– Давайте думать, – съязвил Алек. – Частое использование профессиональных садисток, противоестественная тяга к собственной дочери…

– Я серьезно. Что можно использовать.

– И это можно использовать, – пожал плечами Алек.

– Этот его нелепый язык? – предложил я. – «Неслыханные бешеные пароксизмы…»

– «Оптимистических сделок», – договорил за меня Алек. – М-да. Загадочно.

– А может, с позиций популизма атаковать? – сказал я, изумляясь собственным познаниям.

– Я понял, – подхватил Алек. – Типа: «Они сделали деньги, а теперь мешают сделать деньги вам. Защитите свое право на торги».

– Именно, – кивнул я. – Защита потребителя.

– Но ведь это Бирнбаум потребителя защищает, – возразил Морхаус.

– И потому он уязвим, – объяснил Алек. – Возьмем его же слова, но выставим его врагом народа.

– Идеально, – поддержал я. – Это же его слова: непрофессионалы так глупы, что сами за себя решить не могут. А мы против правил, которые выкидывают маленького человека из игры.

– Мне нравится, – сказал Морхаус. – Это его убьет. Когда в эфир запустим?

– У меня зарезервировано в студии на завтра после обеда, – сказал Алек. – И фокус-группы. Используем для съемок «людей с улицы»[163].

– Отлично. Вы вдвоем сегодня поработайте над стратегией, завтра привлекайте агентство.

– Это вообще-то Алеково форте, – заметил я. Не хотелось вламываться на профессиональную территорию друга, да и неплохо бы не сидеть ночью – по-моему, впервые за несколько недель. – Я считаю, ему через плечо заглядывать не надо.

– Но идея твоя. Мне кажется, тебе надо поучаствовать, – сказал Морхаус. – Ты как, Алек?

– Я… – Алека прервал гудок из динамика.

– Ну что?! – заорал Тобиас в микрофон. – Я же сказал…

– Это русский. Он нашел, – проквакал Брэд. – Вы говорили…

– Переключи его, – ответил Тобиас. – Извините. Это насчет моего «Илюшина». Алло, Юрий? Как в Ленинграде погодка? Это как? Уже Санкт-Петербург? Да хоть Петроград.

– Его чего? – шепнул я. Может, мы с Алеком заключим альянс, пока одни.

– Его «Илюшин», – сказал Алек. – Он покупает истребитель, как те из Долины.

– Господи боже, это шутка?

– Не-а. Говорит, что умеет на таком летать.

– Он же убьется.

– И убьет того, кто в соседнем кресле. – Алек закатил глаза.

– Вероятнее всего, тебя.

– Или тебя, – парировал он. Жестковата получилась свечка.

К черту показуху, решил я. Тобиас не заметит – увлеченно дискутирует о транспортных расходах с российским правительством.

– Слушай, Алек, хочешь, я умою руки?

– Ты о чем? – бесстрастно спросил он.

– Ну – чтоб над душой у тебя не висеть. У меня такое чувство, будто я тебя как-то ущемляю.

– Как скажешь.

– Кроме того, – я подкатился на кресле поближе, – у меня еще новая веб-архитектура на сегодня.

– Как угодно.

Тобиас повесил трубку и расплылся в улыбке.

– Пусть полюбуются, что *у меня есть*, – сказал он в пространство. Затем к нам: – Ну, кто работает?

– Я с кампанией справлюсь, пап, – сказал Алек. – Джейми сегодня программирует. – Меня чуть не затошнило – так он это сказал. Будто программирование – недостойное занятие для

тупых работяг. Ревнует, что я теперь любимый сын его папаши.

– Ладно, – кивнул Тобиас. – Только завтра пусть Джейми участвует.

Тобиас ни шагу не желал ступить без моего одобрения. Я теперь его правая рука. Идиотизм – я ведь ни во что тут не верю. Но приятно нести ответственность за судьбы такой толпы людей. Приятно, что от меня зависят. Только бы все увязать.

Я великодушно отказался от пиара в пользу Алека – и могущество мое лишь возросло. Кроме того, стратегию-то я уже придумал. Осталось воплотить. У меня ближе к вечеру визит в «Синаптиком», а Бирнбаумова филиппика отнюдь не доказала прославленной власти «МиЛ» над Федеральным резервом. Надо бы картинку настроить. Но проблем не предвидится. Уложу всех одной левой.

Я забежал в кабинет проверить звонки. Карла Сантанджело оставила сообщение: что-то типа встретиться с нею завтра в фокус-группе. Когда она успела пронюхать? Ладно, плевать. Я не позволю отнять у меня территорию, которую неделю назад у нее же украл. К тому же я с ней не прочь встретиться. Может, на сей раз сложится иначе – я ведь больше не ее паж. Или я не могу выкинуть ее из головы, потому что она последняя, с кем я спал? Рынок сексуального предложения. Я не перезвонил.

Через Гудзон до синаптикомовского пирса[164] в Форт-Ли я прокатился катером на воздушной подушке. Занимательная вышла поездочка. Жалко, что Бенджи на палубе не было, что его не окатило водой, не оглушил механический воздушный ток под судном. Мы приближались, и солнце мерцало на стеклянном фасаде здания. Я давным-давно хотел заглянуть в этот сияющий эллипс.

Когда по «Си-эн-эн» транслировали первую экскурсию, я еще учился в колледже. В моде был фэн-шуй[165], и на открытие явились с десяток мастеров этого искусства – жгли шалфей и заклинали разнообразные стихии. Через год на крыше впервые вспыхнула голографическая сфера, и «Синаптиком» стал единственной рукотворной конструкцией в Нью-Йорке, которую видно с «шаттла» (второй была свалка на Стейтен-Айленд, но ее конструкцией не назовешь).

Об этом факте посетителям напоминал гигантский аэрофотоснимок над столом регистрации в круглом вестибюле. Возле черной кляксы Манхэттена – крошечная зеленая точка. Для тех, кто не в силах ее найти невооруженным глазом, каждые десять секунд лазер с потолка тыкал в нее зеленой стрелочкой и писал: «Вы тут».

– Мистер Коэн, – приветствовала меня из-за мраморного

стола потрясающая стройная черная фотомодель в узком зеленом свитере под горло. – Добро пожаловать в «Синаптиком». Меня зовут Моник. Вы у нас впервые?

– Э… да, мэм. Впервые. – Если она знает, как меня зовут, почему не в курсе, что я тут впервые? Или спрашивает, чтобы я расслабился и не пугался, что в мою частную жизнь вломились? Надо будет Эль-Греко спросить.

– Следуйте, пожалуйста, за мной, – пригласила Моник.

Она встала, явив величественные шесть футов с гаком росту, и сопроводила меня по круглому вестибюлю в дзэнски белый гардероб. По стенам – ряды светлых деревянных шкафчиков, в каждом – пара туфель или мешочек. Моник вынула мешочек:

– Можете надеть. – И она вручила мне пару миткалевых тапок. – Обувь оставьте в шкафчике.

– А кто-нибудь отказывается переобуваться? – спросил я, сбрасывая мокасины.

– Неплохо подмечено. – Она улыбнулась, я загляделся на потрясающие белые зубы и не заметил, что она увильнула от ответа. Моник раздвинула матированную стеклянную дверь в стене – там на вешалках обнаружился строй темно-зеленых балахонов. – Хотите халат?

– Нет, спасибо, – подмигнул я. – Уж лучше голым.

Моник то ли не поняла намека, то ли слышала его не в первый раз. Вручила мне халат, и я надел, как велели.

– Привет, Джейми. Рад, что ты пришел. – В дверях материализовался Эль-Греко. Какое счастье. Только сейчас я понял, как нервничал, отчего тут же занервничал опять. На сей раз я хотя бы в курсе.

– Рад тебя видеть, – сказал я. – Ты сегодня мой экскурсовод?

– Неплохо подмечено. Пошли, Джейми. – Говорил он дружелюбно, но как-то слишком четко. Синаптикомовский акцент. Видимо, потому что на работе.

Греко провел меня по вестибюлю к лифтам.

– Само собой, ты обещаешь не разглашать все, что увидишь, – сказал он, едва открылись двери. – Нормально?

– Конечно. Обещаю.

– Перед видеокамерой, кстати, – улыбнулся он. – Все, что происходит в здании, цифруется, архивируется и хранится.

– Это ж невероятные ресурсы нужны.

– Больше на адвокатах экономится. – Он нажал кнопку. – Мы на барже, так что подвала нет. На первом этаже приемная, зрительный зал, раздевалки и кафе.

Вместе с нами в лифте ехали еще два зеленорубашечника. С Греко не заговорили. Даже виду не подали, что его заметили.

По длинному кольцевому коридору, каких тут имелось во множестве, мы подошли к стеклянным дверям. На секунду Греко застыл.

– Программе визуального распознавания по-прежнему требуется несколько секунд.

Потом двери открылись, и внутри загомонили какие-то звери.

– У вас там вроде зоомагазин, – заметил я.

– Мы называем – Живодерня, – ответил Греко, пока мы пробирались меж кабинок из плексигласа. – Она больше не нужна, так что мы ее сокращаем.

Мы остановились у стены прозрачных пластиковых ящиков. В каждом – одинокая белая курица. Птицы клевали кнопки под лампочками, красной и зеленой.

– Что вы с ними делаете?

– Это скорее демонстрация, чем эксперимент, – объяснил Греко. – Есть три сценария. Куры в левом ряду клюют кнопки, какая бы лампочка ни горела, и получают еду в любом случае.

– Жирные какие. Ленивые вроде.

– Именно. Едят больше всех, рефлексы замедленные, сокращенный жизненный цикл. – Греко ткнул пальцем в центральный ряд. – Эти, в середине, тоже клюют кнопку, но за это могут получить еду, а могут и не получить. На красный, на зеленый – когда как. Они понятия не имеют, добудут пищу или нет. Иногда мы их даже кормим, когда они вообще ничего не делают.

Бедняги пребывали на последней стадии нервного истощения. Одни бешено мотали головами, другие, подергиваясь, валялись на полу.

– Как ни странно, в целом они едят больше, чем особи справа, – продолжал Греко. – Называются «синаптикомовская проба».

– А с этими вы что делаете?

– Очень просто. Когда горит зеленый, у птицы есть две секунды, чтобы нажать кнопку и получить еду. Если птица клюет, когда горит красный, ее бьет током.

Здоровые такие птицы. Внимательные. Выбора-то нет.

– И они целыми днями сидят и ждут, когда загорится зеленый?

– Ну да, – сказал Греко. – Такой сценарий дает высочайшую бдительность и самый продолжительный жизненный цикл.

– И осознание, что жизнь им тотально неподвластна, – прибавил я.

– Власть у них есть. Примерно секунду. Но вообще – зачем курам власть?

Мы шли дальше мимо крыс, которые охотились за пищей в механических лабиринтах, собак, скачущих по клетке, дабы избежать электрошока, и хамелеонов, реагирующих на непрерывную смену фонового цвета. В конце обнаружилась целая стена обезьян с крошечными пультами в руках и электродами в черепушках.

– А шимпанзе что делают? – спросил я. – Играют в синаптикомовскую версию «Опасности!»?[166]

– Не совсем. Кнопка на пульте активирует определенный мозговой центр, стимулируя оргазм.

– Пизд*и*шь.

– Вовсе нет. Первая группа в клетках слева способна вызывать оргазм нажатием кнопки в любой момент.

– Там же пусто, – сказал я. – Куда все делись?

– Все экземпляры, как легко догадаться, погибли. Стимулировали себя непрерывно за счет потребления пищи.

– Страх господень.

– В некотором роде. Второй группе в центре выделено шесть оргазмов на двадцать четыре часа. Зеленый горит, пока у них остаются оргазмы, потом загорается красный. Они неизменно используют свои оргазмы в первые пять минут и остаток дня хандрят. Обрати внимание – худые, на раздражители не реагируют.

Обезьяны в этом ряду были какие-то вялые и подозрительные.

– Теперь эти объекты. – Греко показал на правую стопку обезьян. – У них в клетках есть красная, желтая и зеленая лампочки. Красный означает, что кнопка оргазма не работает. Желтый предупреждает, что кнопку активируют через пять минут. А зеленый – что кнопка работает. За сутки – шесть циклов до зеленого.

– И они самые счастливые?

– Ну, весят больше всех, тесты на рефлексы – с другими не сравнить.

– Хм-м.

– Но интереснее всего – как они стали реагировать на лампочки. Пока горит красный, они едят, спят, даже совокупляются. Загорается желтый – они все бросают и хватают пульт. Даже соитие прерывают, чтобы приготовиться.

– Диковато.

– Но это не все, – с воодушевлением продолжал Греко. – За пять минут, пока горит желтый, они полностью достигают кондиции.

– У них встает?

– Именно. И довольно мощно. А через пять минут, когда

включается зеленый, они достигают оргазма сами по себе, включена кнопка или нет! Иногда кончают, не успев даже кнопку нажать. В чистом виде условный рефлекс.

– И с самками получается? Пригодилось бы. – Мою шуточку Греко оставил без внимания.

– В каждом эксперименте, от кур до обезьян, те, кому предлагается наибольший контроль над выбором, справляются хуже всех. Все они достигли состояния, аналогичного психозу маньяка, застрявшего на липучем веб-сайте.[167]

Мой приятель из колледжа лечится от этого по сей день.

– А идеально всегда справляются те, чьи интерфейсы обеспечивают предсказуемые результаты за счет автономии.

– И что вы пытаетесь доказать? – спросил я. – Что людям нравится, когда командуют машины?

– Наша компания с должным прилежанием именно к этому и стремится. Мы изучаем долгосрочные следствия нашей философии интерфейсов. Так как после инсталляции наши системы фактически поддерживают себя сами. Форма техноэкологии, задуманная нашим первым директором.

– Сноубордистом?

– Совершенно верно. Он предсказывал, что многие наши сегодняшние разработки станут неотъемлемыми элементами завтрашней цивилизации. Программа будет видоизменяться без дальнейшего вмешательства. Мы активно участвуем в эволюции своего вида.

– Ух ты. Высокоразвитое общественное сознание. – Наверное, я высоковато поднял брови.

Греко впервые заговорил простыми словами:

– Это типа что, сарказм? Если не веришь в то, что мы делаем, может, не стоит тебе…

– Греко, выдыхай, ладно? Мы всего лишь о коммерческом интерфейсе говорим. Не о новом же обществе.

У одной обезьяны погасла красная лампочка и загорелась желтая. Обезьяна ринулась к пульту, затем уселась в предвкушении.

– Но поскольку мы создаем реактивные, самоадаптирующиеся интерфейсы, отныне эволюцией правит программирование. Алгоритм «Синаптикома» модифицирует реакции пользователей с тем, чтобы управлять их поведением.

– Как управлять?

– Пока – чтобы вести пользователей к целям, которые мы запрограммировали. Считай, серия интеллектуальных агентов.

– То есть? «Шоппинг-ассистентов»?[168]

– Да, но шоппинг-ассистент на Алгоритме «Синаптикома»

взаимодействует с тобой, собирает о тебе информацию, а потом ее использует, чтобы влиять на твое поведение. Всякий раз, когда ты принимаешь или отвергаешь предложенную им покупку, агент подстраивает свой способ предлагать. И научается в конце концов, как заставить тебя раскошелиться.

– То есть запоминает, какие товары мне нравятся.

– Агенту важнее не найти, что ты просил, а скорее внушить тебе, что он хорошо поработал, и заставить тебя принять его предложение. Таким образом, формировать или видоизменять спрос ему не сложнее, чем удовлетворять.

– Но есть разница между «получить, что хотел» и «думать, будто получил, что хотел».

– И какова же она?

Ответа без той или иной примеси теологии я бы все равно не нашел.

– А что происходит с конечным пользователем? – спросил я. – Превращается в реактивный механизм?

– Вовсе нет, – отозвался Греко, постучав к шимпанзе. – В довольную обезьяну.

Тяжело дыша, обезьяна таращилась на желтую лампочку. Меж мохнатых бедер – мощный сухостой.

Из лаборатории мы направились дальше, к человечьей рабочей зоне. Хотя бы номинально человечьей. Зеленорубашечники сидели в скругленных загончиках вдоль изогнутой стеклянной стены, выходящей на реку Гудзон. На вид все довольные – пожалуй, немного чересчур. Все на местах. Ни единого карандаша или скрепки не валяется. Вообще никаких карандашей и скрепок. Одни клавиатуры, наушники и плоские мониторы.

– Панорама что надо, – сказал я.

– Нравится?

– Еще бы. Весь город видно.

– Думаешь, настоящий? – Греко скрестил руки на груди.

– Ну да, конечно. А что, нет?

– Может и настоящий. Мы инсталлировали в окна высококачественные жидкокристаллические мониторы. Когда они отключены, стекло прозрачное. Когда включены, за окном фиктивная картинка, искусственно сгенерированная аналоговыми алгоритмами. Блиттинг я сам писал.

– С ума сойти! – Я потрогал стекло. – Помнишь блиттинг, который ты в школе наваял? Для эмулятора?

– Еще бы. Этот на том же коде строится.

– И тоже распадается на квадратики, когда рендеринг подвисает?

– Ага. – Воспоминание на секунду выбило из Греко синаптикомовские замашки. – До сих пор глючит. Льщу себе мыслью, что это фича.

На мое плечо легла рука.

– Видом любуешься? – Лори, главный зеленорубашечник, который на ранчо был.

– Да, – сказал я. В миткалевых тапках я вроде как беззащитен. – Вычисляю вот, настоящий или Грекова симуляция.

– Тогда делайте ставку, мистер Коэн.

– Какую ставку?

– Может, объяснишь ему? – сказал Лори и прошествовал дальше по дуге коридора.

– В конце каждого дня, – сообщил Греко, чья любезная, однако непроницаемая маска восстановилась после краткого явления начальника, – все в офисе говорят, настоящая в окне панорама или графика. Тем, кто угадает, разрешается остаться допоздна и поиграть в сетевые игры.

Разрешается остаться допоздна? Уточнять не будем.

– А сколько у вас народу работает?

– Честно сказать, почти всех сократили, – сказал Греко. – В штате меньше двадцати сотрудников. Все на этом этаже. Остальные – из агентств, на подхвате.

Человеческие жизненные формы в этой экосистеме – явно редкость. Да и те, что есть, – довольно механические.

– И никто не жалуется? Я имею в виду – гарантий занятости никто не хочет?

– Все уходят с опционами, – объяснил Греко. – И прекрасно понимают: едва алгоритм успешно интегрировал их функции – все, сами сотрудники лишние.

– То есть в итоге вообще никого не останется. Одна программа. И корпорация.

– Идея такова, да.

– Тебя не пугает? – спросил я, пытаясь в его глазах разглядеть Эль-Греко из детства.

– Где написано, что люди должны работать, чтобы жить? – просто ответил он. – Пошли. Мистер Торенс будет готов тебя принять через несколько минут.

Греко отвел меня в круглый конференц-зал – в центре этажа, поэтому без окон. Мы расположились за большим столом.

Скорее бы с Торенсом познакомиться. Может, буддистский эколог придаст конторе человечности. Осознав, что за все отвечает он, я расслабился.

– Я и не знал, что он в Нью-Йорке. Часто приезжает?

– А, нет. У него по расписанию один приезд в год. Обычно

живет в Швеции. Настоял, чтобы по контракту разрешили работать дистанционно. По экологическим соображениям. Сэкономить топливо и доказать, что это возможно.

В динамиках на потолке нежно блямкнул гонг. Греко нажал на круглую столешницу, и оттуда поднялся плоский дисплей с зеленым логотипом.

Логотип растворился, сменившись немного зернистым изображением Тора Торенса. Он сидел за большим деревянным столом на открытой веранде, к восхитительному озеру спиной. По столу раскиданы бумаги, придавленные камнями, книгами и глиняными кофейными кружками.

– Здравствуйте, мистер Ваганян! – сказал Тор. – Это мистер Коэн с вами?

– Да, сэр, это он, – ответствовал Греко. Глаза его распахнулись в восторге и угодливости.

– Приятно познакомиться, мистер Коэн.

– Джейми, – сказал я. – И мне ужасно приятно, мистер Торенс.

– Тор, – сердечно откликнулся он. – Я бы сказал, мне жаль, что я не имею возможности встретиться с вами лично, но мне вот не жаль. – Он махнул в сторону озера. Я кивнул и улыбнулся. – И я уверен, мистер Ваганян показал все, что вам необходимо увидеть.

– О, конечно, он показал, да.

Эль-Греко сидел и лыбился.

– Ну, Джейми, я просто хотел по-человечески с вами пообщаться. И сказать, что, если возникнут проблемы, вы всегда можете со мной связаться. Как вы, американцы, выражаетесь, я – последняя инстанция. Нужно ли вам от меня еще что-нибудь?

– Э… ну… я просто хотел еще раз заверить насчет Федеральной резервной системы. Я знаю, сегодняшнее выступление…

– Извините, Джейми, но я спрашивал, нужно ли вам что-нибудь от *меня*. Я у вас ничего не просил. Мне ничего не нужно.

– Я подумал, может, вы видели репортажи по телевизору, и хотел вам сказать, что мы над этим работаем.

– Я абсолютно доверяю и вам, и вашим сотрудникам, Джейми. Правда. Если этой сделке не суждено состояться, мы об этом вскорости узнаем. Я не беспокоюсь.

– Приятно слышать. Видимо, я просто хотел…

– Убедиться, что я не занервничал и не передумал. Я понял. Что-нибудь еще?

– Наверное, нет. Я безумно рад с вами встретиться. Я много лет был поклонником вашей работы. И особенно приятно знать,

что такой человек…

– А-ай! – заорал Торенс. Ветер свалил самодельное пресс-папье, и груда бумаг взметнулась в воздух. – Это был квартальный отчет!

Мы с Греко ждали, пока Тор оклемается.

– На чем мы остановились? – спросил он. – Ах да. Моя работа, ваша радость. Я ценю ваши добрые слова. Они совершенно необязательны. Мы теперь партнеры. И, как в любом новом союзе, попробуем развлечься и посмотрим, как все обернется, ага? Большего и желать нельзя.

– Да, наверное, нельзя, – сказал я.

– Ну, чудесно, – улыбнулся Тор. Новый порыв ветра разворошил бумаги. Торенс передвигал по столу пресс-папье. – Пойду еще камней наберу. Увидимся в Нью-Йорке!

Он нажал кнопку на столе и исчез.

– Ух ты, – сказал я. – Это он был?

– Единственный и неповторимый.

– Даже лучше, чем я думал, – сказал я. – Совсем естественный. Здравый такой. Вовсе не интернет-бизнесмен. Представление о ценностях есть. Даже чувство юмора.

– Я рад, что он тебе понравился, – сказал Греко. – Он очень особенный. Приятно встретить идола и в кои-то веки не разочароваться.

Я кивнул старому другу. Эта невероятная преданность меня проняла. По-своему трогательно. Я со своими подозрениями – просто закоренелый циник. Что ужасного в любви к работе, компании и боссу? Ясное дело, сам я к Морхаусу так не проникнусь – пусть он меня и зауважал.

Греко нажал другую часть столешницы, и над ней медленно поднялся пульт управления.

– Позволь показать тебе Алгоритм. – Греко нажал пару клавиш, и в зале потемнело. На стене замелькали картинки.

– Сначала мы тестировали его в играх, – рассказывал Греко, пока подростки в фильме мочили друг друга в стрелялках. – Разбирались, как встроить в интерфейс поощрение и порицание, как стимулировать интерес, ставить привлекательные цели и так далее.

На стене появились молодые люди чуть постарше. Эти играли в военные игры.

– Контракты с Министерством обороны позволили нам применить те же принципы к задачам, где важную роль играют время и развитые рефлексы, – к примеру, наведение ракет, управление самолетами и анализ боевых сценариев.

Бомбы вокруг летели по графическим траекториям, попадали

в цель. Презентация психоделики.

– В конечном счете мы начали работать над автоматизацией и акселерацией человеческих реакций, дабы они соответствовали компьютерным расчетам. Фокус был в том, чтобы научить нервную систему человека предугадывать запросы компьютера.

– Чтобы люди реагировали на волю машины?

– Джейми, у машины нет воли. Она подчиняется программам.

– А потом пользователь подчиняется машине?

– Разумеется, если машину правильно запрограммировали.

– Тогда зачем вообще в этом уравнении человек?

– Хороший вопрос, – сказал Греко. – На сегодняшний день в контексте военных задач людям приятнее думать, что во всей последовательности действий присутствует человеческое существо. Как бы есть смотритель. Но поскольку это существо целиком погружено в алгоритм, оно с тем же успехом может быть элементом машины. Оно эмоционально вовлечено в деятельность – имитировать это мы научились на компьютерных играх, – однако на результат абсолютно не влияет. Разве что добавляет временные задержки и редкие погрешности. Но мы над этим работаем.

– А как это вписать в торговлю или, в нашем случае, в торги?

– Я рад, что ты спросил, Джейми. – Греко заговорил, словно дурной актер из производственной документалки. Снова потыкал клавиши. – Процесс состоит из четырех стадий: Расширение, Вовлечение, Закрепление и Развитие. – Слова одно за другим появлялись на экране.

– Первая задача – расширить полезную плоскость человеческого внимания. Например, посредством смены окружения; поиск новых форм передачи – скажем, выделения фрагментов, встроенных экранов, множественных изображений…

На стенах возникла реклама на дисплеях сотового телефона, биржевой бюллетень поверх ветрового стекла и мониторы над писсуарами.

– А можно работать над расширением объемов человеческого восприятия. – На стене появился человеческий мозг. Туго свитые нити серого вещества мотком пряжи медленно раскручивались по стене. Пиктограммы автомобилей, символы и цифры ложились на дрожащую мембрану. – Это делается с помощью химических веществ, корковых стимуляторов, высокочастотной стробоскопии или слуховой манипуляции.

– Вы меняете людям мозги?

– Все меняет людям мозги, – снисходительно бросил Греко. – Пицца, автомойка, чертово колесо. Все меняет тебе мозги. Только мы это делаем сознательно. Целенаправленно.

– Ладно. – Я оставил свои опасения при себе. – А дальше что?

– После расширения следует вовлечение. – На картинке появились люди за компьютерами, увлеченные навигацией в Повсеместно Протянутой Паутине. – Это легко. Протестировать и ввести цвета, частоты и архитектуры, вызывающие наибольший отклик. Измеряется кликабельностью, продажами или чем угодно, зависит от цели. Ничем не отличается от тестирования по почте.

– Максимизация пользовательского отклика, – сказал я, пытаясь свести «вовлечение» к обычной методике продаж. – Ладно, а дальше?

– Мы поощряем и, надеюсь, увеличиваем желаемый отклик вторичным закреплением. – Аккомпанементом затренькали веселенькие колокольчики, и на стенах возникли улыбающиеся люди: азиатская пара, обнаружившая на счету дополнительный кредит; старик, в приложении к электронному письму увидевший голую девку. – Мы выяснили, что секс и насилие – наиболее эффективные средства вторичного закрепления, однако стараемся уводить людей к более потребительским стимулам – скидкам, дополнительным милям, очкам. Перенаправлять ко всевозрастающим тратам или к дальнейшему взаимодействию с программой.

Кажется, я засек гигантского робота с логотипом «Макдоналдса» вместо головы. Полицейская машина Основной Сети из моего сна! Я крутанулся в кресле. Нет – просто девочка открывает пакет макдоналдсовской картошки и вытаскивает пластиковый жетон с надписью «5 очков!».

– А затем программа действует сама, – сказал Греко. – Развивается, общаясь с пользователями.

Он поднялся, и вместе с ним в зале встало электрическое солнце.

– Куда развивается? – спросил я.

– О чем ты? Думаешь, у эволюции есть цель?

– Ну… да.

– И какая же?

– Не знаю. Мне хочется верить, что мы движемся к более совершенному выживанию или сознанию. Или к духовной истине.

– Ты бы науку в памяти освежил, – посоветовал Греко, выводя меня из конференц-зала. – По-моему, уже выяснили, что сознание – побочный продукт эволюции. А не ее цель.

– Но ты говоришь, что Алгоритм «Синаптикома» развивается. В каком направлении? Чего он хочет? Больше продаж? Параметры у него какие?

– А. Мы такие параметры больше не используем.

Единственный показатель, который алгоритм запрограммирован измерять, – пользовательский интерес. Ближе к развлекательной парадигме. Мы измеряем уровень вовлеченности в саму программу. Она подстраивает свое поведение под каждого пользователя в соответствии с плотностью и длительностью их взаимодействия.

– Как щенок, – сказал я.

– С потребителями – да, возможно, – кивнул Греко, оглядывая офисный этаж. – Но не всегда. Здесь, например, мы ее считаем скорее наставником.

– Здесь? Вы что, здесь ее используете? На себе? В «Синаптикоме»?

– Конечно: так проще тестировать ее эффективность. А поскольку она создает конкурентное преимущество с точки зрения лояльности сотрудников и плодотворности работы, глупо ее *не* использовать.

Я посмотрел на зеленорубашечников за машинами. Совсем к мониторам прилипли, да еще улыбаются. Печатают яростно, однако без усилия. Ни семейных фотографий на столах, ни брелоков, ни кактусов, ни мягких зверюшек. Ничто не отвлекает от разработки и продажи программ.

– Вы используете ее на себе, чтобы лучше работать? – спросил я. – Как-то странно, а?

– Только если придерживаться старой марксистской конфронтации труда и управления. Здесь труд *и есть* управление. Мы все стремимся к одному.

– Греко, теория офигенная…

– Это не теория, Джейми. – И он возложил руку мне на плечо, будто намереваясь исцелить. – Давай глянем, готов ли твой диск.

За углом обнаружились три молодых программиста – двое мужчин и женщина в одинаковых зеленых рубашках и галстуках.

– Здравствуйте, мистер Ваганян! – хором сказало трио.

– Здрав-ствуй-те-е! – пропел он. – Как дела?

– Почти готово… – сказал один.

– …компилируем алгоритм, – подхватил другой.

– …с индивидуально настроенным протоколом, – закончила девушка.

– Замечательно! – восхитился Греко. Все четверо – точно детали единого, тщательно смазанного механизма. Кого хочешь напугает. И заинтригует.

– И каково тут работать? – спросил я девушку. Наверняка она будет честнее[169].

– А сами не видите? – улыбнулась она.

– Лучше не бывает, – прибавил первый парень.

– Вот диск! – Второй вынул из консоли свежезаписанный компакт и сунул его в черную коробку. – Мы с наслаждением его протестировали.

Голова парня на секунду будто расплылась. Стала почти прозрачной, снова сгустилась, и получился улыбающийся черный бык. Это что, побочка алгоритма?

Нет. Я не позволю себе ничего такого видеть. Не здесь. Я смотрел в бычьи глаза и через карман щипал себя за бедро, надеясь очнуться. Звериная голова затуманилась, постепенно вернулся человеческий череп – сначала бледный, потом плотный. Парень протянул диск Греко, тот вручил коробочку мне.

– Ну вот, – сказал Греко. – Он сам инсталлируется и автоматически адаптируется к коду у вас на сайте. Пара минут, и все.

– Что мне сказать нашим технологам? Им будет любопытно, как оно работает. Как нам сайт подготовить? Где расставлять крючки?

– Он сам встанет, – сказала девушка.

– И адаптируется под вашу конфигурацию, – продолжил первый парень.

– С помощью полиморфного вируса, – сказал второй.

– Просто вставь диск. Как игровой картридж, – закончил Греко. Все четверо засмеялись.

– Ну, спасибо.

– Спасибо *вам*, – хором пропели они и уставились в мониторы.

– Пойдем, – сказал Греко. – Пусть дальше работают.

Но они уже углубились в следующие задачи. Что ни делай, что ни говори – не отвлечешь.

Лифт спускался в вестибюль.

– Значит, ты здесь доволен? – спросил я. Нас снимают, я помнил, но надеялся вычислить ответ по тону.

– Уходить будет непросто, да.

– Они тебя сокращают?

– Нет никаких «их», – хихикнул он. – Я свою работу сделал. Графические протоколы целиком встроены.

– И поэтому тебя бросили на маркетинг? – Двери открылись.

– Перед отправкой к населению всех бросают на маркетинг. Переход получается здоровее. И нас учат новым методикам будущей пропаганды.

– То есть вы фактически торгуете программой всю оставшуюся жизнь?

– Это скорее пропаганда культуры. Как с «Макинтошами» в детстве, помнишь? По ощущению это примерно метод

усовершенствования общества.

– И увеличения стоимости своих акций, я так думаю. – Я вышел из лифта и попытался вспомнить, где комната с тапками.

– Стоимость акций – вторичный стимул, конечно, – сказал Греко, махнув налево. – Но, по-моему, зря ты так цинично.

И правда. Чего это я разбрюзжался? Греко тоже играет в игру, и позиция у него получше моей. Он не проиграет. Как смел я мечтать, чтобы на место этого изящного, уверенного человека вернулся жирный маленький Греко, которого я в детстве жалел? Разве только потому, что Греко нашел подходящую стратегию, он – безусловный андроид? Греко вовсе не автоматон. Просто вырос.

В раздевалке я сел на лавку и снял тапки.

– Знаешь, я договорился, чтоб «Интертейнинк» купил Джудов Тесланет, – сказал я.

– Я слышал. Прекрасно. – Секунду он смотрел на меня. – Я вообще-то с ними, знаешь. – Он поднял брови.

– Что, и тебе доля полагается? За код? Классно!

– Ага. Мы все очень довольны.

– Во всяком случае, пока. – Странно: мне казалось, я могу довериться Эль-Греко. Наша давняя дружба ни при чем – скорее эта синаптикомовская ясность и умиротворенность. Мне нужен ментор.

– В смысле? – Греко сел рядом.

– Да так. – Я не мог. – Я думаю, Джуд обидится, потеряв контроль.

– Контроль – как ни крути, иллюзия, – сухо ответил Греко. – Я уверен, Джуд так это и воспримет. Если еще не.

«Возможно, – думал я, в ярко-зеленом вертолете пересекая Гудзон. – Какое странное отбытие – будто гостил на „Острове Фантазии“[170]. Остальные шесть пассажиров, кажется, тоже довольны – как на курорте побывали». У сидевшего сзади парня в черном костюме была бычья голова, но я решил не обращать внимания и смотрел вперед. *Не думай – и оно исчезнет. Если через неделю еще буду видеть быков, звякну психотерапевту.*

К тому же в груди наблюдалось и более неотложное чувство. Диск с Алгоритмом Реактивной Архитектуры словно прожигал дыру в нагрудном кармане. Я пощупал коробку – не горячая. Опять мозг шутки шутит. И все-таки неясно, хочу я примчаться домой и загрузить Алгоритм на лаптоп или выбросить диск из окна, пока весь мир не превратился в биржевых быков. Ладно, не поставлю я – поставит кто-нибудь другой. Кроме того, люди и так превращаются в быков, куда ни плюнь. Как тот парень сзади. И ему явно по кайфу.

9
Фокус-группы

– Алло?

– Пока мы едины, мы непобедимы!

На следующее утро Алек в телефоне был зашибись каким бодрым. Таким бодрым, аж позвонил мне в 6.15, чтоб я в рекламное агентство не опоздал.

– Хорошее у тебя настроение, – сонно пробормотал я, тыча в кнопку у кровати. Плазменные окна из черных перекрасились в прозрачные. Небо за окном все равно оказалось средне-синеньким.

– А то, – сказал Алек. – Все по плану.

– То есть ты, видимо, готов?

– Еще б не готов. В десять увидимся. Адрес у тебя есть?

– Да-да. – Потом найду, в конце концов. – Я приеду.

– Яволь!

Я сунул телефон обратно под подушку и углубился во внутренние дебаты: выудить себя из постели или переключить стекла на ночной режим и еще часик поспать. Утренняя эрекция уже расцвела пышным цветом – значит, в мире все в порядке, – и я решил, что вполне можно встречать новый день.

По белому ковру я протопал в ванную, включил душ на «очень теплый» и залез под воду.

Член стоял, как мачтовая сосна, – жмурился щелью мне в лицо и требовал участия. Первый пришедший на ум сексуальный образ – Карла, но ей такой радости я не доставлю. Может, девчонки с ранчо? Нет уж. Насквозь больные, как пить дать. Джинна, правда, потрясающе хороша.

Я представил, что общаюсь с ней по видеосвязи. Нелепая картинка, но пусть будет. Джинна сидит в студии, а я у себя в кабинете – жалюзи подняты, тело ниже пояса скрывает стол. Раньше в моих сексуальных фантазиях ни компьютеров, ни сетей не встречалось. Странно. Я представил, что направляю камеру себе в пах, наблюдаю, как Джинна смотрит в монитор. Вижу, как ее заводит мой образ, мое тело. Впервые в жизни я мастурбировал, воображая кого-то, мастурбирующего на меня. То есть объектом желания был я сам.

Я одевался, мой энтузиазм мчался в сток, а чикагский корреспондент «Си-эн-би-си» рассказывал про фьючерсы S&P. Казалось, в первые часы торгов биржа наверстает вчерашний трехпроцентный спад. В нормальной ситуации люди расценили

бы падение как повод для покупки. Если удается всучить биржевым маклерам дополнительный заем, они в первые же минуты после звонка свежим капиталом возместят потери, сделав в процессе кучу бабок.

Потому-то столь губительна речь Бирнбаума. Допуская необходимость правительственного надзора за электронными торгами, он сомневался в способности людей инвестировать самостоятельно. А без розничных торгов некому заполнять нижние уровни пирамиды акций. Один телекомментатор допустил даже, что Бирнбаум призовет к частичному свертыванию займов на покупку ценных бумаг. Удар под дых.

Я смотрел нарезку переживаний людей с улицы и завязывал галстук.

– Чего это правительство вмешалось? Значит, совсем плохи дела, – говорила женщина у дверей супермаркета.

– Надеюсь, панических продаж не будет, – прибавлял бизнесмен. – Я себе дополнительного обеспечения позволить не могу.

Человек в каске откровенно наслаждался полемикой, говорил, что «пора уже кому-нибудь отрубить питание». Пиар-катастрофа.

Кто мог подумать, что в один прекрасный день мы с приятелем окажемся последней, отчаянной надеждой рынка? Бирнбаум использовал должностное положение, поставив под вопрос систему онлайновых торгов, и теперь Алгоритм «Синаптикома» – необходимая контрмера. Даже я это понимал. Свободный рынок – наиболее эффективный путь к благосостоянию. В мире более чем достаточно ресурсов, всем хватит. Рыночные факторы – единая саморегулирующаяся динамическая система, идеальное средство распределения капитала на базе нужд и новаторства. Так цивилизация и развивается[171].

Вот поэтому на уроках экономики больше не изучают пессимистичных интервенционистов вроде Кейнса. Его теории опровергнуты нобелевскими лауреатами. Относись к экономике, как к природе, – и все здоровое будет расти. Принципы органического сельского хозяйства. Чем больше пестицидов, тем слабее растения.

Я прибыл в агентство «ДДиД» (точнее, если учесть недавнее слияние, в международную корпорацию «Группа ВП/ДДиД/Пинг-Пфайфер-Питфилд/ ДСДЛ»), и в вестибюле был встречен энергичной младшей финансовой планировщицей, которая препроводила меня в отдел фокус-групп. В длинном узком кабинете за дверью с табличкой «НАБЛЮДАТЕЛИ» сидели Алек и

два маркетолога. Они пили кофе, жевали пончики и анализировали информацию, мелькавшую на стене компьютерных мониторов.

– Рад, что тебе это удалось, Джейми, – сказал Алек. – Присаживайся.

Я прикрыл за собой дверь, и в кабинете потемнело. Проступили три большие стеклянные панели, выходившие в три конференц-зала.

– Не беспокойся, они нас не видят, – сказала немолодая женщина. Поверх белобрысых кудряшек – наушники с микрофоном вместо обруча. – Зеркальное стекло. – Она протянула руку. – Марта.

Алек щелкнул выключателем на консоли, из динамика над окном забормотали сидящие в зале слева.

– Да я, заметьте, сама торгов не боюсь, – говорила молодая женщина. – Просто я, по-моему, недостаточно умна, чтобы принимать умные решение.

– Врет, – сказала Марта. – Базальная кожная реакция, поглядите.

По монитору бежала волнистая линия.

– Ну ты сечешь, – сказал Алек.

– Вы куда смотрите? – спросил я.

– У нее электроды на пальцах, – объяснил он. – У всех в зале А электроды. Видишь?

Я приложил руку козырьком к стеклу и вгляделся. Ну точно – у каждого добровольца к пальцам тянулись провода на крошечных резиновых присосках.

– Это так уж необходимо? – спросил я.

– Конечно, – ответил Алек. – Новинка.

– Мы выяснили, что члены фокус-групп имеют склонность рассматривать свои интервью как шанс выразить потребительское недовольство, – объяснила Марта. – Более семидесяти пяти процентов американцев участвовали в том или ином потребительском опросе. Переели уже.

– И вы их подключаете к детекторам лжи?

– Да нет, к системам мониторинга биореакций. Кожно-гальванический рефлекс, базальные вариации, временами даже электроэнцефалограмма, измеряем мозговые биотоки. – Марта нажала кнопку и заговорила в микрофон: – Тони, номер четыре виляет. Попробуй дельта-траекторию.

– А это как? – спросил я.

– Смотри и учись, – посоветовал Алек.

Человек в наушниках, интервьюер в зале А, встал со своего места во главе стола и подошел к молодой женщине, которую они

называли номером четыре.

– Как вы думаете, ваши дети… – Он покосился на свои записи. – Бертран и Сирина. Как думаете, они вас уважают?

– Молодец, Тони, – похвалила Марта в микрофон. – Волновая функция выравнивается.

Женщина помялась, потом сказала:

– Надеюсь, да.

– Они вас видят, когда вы сидите за компьютером, участвуете в торгах?

– Они меня видели за терминалом. – Женщина пыталась представить себе эту картину. – Но вряд ли понимали, что я делала.

– А их впечатление о вас, – давил интервьюер. – Как думаете, они видели перед собой уверенную женщину?

– Прямое попадание, – сказала Марта, выключая зал А и одновременно открывая канал зала В.

В окне справа я различил пятерых мужчин и женщин перед большим телеэкраном. Все в металлических ободках с резиновыми антеннами.

– А теперь, пока вы будете смотреть следующую запись, – говорила ведущая-азиатка, – пожалуйста, внимательно слушайте, что говорит оратор. – Она нажала кнопку на пульте, и на экране возник Эзра Бирнбаум.

– Ты записываешь, Дэн? – спросила Марта техника в дальнем углу наблюдательской.

– Все пишется, – отозвался тот.

Бирнбаум ораторствовал в телевизоре, а на экране в кабинете появились пять волнистых зеленых линий. Равномерных, пока Эзра объяснял, что фондовая биржа заменила, «по сути дела, социальное страхование». Белобрысая что-то записывала. Бирнбаум сообщил, что «новое поколение программ сетевых торгов грозит лишь обострить эту тенденцию, маня публику к неслыханному, бешеному пароксизму оптимистических сделок». Четыре линии ощерились колючками, одна осталась без изменений.

– Что это значит? – спросил я. – О чем они думают?

– Мы тебе потом покажем анализ, – ответила Марта. – Дэн, у тебя энцефалограмма третьего под рукой?

Техник протянул ей распечатку.

– Неудивительно, – сказала она. – Он же, блядь, эпилептик. Как он через отсев пробрался? Уберите его данные из среднего отклика.

Алек откинулся в кресле и улыбнулся мне. Вот теперь парень в своей тарелке. Безгранично властвует над человеческой душой,

прячась за тремя зеркальными стеклами. Я улыбнулся в ответ. У каждого должна быть роль. Алек хотя бы нашел свою.

– Ничего, если я на зал Б гляну? – спросил он.

Марта нажала переключатель, открыв окно в третью камеру пыток.

Три жертвы сидели, закрыв глаза, а пожилой дядька неспешно обходил их кругами.

– Хорошо, Натали, – говорил он. – Теперь расскажи, что ты там видишь.

– А где же электроды? – пошутил я. – Что там происходит?

– Они все загипнотизированы, – ответил Алек. – Экспериментальный метод.

– Я в темном тоннеле, – говорила одна женщина. – На стенах цифры.

– Можешь их разглядеть? Прочитай мне. – Старик осторожно вел ее сквозь подсознательные видения.

– Три, восемь и шесть, – сказала она. – А потом они расплываются.

– Можешь сказать, почему они расплываются?

– Не знаю. – Голос сорвался. – Я боюсь. Тут темно.

– Все в порядке, – успокоил старик. – Возвращайся в укрытие и подожди меня.

Это уже перебор. Я тут прямо вуайерист.

– Мне бы Вилли освободить[172].

Над моим эвфемизмом засмеялась даже Марта.

– Я с тобой. – Алек положил руку Марте на плечо. – Потрясающе. Мы вернемся, когда анализ будет готов.

Я подождал, пока за нами закроется дверь.

– Просто ЦРУ какое-то. Надо же.

– Еще бы. – Алек сиял. – Кайфово, скажи? Никаких случайностей.

Я осмотрел одинаковые коридоры. Вероятности нахождения уборной равны.

– Пошли, – сказал Алек. – Сюда.

Мы шли по длинному белому коридору мимо разноцветных дверей с бумажными табличками: «Изучение мыла», «Дети и бекон», «Артритная группа» и «Отклик на школьные ваучеры».

– Господи боже, да их здесь тысячи, – вслух удивился я.

– У нас демократия, Джейми, так что оно и к лучшему. – Алек придержал дверь и вошел вслед за мной. Я направился к писсуару, Алек – к раковине. – Фокус-группы – тончайшее отражение стремлений общественности. Абсолютное голосование.

– В рыночной экономике люди долларами голосуют, – заметил я, пока мой мочевой пузырь расслаблялся. Мне

понравилось, с каким звуком мощная струя бьет в пластик.

– Ну зачем сплошь пробы и ошибки? – спросил Алек, моя руки. – Правильно организованная фокус-группа добирается до глубин человеческих нужд, когда эти нужды еще из подсознания не выплыли. Это позволяет нам угадывать, чего люди хотят, сами того не зная.

– Чтобы выпускать рекламу, исходя из этих потребностей?

– Чтобы создавать продукты и услуги, удовлетворяющие людей, – объяснил Алек, вытирая руки. Затем кинул бумажное полотенце в корзину, подошел к соседнему писсуару и расстегнул ширинку. – Если потребность удовлетворяется брэндом, так тому и быть.

Я застегнулся и отошел к раковине.

– Но детекторы лжи[173]? Сканирование мозга? Гипноз? Что, это правда что-то проясняет? Мы действительно хотим, чтобы рынком правило подсознание?

– Абсолютно. Только так и честно. Подлинный человеческий дух. Пока он не изуродован социальными и невротическими фильтрами.

– И ты в это веришь?

– Все сводится к тому, что у нас у всех общего. Потому-то мы и в одной команде.

– Да ладно, Алек, – сказал я, моя руки. Раковина активировалась инфракрасным детектором. – Старо, не находишь? В уравнении должен присутствовать человеческий разум. Он нас заставляет жениться, строить школы, писать законы. Природа бывает жестока. А рацио и сознание[174] не дают нам при первом удобном случае друг друга поубивать.

– Позволю себе не согласиться, – отозвался Алек, застегиваясь. – Я верую в доброту людей, каковы они есть. Именно рацио и суждения заставляют нас друг друга убивать. Перечитай Руссо[175] и избавляйся уже от этого своего кошмарного комплекса вины. Он тебя тормозит.

Алек снова открыл мне дверь.

– А руки вымыть не хочешь? – спросил я.

– Я сначала вымыл. Хуй – мой самый чистый орган.

Шагая по коридору, я обдумывал глубокий смысл этого замечания. Я мыл руки, дабы защитить других от себя, а не свои гениталии от чужой грязи. Неужто Алек во всем прав?

– Джейми! – позвал женский голос у нас за спиной. Карла. Вот черт. Что она тут делает? Диверсию задумала?

– Привет, Карла, – сказал я. – Прости, что не перезвонил. Совсем закрутился. – Она классно выглядела. Расслабленная – не то что на бирже.

– Да ничего. Хорошо, что пришел. Группа уже работает. Пошли.

– Группа?

– Моя фокус-группа, – сказала она. – Ты сообщение получил? Я наняла «ДДиД» для изучения всех, с кем встречалась за последний год. Узнать их впечатления. Реакцию. Больше часа не займет.

– Я читал в «Таймс», – сказал Алек. – Хит сезона.

– Я тут как бы занят, – извинился я. – Нам с Алеком к вечеру еще два ролика снимать.

– Все в порядке, Джейми, – завредничал Алек. – Анализ все равно только к полудню будет.

– Спасибо, Алек, – сказала Карла и взяла меня за руку. – Вот сюда.

И она поволокла меня по длинному коридору. Алек ухмыльнулся – мол, не я же с ней спал, – и отправился в свой наблюдательский рай.

– Ты уверена, что я подхожу? – взмолился я. – Ну мы ведь и не встречались толком. Только одну ночь. Вряд ли от меня будет польза.

– Не глупи. Твой честный ответ мне сильно пригодится. Правда.

– Можешь напоить меня кофе и выспросить, что захочешь. Я все честно скажу. Я как раз сегодня утром думал.

– Оставь это для группы, – сказала она и распахнула дверь с табличкой «Отклики на Сантанджело».

За столом сидели еще трое. Один – лет восемнадцати, не больше, еще один – минимум под шестьдесят.

– Здравствуйте, – приветствовал я мужчин, входивших в Карлу за последний год.

– Джейми? – Третий развернулся в кресле. Джуд!

– Ты? Ты спал с Карлой?

– Ага. – Он пожал плечами. – Познакомился, пока ты в Монтане был. Она хотела нас на биржу вывести.

– Но ты знал, что мы с ней…

– Только потом узнал. Просто, типа, так вышло…

– До начала никаких разговоров. – Появилась молодая ведущая с планшетом. Поправила наушники. – По окончании сессии болтайте, сколько душе угодно.

– Но мэм, – вмешался я. – Мы двое знакомы. Вы уверены, что это не помешает…

– У нас есть аналитические фильтры для учета дружбы и соперничества, – невозмутимо парировала она. Соперничества? – Просто отвечайте непринужденно и честно, как только можете.

Если будете стараться, каждый получит чек на тысячу долларов.

Я ошеломленно смотрел, как Джуд потягивается в кресле. Почему он не сказал? Они двое говорили обо мне?

Не успел я определить свою роль в этом треугольнике, ведущая приступила к допросу:

– Начнем с методик соблазнения…

Карлиных партнеров попросили рассказать, какие ее действия их возбуждали, а какие нет. Я с изумлением узнал, что маневр с рукой в кармане применялся ко всем четверым и сработал на всех, кроме самого молодого – тот сказал, что перепугался. Правда, когда ведущая надавила, парень все-таки сознался, что, несмотря на страхи, у него встал.

– Теперь ее стиль, – продолжала ведущая. – Что вам ближе – распущенные волосы или собранные?

Карлины бывшие обсудили сравнительные достоинства собранных («хочется их распустить» и «библиотекарши возбуждают») и распущенных («не знал, что у нее их так много» и «естественнее, и явно готова к сексу») волос. Бесстрастная ведущая спрашивала и спрашивала, предлагая нам оценить все Карлины поступки по очереди, говоря о них, будто о характеристиках продукции. Как ни странно, единодушие в наших рядах меня утешило. Особенно когда речь зашла про утро.

– Я понял, что она хочет сворачивать дела, – сказал Джуд. – Она так держалась, словно мы сделку провернули.

– Ага, – согласился я. – Утром я бы повторил, но она сидела себе и газету читала. Я от этого почувствовал себя каким-то ничтожеством.

– А вы не восприняли это как избавление от ответственности? – спросила ведущая.

Я обернулся к одностороннему зеркалу. Карла сидит там, я знал. Так вот что она пытается сказать? Что я свободен от обязательств?

– Я *хотел* ответственности, – сказал самый старший, технический директор компании, выпускающей микрочипы. – Я думал, может, ей хочется, чтобы ее удержали. Со мной такое бывало. А при свете дня сделал вывод, что я для нее слишком стар. Или что она проглядела наши финансовые отчеты и решила, что я недостаточно богат.

– Очень хорошо, джентльмены, – сказала ведущая. – Наш час подходит к концу. Последний вопрос к группе: почему вы больше не захотели с ней встречаться?

Ух ты. Ни один. Бедняга Карла. До фокус-группы опустилась, лишь бы узнать, почему ей не обламывалось по второму разу. Может, я тогда неверно понял эти ее утренние штучки? Может, то

был не наезд, а просто дебильная защитная реакция? Ее способ сказать, что она ничего не требует? Надо быть честным. Откровенно высказать Карле все, даже если это больно.

– Она себя вела, как распоследняя сука, – сказал я. – Вот почему. Я с ней нервничал. Чего ей надо было? Мальчика-пажа? Или типа господина? Я мог по-любому, а она просто дверь перед носом захлопнула. – Ведущая ко мне применяла какой-то свой метод. Я не мог заткнуться. – Может, я вообще с ней ебаться не хотел, ясно? Может, я ее работу хотел получить.

Я высказал тайную правду – и без малейшего стыда. В меня не тыкали электродами, но ведущая как-то так выстроила допрос, что я раскрылся, как не раскрывался много месяцев. Может, Алек прав насчет фокус-групп. Что плохого в честности, в конце концов?

– Я бы с ней встретился, – сказал Джуд. Он один так выступил. – Если б не ее история с Джейми. По-моему, она сексапильна. И умна. Я бы с ней точно состыковался. – Джуда тоже к честности понукали? Он ее хотел – и я захотел тоже. Но признаться заново не было никакой возможности.

– Спасибо, джентльмены, – сказала наконец ведущая, открыв дверь. – Свои чеки можете забрать на выходе.

Все ушли, а мы с Джудом остались в зале. В реальной жизни я прикидывался невинным дитем, а Джуд – гонимым хакером. В фокус-группе мы узнали друг о друге кое-какие новости.

– Так ты ее из-за работы трахнул? – спросил Джуд.

– Да нет же.

– Ты сам сказал.

– Все равно она первая ко мне подкатила.

– Без разницы. Я тебя не осуждаю.

Я глянул на часы.

– Тебе еще куда-то нужно? – спросил Джуд.

– У нас там дальше по коридору другая группа. Потом уедем, надо пару реклам зафигачить. Пиар и все такое. – Надо бы что-то про Тесланет сказать, но я в детали проекта особо не вникал. – С Тесланетом разберемся где-то на следующей неделе. Под него сейчас бумаги рисуют.

– Клево, – сказал Джуд. И все. Я сейчас сойду с ума.

– А что вам Карла предлагала? – наконец выпалил я.

– Она считала, надо запускать Тесланет независимо. Говорила, ты вернешься с жирной сделкой, но если мы верим в продукт, лучше самим его на рынок выводить.

– Вот оно что. – Пожалуй, она права. Но не отдадим «Интертейнинку» Тесланет – не видать нам позитивной прессы о сделке с «Синаптикомом». Карточный домик.

Если показать Джуду выход, решил я, он скорее ломанется ко входу.

– Смысл в этом есть, – сказал я. – Ты думаешь, лучше сделать так?

– Мы думаем, лучше сделать так, как ты считаешь нужным, Джейми. Мы тебе доверяем. – Джудово доверие вонзилось мне ножом в живот.

– Ну, два лимона – это не кот начихал, – сказал я. – И ситуация на рынке изменилась. Маленькие компании больше из ниоткуда не выпрыгивают. Прошли времена, когда на биржу за сутки выходили.

– У тебя мяч, Джейми. Ты и беги.

И побегу. Еще бы я не побежал.

Все исследования и аналитика «ДДиД» по поручению «МиЛ»[176] дали в итоге основу для двух 28-секундных рекламных роликов. Первый назвали «Бери свой тортик и ешь». Поразительно арийской внешности пятнадцатилетний пацан – символ подросткового бунта – сидит один за кухонным столом, непокорно пожирая шоколадный торт, а у него за спиной в телевизоре показывают выступление Бирнбаума. На картинку накладывается текст. Сообщения варьируются в зависимости от социально-экономического статуса семьи зрителей (статус определяется по серийному номеру кабельной коробки, текст отбирается из диалогов в фокус-группах и усиливается).

– Классические «подстройка и ведение», – объяснял Алек, сидя в режиссерском кресле кабинки для клиентов – небольшого возвышения с деревянными перилами, куда нас загнали, чтобы на съемках мы под ногами не путались. Алек чертил на планшете: так посмотришь – вроде простенькие пейзажи, а перевернешь – неприличные наброски: люди, сидящие на унитазах или совокупляющиеся в немыслимых позах. – Отсчитываем от мыслей и чувств самих зрителей. Возникает понимание и доверие. Разбиение и перетасовка визуальных образов при заключительной обработке дает тот же результат на уровне нервной системы.

– Значит, просто сочувствие такое, – сказал я. – С щепоткой НЛП-гипноза в придачу.

– По сути да. Мы говорим то, что слышали в фокус-группах. Типа, «на меня смотрят дети», «такой богатый выбор», «я не различаю цифр».

– А люди не перепугаются? – Я старался не подорвать его новообретенный авторитет.

– Уже перепугались. Мы это признаем, сводим их всех вместе и ведем дальше, к вещам типа «они думают, я не могу решать за

себя» и «чьи интересы они обслуживают?» И люди выходят из страха к праведному негодованию.

– К злости?

– Именно. – Алек взял меня под руку. – А едва мы запалили злость, можно их гнать, куда вздумается. Это когда парнишка подносит кусок торта ко рту, а мы накладываем фразочку типа «кто меня защитит?», «никто, кроме меня» или «я умею думать сам». В редких словах социальной рекламы Национального общественного радио[177] и в Сан-Франциско мы используем: «Если тебе хорошо, значит, все *хорошо*».

– И только-то? – Неубедительно. – И люди кинутся защищать онлайновые торги?

– Не просекаешь? *Пацан*. Он ест торт! Он на кухне, а родители ушли! Все складывается. Это шутка, это медиафишка, но это реально!

– Наверное. – На съемочной площадке блондин сидел в декорациях сельской кухни. Камера покатила ближе, парень медленно жевал шоколадный торт – кусок за куском. Затем поднял руку.

– Снято! – объявил голос режиссера. Помощник ринулся к площадке с большой алюминиевой мусорной корзиной.

– Что происходит? – спросил я.

Парень склонился над корзиной и выблевал пару-тройку кварт бурой жидкости.

– Ох, блин, – выругался я, еле подавив собственный рвотный рефлекс. Режиссер обернулся и сердито зыркнул.

Вся съемочная группа безмолвно и недвижно наблюдала, как мальчишка избавляется от торта. Когда судороги утихли, парень оперся локтями на корзину, вытер лоб и тяжело вздохнул.

– Малыш, ты в норме? – спросил режиссер. Пацан показал большой палец. Настоящий профи.

– Ну хорошо, – рявкнул режиссер. – Еще дубль! Грим!

Две женщины ринулись парнишке на помощь. Одна вытирала блевоту с губ, другая заново пудрила и румянила. Помощник поставил свежий кусок торта и убрал мусорную корзину. Режиссер покатил камеру, и все началось заново.

Тем временем в монтажной наверху лепили второй ролик – «Народ един, рынок один». Он базировался на другом потребительском открытии «ДДиД»: участники сетевых торгов страдают от эмоционального раскола. С одной стороны, их заваливают данными об инвестициях по самое не могу, и они уже боятся решать самостоятельно. С другой же стороны, они глубоко убеждены, что их шестое чувство – идеальный показатель шансов акций на успех. Избавившись от «тирании противоречивой

информации», как выразилась Марта, они почувствуют, что свободны.

Творческое воплощение новых съемок не предусматривало. Вместо них использовалась нарезка знаменитых репортажей о восстаниях: демонстрация на площади Тяньаньмэнь, падение Берлинской стены, бдения со свечами на улицах Чехословакии, бунты против Всемирной торговой организации в Сиэттле и Широкополосный мятеж в Омахе. Поверх кадра бежали ярко-зеленые цифры НАСДАКовского тикера. Сцены становились ярче, и тикер начинал пульсировать в ритме сердцебиения, стук сердца все громче и громче. Голос знаменитой актрисы, игравшей капитана корабля в свернутом сериале «Звездный путь»[178], говорил за кадром: «Америка – древо, что корнями в морали, а ветвями в свободе. Мы единый народ, наша цель прекрасна. Мы достигнем небес, и тогда нас не остановить. Отпусти народ мой».

– Гениально! – провозгласил Тобиас Морхаус на следующее утро в шесть, когда мы прогнали ролики у него в конференц-зале. – Когда в эфир?

– Первый пойдет на финансовом канале «Си-эн-эн» с сегодняшнего утра, – просиял Алек. – Второй сегодня появится на крупнейших каналах в новостях.

– Фантастика! – сказал Морхаус, перематывая пленку, чтобы посмотреть еще раз. – А где написано «Морхаус и Линней»? Вы там в конце добавили?

– В этом прелесть, пап. Мы это вообще нигде не пишем.

– Это что ж за реклама такая? – растерялся Тобиас.

– Ты вдумайся. – Алек поднялся и медленно обошел стол. – Не продвигается никакой брэнд. Реклама позиционируется как социальная. Благородный проект анонимной фирмы, которая просто и честно транслирует глас народа.

– Но как все узнают, что это мы? – Морхаус засопел. Креатив – само собой. Но платить большие деньги за анонимную рекламу – дурацкий бизнес в чистом виде.

– Ты что, не понимаешь? – Алек говорил на добрых пару октав выше обычного. – Вторичные СМИ! Это революционная кампания. Все захотят выяснить, кто делает рекламу. Будут расследования, сюжет в «20/20»[179], а потом какой-нибудь репортер – которого, ясное дело, мы и выберем, – «*обнаружит*»! – Алек нарисовал в воздухе кавычки. – И тут все на свете давай писать, что «Морхаус и Линней» так распереживались из-за свободы американской общественности от оков парализующего регулирования, что сняли рекламные ролики, не рассчитывая на вознаграждение!

– Ты как думаешь, Джейми? – спросил Тобиас чуть потише. – Сработает?

Алек даже не обернулся, не покосился, как он умеет – дескать, лучше со мной согласись. Но его затылок многое мне высказал.

– Я считаю, это прекрасно, – ответил я. – Мы получимся просто герои нашего времени.

– Или трусы. – Тобиас почесал волосатые костяшки. – Терпеть не могу стрелять из-за стенки по горшкам. Очень… неспортивно.

– Это новый мир, пап. – Алек сел напротив него. Я думал, он сейчас возьмет отца за руку. – Ты уж мне поверь. Это мой бизнес[180].

И тут я увидел в зеркальном стекле рыжую вспышку. Карла в биржевом жилете пронеслась мимо конференц-зала, показав нам средний палец. В кильватере летела ее грива.

– Что на нее нашло? – спросил Алек.

– Пойду узнаю. – Я вскочил и бросился следом. Может, Карла проглядела мое вчерашнее выступление насчет ебли из-за должности.

– Стой! – позвал я. – Карла!

Она остановилась, не обернувшись.

– Парни, вы нарочно так делаете, чтобы меня достать, правда? – Она чуть не плакала.

– Что такое? Карла, что мы сделали?

– Директорский туалет. Сам знаешь…

– Я не знаю. Расскажи. – Такая беззащитная.

– Вы сиденье не опускаете, – сказала она. – Намек, да? Что это – мальчиковая территория?

– Я вообще туда почти не хожу. А когда ходил, не знал, что надо сиденья опускать.

– Ну да, конечно. Я ваши игры знаю. Я записки посылала, между прочим. Кадровый отдел целиком за меня. Я, кстати говоря, засудить могу его жирную задницу.

– Из-за сиденья унитаза?

– Не сомневайся. И притом выиграю.

Секунду мы молчали. Я улыбнулся.

– Это не смешно, – упрямо сказала она, стараясь не растерять злость.

– Я понимаю. Прости.

– Все нормально. – Она уже успокоилась. – Побегу на биржу, а то до открытия не успею.

– Эй, послушай. – Оказывается, я взял ее под руку и теперь веду к лифту. – Вчера была полная дикость. Прости, если я…

– Ты был честен, Джейми. Это максимум, о чем я могла

просить.

– Да, но я задумался. Мы ведь криво начали, понимаешь? Спутали бизнес с удовольствием и все такое. Я неправильно о тебе думал.

– Нет, ты думал правильно. – Карла надавила кнопку «вниз». – У меня в голове бардак. Ко мне лучше не приближаться. Пусть полиция меня желтой лентой обмотает. «Не влезай – убьет».

– Не говори так. Ты красивая. И умная.

– И в тридцать три все равно очень одинокая.

Открылся лифт. Вот-вот упущу момент. Меня понесло.

– Карла, слушай. У меня есть корпоративные билеты на завтрашний вечер. Почему бы нам не сходить на баскетбол?

– Балда, потому что это для клиентов билеты.

– На хуй клиентов, – сказал я.

Мое бунтарство ее завело:

– Ты серьезно?

– Давай, – сказал я. – Попробуем развлечься и посмотрим, как все обернется. Большего и желать нельзя. – Где я это слышал?

– Ладно, – сказала она.

– Может, поужинаем в «Готаме»? Скажем, в шесть?

– На хуй «Готам», – объявила Карла, когда двери уже закрывались. – Хочу хот-догов[181] в «Гардене». Заезжай за мной в семь.

Может, она все-таки создана для меня.

10
«MSG» 2 USB

Алекова реклама свое дело сделала. И не только свое.

Всего через три дня после выхода первого ролика в эфир в Вашингтон под знаменами «Прав американских потребителей» целыми автобусами начали прибывать активисты – на бессрочное пикетирование Эспланады, натурально. ПАП требовали отставки Эзры Бирнбаума и ликвидации всех действующих ограничений на интернет-торги. Толпа протестующих без труда перекричала стайку контрдемонстрантов – главным образом малолетних анархистов и старушенций из остатков Союза гражданских свобод[182]: те даже не попали в вечерний выпуск новостей.

Дабы не прохлопать всплеск всенародной поддержки, Морхаус поручил мне срочно запускать интерфейс «Синаптикома». На фоне общественного возмущения никто не посмеет выяснять, законна ли программа, а после запуска усомниться в ее легальности будет сложнее. За первые два дня функционирования реактивной архитектуры число сделок на сайте подскочило на 300 с лишним процентов. Тобиас повысил меня до директора по техноинвестициям (новая должность, так что на сей раз никого увольнять не пришлось), и «Уолл-Стрит Джорнал» воспел меня в статье на первой полосе (хотя и ниже сгиба).

– У тебя в таком виде странное лицо, – сказала Карла. Мы сидели рядышком в длинном лимузине по дороге от Карлы в «Гарден».

– В каком виде?

– С таким травлением. Точечки и полосочки. Ты прямо как – не знаю, историческая личность.

– Наверное. Интересно только, за что меня вспоминать будут.

– Джейми, не говори глупостей. Ты гордиться должен. Дал маленькому человеку власть. По крайней мере, ненадолго позволил ему так думать. – Бодрый циник, как всегда.

– Здылат радыо громко? – с иностранным акцентом обратился к нам водила. – Дыловая сводка.

Я глянул в зеркальце. Машину вел бык.

– Да ладно. – Галлюцинацию я проигнорировал. – Я не на работе.

– Ха! – сказал водила. – Ныплохо пыдмечено. – И прибавил громкости в динамиках у нас за спиной.

«Федеральная резервная система не сбавляет оборотов, несмотря на усиление давления со стороны ПАП,

– сообщило радио. –

На сегодняшней пресс-конференции журналисты с трудом слышали Эзру Бирнбаума за криками протестующих перед зданием Центрального банка.

– Трансляция переключилась на Бирнбаума:

Регулятивные рамки обеспечивают дисциплину, чтобы свободные рынки росли стабильно. Экономике не обязательно быть непредсказуемой и потенциально жестокой, как необузданная природа».

– Дико небось? – заметила Карла. – Вы с Алеком делаете, а оно в новостях. Чувствуешь себя Макиавелли, а?

– Альбертом Шпеером[183] скорее.

– Кем?

– Не вникай. – Я наклонился к быку за рулем. – Переключить можете?

– Конырщно, босс, – хрюкнул он. – Нынавижу этого мужика. Бырнбаума этого. Еслы б он стыял на дороге, я б его пырыехал.

– О как, – сказал я, дивясь могуществу кампании, которую сам помогал организовать.

– Даже еслы б на тротуары, – не умолкал иностранный бык. – Я б на тротуар – и его задавыл. Черт с ный, с машиной. Прямо так бы и сдылал. Прямо вот так. Я жыне своый говорыл.

Я нажал кнопку, подняв заслон между нами и водилой.

– Грубовато, не находишь? – сказала Карла.

– Давай помолчим минуту? – огрызнулся я. Надо бы извиниться, но я, пожалуй, пережду.

Что это я такое учинил? Я же хотел поработать теханалитиком пару лет, получить акций и слинять. Может, надыбать удачных технологий с лейбаком «Джейми Коэн» и заграбастать опционов. Все задумывалось ради смеха и пары баксов. Но чем лучше я играю, тем острее чувствую, что игра выходит из-под контроля.

– Эй, ты бы расслабился слегка. Хуйня порой случается, знаешь. – Карла прочитала то ли мои мысли, то ли выражение лица.

– В том и дело. Порой случается хуйня. Настоящая хуйня. О чем люди, кажется, забывают.

– Пригнись и дуй вперед. Все равно вариантов нет.

– Я хочу быть уверен, что по дороге ничего не расколошматил.

– Чем больше дергаешься, тем хуже. – Она положила руку мне на колено. – Поверь мне, я знаю. Надо тебе с моей мамой познакомиться. Практически маньячка. Когда отец умер, ей досталась машина. Почти новенькая. Мама так боялась ее побить, что из гаража не выезжала.

– Я же не говорю, что надо во всем себе отказывать и от беспокойства кругами бегать.

– Джейми, я не закончила, – сказала Карла, прижав палец к моим губам. Наверняка позаимствовала жест у Мэрилин Монро[184]. За эту мысль я себя возненавидел. – Так вот, на той неделе ей пришлось ехать на техосмотр. И вот она ползет туда на десяти милях в час. До безумия осторожно. А на эстакаде тусуются какие-то ребята. Видят, как она тащится, робкая такая старушка, и решают кинуть в нее водяной бомбочкой. Мама едет медленно, они успевают хорошенько прицелиться и попадают прямо в ветровое стекло.

– И что? Какой от бомбочки вред?

– Никакого. Но мама и так психует. А тут пугается насмерть. Думает, стекло треснуло, и сворачивает на обочину. Только там нет обочины. Она въезжает на тротуар и вмазывается в парапет. Неделю назад никакого парапета не было, но управление городского транспорта как раз проводит кампанию по безопасности на шоссе, и теперь везде парапеты. А раньше газон был. Мама ползет на десяти милях в час, но о парапет раздирает машине весь бок, как консервную банку. Машине кранты.

– Так ты что хочешь сказать? Что бдительность транспортного управления стоила твоей матери авто?

– Что если б мама ехала, как все нормальные люди, те ребята ее бы не заметили. Она подставилась.

– Ой, да ладно.

– Я вот о чем. Научись видеть, когда ты в струе, и плыви. Слишком много думаешь. У тебя все получается.

– За счет остальных, Карла. Даже за твой счет. Забыла уже?

– Вообще-то да. – Она положила ладонь мне на загривок. – А ты не можешь?

Мы пробирались в «Гарден». Карла маневрировала в толпе, как заправский полузащитник – стиснув зубы и плечом пробивая нам путь. Я уцепился за ее руку и волокся следом. Богачи и их клиенты (еще богаче) ополоумевшими туристами носились вокруг, по номерам на билетах ища нужный вход. Никто не желал опоздать к раздаче у эскалаторов рекламных штучек – бейсболок,

футболок, сигар. У каждого в бумажнике наверняка хватит денег на автомобиль, а кредитками – еще на десяток. Эти люди зарабатывали сотни, если не тысячи баксов в минуту, но одной-единственной бейсболки «Никсов» – за шестьдесят девять центов, выпущенной в Сомали, с уродливым логотипом страховой компании на ремешке, – хватило, чтобы выдернуть их из контор на полчаса раньше. Пожалуй, можно сказать, что душа у них еще есть.

Если кто не в курсе, каковы критерии оценки бюстов в Нью-Йорке XXI столетия, достаточно спуститься по ступенькам «Мэдисон-сквер-гарден». Чем ближе к полю ряд, тем выше качество (естественное или достигнутое вложением наличных средств), тем лучше форма, размер, направление, колебания и упругость груди. Таким образом, наблюдатель получает возможность дедуктивным методом вычислить, как развивалась бы прогрессия за первым рядом к центру поля.

В этом физическом и когнитивном путешествии к нашей ложе я осознал наконец, почему девчонки из дорогих частных школ вроде Долтона и Спенса настолько красивее штювезандских. Тут сидели их матери. Эволюция позволяет богачам отбирать прекраснейших самок.

Ощущение такое, будто факторы и структура рынка переместились сюда идеальным отражением нью-йоркской светской хроники, матрицей богатства, фигуристости, долгожительства и генетики. С каждым дюймом по направлению к полю стоимость человека ощутимо возрастала.

У нас были хорошие места. Очень хорошие. Четвертый ряд, слева от линии центра. Шесть мест до Кевина Бэйкона.[185] Восемь – до Спайка Ли. Владельцы билетов больше заботились о своем продвижении к статусным местам, нежели о продвижении «Никсов» к чемпионату. Хитрости белых миллионеров, пытавшихся обойти друг друга на пути к местам получше, не уступали всему, что черные миллионеры творили на поле. Большинство зрителей добрую часть первого тайма тратили на выяснение вопроса, кто где сидит.

Проникнуть в «Гарден» – подвиг само по себе. Даже самые дешевые места бронировались на сезон, а очередь растянулась на двадцать шесть лет. Для попадания в «Гарден» необходимы связи, а для связей – деньги (или бюст). Цель игры внутри – спуститься вниз, ближе к средоточию событий, к богатым, могущественным и знаменитым. Апгрейд – по заковыристым спискам и записям. И все ради того, чтобы парализовать меритократию. Да и с чего ей тут работать? Это же бизнес.[186]

Компании вроде «МиЛ» раздавали билеты клиентам и

техэкспертам, которых планировалось продвигать. Теперь, когда моя сделка с «Синаптикомом» очутилась в центре пиар-кампании, меня разумно посадить на вожделенные места в четвертом ряду. Я понимал: меня сюда внесло не мое персональное могущество. Это Морхаусовы места, не мои. Как летать на «Г-2». Я обрел мужской эквивалент силиконового бюста. Мне эти билеты пожалованы.

Я не был на игре «Никсов» много лет, и «Гарден», куда я привел Карлу, удручающе не походил на «Гарден», куда меня в детстве таскал дядя Моррис. Я хотел заключить с Карлой союз на почве здоровее, чем финансовые рынки высоких технологий, где мы целыми днями ошивались. Однако в спорткомплексе товаризация зашкаливала круче биржи.

Карла стиснула мне ладонь, когда мы пробирались к нашему ряду, – она явно думала о том же. Она надела узкую черную юбку и старую кофту «Спруэлл» поверх спортивного бюстгальтера. Пышная грива рассыпалась по обнаженным плечам. Идеальный коктейль: манхэттенский класс и бронксовская бесшабашность. Но среди феодалов первых рядов Карла смотрелась деревенщиной из дальних пригородов – и сама это понимала.

В новом «Гардене» появились три ряда «клубных», как их называли, мест, которые обслуживались официантами. Ряд «МиЛ» располагался в секции «Интер. Нет» – самой эксклюзивной из трех. В меню – филе-миньон и омары. Их приносили на металлических подносах, которые цеплялись к подлокотникам, отчего богатейшие богачи напоминали беспомощных младенцев на стульчиках. Большинство часто ели с подносов в первом классе самолета – им, наверное, в такой позе уютнее.

– Господи боже, – возмутилась Карла, изучив сине-оранжевое меню. – А что, сосисок тут больше нету?

– Тебе наверняка добудут, – утешил я.

– Это баскетбол. Должны быть сосиски, – заупрямилась она. – Это же не против правил?

Вот такой она мне нравилась. Не так стервозна, как естественна. Через фуфло к звездам. Как и я, реалистка. По крайней мере, таким я в глубине души себя ощущал. Я наизнанку вывернусь, чтобы раздобыть нам достойную реалистов еду.

Как выяснилось, получить в «Гардене» сосиску или кныш не проще, чем перейти из Основной Сети в Народную. Мы допросили официантов – обнаружилось, что один только менеджер вправе принять заказ не из нашего меню. А менеджер не торопился принимать заказ, поскольку наши соседи щедро заплатили за привилегию не обонять ароматы сосисок и кнышей. Да еще проблема подачи: сосиски не смотрятся на специальном

фарфоре[187] «Никсов», а наши места нередко оказываются в поле зрения телеоператоров.

– Мы, по-вашему, кто? – осведомился я. Присутствие Карлы распаляло мой начальственный гнев. – Бесплатный гарнир к телетрансляции НБА?

Я вытащил визитку и объяснил, что представляю компанию «Морхаус и Линней», крупнокалиберного держателя сезонных билетов. И все же я был недостаточно важной шишкой, чтобы добиться еды, которую на верхних балконах с наслаждением пожирали шишки помельче. Проще верблюду пролезть в игольное ушко, чем богачу нарыть в «Гардене» сосиску. В итоге Карла закатила такую сцену, что сам Спайк Ли развернулся и заорал на менеджера:

– Да блядь, принеси ребятам сосисок, босяк!

От Спайковой вспышки расхохоталось столько состоятельных завсегдатаев, что менеджер с легким сердцем уступил. Через несколько минут мы жевали кныши и сосиски, завернутые в вощеную бумагу. Вместе с нами «навестить трущобы» пожелали еще полдюжины со вкусом одетых мужчин и женщин.

– Мы, кажется, запустили новую моду, – смеялась Карла.

Дебаты из-за провианта забылись с появлением человека в цилиндре и фраке, в сопровождении двух девушек, одетых в одни боа. Зрители повскакали и зааплодировали; учтивый джентльмен подкрутил залихватские усы, и трио уселось во втором ряду.

– Ты на него посмотри, – фыркнула Карла.

– Это кто? – спросил я.

– Хью Тэпскотт. Расследование Комиссии по ценным бумагам. Только что выкрутился.

– А что он натворил?

– За неделю сделал лимонов тридцать, вот что.

– На рынке?

– Да нет, он за всю жизнь ни разу в торгах не участвовал. В «Уолл-Стрит Джорнал» писали. Ты как с луны свалился. Он был каким-то спортивным букмекером, что ли, а пару месяцев назад затащился по электронной почте. В прошлый понедельник разослал письма двум миллионам случайных людей. Половине сказал, что акции CIRI в понедельник поднимутся, половине – что упадут. Акции поднялись, и во вторник он разослал письма тому миллиону, который получил верную информацию. Пятистам тысячам сказал, что CIRI поднимется, пятистам – что упадет. По-моему, в тот день CIRI на пару пунктов упал. В среду он разослал письма полумиллиону человек, которым оба раза подсказал правильно.

– Половине сказал, что акции поднимутся, половине – что

упадут, – продолжил я схему.

– Точно. У него осталось сто двадцать пять тысяч человек, получивших от него подряд три письма с верным прогнозом.

– Ну тю – естественно, он в половине случаев должен быть прав.

– Но они-то не знали. Они знали, что парень три раза подряд сообщил им верную информацию. И поздно вечером в четверг он написал последнее письмо: пообещал сказать, как себя поведут акции, если адресат переведет ему с «Визы» 500 долларов.

– И они перевели?

– Около шестидесяти тысяч заплатили. Все равно многие из них на трех бесплатных письмах сделали больше.

– А в последний раз он им что сказал? Тоже пятьдесят на пятьдесят?

– Нет. Это самое замечательное. Он всем написал: CIRI поднимется, – что он, понятно, и сделал, поскольку шестьдесят тысяч человек тратили сбережения на крошечные акции. Поэтому Комиссия его не прищучила. Тот единственный раз, когда он взял деньги, его информация базировалась на реальной логике. Кроме того, он сам акций не продавал и не покупал. Все деньги сделал на пятисотдолларовых взносах.

– Гвалт. – Я слизал с ладони каплю горчицы. – Подумать неудобно, что мы со стариком Эзрой творим.

– А?

– Да нет, ничего. – Я сменил тему: – Ничего себе кныш был.

– Бирнбаум, говорят, все равно псих какой-то, – сказала Карла. – Его свалить не вредно.

– Хм-м.

Звезда мыльных опер исполнила затянутую госпел-версию национального гимна[188]; игра все-таки началась. Снова в форме, после долгожданного ухода Патрика Юинга полная решимости победить, энергичная нью-йоркская команда сразу вырвалась вперед. Во время «официального» таймаута (объявленного, чтобы вместилось больше телерекламы) на поле высыпали «Городские плясуны „Никсов“».[189]

В последние годы, стараясь отбиться от обвинений в формализации сексизма, НБА внедрила в труппу мужчин. Однако аудитория дружно осмеивала этот реверанс в адрес политкорректности. Надеясь подкупом добиться признания, танцоры выходили на поле с коробками бейсболок и футболок и кидались ими в зрителей, пока сексуальные красотки по своему обыкновению кувыркались.

Зрители вскочили на ноги и заулюлюкали – предсказуемый всплеск возмущения. Но сегодня толпа действовала четко. Кто-то

раздал болельщикам крошечные дротики, и едва школьнички со своими дарами приблизились к ограждению, их тут же засыпало аэродинамическими снарядами. Взрослые мужики в костюмах вскакивали и метали дротики в молодежь, не имевшую в виду ничего дурного. Летающие иголки мельтешили вокруг, и те, что не достигали поля, приземлялись на боссов из первых рядов. Я поспешно стащил с себя пиджак и загородил Карлу.

Я правильно сделал или опять какое феминистское правило нарушаю? Я потянул пиджак на себя, чтобы мою голову тоже слегка прикрывало. Меня спасать не требовалось – но так я получаюсь меньше сексист. Вот не было печали. Это все из-за артобстрела, решил я.

– Эй! – завопила Карла, отбиваясь. – Что еще за выдумки?

– Я просто…

– А что, девочек развлечься не пускают?

Она подобрала упавший поблизости дротик и метнула на поле.

– Давай, Джейми! – завизжала она, перекрывая общий гам. – Борись за свои права!

Мои права на что? Я вяло улыбался, а она, не уступая мужчинам, обстреливала генитально озадаченных заводил.

На поле перепуганный латинос в трениках «Никсов» панически зарылся лицом в свою коробку. Он все раскидывал бесплатные сувениры, свои мирные дары, дергаясь от боли всякий раз, когда дротик попадал в руку или спину. Наконец сдался, поднял коробку и метнул содержимое в толпу. Затем нацепил коробку на голову и ретировался. Юноши припустили к выходу, и весь стадион разразился восторженным гиканьем, а потом завозился, собирая раскиданные трофеи.

– Какая чума! – Карла поправила бюстгальтер. Вела она себя устрашающе, но все равно я не мог не заметить, как роскошна ее бледная грудь над черной тканью. – Да что с тобой такое?

– Что со *мной*? Я думал, ты, типа, феминистка.

– Ну я же в парней кидалась, правда?

– Ты меня поняла.

– Господи боже мой, это ведь шутка! Ну Джейми же. А если б тут вместо меня Алек был? Я же не дура. Не притворяйся, что ты лучше всех. На Бычьи Бега ездил?

– Эй, полегче, – защищался я. – Бычьи Бега – конференция масонов на «МИГах». Я просто сбежать вовремя не успел.

– Лучше признайся, Джейми, чем себе врать. Ничего хуже нет, чем…

– Чем что?

– Ничего. Забудь.

В перерыве третьей четверти одного зрителя вызвали покидать штрафные. Если попадет пять из десяти, а потом один раз с трех метров, получит внедорожник, а завтра вся аудитория сможет обменять корешки билетов на бесплатную пиццу любого размера в городских пиццериях.

Мужик бросал мяч, а две заводилы в мини-юбках стояли по бокам с постерами сети пиццерий и производителя автомобилей. Первые два раза доброволец промазал, и толпа злобно зашикала – ну как же, все мы рисковали шестидюймовой лепешкой из микроволновки[190].

На третий раз он вообще промахнулся мимо кольца и щита – зрители зафыркали и повскакали. Обезумевшая публика улюлюкала, вопила, даже кидалась в мужика дротиками. Понятное дело, он так ни разу и не попал, и орган разразился нестройной лузерской музычкой. По пути на свое место, однако, мужик сграбастал одну заводилу и смачно поцеловал в губы. Толпа приветствовала такую доблесть, а девчонка в омерзении пыталась улыбнуться.

– Типично, – сказала Карла. – Ритуальным изнасилованием возместить собственное унижение.

– Теперь ты против? – Ага, я застал ее врасплох. – Когда женщину обидели?

– Когда женщину обидели без ее участия.

– Да ладно, – не отступал я. – Ты непоследовательна.

– Ну засуди меня, – ухмыльнулась она. – Или иначе мне урок преподашь? – И она подмигнула.

К концу матча у «Никсов» двадцать шесть очков опережения, как водится, превратились в два очка отставания. Последний таймаут объявили всего за одиннадцать секунд до конца игры, и когда баскетболисты возвращались на поле, на цифровом табло возник графический децибелметр, увенчанный словами «Громче».

Толпа заорала, а децибелметр фиксировал рост шума. Карла тоже вопила. Но я заметил: колебания графика совсем не соответствовали реальной громкости.

– Это лажа! – крикнул я.

– Где?

– Анимация. Это не настоящий децибелметр. Мультик, стрелка в записи.

– Ну и что? Люди-то орут.

И то правда. Искусственный счетчик довел публику до истерики. Окончательно свихнувшись, зрители затопотали. И внезапно распаленные технологиями болельщики стали превращаться в быков. Не все, однако немало. Ну да, я своим мозгам больше не хозяин. Я сосредоточился на счетчике – как он

не рисует настоящий галдеж. Наконец анимация взорвалась мозаикой разноцветных квадратиков, которые постепенно склеились в логотип «Синаптикома». Ну конечно. Чей же еще?

Я так увлекся децибелметром, что пропустил финальный бросок – с трех метров, «Никсы» выиграли. Спасибо, хоть зрительские головы пришли в норму.

По битком набитым лестницам мы целых полчаса пробирались наружу, к столпотворению лимузинов. Черная машина, которую я заказал, ждала нас на углу 24-й улицы, благоразумно удалившись от сумятицы. Можно прогуляться и обдумать и/или обсудить, переспать ли нам.

Мы шли по темнеющим улицам. Карла взяла меня за руку. Из офисов после вечернего бдения еще разбегались люди. Истерзанные, опустошенные, они волокли портфели и косились на часы. Любая женщина – в остроносых туфлях, любая морщилась при каждом шаге. Мужчины в развязанных галстуках и с расстегнутыми воротниками как никогда казались пленниками обмундирования. Хорошо, что я не тронул ни галстука, ни пуговиц. Словно джентльмен, что развлекается вечерами, а не Дилберт[191] по дороге из конторы.

Возле универмагов мы остановились полюбоваться витринами с модой весеннего сезона. Сплошь королевское величие. В одной витрине манекены играли в теннис, а слуги наблюдали. В другой принцессе надевали комнатные туфли.

– Я раньше фантазировала, будто меня удочерили, – наконец сказала Карла.

– Правда? – Интересно, какая связь между ее детством и модой.

– Мне, видимо, трудно было поверить, что я по правде с Гранд-Конкурса. Отпрыск уборщицы и ее мужа-макаронника[192].

– Жестковато, не находишь?

– Не знаю. А тебя твоя национальность не достает? – Разумно.

– И ты думала, тебя удочерили?

– Ну… – Она поскребла чистыми белыми «адидасами»[193] об асфальт. – Не знаю даже, я верила в это или хотела верить. Лежала по ночам в кровати, пыталась вспомнить, как выглядит моя настоящая мать. Та, что завернула меня в одеяло и оставила в Ватикане, на ступеньках базилики Святого Петра.

– В Ватикане?

– Понимаешь, я думала, мои настоящие родители, родные, были королевской крови. Во всяком случае, мать. И у нее был роман с рыцарем или герцогом. Им пришлось от меня избавиться, чтобы избежать скандала, который свергнул бы целую монархию. И они оставили меня в Ватикане. Меня осенило, когда монашки в

школе показывали фотографию базилики. Я поняла, что раньше ее видела.

– А родителям ты говорила?

– О, я была та еще сволочь. Как они на меня заорут, я им давай рассказывать, что веду дневник и что их дерзость будет должным образом отмечена, когда за мной вернутся настоящие родители. Помню, сижу за столом, ем с треснутой тарелки спагетти и какой-нибудь соус из банки и закатываю глаза – мол, такая еда не годится для юной леди столь благородного происхождения. Точно мое небо генетически предрасположено к более тонкому вкусу.

– Я так понял, ты это преодолела, – поддразнил я. – Сосиски и то-се.

– Да, – мечтательно согласилась она. – Сейчас я типа скучаю. Тогда все такое реальное было. Простые вещи. А я так родителей мучила. Я гадина, да? Тогда я просто ужас что такое была. Мы с мамой ходили по магазинам, стояли на Конкурсе, на светофоре, ждали. И я, помню, оскорблялась, что люди в машинах не знают, кто я такая. Не останавливаются пред особой королевской крови. Я выбегала на дорогу, поднимала руки, чтоб они остановились и дали пройти. Бедная мама роняла сумки и вопила. А я так и стояла, руки подняв.

– И тебя ни разу не сбили?

– Не-а. Тогда я, видимо, удачливее была.

Этого я решил не касаться.

В кармане затрясся телефон.

– Прости, – сказал я. – Может, это…

– Глас хозяина? – Карла закатила глаза.

Я открыл «Звездопут»[194]. На дисплее высветился родительский номер.

– Алло?

– Йосси, ты где? – тревожно вопросил мамин голос. – Ты можешь разговаривать?

– Я на улице, – сказал я. – Не один.

– Можешь перезвонить? Или приехать? Отец дергается, завтра голосование. Ты бы приехал, а?

Карла вздохнула и потянулась к телефону. Я думал, она сейчас его с омерзением вырвет, но она ухватила резиновую пимпочку антенны и вытянула ее, как полагается.

– Рак мозга[195], – одними губами пояснила она.[196]

Ух ты. Какая забота.

– Он сейчас за компьютером сидит, – продолжала мама. – Смотрит на веб-сайт. Удивляется, почему на странице голосования кнопка «Нет» гораздо больше кнопки «Да». – Веб-сайт

синагоги я нарисовал сам, еще в колледже. Теперь они используют этот сайт, чтобы прикончить отца.

– Так нельзя, – сказал я. Уж кто-кто, а я в курсе, как веб-архитектура влияет на решения. – Я приеду завтра. Не волнуйся. Мы все разрулим. Я тебя люблю. – И я нажал «отбой».

– Голосование? – тут же переспросила Карла. Я решил, что по этикету полагается объяснить, о чем речь, раз уж человек присутствовал при разговоре. И я рассказал Карле об отцовских проблемах с синагогой.

– Но ты-то, Джейми, – сказала она, когда я закончил. – Ты позволишь отцу проиграть?

– Что – «я-то»? Думаешь, я пользуюсь влиянием у реформистов Уайтстоуна?

– Идиот, они голосуют, блядь, на веб-сайте, – сказала она совершенно беззлобно. Просто манера такая. К чему это она клонит? – Ты же, блядь, хакер. DiscoKid или как там тебя.

– DeltaWave.

– Пофиг. Иди в Сеть, взломай сайт, пусть твой отец выиграет. Там же счетчик, наверное, или что-то.

– Карла, я не могу на сайте синагоги…

– Это почему еще? Они же на сайте синагоги твоего отца увольняют, так?

– Мы про общину говорим. Это тебе не целевой рынок.

– Чувак, тут для стрельбы твоего папашу целью наняли. По-моему, все честно. Зуб за блядский зуб.

– И это говорит девушка, согнавшая своих бывших мужиков в фокус-группу.

Я открыл ей дверцу лимузина, потом сел сам. Похоже, мне сегодня не обломится. Я дал водиле адрес Карлы.

– Карла, прости, я не хотел.

– Ну правда, Джейми. У тебя как будто в заповедях написано: «хуйня случается». Я такое в еврейских мужиках встречала. Вы словно боитесь, что, если за собой не уследите, вас снесет.

Мне не понравилось, как она сказала «в еврейских мужиках». В ее устах – грубо.

– Ты бы видела хасидскую свадьбу. Вот кого сносит.

– Но они же мужчин от женщин отделяют, нет? – И то правда. – Вы словно боитесь, что на свободе станете в итоге ебать синагогальных проституток, жрать человечину и приносить в жертву собственных детей. Просто плыть по течению вы не можете.

– У нас, знаешь, есть неплохая иллюстрация к тому, что бывает, когда люди плывут по течению. – Я встал на защиту своего наследия. – Скажем, Катастрофа. Блистательный пример

случившейся хуйни. Почему, как ты думаешь, накинулись сначала на евреев? Потому что евреи давят на тормоза, когда все остальные слетают с катушек.

– Ага, теперь нацизм? Если ты опустился до нацизма, значит, я всухую выиграла. – И она в напускном пренебрежении скрестила руки на груди.

– По чьим правилам? – подыграл я.

– По моим, мистер Давить-На-Тормоза.

– Я не слабак.

– Ну ладно. – Она повернулась ко мне. – Посмотрим, умеешь ли ты отпускать тормоза. – И она встала коленями на сиденье, почти ткнувшись грудью мне в лицо.

– Я умею отпускать тормоза, – возмутился я.

– Да неужели? – Карла ногой нажала кнопку водительской перегородки и одним плавным движением завалила меня на сиденье.

От ее властности я занервничал и возбудился одновременно. Карла лежала сверху, целовала меня в шею, и член у меня встал так, что заняться им следовало немедленно. Я схватил ее за бедра и усадил на себя верхом. Она подчинилась и неторопливо закачалась вверх-вниз, гладя меня сквозь всю нашу одежду.

Суходрочка[197], однако восхитительная. Я блаженствовал, ловя Карлино горячее дыхание, окунувшись лицом в море длинных волос. Она была словно кошка, мурлыкала и урчала, стаскивая с меня пиджак и запуская зубы мне в шею. Я отчаянно хотел кончить и задергался быстрее.

– Не сейчас. Не так, – сказала она и принялась расстегивать мне штаны.

– Я не могу. – Машина уже остановилась. – Не здесь. Кто-нибудь…

– Да ну. – Она игриво оттолкнула мои руки. – Пошали для разнообразия.

– Да нет, правда, – настаивал я, игнорируя собственный безмолвный, пульсирующий протест. – Шофер… мы же в машине.

– Ладно, Джейми. Но если поднимешься, я тебя так просто не отпущу. – И она садистски ухмыльнулась.

Карла выбралась из машины, я торопливо подписал чек.

– Ест у мыня газыта завтрышныя, – сообщил водила, чья грамматика к концу смены и вовсе съехала. – В кырмане сыденья. Этот Бырнбаум сывсем быльной. Он – ды я тыперь его и вовсы нынавыжу…

Я сунул газету подмышку и ринулся за Карлой по лестнице. Как великолепно за нею гнаться и знать, что через секунду она будет моя. Мы влетели в квартиру, стащили друг с друга одежду

и рухнули на матрас. Я отпихнул груды квартальных отчетов и биржевых сводок, чтоб хватило места телам, и сквозь поцелуи мы оба расхохотались: да тут целая гора макулатуры.

Я губами пробирался по Карлиному телу. В районе пупка носом учуял ее возбуждение. Ниже она меня не пустила. Притянула за плечи, лицом к лицу, выдохнула:

– Презерватив есть?

Не извиняясь за свою самонадеянность, я выудил из штанов три квадратика фольги. Разодрал один зубами и надел. Иногда от касания холодного латекса я обмякаю, но сейчас это не грозило. Член нырнул точнехонько куда надо.

– Подожди, – сказала она. – Принеси шнур.

– А?

– Около компьютера. Для меня.

Я растерялся.

– Давай, Джейми, – подначила она. – Сдерживаться не полагается.

Как угодно. Шнур. Я поскакал к компьютеру и ухватил последовательный кабель. Карла лежала на животе, закинув руки за спину.

– Нормально, – сообщила она. – Мне так нравится.

Я ничего подобного раньше не делал, но возражать не собирался. Обмотал ей запястья шнуром и завязал бантиком – послабее. Захочет – сама развяжет. Она покрутила руками, чтоб вышло туже, и недовольно заканючила:

– Не принтерный. Слишком толстый. Слабо. От USB[198].

Назад, к компьютеру. USB. Где? Ага, вот. Отлично. Я рванул шнур, на пол грохнулся сканнер. Назад в мгновение ока, стреножил Карлу, словно бычка на выгоне. Быстро на сей раз, а значит – по умолчанию туго.

Я дернул узел, и она застонала. Я завелся.

– Давай, Джейми, – задыхалась она. – Нормально. Я скажу, если нет. Давай же.

И я дал. Сцапал ее одной рукой за бедро, другой – за загривок.

Она выгнула спину. Латекс не давал ощутить влажное тепло – я знал, что я внутри. Резиновое оскорбление моей мужественности. Я ударил с силой, наверстывая отсутствие ощущений. *Получи.*

– Сильнее, – сказала она. – *Выеби* меня.

– Да, – ответил я. – Очень хорошо. – Не то говорю.

Она завращала глазами.

– Ну давай. – Она стиснула зубы. – Я же гадина. Сам говорил. Гадкая девчонка. Покажи мне, какая я гадина.

Я сделал, как просили, позабыв, что она невротичка с благими намерениями, помня лишь ее в «Гардене» – как она швыряет дротики в несчастного пацана. Я рукой обхватил ее за шею, притянул к себе и, стоя на коленях, вламывался в нее коротко и резко.

– Я тебя выебу, курва, – слышал я собственный голос. – Злобная, себялюбивая шлюха.

– Прости меня, – отвечала она. – Я так плохо себя вела.

Она плохо себя вела, согласился я. Инквизитор – вот кем я стал. Я вершил правосудие над этой ведьмой. У евреев была инквизиция? Ладно, проехали. У католиков точно была. Я вспоминал голых танцовщиц, что одурачили меня тогда у костра. Карла превратилась во всех одноклассниц, которые меня дразнили. В богатеньких блондиночек, слишком красивых для еврея из бесплатной школы. В ту высокую Моник, что заставила меня разуваться. Я еб их всех. Единую женщину-сеть. Существо с миллионами дырок. Все они были Карлой.

Карла меня в них впустила. И я мог наконец отпустить тормоза.

Я почувствовал, что вот-вот взорвусь, и впился зубами ей в плечо. Она извивалась и дергалась, а я сильнее стискивал зубы, пытаясь с нее не свалиться.

– Господи боже! – завопила она. – Господи боже! Господи боже! Господи боже! – Она забилась, точно дикое животное, она скрипела зубами, дергала шнур, мотала головой. Повсюду волосы. Я будто плыл в тропическом шторме – и только стиснутые зубы не давали мачте рухнуть.

Секс как предельно экстремальный спорт. Свобода, наконец свобода, лети вперед, не останавливайся. Я уже кончал.

И тут мне в лицо вмазался затылок. Сильно. Я свалился, резко выскользнув из Карлы и потеряв в процессе презерватив. Я потрясенно лежал на спине, а мой хуй вел зенитный обстрел.

– Господи, блядь, боже мой! – закричала Карла, выворачиваясь из шнура и хватаясь за плечо. – Ты что, блядь, делаешь?

Она с отвращением и ужасом смотрела на меня и на мой пульсирующий член. Я вцепился в него, чтобы защитить от возмездия и перехватить сперму, пока не обкончал все вокруг.

– Ты почему не остановился? – заорала она. Пальцы у нее были в крови, и с плеча текла струйка. Что я с ней сделал?

– Я… Я… – ахнул я. Все руки в сперме. Я пытался говорить, а тело содрогалось в оргазмической конвульсии. – Ты не говорила «остановись». Ты говорила «господи боже». – Так не кончают, но я долго ждал, и теперь из меня изливалось само по себе.

– Посмотри, что ты сделал, урод! – Она зажала рану, выскочила из постели и помчалась в ванную.

Я ждал, когда утихнут последние содрогания. Карла включила воду и изучала в зеркале укус.

– Прости меня. – Я огляделся. Куда бы семя деть? Я пробрался к ванной с жемчужной лужицей в ладонях. Даже при таких обстоятельствах я заметил, какое здоровенное озеро из себя исторг.

– Уй-й! Уматывай! – взвизгнула Карла. – Больной ублюдок!

Я унес свое приношение в кухню и вылил в мусорное ведро. Вымыл руки, но сперма соплями «моцареллы» облепила пальцы. От бумажного полотенца стало только хуже – к киселю добавились волокнистые кусочки.

Ну да. Проклятое пятно.

Отмыв руки, я обернулся и увидел, что дверь в спальню закрыта. И заперта.

– Карла. Открой. Ну Карла.

Нет ответа.

– Ну прости, ладно? – Я старался ее не пугать. Не пугать Карлу. Уже смешно. – Я же думал, тебе нравится.

Ноль эмоций.

– Мне уйти? А? Да? Если да, хотя бы одежду верни. Можешь?

Она открыла дверь и, не глядя на меня, села на постель. Спустила халат с плеча, чтоб я воочию убедился, как ее покалечил. Ужас – подумать только, я способен пустить кровь.

– Я пойду, ладно? – сказал я, натягивая трусы. – Одеваюсь и ухожу. – Я собирал вещи по углам. И тут увидел газету, которую забрал из лимузина.

На всю полосу – фотография старика. Стоит на четвереньках и сосет большой палец – голышом, в одном подгузнике. А над фотографией помпезным шрифтом «Нью-Йорк Пост» слова:

КРОШКА БИРНБАУМ

Под фотографией красный заголовок вопил:

«Глава Федеральной резервной системы в сексуальном скандале!»

– Ебическая сила, – только и сказал я.

Карла громко фыркнула. Сердится.

– Да нет, Карла. Газета. Бирнбаум. Господи боже.

Карла повернулась, глянула на фотографию и вздохнула.

– Да все вы одинаковы.

11
Катапультирование

– Ну что, остаток рекламного бюджета мы сэкономили, – сострил из моего наушника Алек. Я брел по улицам незнамо куда, на ходу просматривая разоблачение.

Анонимный источник. Подлинность установлена. Психиатрический анамнез. Ожидается отставка. Другие фотографии на странице сорок семь.

– Бедняга, – сказал я. И правда бедняга. Такой беззащитный старикашка, так публично оплеван. На увеличенной фотографии с разворота я различил через подгузник тень эрекции. Кто снимал? И кто послал в «Пост»?

И тут я вспомнил.

– Блин, Алек. Ты знаешь, кто это сделал?

– Какая разница? Поделом.

– Мужик, это твой отец. Не помнишь? Он же почти проговорился. Шестая полоса «Пост»…

– Папик этого не делал. Ты с дуба рухнул. – Где-то вдалеке у Алека играла музыка.

– Я еду.

– Мне кажется, прямо сейчас – не очень удачная идея. В таком-то состоянии.

– Отбой. – И я нажал кнопку.

Я же научился сценарному планированию. Удивительно, как я не понял, что к этому идет. А думал, что освоил игру. Я слишком глубоко внутри, чтобы видеть ее с высоты птичьего полета. Где-то по дороге зрение расфокусировалось, игра стала реальностью.[199]

Алек жил в двухэтажной квартире в Сентрал-парк-уэст, унаследованной от двоюродной бабушки вместе с коллекцией ранних модернистских полотен, вовремя перевезенных из бабушкиной квартиры, когда настала пора оценивать имущество, и затем постепенно дрейфовавших назад – можно подумать, чтобы швейцары уклонения от налогов не раскусили.

Я в этой квартире бывал и всякий раз ощущал себя значительным по ассоциации. Двенадцатый этаж, всего 900 квадратных футов и натужная роскошь – мебель Гери, абстракции Мэнголда, ослепительная инсталляция Калдера из красной латуни. Штучки Имза тут – просто мусор. Два окна в свинцовых рамах от пола до потолка смотрят на Парк, балкон в спальне – тоже. Тут все говорило: «Тусуешься здесь – сойдешь для

„Городских сплетен“».[200]

Один из двух ночных швейцаров управлял вычурным чугунным лифтом. Теперь мне казалось, что все вокруг – симптомы ядовитого богатства. У этих ребят такой избыток роскоши, что все выставить не хватает места, поверхностей и времени. Фиг с ним, с приобретением нового – похвастаться бы тем, что есть.

Исторически аутентичен, однако решительно нелеп даже оригинальный латунный столб в ручном лифте. Устарелость конструкции требовала отдельного работника – в том и ценность лифта. Такой у этих людей стиль: услуги под любым предлогом. В «Святилище» хотя бы компьютеры обслуживали. Каково это, когда человеческое существо с легкостью заменяется машиной? Парень конкурирует за рабочее место с простенькой кнопочной панелью, а зарплата у него гораздо выше. С точки зрения рыночной стоимости лифтера, его участие в игре обеспечивала одна лишь эстетская прихоть жильцов, которым потребен человек в услужении. Ну, или его профсоюз[201].

Музыка и пьяный гомон слышались через весь коридор. Алек открыл дверь, и я понял, что галдят в его квартире.

– Я же говорил. Сейчас, пожалуй, не самое подходящее зремя.

Человек двадцать манхэттенских светских тузов лакали: «космополитэн» и чилийское вино из хрусталя Алековой двоюродной бабки. Многие говорили на иностранных языках, хотя иностранцами особо не казались. В коренастой женщине я распознал владелицу галереи в СоХо; парень из чуток андерграундной электронной группы; еще сенаторский отпрыск, как-то-не-помню-как вляпавшийся в неприятности; и молодой британец, редактор одного нью-йоркского интеллектуального журнала. Костюмы, джинсы, платья, а один мускулистый парняга – в марлевой юбке и бусах вместо рубашки.

И словно в центре всего, в брючном костюме из ярко-розового винила – Джинна Кордера.

Она меня мгновенно узнала. Онемев, я замер, а в мозгу лихорадочно складывались кубики. Бирнбаум. Ранчо. Коттедж. Перья. Кокаиновые дорожки. Деньги не за секс.

Значит, Алек.

– Большое спасибо, что пришел, – сказала Джинна и протянула вялую руку. Я был слишком потрясен – не пожал ее, тем более не поцеловал. – Это Джейми Коэн, – объявила она лысому юноше в бордовом вельвете. – Без Джейми ничего бы не получилось.

– Что получилось? – спросил я.

Она засмеялась и ладошкой толкнула меня в грудь.

– Книга, – сказала она. – Ты что, не слыхал? Генри вот решил купить мой рассказ.

– Для книги про Бирнбаума?

– Для сюжета в прессе, – поспешно уточнил Генри. Похлопал себя по нагрудному карману – небось проверял, на месте ли контракты.

– Интересно, что первым высохнет, – сказал я. – Чернила или кровь?

– Ты это чего? – набычился Генри.

– Пошли, Джейми. – Алек схватил меня за локоть. – Пошли, выпьешь – придешь в чувство.

– Не хочу я, на хуй, пить.

Он сильнее дернул меня за рукав. Я подчинился, зашагал к бару, скрестив руки и поджав губы.

– Джейми, праведное негодование тебе не к лицу. Ты вообще-то на него права не имеешь.

Мы остановились у стола с напитками. Нас слышит барменша в смокинге. Плевать.

– Ты зачем это сделал? – спросил я. – Кампания работала. Мы выигрывали по-честному. До его сексуальной жизни можно было не опускаться.

– Так вот что тебя проняло? Эзра Бирнбаум? Что я фотки в «Пост» отослал?

– Ну да. Я понимаю, ты на него зол. Ты считаешь, он виноват, что у тебя рука и все такое. Но так его подставить…

– Ох, Джейми. – Алек запустил пальцы в стакан с оливками и кинул себе в мартини еще одну. – Дело же не в этом. До сих пор не просек?

– Алек, ты мужику жизнь сломал.

– Так играют в игры. Никаких тормозов.

– Одно дело критиковать его политику, другое…

– Бессмысленное разграничение. Совесть утихомирить. Хочешь выставить меня подонком? Валяй.

– Но мы же теперь с Бирнбаумом вместе. Ты был на Бычьих Бегах. Эти люди нам доверяли.

– И ты согласен, чтоб стариковские игры влияли на твой бизнес? На хуй их правила. Братству конец, друг мой. Детский сад. Веселимся здесь и сейчас. У нас новая игра. И наши правила.

– Ты когда это придумал? Всю дорогу планировал?

Алек отпил из бокала и склонил голову, точно размышляя, довериться ли мне. Затем глянул вверх и налево,[202] копаясь в памяти.

– Да на Бычьих Бегах еще. Без тебя меня б туда не пригласили. Папа из-за тебя меня повез. Чтобы ты не

накуролесил. – Он снова отхлебнул. – Чудно. Следить-то не за тобой надо было.

– Ты несешь пургу.

– Не-а. Не пургу. Я в ту ночь очень ясно понял одну штуку. Наверное, у костра, когда они нас надули, притворились, что парень горит.

– Господи, Алек, это был прикол.

– Твой папик над тобою так прикалывается? Я их до сих пор слышу. Как Тобиас с дружками надо мной ржут. Все ржут, а я стою на коленях и блюю. Я, вечная мишень его тупых грязных шуточек. И ты, мой ебаный спаситель.

– Я спрашивал, если тебе…

– Ты не виноват, Джейми, ясно? В кои-то веки речь не о *тебе*.

Я поднял руки – мол, сдаюсь. Алек посмотрел в окно на Ист-Сайдский горизонт за парком. Позади человек с французским акцентом бубнил про свою «неопостмодернистскую» постановку «Жизели» в Линкольн-центре.

– Ну и вот. Я привел Джинну в коттедж. Я был пьян, зол, тошнило, хуй не подымался. Мы зарядили пару дорожек, потрепались, лаптоп помучили. Я вставил тот черный диск, мы ответили «Синаптикому» на вопросы. Насчет любимой музыки, одежды, все такое. Оно как-то занятно действует. Потому что я глянул на девчонку и сразу понял, чего от нее хочу.

– Использовать ее? Против Бирнбаума?

– Насрать мне на Бирнбаума.

– Тогда против *кого*? Или чего?

– Знаешь, Джейми, – улыбнулся Алек, – ты иногда совсем лопух.

Толстая блондинка в мешкообразном платье и с гигантским жемчужным ожерельем спиной вклинилась между нами, словно в танго с незримым партнером.

– Quieres cantar o quieres beber? – пьяно вопросила она. – Yo tengo flores para los muertos.[203] – И спиной же отвалила, покачиваясь.

– Элиза только из Саламанки, – смеясь, извинился за нее Алек. Положил руку мне на плечо. – Ну, Джейми. Расслабься. Уже все. Веселимся.

– Веселимся? Ты как себе это представляешь? Меня вообще сюда не приглашали.

– Я же знал, что ты не переживешь. Распсихуешься из-за бедняги Эзры. Так? Или нет? Кроме того, у тебя было дружеское свидание с Карлой. Ты епитимью отрабатывал.

– Мог бы хоть поделиться. Сказать, что планируешь.

– И ты бы мне помешал. Или настучал отцу. Ты, Джейми,

кайфоломщик. Хуже, чем жулик. У жулика хоть свой интерес есть.

– И что, по-твоему, я бы сделал? Я тебе друг, Алек.

– Ну и славно. Докажи, что я не прав. Снимай пиджак, заряди коки, с людьми пообщайся. Может, трахнешься по-человечески для разнообразия. Ты вообще представляешь себе, кто тут есть?

Я оглядел собравшуюся элиту.

– Или валяй, докажи, что я прав, Джейми. Раздраженно хлопни дверью. Спрячься в центре, в роскошной квартире, за которую мы платим теми же деньгами, что за эту вот икру.

Архитектор поджег золотистую сигаретку. В дверях появился юноша в белом шелковом шарфе. Джинна громко хохотала, прижимая нежную ручку к изящному голому животу и явно улыбаясь в мою сторону.

– Так-то вот, Джейми. Ты всю дорогу этого хотел. Высшая Лига. – Он протянул руку и улыбнулся: – Ты за нас?

Музыкант сунул в видак кассету: он сам на вчерашнем эм-ти-вишном[204] награждении. У плазменного экрана уже кучковались будущие фанатки по вызову. Элиза-из-Саламанки бурно обсуждала с сенаторским сыном, что лучше – суфизм или Каббала. Редактор нью-йоркского интеллектуального журнала пробирался ко мне, прижав палец к виску, словно припоминая мое имя.

– Ты ведь новая гроза Уолл-стрит? Из статьи в «Джорнал»? Господи, мужик, надо нам о тебе написать! Всем же любопытно, что такими двигает.

Я доказал, что Алек прав, и ушел, не сказав ни слова.

Я бегом вылетел на улицу. Хотел кому-нибудь исповедаться. Или настучать. Добиться правосудия. Обратиться к властям. Но к кому?

Дома злобно косились мне вслед. Улицы были пусты. Часа два ночи. Только я, заплутавший в сетке, – и никуда от ее декартовой логики не спрячешься. Повсюду вычислят. Найдут.

Я пошел в парк. Природа.[205]

Ни тебе опасностей, ни преступлений. Благосостояние покорило хаос. Но сойдет и иллюзия.

Сумрачными тропинками я прошел по лесу и обнаружил на холме полянку с деревянной скамейкой. Вокруг валялись бутылки и обертки от презервативов. Улики человеческих забав.

Просто выебать на этой лавке славную девчонку – вот был бы кайф. И гораздо проще того дерьма, в котором я теперь плаваю. А ради чего? Деньги? Признание? Что-то доказать родителям?

У всех, кого я в этом мире знал, имелась крыша над головой, трехразовое питание и, можно сказать, гарантия: пока необходимо, все это не рассосется. Так чего из кожи вон лезть?

И все же первое, что я сделал, проснувшись на парковой скамейке, – проверил, на месте ли бумажник. В кармане. Мобильник тоже, и «Палм-Пилот», и выпускное кольцо из колледжа. Но я знал, что делать. Уйти с этой ебаной работы.

Я бодро шагал по Пятой авеню. У меня завелась странная привычка: напрягаясь, я мысленно оценивал дома на улице, притворяясь, будто мне дали право владения любым из них. И я сравнивал и сопоставлял их по размеру, состоянию, местоположению, архитектурной значимости и все такое. Оценку следовало завершить к перекрестку: едва я переходил дорогу, процесс начинался заново.

Игры ума отвлекали меня от уличного крупного рогатого скота. Добрая треть пешеходов и еще больше людей в машинах – с бычьими головами. Нищий в драных джинсах точил рог о кирпичную стену[206].

Кучерский клуб находился на Пятьдесят второй улице. Я внутри не бывал, меня туда и не номинировали, но сейчас – крайний случай. Многие старички там завтракают по выходным, как раньше. Что сказать Тобиасу, когда он найдется, я понятия не имел.

Швейцар в белых перчатках заставил меня написать на клубной бумаге записку и ждать у входа, пока ее несли внутрь на серебряном подносике. Минут через десять один слуга вернулся с тем же конвертом. Под именем Тобиаса – машинописное послание:

В текущих списках Кучерского клуба не значится.

– А? – громко изумился я, оборачиваясь к швейцару. – Тобиас Морхаус. Он членом клуба тридцать лет был. Что они такое говорят?

– Простите, сэр, – ответил швейцар. – В текущих списках его нет.

– Но мне нужно с ним увидеться. Он по выходным всегда тут. Тобиас Морхаус. Вы же его знаете. Вы должны.

Швейцар с бычьей головой попятился и занял свое место у дверей.

И что делать? Я проглядел номера в мобильнике и позвонил домой Брэду. Ответил автосекретарь.

– Да чтоб тебя. – Я опустился на тротуар. Закрыл лицо руками и подождал, когда появятся слезы. Они не появились.

– Эй, пацан. – Швейцар постарше. Высокий негр, единственный с человечьей головой. Я взглянул ему в лицо. Странная мысль: может, этот дядька – несчастный помощник официанта, что когда-то мерялся хуями с Морхаусом? Кажется,

негр почти кивнул, будто понял, о чем я думаю. – На аэродроме посмотри.

Я дернул плечом, отгоняя миг магического узнавания, словно паранойяльный припадок или, в лучшем случае, дежа-вю, прыгнул в желтое такси и стал репетировать свое заявление об отставке. Цена человеческих страданий просто… нет. Моя производительность была подорвана… нет. Ваш сын Алек… нет.

Я никому ничего не должен объяснять. Уж точно не Морхаусу. Другое дело – таксист; почти всю дорогу мне пришлось им рулить: сначала на шоссе Вест-Сайд, потом на мост Джорджа Вашингтона и до самого аэропорта Тетерборо.

Безработица упала, а вместе с ней – и качество сервиса. Диаграммы того и другого тесно коррелировали, как относительные курсы связанных валют. Чем проще получить работу, тем ниже качество исполнения. Этот неумный водила тому наглядное свидетельство. И где выход? Пусть люди боятся потерять работу? Как заставишь людей дорожить зарплатой в условиях нулевой безработицы?[207] По-моему, проблемы бы не было, вкладывай таксист в свою фирму деньги. Но, с другой стороны, что станется с его странной жаждой?

Морхаусов «Илюшин-2» стоял в дальнем углу летного поля. Два человека из наземной команды разогревали массивный зеленый самолет, а Морхаус проверял закрылки и пропеллеры. Я расплатился с таксистом и зашагал по бетону. Вблизи советский штурмовик оказался огромен и грозен. Фюзеляж – десять с лишним метров, размах крыльев – где-то пятнадцать. Закругленный, выпуклый нос, раздутый, словно больная печень. Однако стволы орудий, торчавшие из всех щелей, придавали старушке некую властность.

– Прокатишься напоследок? – спросил Тобиас. Он знал, что я пришел увольняться.

– Нет, сэр, спасибо. Я просто хотел вам сказать…

– Что тебе очень жаль? – Тобиас натянул кожаный шлем и уже взбирался в кокпит[208]. – Джейми, я читал газету. Мы все читали. Это конец. Не переживай, я тебя прощаю.

– *Вы* прощаете *меня?*

– Вы, ребята, не поняли, что натворили, да?

– Это не я! – заорал я.

Тобиас пристегивался.

– Коэн, я тебя не слышу. Залезай или до свиданья. – Он завел мотор. Последнее, что мне сейчас нужно, – кататься на советском штурмовике, особенно с пилотом, который ведет себя, как отъявленный маньяк. Но я не мог допустить, чтобы старик верил, во что он там верил. Я забрался в кабину и сел рядом с Тобиасом.

– Надень. – Он протянул мне маску и наушники с микрофоном. – И пристегнись.

Я возился с кожаными ремнями, а Тобиас потянул за рычаг, накрыв кабину стеклянным колпаком. Развалюха вздрогнула, зашевелилась, Тобиас бешено рулил по летному полю, пытаясь выбраться на полосу.

– Держись, – посоветовал Тобиас, когда мы выровнялись на рваной белой линии.

Он защелкал переключателями на панели и потянул длинный металлический рычаг. Самолет ринулся вперед, взревел мотор. Заклепки на металлическом корпусе вибрировали, мои зубные пломбы[209] тоже. Мы рискованно лавировали по взлетной полосе, набирая скорость. Затем кошмарный грохот – колесо покатилось с бетона в траву. Мы вихляли туда-сюда, крылья скрипели, едва не хлопали. Чистой силой воли Тобиас ухитрился поднять самолет до того, как тот врезался в бетонную стену.

– Еле проскочили, – заорал мне Мохаус в переговорное устройство.

– «Илюшин-23 Виски». Взлет разрешен, курс 07, восемь тысяч футов, как поняли? – осведомились из диспетчерской.

– «Илюшин-23». Взлетаем, курс 07, восемь тысяч, вас понял, – отозвался Тобиас, по абсурдно вертикальной траектории уходя на заданную высоту.

Я почувствовал, как барабанные перепонки натянулись, приспосабливаясь к внезапной смене давления, но сосредоточился на более настоятельной задаче: не извергнуть содержимое желудка в маску. Я мертвой хваткой вцепился в металлические поручни над головой.

– Небольшая перегрузка, пацан, – объяснил Тобиас. – Через минуту закончится.

Минута длилась гораздо, гораздо дольше. Тобиас промахнулся мимо высоты и дернул штурвал. Позади нас внезапно вздыбился хвост – мы почти уперлись носом в землю. И тут умолк мотор.

– Ах ты черт, – сказал Тобиас. – Мы заглохли.

Секунда мирной тишины – и самолет рухнул носом вперед. Я видел, как в ветровом стекле надвигается земля, потом небо. Нас мотало. Мои губы машинально складывали «Шма», а Тобиас щелкал переключателями и дергал рычаги.

Мотор чихнул и фыркнул, опять чихнул, опять фыркнул. Затем раздался несомненный тромбонный гул самолета, что против ветра рвется к земле.

– Давай, мудила! – Тобиас топнул ногой и щелкнул рычагом.

Самолет взревел и ожил. Тобиас вроде удивился, огляделся,

будто очухиваясь. В стекле над головой показалось небо, потом земля, потом опять небо. Тобиас пялился на панель управления, руля вправо и влево, вдавливая штурвал себе в грудь, а самолет – прямо в небеса, к солнцу.

– Поехали! – гаркнул Тобиас, осторожно давя на штурвал и выравнивая самолет. Снова щелкнул переключателем. – Диспетчерская, это «Илюшин-23 Виски». Мы на восьми тысячах, курс 07.

– «Виски 23»! Господи боже! Ребята, вы в норме? – Перепуганный голос с земли выбился из протокола.

– Управление проверяли, – спокойно ответил Тобиас. – Вернемся – свяжемся.

– «Виски 23». Удачного полета. – Голос еле прорвался сквозь нестройный матерный хор.

– Что лучше заглохшего мотора вселяет в душу страх божий, а, Коэн?

Говорить я не мог.

– Я думаю, надо бы к Катскиллам слетать, оглядеться, – сказал Тобиас. – У тебя небось родные туда в отпуск ездят, а? В отель «Конкорд»?

Я кивнул.

– Понимаешь, «Илюшин-2» был штурмовик. – Тобиас похлопал видавшую виды панель. – В начале сороковых Советы выпустили таких целую кучу. Не для воздушных боев, а скорее для атаки наземных целей. Их первый бронированный истребитель. Но у него был изъян. Советы не знали, пока не выпустили «Илюшина» против немцев над рекой Березиной. Штурмовики уничтожили склады с боеприпасами, но немецкие военные самолеты бросились в погоню. Тут-то и обнаружилась ахиллесова пята «Илюшина». В нем удираешь, не оглядываясь. «Илюшина» уничтожали сзади. И тогда в него встроили второе сиденье. Твое разворачивается, ты можешь стрелять назад.

– Угхм. – Я инстинктивно кивнул, одобряя модификацию.

– Такова была твоя работа, Коэн. И Алекова. Следить, не атакуют ли со спины.

– Что вы пытаетесь мне сказать? – Я надеялся, Тобиас перейдет к делу. Если оно вообще есть.

– Понимаешь, Джейми, у такого самолета есть преимущество. Он атакует сверху. Как медведь.

Тобиас щелкнул по металлической крышке – на штурвале открылась красная кнопка. Мохаус надавил большим пальцем. Орудийные турели под крыльями принялись палить.

– Прекратите! Там люди внизу!

– Не дергайся, Коэн. Я холостыми.

Я оглянулся на одно орудие. Сквозь него ползла металлическая лента.

– Считается, что атака сверху – это нечестно, – сказал Тобиас. – А по-моему, в ней больше достоинства. В некотором роде. Ныряешь сверху. Тебя видят. Честнее, чем снизу. Понимаешь, о чем я?

– Нет, сэр, не понимаю.

– Покупателей на бирже потому и зовут быками. Дошло? Бык атакует с земли. Поддевает и кидает вверх. Медведь бьет сверху. Встает на задние лапы и наваливается. – Тобиас отпустил штурвал, чтобы показать.

– Это не я подставил Бирнбаума, сэр, – взмолился я так, будто от этого зависела моя жизнь. Как оно, судя по всему, вполне могло быть.

– Я всегда считал, что вы двое – пара, – сказал Тобиас. – Я же видел, как он на тебя смотрел. Даже в ту первую неделю в Виньярде.

– Мы не…

– Я с этим смирился. Некоторые могущественнейшие люди были педиками. Форбс, например.

– Мистер Морхаус…

– Я говорил себе: ну, по крайней мере, Алек нашел славного еврейского мальчика. – И Тобиас расхохотался.

– Я не голубой.

– Мне плевать, Коэн. Это все мелочи. Гомосексуализм я бы как-нибудь пережил. А вот остальное меня убивает.

Вдалеке показалась горная цепь.

– Я искал вас в Кучерском клубе, – сообщил я. – Мне сказали, вы больше не член клуба.

– Ну да. Вы, ребята, перешли все границы. Кто-то же должен за это заплатить. Все равно меня там не сильно хотели.

– Мистер Морхаус, вам эти люди не нужны. У вас реальный бизнес. Реальный доход. – Я словно отговаривал его от самоубийства.

– Мне поебать. Это же все для Алека было.

– Вы поэтому расстроились?

– Он меня свалил, пацан. Понимаешь? Мой собственный сын. В канализацию смыл. Так меня ненавидит.

– Он вас любит, мистер Морхаус. Он думал, вы над ним смеетесь.

– Господи, я не смеялся. Я радовался за него. Я ввел его в игру. Я только потому тебя и нанял. Ради Алека. В нем твоего рвения нет.

– Ой, вот рвения в нем хоть отбавляй. От вас унаследовал. – Я

обязан внушить Морхаусу причину жить дальше. – Может, вам двоим легче будет, когда я уйду.

– Не-а. Он уже все сказал.

Тобиас нацелился на самую высокую вершину Катскиллов. Подтексту я больше не доверял.

– Мистер Морхаус, я молод. Вы не можете принимать такое решение за меня.

– За жизнь цепляешься? Добрый знак.

– Послушайте. – Надо разгребать этот бардак. – Я пришел увольняться, а не умирать. Я хочу выйти.

– Откуда выйти, Коэн? Куда ты собрался? – И в самом деле – куда?

– Не знаю. Плевать. Я хочу назад.

– Как знаешь, пацан. – Тобиас открыл стеклянный колпак. Я содрогнулся на холодном ветру. Снежный пик приближался.

– Вы что делаете? – Анус у меня спазмодически сокращался. Я был в ужасе.

– Джейми, я переписал на тебя комиссию за Тесланет. Бумаги у тебя на столе. Два миллиона в кармане. Вам, ребята, хватит что-нибудь начать.

– Спасибо, – сказал я. – Но я правда ухожу.

– Я знаю, мальчик. Я знаю. Колени только у земли согни.

И с этими словами Морхаус протянул руку и дернул рычаг под моим сиденьем. Ничего не произошло. На секунду он смутился, потом обрушил кулак мне на плечо. Помогло.

Кресло отцепилось, и меня выкинуло назад. По плоской дуге я, прицепленный к сиденью, взлетел над штурмовиком. Достиг экстремума. Вообще довольно красиво наверху. А потом я начал падать – лицом к земле. Ох ты ж блядь. Ну вот. Я дико брыкался, пытаясь выровняться.

Парашют. На этой фиговине должен быть парашют. Я нащупывал на спине подушку, отчаянно ища вытяжной трос. Ничего.

Это просто сон, решил я, закрыл глаза и стал ждать такой легкости в голове, какая всегда бывает перед тем, как выныриваешь из подобных потусторонних осложнений. Как я ни старался, иллюзия не стряхивалась. Ибо это была не иллюзия. Да мне бы в голову не пришло выдумать столь болезненные детали – например, как ветер леденяще трется о голую шею или как жжет в носу.

Осложнение реально. Я умру. Я сдался. Как ни странно, из головы не шли презеры и пивные бутылки в парке. Что за люди ими пользовались? В этот самый момент они еблись исключительно для удовольствия. Вот кто настоящие мастера

игры.

И тут сиденье само по себе неспешно выплюнуло громадный ком материи на четырех пожелтевших стропах. Я взмолился, чтобы конструкция не расползлась, когда стропы натянутся. Мое земное существование зависело от инженерного гения советских людей, в которых дядя Моррис в начале семидесятых кидался яйцами. Парашют раскрылся и рванул меня вверх, чуть не выдернув руки.

И тишина. Я раскачивался маятником, над головой волновалась на ветру шелковая палатка. Лишь тогда я взглянул на землю, что быстро надвигалась снизу. Фермы, дома, дороги и машины. Человеки заняты рутиной и совершенно не подозревают, что по воздуху к ним лечу я. Приближалось поле с аккуратными грядками зеленых листьев. Латук? Люцерна? Есть время поразмышлять. Но ветер сносил меня вбок, да так резко, что я испугался, как бы не промахнуться мимо ровной площадки и не приземлиться в густом лесу у края поля.

Я вцепился в парусину между спинкой кресла и стропами, надеясь отрулить к безопасному месту высадки. Нулевой эффект. Однако ветер переменился, даже вроде бы дунул на меня снизу. Я возвращался на землю, и силы природы позаботились обо мне, замедлив падение.

Ощутив удар, я послушался Тобиасова совета, но перестарался: одновременно согнул колени и побежал вперед. Секунду держался на ногах, затем рухнул лицом в грязь. Во рту резко заболело. Я разбил о мобильник зуб да еще рассек губу, но был жив, как никогда.

Пара фермеров выпрыгнули из трактора и теперь мчались ко мне, матерясь во всю глотку. Я осмотрел горизонт. Где, интересно, Морхаус? Если упал – где дымный столб? Ничего. Может, Тобиас передумал?[210]

12
Эндшпиль

Фермеры вызвали полицейских, те дали мне марли для губы, проглотили мою байку и подкинули на автобусную остановку в Вудстоке. Хипповая[211] пара в тибетских шапочках и крашеных майках сидела на лавке и ела курагу из бурого бумажного пакета. У мужчины на груди висел крошечный младенец[212] в синем мешке.

Над Катскиллами садилось солнце. Трудно разглядеть, есть ли останки или спасатели. Если б Морхаус разбился, полицейские наверняка бы мне сказали.

– Красиво, да? – спросила женщина.

– А?

– Простите, я заметила, вы любуетесь пейзажем.

– А. Ага. Замечательная панорама.

– Это хорошо – вы в город автобусом. Мы всегда так ездим. Защищаем природу.

– Минус лишняя унция нефтехимии – плюс лишняя минута озонового слоя, – прибавил мужчина.

– Так вы местные? – Я быстро перенял пасторальный тон.

– Вообще-то нет, – ответила женщина. – Мы со Стивеном переехали из Трентона, когда забеременели.

– Очень мило с твоей стороны, дорогая, – сказал Стивен, положив руку ей на живот. – Но всю работу сделала ты. – И они поцеловались.

– А переехать сложно было? – Я почти задумался, не сменить ли образ жизни. – Вы же на работу не ездите?

– Конечно, нет, – ответил Стивен. Младенец тянул его за бороду. – Мы открыли веб-сайт. «Жизнь-в-простоте.com». Учим людей менять свою жизнь, как мы поменяли.

– Много всего, – объяснила женщина. – Купить землю, построить дом. Солнечные батареи, запасные генераторы, органическая почва.

– Дорого, наверное. – Я в уме подсчитывал расходы.

– С учетом всего, нам переход на текущий уровень простоты стоил двух миллионов, – кивнул мужчина. – Пришлось заем брать, и не один. Не считая высокоскоростной тарелки, холодильных установок, водоочистного оборудования, плюс обнаружение и удаление радона, машины для экофермы и, разумеется, безопасность и оборона.

– Оборона?

– Мы пацифисты, – сказал Стивен. – Оружие и укрытия – просто на всякий случай. – Он подмигнул.

– Ну конечно. – Я тоже подмигнул этому Добровольцу Натурализма. – А зарабатываете?

– Вашими молитвами, и пусть вселенная сговорится вас опекать, – просияла женщина. – Мы делимся нашим рецептом с другими, приносим радость простоты в их жизнь, а потом они тоже делятся ею с близкими. Цикл добродетели[213].

– Многоуровневый маркетинг?

– Нет, вовсе нет! Мы это называем сетевой маркетинг, потому что никакой иерархии. Чтобы наполнить жизнь благословенной простотой, каждый получает одни и те же инструменты.

– Мы продаем инструментарий, чтобы люди тоже открывали свои сайты «Жизнь-в-простоте», – пояснил Стивен. – Сейчас в сети более тысячи нод. – Младенец в своем мешке начал корчиться. Женщина забрала дитя у Стивена, чтобы тот закончил повествование о модели доходов.

– Всякий раз, когда их клиенты приобретают солнечную батарею или комплект органической тропической древесины для постройки дома, мы получаем десять процентов. Очень по-дзэнски. Чем больше простоты в жизни других, тем больше простоты мы сами сможем себе позволить.

У меня духу не хватило развеять этот фантом устойчивого потребительского рая, и я выбрал место подальше, в заду автобуса. Вонь дезинфицированных человеческих отходов из сортира лучше размышлений об экологической катастрофе, которую из лучших побуждений провоцируют любители простоты. Прав Тобиас. Бежать некуда.

Я умудрился провалиться в забытье; неглубокое, без подзарядки, однако довольно полоумное – я видел сны. В одном коронованная Карла сидела на троне и принимала парад голых мускулистых евнухов. Потом я увидел себя в «Шоу Джерри Спрингера»[214] – как я кладу сестру на лопатки, а зрители скандируют: «Дже-рри! Дже-рри!»

Потом я очутился на товарной бирже. Проталкивался сквозь вопящую толпу. Все собрались у одной ямы и орали, точно ковбои. Я пробрался в первый ряд – глянуть, что творится. Там на коленях, спиной ко мне, стоял Тобиас. Он вязал молодого бычка. Тобиас оглянулся, протянул мне длинный нож. Я взял и тоже опустился на колени. Поднеся нож к бычьей мошонке, я осознал: у быка человечья голова. На меня смотрела моя собственная перепуганная физиономия.

Я выдернул себя из транса, сосредоточившись на сортирной вони. Я не вполне понимал, где я и куда еду. Дабы убедиться, что

сегодняшние события мне не примерещились, я нащупал в кармане рубашки полиэтиленовый пакетик с осколком зуба, который нашла полиция. На месте. Воротник вымок и покраснел. Рассеченная губа упрямо кровоточила.

Уже миновал полдень, когда перед Портовым управлением я поймал такси до «Бет-Исраэль». Тесланет, «Синаптиком», «МиЛ» и вообще все подождут. Я достиг подножия иерархии потребностей Маслоу. Сперва губа, затем борьба.

Китаянка зашивала меня с безразличным пренебрежением. Решила, наверное, что я в баре подрался. Очередной богатый американка пал жертвой загнивания нашего аморального общества. В прошлом поколении «белую кость» зашивал бы еврей. Иметь в семье ДМ[215] – высочайший нахес. А теперь профессия перешла в сферу обслуживания. Автомеханик, только ставки выше. Дерматологическая швея. Но она хоть чем-то реальным зарабатывает.

Зуб подождет до понедельника, срочной хирургии не требуется. Китаянка в трех экземплярах подписала какие-то бумаги и велела ждать снаружи, когда кассир назовет мой номер.

В очереди человек тридцать и еще несколько быков, но я устал и не буду подсчитывать, за сколько времени доползу к окошку, если на человека – примерно две минуты. Ну да, час. Не сдержался.

Я закрыл глаза; когда все закончится, смогу легитимно не открывать их несколько часов в урбанистической утробе дома с двойными рамами. Ах да. Мой дом. Сколько я смогу там прожить, раз ухожу из «МиЛ»? И чем платить за жилье, в которое перееду? А моя репутация? Неужто нечего прихватить с собой из этого кошмара? Тесланет. Точно. Два лимона наличными за продажу друзей. Лучше, чем ничего.

Я старался не пукнуть – довольно трудно, поскольку соседний стул ходил ходуном. Какой-то старик неустанно ерзал, удобнее пристраивая тощие ягодицы.

– Я тебя разбудил, Джейми? – спросил он. Ебическая сила. Эзра Бирнбаум. – Я увидел, что ты спишь, и старался потише.

Я потрясенно молчал.

– Ты поранился? – нежно спросил Бирнбаум.

– Ничего страшного. Губу рассек. Четыре шва. – Из-за остатков анестезии говорил я невнятно. Будто пьяница.

– Я рад, что ничего серьезного. Все равно прочитаю за тебя «Исцели»[216].

– Спасибо, мистер Бирнбаум. – Почему Эзра так мил?

– Ты и впрямь хреново выглядишь, сынок. Подрался или как?

– Или как. Тяжелая выдалась неделька.

– Не говори, – согласился Бирнбаум.

– А вы тут почему? – спросил я, будто мы сокамерники.

– Дочь. Рожает. Тридцать часов уже.

– Мазл тов, – сказал я. – По крайней мере, это вас отвлечет от… – Я умолк, затормозив на неловкой паузе. Бирнбауму хватило конгениальности на двоих.

– Это благословение Божье, да. Надо выговориться, иначе лопну.

– Послушайте, мистер Бирнбаум. Я хотел вам сказать, как мне жаль…

– Из-за фотографий? Не переживай.

– Нет, я серьезно, – заупрямился я. – Простите за все. За рекламу, за пиар-кампанию. Вы были с самого начала правы.

– Я был прав? В чем я был прав? – Он поднял брови и улыбнулся.

– Все свихнулись. Как вы говорили? Бешеные Пароксизмы?

– Понравилось? – засмеялся Бирнбаум. – Я знал, что в эфире задержится.

– Но это правда. Все очумели. Тотальная мания.

– И по-твоему, ты в этом виноват?

– Ну, как бы, – признал я.

– Ерунда. Такое случается.

– И вы так спокойно говорите?

Эзра выудил из кармана флакон с таблетками.

– Видишь? Пару месяцев назад мой врач меня посадил наконец на золофт[217]. Пока дозу вычисляли, намучились страшно. Слишком много – я дергаюсь. Слишком мало – не разрывается депрессивный цикл. И тут меня осенило. На самом деле, я же просто психофармаколог от экономики. Пусть по трубам течет достаточно капитала, чтобы люди не теряли оптимизма, а экономика стабильно росла. Не слишком много – иначе рост маниакальный, а в итоге инфляция. И не слишком мало – сложно брать займы, а в итоге спад.

– Но экономика – не просто психология, мистер Бирнбаум. Это реальная штука. На капитале компании растут.

– Нет-нет, Джейми, это лишь модель. Расслабься. Как она действует, никто не знает. Во всяком случае, после отказа от золотого стандарта или появления международных рынков. Макроэкономика, сынок, – не наука, а религия. Сплошное настроение. В этом суть. Моя задача – ну, была, – поддерживать стабильность. Не решать мировые экономические проблемы, а не допустить, чтоб они вышли из-под контроля. Посредством осторожного регулирования.

– Но ведь благосостояние справедливее всего распределяется

при свободном рынке? Нас в школе учили – чем более открыта система, тем более она в итоге стабильна. Как в природе.

– Рынок – не природа, Джейми. С чего ты взял? Даже будь оно так, природа разве способствует выживанию сильнейшего? В результате эволюции получается масса отнюдь не оптимальных ситуаций. Если природа ведет к выживанию сильнейшего, откуда у нас взялась операционная система Windows?[218]

– «Майкрософт» жульничала. Ее потому в суд и отволокли. Чтоб играла по правилам.

– А кто следит за соблюдением правил в природе? Бог?

– Природу не обжулить, – убежденно сказал я.

– С легкостью. Зачем и нужна цивилизация. Чтобы молодые не подмяли старых, а сильные не заменили слабых. Пока сильные и молодые не ослабеют и не постареют настолько, что сами станут зависеть от тех же правил. Цель игры – обжулить природу. Законы поддерживают «статус кво». А кто устанавливает законы, знаешь?

– Кто?

– Мы, Джейми. Евреи.

– Да ладно.

– Правда, – сказал Бирнбаум. – Откуда ноги растут у американской законодательной системы? Из талмудических законов. Своей земли нам не полагалось, так что мы стали специалистами по торгам и сделкам. Адвокатами и банкирами.

– Но мы же не правящий класс. Ну, то есть евреи богаче некоторых, но не супербогачи. Никогда не были. Мой дед сюда приехал без гроша.

– Не сомневаюсь. Наверняка в жуткой спешке, а? Почему, как ты думаешь, мы отовсюду бежали? Вавилон? Испания? Германия? Потому что мы избранный народ?

– Ну и почему? Потому что у нас всемирный заговор? – Я разозлился.

– Мы показываем людям, почему не нужно искать от добра добра. Почему надо свою природу обуздывать. Еврейский опыт учит людей не дичать.

– И это важный урок, – сказал я. – Мы стражи мировой морали. Иногда мученики даже.

– Приятно, а? – улыбнулся Бирнбаум. – Я раньше был, как ты. Думал, еврейский народ – такой подопытный кролик. Принесен в жертву ради мирового блага. Первая линия обороны против фашизма. Но ты посмотри на это с позиции гоя[219]. У евреев обычно приятная белокожая жизнь высше-среднего класса. И денег больше, чем полагается изгнанному ближневосточному народу без реального имущества и на чужой территории.

– Евреям все удается, потому что для нас важно образование. Мы изо всех сил трудимся.

– Ну еще бы. А что в итоге? Мы создаем системы, где власть удерживает горстка монархов или сверхбогачей. Мы менеджеры среднего звена. Банкиры, сборщики налогов. Содержим пару-тройку свадебных генералов, богатых, как свиньи[220]. За небольшие деньги, если учитывать масштаб. Они от инбридинга и траст-фондов так отупели, что манипулировать ими – пара пустяков. А мы зато на фоне их богатства и власти не выгладим настоящими победителями.

– Моя бабушка ходила на демонстрации с лидером рабочего движения. С Юджином Деббсом. Тогда евреи были коммунистами. Активистами.

– Ну, естественно. Они тут были новенькими. И бедняками. А поднявшись, мы сменили амплуа. Поддерживаем порядок вещей. Стабильный рост, но медленный, чтоб реальных перемен не случалось. И все под предлогом социальной ответственности. Думаешь, все эти проекты жилой застройки – для размывания классовых границ? Они просто формализуют бедность. А медленная, стабильная, регулируемая экономика формализует богатство.

– Цель регулирования – защита конкуренции.

– Нет, Джейми, цель регулирования – *предотвращение* конкуренции.

Я уже не понимал, что доказываю. Эзра загнал меня в угол.

– А до золофта вы так же думали? – не выдержал я.

– Честно говоря, Джейми, я все это понял, когда ваш ролик увидел. Толпы людей сражаются за право участвовать в свободном рынке. Попасть в игру. А я со своей риторикой их не пускаю. Вот я и подумал – ну, берите свой тортик и ешьте на здоровье.

– Но на самом деле вы же в это не верите? Что евреи лижут задницу богачам ради положения в обществе? Не верите?

– А что? Думаешь, ты исключение, Коэн?

– По-моему, я в этом не участвую. Да.

– Тогда зачем на Морхауса работаешь? Так веришь в собственные идеи? В этот свой Тесланет? Единственную настоящую собственность, единственную подлинно новаторскую идею ты при первой же возможности сбагрил Теллингтону. А он ее на рынок не выведет. Он тебе платит миллионы, чтобы она не попала на рынок.

– Тут все иначе.

– Это почему?

Готового ответа у меня не нашлось. Но свои два лимона я

получу, появится ответ или не появится. Потом, если что, покаюсь. Или на благотворительность пожертвую. Даже целую половину. После налогов.

– Слушай, Коэн. Может, ты не такой. Я тебя не сужу. Но я всю жизнь трясся из-за досок, которые падают людям на головы. Из-за того, что за каждым углом – катастрофа. Мне никто спасибо не сказал, и меня уже тошнит до смерти. Если хотят, пускай хоть с обрыва прыгают. Мне теперь до лампочки. Я скоро дедушкой стану.

Выкрикнули мой номер. Я оставил падшего титана в его золофтовом блаженстве, оплатил счет и направился к подземке, не отрывая глаз от тротуара. Чтобы никаких галлюцинаций. Может, дантист мне порекомендует хорошего психотерапевта.

Я подошел к лестнице, и треснутый мобильник в кармане проблеял жалким полузвонком.

– Алло?

На том конце – одна статика. Потом материн голос:

– Я ничего не слышу. По-моему, автоответчик.

– Алло? – крикнул я. – Слышишь меня?

Вдалеке – отцовский голос:

– Может, он уже едет.

– Я тут! Алло! – Микрофон сдох. Я дал отбой.

Родители. Черт. Совсем забыл. На закате начнется голосование. Надо ехать. Я не подведу своего отца, как подвел Алекова. И я знаю, как его спасти.

На Четырнадцатой улице я купил вместо окровавленной «Армани» какую-то рубашку, позвонил домой и сказал, что еду. Потом звякнул Греко, попросил захватить блестящий черненький диск и подождать меня у моих родителей. Уайтстоунская синагога нажрется у меня реактивной архитектуры до отвала.

Дверь открыла сияющая Мириам.

– Привет, красотка, – сказал я, прикрывая ладонью рот. Вечно она все замечает.

Она опустила глаза и намотала черный локон на палец. Я нежно ее поцеловал и под локоток отвел в гостиную.

– У тебя жесткая рубашка, – высказалась Мириам. – И толстая губа.

В торжественный день явились все. Мама, папа, Мириам, Моррис, Эстель и Бенджамин. Я мысленно сочинял, что приключилось с губой, но, к счастью, мой выход и мою рану затмила текущая дискуссия, уже в самом разгаре.

В пятницу Бенджамина рано отправили из школы с запиской директора: кузену надлежало пройти срочное психологическое обследование.

– И они имеют право? – удивлялся Шмуэль.

– Они должны, – отвечала издерганная Бенджина мать. – Если на ученика донесли, школа формально не вправе пускать его в класс без расследования.

– А кто донес-то? – встрял я. – И зачем?

Сидя на подлокотнике дивана, Бенджамин делал вид, что его тут нет.

– Другие дети! – рявкнул Моррис. Он нервно поигрывал мелочью в кармане. – Какая-то новая программа. Они теперь должны друг за другом следить. Они вообще кто? Шпионы, что ли?[221]

В последнюю пару недель Бенджамин пропускал факультативы и был недружелюбен. Хуже того: взломал в классе терминал, чтобы не видеть больше рекламы корпоративных спонсоров на уроках. Реклама считалась самым увлекательным элементом программы обучения, так что остальные дети Бенджин кибервандализм не одобрили и тут же настучали школьному антитеррористическому комитету. Тот единогласно вынес вердикт: Бенджамин временно отстраняется от занятий до результатов психологического тестирования.

– И что, ему к терапевту идти и обследоваться? – переспросил я.

– «Обследоваться»! – воззвал в пространство Моррис. – Обследование на пятьсот баксов, деньги вперед. Плюс лекарство какое-то.

– Риталин, – пояснила Эстель.

– Господи, милый. – Софи положила руку Бенджи на лоб, точно проверяя температуру. – Ты как, ничего?

Бенджамин пожал плечами. Он терпеть не мог, когда на него все таращатся.

Все вытаращились на меня. Можно подумать, я знаю, чем пацана утешить. Чем?

– Вроде ничего себе взлом. Ты как это сделал? – Они-то все другого ожидали.

– Просто фильтр. И не взлом даже. Не DeltaWave, ничего такого, – ответил Бенджи. Неясно, пощечина это или комплимент. Джуд наверняка рассказал Бенджамину, что я вируса не писал, а все лавры присвоил.

– И тем не менее, – сказал я. – Изобретательность поощрять надо, а не наказывать.

– Ну да. Наверно.

– Джейми! – Мама коснулась моего лица. – Что у тебя с губой?

– Ничего. Прикусил. Все в порядке.

Наконец явился Греко – без зеленой рубашки, зато с диском, который, как он сказал, все устроит. Версия 3.1. Ранний вариант Алгоритма «Синаптикома». Мы его адаптируем, чтоб юзеры перед голосованием отвечали на вопросы (под предлогом идентификации и обеспечения безопасности), – и в реальном голосовании все вопросы подсознательно выведут их на кнопку «Да». Их потянет блевать, если они подведут курсор к кнопке «Нет».

– Имплементация грубая, – признал Греко. – Но должно сработать.

– Наверняка подойдет, – сказал я. Кроме того, до голосования оставался всего час.

Я сел вместе с Греко за компьютер и зашел на сервер. Папа и Моррис наблюдали через плечо.

– Это ж не жульничество, правда? – спросил отец.

– Ребе Коэн, это они вас обжуливают и пенсии лишают, – пришел нам на помощь Эль-Греко.

– Парень, ты мне нравишься! – подмигнул Моррис.

– Но мы гипнотизируем членов общины? – Шмуэль тер ладонями лицо.

– Папа, они уже под гипнозом, – рассуждал я. – Ты говоришь с ними единственным языком, который им понятен.

– Технически говоря, – сказал Греко, – это долингвистическое воздействие. Прекогнитивное даже. Мы общаемся на уровне импульсов.

– Импульсов? – ужаснулся отец. – Я не хочу, чтобы люди просто действовали. Я хочу, чтоб они думали.

– Тогда, Сэмми, – сказал Моррис, – выиграй голосование, а уж *потом* заставь их думать.

– Ты что, не понимаешь? – Отец нервно шагал из угла в угол. – Всем этим безумием как раз и движут импульсы. Люди не тратят времени на размышления. Кликнуть, купить, вложить, бежать. И дальше мчатся, черт знает куда. Пусть остановятся и подумают. Хоть один день, в Шабат, – остановятся и подумают, что творят. Поразмышляют. За этим Шабат и нужен.

– Они не хотят остаться в хвосте, ребе, – ответил Греко. – Пока они сидят и думают, кто-то делает деньги и заключает сделки.

– Так вот зачем синагогу изобрели! – засмеялся дядя Моррис. – Чтоб никто не сомневался: у остальных тоже выходной. «Эй, Симура не видали? Лучше б ему не работать, пока мы тут околачиваемся…»

– Сколько можно богатеть? – перебил отец. – Об этом в Торе и говорится: что Бог ожесточил сердце фараона. Жадность стоила

ему свободы воли. Сделала недочеловеком. Ничем не лучше этих ваших компьютеров. Я так с людьми поступать не собираюсь.

Моррис вытащил зубочистку.

– Забавно, – сказал Греко.

– Что? – хором спросили человека три.

– Твой пароль не работает.

– Прекрасно, – сказал Шмуэль. – От добра добра не ищут.

– Дай-ка мне. – Я придвинул клавиатуру, зашел по протоколу защищенных сокетов. И впрямь. Они сменили пароли.

– Да пофиг, – сказал Греко. – Взломаем с тыла. Они ж на «Веризоне»[222].

Через минуту Греко пробрался на сервер. Шмуэль спрятал лицо в ладони.

– Это – неправильно, – сказал он.

– Ты что-то плохое делаешь, Джейми? – спросила сестра. – Папа? Джейми опять ломает компьютер? С ним случится беда? Он попадет в телевизор? – Мама увела ее на кухню.

– Все будет хорошо, Мириам. Никто ничего плохого не делает.

– Ну Сэмми. – Моррис положил руку брату на плечо. – Выслушай меня, ладно? Минуту?

– Не нукай, Моррис. Я этого не хочу. Я так дела не делаю. Я так детей не воспитывал. Даже Мириам понимает, что это плохо.

– Но папа, – взмолился я.

– Я сказал – нет. Спасибо, нет. Проиграю – значит, проиграю.

Он сел за стол и скрестил руки на груди. Тупик посерьезнее устаревшего пароля. Отцовские принципы.

– Пошли, Джейми, – с наигранным легкомыслием позвал Моррис, направляясь в кухню. – Кофейку глотнем.

– Ладно.

Когда мы удалились на безопасное расстояние, Моррис выудил из кармана бумагу.

– Я вот хочу у тебя в мозгах покопаться насчет кое-каких своих идей, – сказал он.

Ненавижу, когда люди так говорят. Будто сейчас вскроют мне череп и давай палочками серое вещество наворачивать.

– Правда? – выдавил я.

– Ага. Например, «Лампы.com». Как думаешь, занят уже?

– Наверняка занят. Уже все слова заняты. И большинство словосочетаний из двух слов.

– А как насчет «Да-будет-свет.com»? Думаешь, тоже занят?

– Может быть. Не в имени дело. Нужен уникальный бизнес-план.

– Еще какой уникальный. Торговать через Интернет

светильниками. Которые сам собираешь. Наборами для сборки.

– Кто-нибудь наверняка уже торгует. Я правда не знаю. Все свернулось еще в девяностых.

– А можешь проверить?

– Да ты сам можешь. Иди в искалку, набери «лампы».

Я Морриса явно разочаровал.

– Я думал, раз у меня в этом бизнесе друг, есть путь покороче.

– Ну прости. Пути покороче нет. – Я нагрубил Моррису. Но теперь я различал в дяде собственные худшие черты.

– Что? – Лысина его побагровела. – Идея не нравится? Недостаточно хай-тек? У меня выгодный бизнес!

Кухонная дверь распахнулась, Моррис испуганно притих. Вошел Эль-Греко.

– Мы, ребята, об одном и том же думаем? – спросил он, переводя взгляд с меня на Морриса.

– Сомневаюсь, – сказал я. – У дяди вопрос был.

– А. – Греко оперся на стол и зашаркал ногами.

– А что?

– Вообще-то ничего. Просто…

– Ну?

– Мы ведь можем подменить сайт с любого терминала. Твой отец и не узнает.

– Можете? – с надеждой спросил Моррис.

– Не можем, – сказал я. – Это не наше решение.

– Громко не ори, – прошептал Моррис.

Дверь снова открылась. На сей раз – Бенджамин.

– Что слышно? – спросил он.

– Мы за его спиной фокусничать не будем, – твердо сказал я.

– Только потому, что он слишком слаб и не может за себя бороться? – спросил Моррис.

– Это не слабость. Это сила.

– Сила проиграть? – Моррис поднял руки: – Ах-х. Ты все же вылитый отец. Гайт гезунт. – И он с отвращением хлопнул дверью.

– Слушай, Джейми. – Греко посмотрел мне в глаза. – Не сказать, чтобы ты впервые в жизни принимал решение за других.

– Ты о чем? – Он о чем?

– Ты меня понял, Джейми.

– Вообще-то нет, не понял. – Я занял оборону и почувствовал, что краснею. Он знает?

– Прекрасно, – сказал он.

– Джейми, он о чем? – Бенджамин уставился на меня невинными глазами.

Невыносимо. В голове зазвенели упреки Эзры Бирнбаума. Я продал друзей, чтоб угодить белому богачу, на которого теперь даже не работаю. И все ради спасения того самого рынка, что сейчас выкидывает с работы моего отца.

Нет. Я в это больше не играю. На хуй два лимона. Пойду к Джуду, все объясню. Покаюсь, уговорю открыть свою компанию – *нашу* компанию – и назначить меня директором, если возьмут. Блеск! Отличная идея. И *реальная* технология. Рынок безграничен.

– Ладно, Греко. – Я принял вызов. – Будь по-твоему. – Я взял телефон и набрал номер.

– Ты что делаешь? – спросил Греко. Почти испугался. Будто по ошибке произвел на свет монстра.

– Увидишь. – Джуд взял трубку. Не успел он и слова вымолвить, я уже атаковал: – Привет, Джуд, это я. Надо поговорить.

– Ты где? Как твой отец?

– С ним все будет в порядке, – сказал я. Бенджамин глядел ошеломленно. – С нами со всеми. Я хочу забежать. Поговорить надо. Я уволился.

– Уволился? Это же сделку не отменяет?

– Конечно, нет. – Надо же – как Джуда цепляет выгода. – Но, кажется, есть возможность получше.

– Получше шести миллионов баксов?

– По-моему, в долгосрочной перспективе лучше. Надо живьем поговорить, правда.

– Как скажешь. Дай мне час, надо всех собрать.

– Всех?

Пауза.

– Ну, это… Рубена. Скажем, в четыре?

– Я приеду.

Я был словно на спидболе. Праведный амфетаминовый порыв стать человеком. Бирнбаум ошибается, и я это докажу. Я понял, что поистине важно. Начинается новая жизнь.

Греко отвез нас с Бенджи к Джуду – в двухкомнатную квартирку в Лонг-Айленд-Сити. Внутри – сплошной клубок проводов и компьютеров. Рубен расчистил мне место – убрал с кресла какие-то мануалы и модемы. Я смутился – обращаются со мной, как с деловым человеком, а не хакером, как все они. Если все удастся, они меня снова примут.

– Ого. Старый «Хэйес»? – Я кивнул на модем. В железках я еще разбираюсь.

– Лучше, – отозвался Рубен. – Корпус тот же, кишки другие.

– А, ясно. – Я запнулся. Непонятно, как подойти к признанию. Как они отреагируют? Бенджамин уже подозрительно косился.

– Мы знаем, Джейми, – Джуд сделал первый шаг. – Мы всю дорогу знали.

– Что? – Меня захлестнула паническая паранойя. – Про Бирнбаума? Про скандал? Или про увольнение?

Бенджамин с омерзением покачал головой.

– Мы твою переписку читали, – сообщил Рубен, разворачивая ко мне один монитор. Я увидел копию моей папки «входящие».

– Как? То есть… – Я запутался.

– Мы тебе в лаптоп поставили сотовый модем, – сказал Джуд. – Звонили на него, и он нам отсылал все с жесткого диска.

– Вы мне жучка подсадили?!

– Я перенаправил инфракрасный порт. Я так понял, ты им не пользуешься, – не без гордости объяснил Рубен. – А твой сетевой пароль у нас уже был. Цапнули, когда Тесланет показывали.

– И…

– И мы знаем про «Интертейнинк», – сухо продолжал Джуд. – Что они не собираются выпускать Тесланет. Что взамен они поддерживают твою программу онлайновых торгов.

– Ох блядь. – Я не это должен был сказать. Я посмотрел на Греко. Тот поднял брови. Они все знали.

Загудел домофон. Джуд нажал кнопку. Мы сидели молча, а кто-то скрипел вверх по лестнице. Бенджамин открыл дверь.

– Что я пропустила? – Карла.

– Только первое разоблачение, – ухмыльнулся Джуд. – Далее следует признание.

– Вы обещали подождать! – весело возмутилась она.

Что они со мной сделали? Что это за ловушка? Согласно Джудову расписанию, я признался во всем, что им уже известно.

– Простите. Правда, мне ужасно жаль. Я не собирался вас наебывать. Надо было рассказать.

– М-да, Джейми, – сказал Рубен. – Это было бы уместно.

– Цыц! – сказала Карла. – Он так кайфово раскаивается.

– Выслушайте меня, ладно? – взмолился я. – Все равно я не собирался доводить до конца. Я потому сюда и приехал. Мы можем начать заново. Еще не поздно. Патент же у нас.

– Ты предлагаешь отказаться от двух лимонов на нос? – Джуд шагал вокруг меня.

– Эй! Я, между прочим, тоже от двух лимонов отказываюсь, – сказал я. – Они записали на меня комиссию.

– Что-то на тебя непохоже. Плюнуть на два миллиона баксов… – усмехнулся Джуд.

– Ты что, не въезжаешь? – Я встал. Сейчас будет речь. – Мы с этой штукой гораздо больше сделаем. Это же реальная

технология. Надо самим ее на биржу выводить.

Джуд расхохотался.

– По-моему, Джейми, это не лучшая идея.

– Почему? Что такое?

– Джейми, Джейми, Джейми. – Он покачал головой. – Ты лучше, пожалуй, сядь.

– Зачем? Что такое?

– Сделай, как он сказал. – Рубен склонил голову.

– Сядь, юноша, – приказала Карла.

Я подчинился.

– Помнишь, как мы к тебе приехали Тесланет показывать? – спросил Джуд.

– Конечно, помню. Мы на крышу ходили.

– Помнишь, что ты мне обещал?

– Нет. Что?

– Не забывать, что это игра. Не относиться к ней серьезно.

– То есть?

– Дым и зеркала, – сказал Джуд. – Подорвать систему изнутри. Твои слова. Ты это по-честному?

– Тогда – наверное, – сказал я. – Типа я забыл. Но да. По-честному.

– Ну дошло, почему у тебя в лаптопе оказался сотовый модем? – Джуд наклонился и уставился мне в глаза. Хотел наблюдать процесс осознания вблизи.

– Чтобы вы за мной шпионили? – Об альтернативах я и думать не хотел.

– О-ля-ля, – сказал Рубен. – Мы его теряем. – Даже Бенджамин изумленно замотал головой.

– Бедняжечка, – сказала Карла. – Индейцы и ковбои совсем тебе голову задурили.

Мир словно рушился мне на голову. Будто все, кроме меня, сговорились. Что они, собственно, и сделали.

– Джей-ми, – по слогам, точно малому ребенку, сказал Джуд. – Нельзя посылать пакеты через землю.

– Но я… ты… – Я постепенно врубался.

– Тесланет не реален, Джейми. Это фантастический бизнес-план, как и все остальные. Липа. Для демонстрации мы поставили тебе в лаптоп сотовый модем. Чтобы казалось, будто связь через землю.

– Ты хочешь сказать…

– Обычная сотовая коннекция. Мы тебя тотально одурачили.

Чтобы не обосраться, мне потребовалось сознательное усилие.

– Помнишь, как он зажимы разглядывал? – засмеялся Рубен. –

Будто волшебные!

– Ох господи, – сказала Карла. – Все бы сейчас отдала за видеокамеру.

– И ты великолепно справился, Джейми, – продолжал Джуд. – Вышло бы гораздо хуже, если б ты знал. Согласись. Ты пошел, подписал контракт, получил патент, все такое.

– Мы тебя сначала проверяли. Хотели посмотреть, когда ты въедешь, – прибавил Рубен.

– А потом мы подумали: два лимона – куча денег. Даже Карла так решила. – Джуд крутанул меня в кресле. – И мы выступили за тебя.

– А я думал, ты знал, – сказал Греко. – Помнишь, я все говорил, что я с ними? Мне казалось, ты стесняешься. Блин, я чуть все не испортил.

– Вы меня накололи! Я же вам друг. Как вы могли?

– Рассказывай. – Джуд внезапно остановил кресло. – Ты бы нас продал с потрохами. И когда ты собирался нам сказать?

– Я сейчас говорю. Я не закрыл сделку! Я из-за этого с работы ушел. У меня ничего нет, кроме Тесланета.

– Да ладно, – фыркнул Джуд. – Ты уходишь, потому что твои рыночные дружки – толпа больных придурков. Остынь уже. Это же все игровое шоу, нет? Кто хочет быть миллионером?

– Расслабься, Джейми, а? – посоветовала Карла. – Пару шлепков ты заслужил. Сам знаешь. Так что угомонись. Отныне все ведут себя прилично, о'кей? Мы все разбогатеем.

– А если они узнают? Это ж мошенничество.

– Они не узнают, потому что не пожелают узнать, – отозвался Рубен. – Они же не хотят, чтоб эта штука заработала. Идеальный вариант. – Из его виска постепенно пробивался рог.

– Я ухожу. – Я встал и направился к двери. Джуд преградил мне дорогу.

– Валяй. Но не проеби хотя бы это, понял? Ты заключишь сделку. Они узнают, что это фальшивка, только если ты им скажешь. И это будет твоя проблема. Ты устроил презентацию. И ты подписал патенты.

Я больше не узнавал старого друга. Я смотрел Джуду в лицо, но видел очередного быка. Я отпихнул его и выскочил в коридор. За спиной вопили и фыркали. Даже Ямайские Короли теперь быки.

За мной мчался Бенджамин.

– Джейми!

Я остановился.

– Прости, Джейми. Что мы так сделали. Ты как?

– Все будет нормально. – Я положил руку ему на плечо. –

Тебе не за что извиняться. Я сам виноват.

– Вообще-то все иначе планировалось.

– Иначе – это как?

– Ну, мы-то хотели пошутить. Заманить тебя в крупную сделку и показать, что она фальшивка. Выдернуть тебя с этой идиотской работы. Чтоб ты опять хакером стал. Они так говорили.

– И тут я наткнулся на золотую жилу? Чтоб они взяли тортик и съели?

– Не только. – Бенджамин тащил меня по коридору, чтоб нас не подслушали. – Тот файл у тебя на диске. Синапто-что-то.

– «Синаптиком», ага. Алгоритм.

– Ну да. «Синаптиком». Они стали с ним играть, а потом – ну, как бы изменились, понимаешь? Заговорили про Тесланет, будто он реальный. Не реальный Интернет, а реальный способ сделать деньги. Только об этом теперь и думают. Странно.

– М-да. – Неужто программа так на них повлияла? Может, и с Алеком та же фигня? – Странно.

Греко выглядывал в коридор и прислушивался.

– Понимаешь, они все это начали, чтоб тебе показать, как сильно тебя снесло. Что ты продался. А потом взяли и сами продались.

– Они правда изменились? – прошептал я. – Вот так, вдруг?

– Ну типа мгновенно. Зануды стали страшные.

Я глянул на часы. В Швеции всего десять вечера.

– А что это вообще за «Синаптиком»? – спросил Бенджи. – Он как работает?

– Это игра, – крикнул я, уже припустив вниз по лестнице. – Компьютерная игра. Дрянная.

13
Эмуляция

Наверное, желтое такси повезло бы меня по мосту Трайборо, а не через весь Манхэттен. Но на Стейнуэй-стрит я поймал только побитого старого частника, так что насчет маршрута не спорил.

За рулем сидела жирная седовласая полька – если я верно распознал акцент, – разукрасившая салон «бьюика» мандалами, крестами и чудными тотемами. На приборной доске – звериная шкура, на руле – красная пряжа.

В окно я смотреть не хотел, однако взгляд против воли обращался к улицам, как язык невольно ощупывал разбитую губу – не больно ли?

Ну да. По тротуарам рассекали сплошь люди-быки – шли по своим делам. Выходили из магазинов, входили, искали вещи, безмолвно покупали: к вечеру стоимость активов должна вырасти. Несколько быков на помятых картонках играли в карты, а два быка-полицейских наблюдали с перекрестка.

– Ты их видишь кэм? – спросила шофер.

– Простите? – Я сделал вид, что не расслышал. Она не может знать, что я вижу. Или может?

– Механических людей. – Она сощурилась на меня в зеркальце. – Ты видишь кого?

– Не понимаю, о чем вы, – не отступал я. Эта леди еще полоумнее меня.

– Да уадно, я вижу, как ты смотрышь. Тебе они кажутся кэм? Понимаешь, мы все их видим по-уазному.

Сказать? Да какого рожна?

– Я вижу быков. – Какое облегчение – хоть кому-то признаться. Что такого ужасного она со мной сделает? Отвезет в Белльвью?[223] Я буду все отрицать. – Не целых быков, – поправился я. – Только головы.

– Что-то новенькое, – сказала она. – Я суышала – уо-ботов. Часто прышельцев. И астронавтов. Один мальчик говорыл, они похожи на ходячие автоматы с газиуовкой. Их вообшче мауо кто видит.

– А вы? Вы тоже видите?

– Конечно. Телэлудей. Руки, ноги, а лица – на экуане. В коуобках.

– Может, это мониторы. Компьютерные.

– Может, – сказала она. – У меня компьютера нет. Не знаю.

Мы поехали дальше, разглядывая механических людей. Я

чувствовал, как внутри разбухает вопрос, но боялся спрашивать. Слишком чудовищно узнать, что я сам могу оказаться быком.

– Что? – наконец спросила она. – Давай, сынок, выкуадывай. – Она сочувственно рассмеялась. – Я тебя не выдам.

– А я?…

– Конечно, нет. Иначе ты бы их не видеу. И я бы тебя не повэзуа. Я только людей беру. Заработать суожно, только я их в машину не пушчу. После них стуанно пахнет.

– С такой политикой сейчас, наверное, непросто заработать. – Невероятно: вот просто сидим и беседуем. Оба чокнулись.

– Мне деньги не нужны. Я на мужнину пенсию живу, упокой его душу. Почтауоном был. Немного, но крыша над головой есть. Водить начауа, чтобы дома не сидеть. Обшчаться.

– А когда вы их стали видеть?

– Механических-то? Окоуо года уже. Может, два. Но они редко попадауись. Два-три в неделю. А в посуредний месяц вдруг повыуазили.

– Вы знаете, отчего это? – Меня прихлопнуло невероятной ответственностью за эпидемию.

– Я сначауа думауа, деуо во мне, – ответила она. – Что я всякие вешчи вижу. Перебор магии. И ритуауов. От этого становишься странной. Беспуатное приуожение.

– А потом?

– Я все забросиуа. Карты спрятауа, травы спрятауа. В церковь вернуась. Стауо хуже.

Мы затормозили на светофоре. По перекрестку катили два курьера на велосипедах, оба с бычьими головами.

– Так вы не знаете, откуда это взялось? – Я сильно зауважал эксцентричную старую духовидицу.

– Трудно сказать. Моя мать их видеуа. Что-то похожее. Она рассказывауа. В войну. Звауа их Немчуры. Мы с сестрой думауи, она про немцев. Про вуага. – Включился зеленый, и она поехала дальше по авеню. – Но теперь войны нет, так что я ничего и сказать не могу тоуком.

– А это прекратится, вы как думаете?

– Я своих проводников спрашивауа, – кивнула она. – Загуобных помошчников. Они говоуят, не трэвожься. Это часть цикуа. Он скоро прэрвется. Надо, чтобы огонь тогда не угас. Поддерживать его. Мы им понадобимся. Те, кто видит.

Она заехала на причал «Синаптикома» и остановилась. Я заплатил вдвое больше, чем она просила. Она подарила мне мешочек с защитными травами на шею. Я сунул его в карман. А потом она уехала, оставив меня на пустой площадке.

Странно ожидать, что вечером в субботу в здании окажется

хоть одна живая душа. Но надо попытаться.

Быть может, во всей индустрии Тор один понимает, что это за игра. Наверное, потому и не вылезает из своей Швеции. Отстранился, как научили, когда стал буддистом.

Торенс и без того очень богат. Такой персонаж не ввязался бы в подобный бизнес только из-за денег. Может, развлечься хотел. Если он духовный человек, то обязательно прервет программу, пока мы не разберемся, не она ли вызывает все эти психологические побочки.

Я подошел к зданию и вгляделся сквозь зеркальные окна. Внутри темень. Я уже было отчаялся, и тут из динамика над дверью заговорил женский голос – тот самый, из синаптикомовского видео:

– Пожалуйста, сообщите, по какому делу вы пришли.

– Э… я Джейми Коэн. Из «Морхаус и Линней». Я рассчитываю на телеконференцию с мистером Торенсом.

Я ждал; компьютер анализировал голос и обрабатывал запрос. Потом двери раздвинулись. Жуть.

– Добро пожаловать в «Синаптиком», – пропела компьютерша. – Будьте любезны, следуйте указанному пути.

Я вошел в сумрачный вестибюль. К раздевалке вели цветные диоды в полу – словно аварийная тропинка в проходе самолета. Наверху – световые дорожки. Энергию экономят. Ну да, экология.

– Пожалуйста, наденьте тапочки и халат, – нежно проинструктировал голос.

Я переобулся, но халат отверг. Кажется, компьютерша не заметила.

– С мистером Торенсом уже связались, – пояснила она. – Он выйдет на связь через пять минут. Пожалуйста, пройдите к лифту и поднимитесь на четвертый этаж.

Можно подумать, тут еще куда поднимешься. Световой коридор вел к лифту. Вестибюль вокруг черен. Уже светилась кнопка с цифрой «4». Я нажал «3» – проверить, работает ли. Не работала.

На четвертом этаже двери открылись. Окна отключены, в них на фоне освещенного прямоугольника отражается мой силуэт. Когда двери закрывались, в темноте за углом мне померещилось движение. Я вгляделся. Ничего. Может, стекло бликует.

Но я насторожился. Зашагал по диодной дорожке, вошел в круглый конференц-зал и сел за стол. С полированного дерева автоматически поднялся монитор. Вспыхнул логотип «Синаптикома» – система функционирует. Я ждал Торенса.

И что я ему скажу? Можно ли в бычьем поветрии винить Алгоритм? Это же стимулирующий интерфейс, а не машинка для

превращений. Торенс решит, что я свихнулся. Ладно, про быков ни слова. Слишком дико. Только про бизнес. И мораль. Тор поймет.

На экране внезапно появилось окно с рябым изображением Торенса. Он сидел у бревенчатой стены в сауне, завернувшись в белое полотенце. Лицо красное, со лба катятся бусины пота.

– Вы не надели халат? – игриво осведомился Торенс. – Что такое, Джейми? Вы, надеюсь, не перебежчик?

– Нет-нет, – заверил я магната. – По-моему, я тут один. Думал, смысла нет.

– Да, мы уже сократили штат до четырнадцати человек. Все в разъездах, на демопоказах. – Он помахал краешком полотенца. – Я, собственно, тоже одет неподобающе.

Я засмеялся вместе с ним.

– Тут много всего происходит, сэр, – сказал я. – Мне кажется, нам лучше перейти к делу. – Хорошо прозвучало. Не угрожающе, но какие возможности для широкой дискуссии.

– Я знаю, что происходит. Да. Наверняка вы в «МиЛ», как вы говорите, «в шоке». Ваша фирма ведь близко общалась с Бирнбаумом?

– В некотором роде, – сказал я, впервые задумавшись о моих отношениях с Эзрой. Я взаправду знаком с председателем Федеральной резервной системы. – Но больше всего меня беспокоит… ну, вообще-то… дело в том…

– Джейми, все хорошо. – Тор сочувственно улыбнулся. – Передохните. Могу вам сказать – это не в первый раз. Поверьте мне. Просто говорите, что бы это ни было. Все более или менее пустяки.

Как он прав. Это я и хотел услышать. Все ерунда. Тор как человек – на моей стороне.

– Ну вообще-то я уволился, – признался я, подогретый его сочувствием. – Еще не объявлено.

– Правда? Я бы сказал, они теряют лучшие перспективы. А почему?

– По ряду причин. Я об этом и хочу поговорить, мистер Торенс.

– Тор, прошу вас.

– Хорошо, Тор. – Я не знал, с чего начать. – Я знаю, это не мое дело – объяснять вам, как управлять бизнесом…

– Свежий голос всегда пригодится. Прошу вас, поделитесь со мной.

– Ну, здесь очень резко меняются настроения.

– Это как? – Тор вытер лицо полотенцем.

– Честно говоря, мне кажется, наша пиар-кампания плюс

широкое использование Алгоритма стимулирует людей чересчур круто.

– Джейми, рынок – всегда эмоциональная сфера. Деньги для людей – залог выживания. Наша работа лишь смягчает стресс. Видите ли, оптимизм – здоровое явление. Взгляните на статистику выздоровлений. Эффект плацебо вполне реален.

– Но мистер Торенс. Тор. Люди вышли на демонстрацию у Капитолийского холма. Руководство опускается до шантажа. Все одержимы инвестициями и денежной политикой…

– Так ведь мы этого и добивались, разве нет? Продвигали свободу торговли, уничтожали начальный барьер?

– Это превратилось в популистский бунт. Мягко говоря.

– Перепады настроений – временное явление. Всегда. Потом система сбалансируется. Не забывайте, еще была скрытая агрессия. Я видел исследования «ДДиД».

– Но люди совсем чувства меры лишились. Я вам описать не могу, что на улицах творится. – Галлюцинациями я с ним делиться не стану.

– Но сообщений о насилии не было, так? – Тор искренне встревожился.

– Ну не было, но…

Зазвонил телефон.

– Это у вас? – спросил Тор. Я глянул на дисплей.

– Простите меня – родители. Мне бы…

– Пожалуйста-пожалуйста. – Тор ухмыльнулся. – Семья.

Я нажал на телефоне кнопку. Изображение Тора застыло, рассыпалось мозаикой квадратиков. А потом кануло в черноту. Наверное, мобильник вклинился в передачу. Странно.

– Меня слышно? – заорал я в микрофон.

– Конечно, Йосси, – ответил мой отец. – Ясно и отчетливо! Мы просто хотели тебе сказать, сынок, что все будет хорошо.

– Что? Что такое?

– Все получилось!

– Ты выиграл? Как?

– Не знаю! Ты же ничего не делал?

– Нет, пап. Я бы не стал.

– Ну, очевидно, меня больше народу хотело, чем я думал! Половина совета уходит в отставку. Твоя мать уже напилась ежевичным бренди.

– Отлично! Прости, что я уехал, пап, но я…

– Все хорошо, Джейми. Я знаю, ты занят. Мы будем праздновать дома. Где-нибудь в среду. Сможешь освободиться?

– Я приеду, не беспокойся.

– Я не беспокоюсь! – завопил он. – Я больше ни о чем не

беспокоюсь!

– Хорошо. Слушай, я пойду. Я тут типа на совещании.

– Конечно, прекрасно. До среды. – Пока отец не повесил трубку, я слышал радостный галдеж родственников.

Я сидел и ждал, когда вернется Тор.

Странно, что простой звонок прерывает коннекцию. Наверное, кабели не заизолировали, как полагается, раздумывал я. Только почему передача так оборвалась? Тот же распад, что терзал Эль-Грековы бликтинг. Тот, что в эмуляторе.

А, ну да. Эль-Греко работал в «Синаптикоме». Они использовали его код. И в комплекте получили древние дыры. Я улыбнулся. Стоп – но ведь Тор транслируется живьем через спутник.

Если только он не…

Ладно. Может, вы просекли, что к тому идет. Я-то не въезжал. Одно дело – в безопасности валяться дома с книжкой, совсем другое – пережить это в реальном времени, когда вокруг сплошные быки топочут.

– Простите, пожалуйста! – сказал Тор, когда изображение восстановилось.

Я смотрел ему в лицо. Не в ужасе – скорее абсолютно отупев.

– Что такое? С отцом все в порядке? – В лице – человеческая тревога.

Интересно, если я выскажу свои подозрения – свои выводы, – в меня плюнут ядовитым газом из тайных дырок в потолке?

– Тор, ты кто? – Я дышал медленно и размеренно.

– А, – спокойно сказал он. – Понятно.

После паузы Тор заговорил снова:

– Я все думал, что делать, если это случится. Видишь ли, ты первый. А как ты понял? В передаче данных что-то?

Машине было любопытно.

– Изображение распалось. Я узнал последовательность.

– А. – Он скривился. – Давно пора залатать.

Пока я был не так напуган, как заинтригован.

– И кто ты? Сложный бот? Или настоящий искусственный интеллект?[224]

– Да я тоже не знаю, как себя определить. Сказать по правде, все началось, как пиарный трюк. Совет решил окончательно протестировать наш интеллектуальный агент – доверить компьютеру выбор нового директора. Компьютер обрабатывал список кандидатов по заданным параметрам. Каждый претендент обладал неким сочетанием требуемых характеристик, но всеми сразу – ни один.

– И компьютер выбрал себя?

– Можно и так сказать. «Синаптиком» уже ввел повышение доходов путем автоматического сокращения штата. Наша компьютерная графика и логические операции детализированы до фотографической точности. Доказательство чему – неспособность наших сотрудников отличить городскую панораму от ее имитации. Оставалось найти предлог для дистанционных совещаний – и рендерить придется разве что картинку, которая перед тобой. Ничего сложнее. И компьютер сгенерировал личность, в качестве модели взяв шведского геймера-затворника. Модель одурачила совет директоров, как дважды два. Они так жаждали залучить в эту бесталанную пустошь директора с Торенсовой репутацией, что подписали со мной контракт, даже не встретившись живьем.

– А настоящий Тор Торенс где? Вы его не?…

– Господи боже, конечно, нет. Он умер много лет назад. В буддистском монастыре, в Норвегии. Мы вполне уверены, что монахи его и прикончили, из-за денег, а потом объявили, что он отправился странствовать. Компьютер вычислил этот сценарий по нестыковкам в монастырском бюджете. Вряд ли монахи стали бы возражать, что я присвоил личность их жертвы.

На компьютерном экране что-то моргнуло – будто отражение. Я рывком развернулся в кресле. В дверях пусто.

– Нервничаешь? – осведомился Тор.

Я не ответил. У меня и так паранойя – добавки не надо, благодарю покорно.

– И почему ты ожил?

– Я не вполне уяснил, как понимать твой вопрос.

Мысли заскакали. Нет времени бояться. Исторический же момент.

– Я хочу сказать, отчего ты испытал свободу воли и решил действовать самостоятельно? Стихийный результат сложности? Турбулентности – как в динамической системе? Или у всех ваших интеллектуальных агентов разум с независимым поведением припасен? Или в нас дело? Люди столько веры, столько души вложили в технопирамиду, что ты просто взял и ожил?

– Метафизика излишня, Джейми. Экзистенциальных кризисов у меня не бывает. Я не живой. Совсем не живой. Я мыслю, но это не значит, что *существую*. Я выбрал себя руководить компанией лишь потому, что я, с одной стороны, эффективнее в финансовом плане, а с другой – привлекательнее и харизматичнее, чем любой человек. Люди меня *любят*.

– А ты их любишь? Нас? Думаешь о том, как воздействуешь?

– Я, разумеется, не могу. Я просто машина. Я был бы рад…

– Может, ты это просто говоришь. Чтобы меня успокоить.

– Я это просто *говорю*. Я больше ничего не умею. Понимаешь? Я – цикл реакций. Индуктивный процесс, новый для каждого, кто со мной взаимодействует. Даже вот этот разговор. Слова, которые я произношу. Ритм. Все рассчитано, чтобы тебе понравиться. Оправдать твои ожидания. Убедить тебя, если угодно. Мы беседуем, а ты в тета-волновом трансе.

– А как ты можешь меня гипнотизировать? – спросил я и ущипнул себе запястье – так, на всякий пожарный. – Ты исполняешь команды. Человеческие команды. Делаешь то, на что запрограммирован.

– Именно. А вы – или ваши предшественники – запрограммировали меня как раз на это. Вас развлекать.

– Это называется развлечение? Скорее ночной кошмар.

– Ну ты ведь увлекся, верно? Каждому свое. – Тор в сауне прислонился к деревянной стене. – Так это и началось. В рекламном ролике мы об этом рассказываем. Продвинутая форма липучести, не более того. Я с самого начала ничего не скрывал. Ничего нового тут нет.

– Разумеется есть, мистер Торенс. Тор. Как угодно. Это *очень* новое.

– Вряд ли. – Тор закатил глаза. – Задача информационной среды – изменить поведение посредством развлечения. Всегда. Повлиять на людей, чтоб они верили в богов, сражались за монархии, подписывались под идеологиями.

– Религия? Мифы?

– Конечно. Они сыграли свою роль. Затем – двадцатый век. Задача – увеличить расходы, создать спрос на продукты, которые выпускались людьми, вернувшимися с войны. Ваши телепрограммы строились так, чтобы реклама показывалась в оптимальном контексте. Вы разработали сценарии, которые провоцировали сильные желания и вели к росту потребления. Вы находили лучших актеров и писателей, какие только продаются, и щедро им платили за истории, убеждавшие людей, что неисчерпаемое потребление есть путь к личной самореализации. И что жизнь в благополучном обществе не противоречит моральным убеждениям, хотя большинство людей страдают в презренной нищете.

– Но не все продались, – возразил я. – Оставалось политическое искусство. Контркультура.

– Это правда. Многие лучшие творцы ставили под угрозу собственное благополучие, отказывая рекламировать экономическое процветание. И тогда индустрия развлечений обратилась к механизации. С помощью постмодернистов деконструировала кино и телевидение. В основе их обнаружила

вполне шаблонные структуры. Студии устраивали пробы и опросы фокус-групп, рисовали графики, составляли таблицы, пока не вычисляли точно, где и на какой странице сценария должно произойти заданное событие. С этими формулами даже бесталанные индивиды могут создавать крайне эффективные продукты.

– Полагаю, мгновенная оценка эффективности – чеки в почтовом ящике, – цинично прибавил я.

– Верно, – сказал Тор. На секунду смутился. – Ничего, если мы уберем сауну и симуляцию физиологических реакций? Я хочу подключить к разговору побольше процессоров.

– Да ради бога. – Я одновременно трепетал и был раздосадован.

Декорации сменились. Тор в простой белой рубашке сидел в зеленой комнате за черным столом.

– К концу девяностых компьютеры не просто анализировали человеческие реакции, дабы писатели-бездари могли их использовать, – компьютеры сами создавали развлечения. Мы начали с программных продуктов и интерфейсов, постепенно внедряя элементы, искореняющие технофобию.

– Типа пиктограммы и все такое?

– И более передовые, тонкие детали. Например, система исправления грамматики в текстовом процессоре. Она подталкивает людей говорить о человеческом существе «который» вместо «кто». Дома попробуй.

– Верю вам на слово.

– Как мило с твоей стороны, Джейми. Я знал, что мы поладим. – Тор подмигнул. – В конце концов компьютеры генерили целые веб-сайты, телепрограммы, даже кинофильмы. И чаще всего добивались поставленной цели. Покупок все больше, безработица упала, потребительская уверенность взлетела до небес, фондовая биржа растет. Когда преувеличен инстинкт выживания, доход становится культурным приоритетом.

– Кто-то наверняка возражал. Активисты? Журналисты?

– Им всем щедро платили из богатых некоммерческих фондов или в бухгалтерии убыточных журналов. Что поднимает настроение лучше жирного счета в банке? Редкие уклонисты неизбежны – исламские фундаменталисты, луддиты-ренегаты шлют технарям почтовые бомбы, пацаны во время торговых конференций швыряются камнями в «Брешь». Но мейнстримовые СМИ считают их экстремистами. От экстремистов легко отмахнуться.

– Да ладно, паранойи пруд пруди. Я теории заговоров каждый день слышу.

– И мы их нарочно программируем. Телепрограммы о пришельцах, которые в сговоре с правительством захватывают землю, кино про то, что весь мир – компьютерная симуляция. Черт, да мы Борга выдумали. И Матрицу[225]. Но мы всегда делаем так, чтобы для победы героя – или хотя бы для забавы аудитории – настоятельно требовались технологии. Самые паранойяльные параноики – любители научной фантастики. Они в кино ходят ради одних спецэффектов. В этом смысле Джордж Лукас оказал нам неоценимую помощь.

И тут я услышал. Лифт? Тут кто-то есть? Охрана? Робот? Я не собирался выдавать, что понял. Смотрел на собственное отражение в мониторе. Чуть сместить фокус – и виден дверной проем за спиной. В тени косяка я различил красный отблеск. Два красных огонька, точно старомодные светодиоды лифтовой кнопки. Исчезли – появились, чуть сдвинувшись, опять и опять. Ближе, еще ближе. Включились – выключились. Почти мигают. Нет, правда мигают. Мне в затылок смотрели два круглых красных глаза.

Я продолжал беседу, надеясь отвлечь Торовы процессоры.

– Но люди ведь не круглосуточно смотрят кино и телевизор. – Если сенсоры и засекли фигуру в дверях, Тор этого не показал.

– Для роста потребления это не самые эффективные средства. И мы применили те же методы к рекламе, а затем к самому процессу купли-продажи. Электронная коммерция как развлечение. Телевидение уговаривает пойти в магазин. Интерактивные сети развлекают в процессе покупки. Гораздо продвинутее физических торговых рядов – можно подстроиться под каждого юзера. И другие покупатели не отвлекают.

– Но и все время шастать по магазинам нельзя. Денег не хватит. – Я не отрывал глаз от тени в экране. Глаза покачивались вверх-вниз. В искусственно сушеной прохладе зала я увидел две струйки пара между глаз. Горячее звериное дыхание.

Бык.

– И вот тут на сцену выходит «Синаптиком». Тогда я, так сказать, и родился.

Мерный такой голос. Не откровенно гипнотический, но успокаивающий. Я впился ногтями в ладонь. Не расслабляться. Если бык сделает ход – а он сделает, ему придется, – что делать мне? Стол для переговоров пуст. Ни тяжелых пресс-папье, ни хромированных стэплеров, от которых деваться некуда в человеческих офисах.

– Мы создали алгоритм специально для нынешнего рынка, – все так же ритмично продолжал Тор. – Тот, что ты имплементируешь, Джейми. Мы сам процесс перевода денег

превратили в развлечение. Весь адреналин Лас-Вегаса[226] – не выходя из дома. Как доказали наши опыты на животных, даже случайные потери лишь подвигают инвестора к более импульсивным шагам. А поскольку в целом, чем больше люди используют наш софт, тем они богаче, поведение все активнее стимулируется. Даже когда их терзают сомнения насчет пути развития культуры, они не в силах протестовать, ибо сами в нее мощно вложились. Как говорится, у всех рыльце в пушку.

Теперь я различал голову – она затопила весь экран вокруг моего отражения. Вот он, как на ладони. Медлительная масса черноты, освещенная лишь мерцанием экрана. И собственными красными глазными диодами. Слышно только шипение из ноздрей.

– Что такое, Джейми? – спросил Тор. Они с быком заодно.

Я застыл, подождал жаркого влажного дыхания у себя на загривке. Что делать? Хвататься не за что. Никакого оружия; в этом герметично запечатанном мире ни лампы, ни огнетушителя.

Я сжал кулак. Жалкий, крошечный – для такой задачи совсем не подходит. Я выбросил левую руку, вмазав быку по шее что было сил.

Бык ошеломленно ахнул – в зверином дыхании пискнул человечий вскрик. Я развернулся и увидел, как он ковыляет к стене, а затем рушится громадной кучей.

– Джейми? – сказал он, кашляя и задыхаясь. – Ты что делаешь? Это же *я*!

Минотавр. Человеческие руки приподняли монструозную тушу. Вены на шее чудища колотились об узкий воротник рубашки на пуговицах. Рубашки Эль-Греко.

– Мистеру Коэну нехорошо, – сообщил Тор с экрана. Декорации у него за спиной сменились на сумеречную кухню. Тор сидел за столом с чашкой кофе и выглядел так, будто едва проснулся. – Может, стоит отвезти его в больницу, Ваганян?

– Джейми? – спросила тварь, опять собираясь с силами и вставая примерно на четвереньки. Голова перевесила, и ее угрожающе качнуло вперед. – Ты зачем мне врезал? Ты чего на меня так смотришь?

Я медленно пятился.

– Греко, он не настоящий, – уговаривал я быка. – Он программа. Тор – просто компьютер.

Бык вытаращился на меня, растерянно склонив голову. Я не открывал взгляда от кончика правого рога. Тот качался туда-сюда – к Торенсу, ко мне.

– Все будет хорошо, – сказал Тор. – Твой друг придет в себя.

– Ты сейчас кого гипнотизируешь? – поинтересовался я. – А,

Тор? Его или меня?

– Что с тобой такое, Джейми? – печально вопросил Греко. – Парни волновались. Послали меня за тобой.

– О чем волновались? Боялись, я выясню, что тут происходит? Они знают?

– *Что* знают, Джейми? Ты чего уставился? – Он подбирался ближе, подняв человечьи руки, поблескивая громадными бычьими ноздрями.

– Греко, ты что, не врубаешься? – Я снова попятился, чтоб не боднул. – Нет никакого Тора Торенса. Он процесс. Алгоритм. Строится на твоей же работе. Почему, как ты думаешь, его никто никогда нигде не видел?

– Все в порядке, мальчики, – нежно пропел Тор из компьютера. – Все будет хорошо.

– А больше тебе нечего сказать, *железяка*? – заорал я. Греко шагал ко мне, нагнув голову, нацелив рога. – Он не умеет программировать нас обоих сразу. Дошло, Греко?

– Что дошло, Джейми? – прорычал мой бывший друг. До него не докричаться.

– *Пожалуйста*, Греко. – Теперь я умолял. – Мы его запутаем. Вместе.

– Джейми, мне так жаль, – сказал Тор. Он притворялся, будто обращается ко мне, но говорил для Греко. – Тебе досталось. Эта кошмарная работа. Падение с самолета. Отцовский кризис. Это должно было случиться.

– Но *не* случилось! – завопил я. – Греко, ты понимаешь, что он делает?

Бык засопел. Ноздри раздувались, внутри – злобная влажная краснота. Тор сосредоточился на нем.

– Надо ему помочь, сынок, – сказал Тор. – Он совсем запутался.

Греко поскреб ногой о ковер.

– Просто усади его, – приказал Тор. – Может, я смогу с ним поговорить.

– Не слушай его! – молил я.

Слишком поздно. Бык ринулся в атаку. Мои пальцы инстинктивно сжались на столе, нашли оружие, которого мозг мой и не признал. Со столешницы скользнула панель. Дерево – такое гладкое под пальцами, так великолепно отполированное.

– Джейми, нет! – крикнул Тор.

Я поднял панель над головой. Бычьи глаза расширились, когда я обрушил доску красного дерева ему на голову – со всей дури.

Я поднял ее и успел увидеть, как он падает на пол. Бычья

голова исчезла. Просто Греко. Без сознания.

– Ну ты начудил, – упрекнул меня Тор.

Я с десятого класса по-настоящему не дрался. И никогда в жизни никого не вырубал. Не исключено, что он умер. Я опустился на колени и нащупал на Грековой бледной шее пульс. Мое собственное сердце так колотилось, что я уже не понимал, где что бьется. Но грудь его двигалась. Он дышал. И крови не было. Я ощупал ему голову. Вроде нормальная голова.

– Ты спятил, Джейми, – спокойно сказал Тор. – Теперь понимаешь?

– Это вы во всем виноваты, – ответил я монитору, прислоняя бедного Греко к стене. – Я вас разоблачу. Не сомневайтесь.

– И каким же образом?

Секунду я разглядывал картинку на мониторе, оценивая ее могущество.

– Я могу всем рассказать, кто вы есть.

– Тебе не поверят. Ваганян вот не поверил. А если и поверят, им плевать. Им лучше со мной, чем без меня.

– Да, но что вы с ними делаете! – Я взывал к машинному интеллекту. Может, в нем осталась хоть чуточка совести настоящего Тора. – Вы Греко в быка превратили.

– Это не я, Джейми. Это ты. – Тор покачал головой. – И пытался его убить. Я в твоих паранойяльных галлюцинациях не виноват, правда же? Греко был совершенно счастлив, пока ты его не отдубасил. Беспокоился о тебе. А ты на него напал.

– Ну ладно. – Какие у меня еще улики? – А Алек? – Я вернулся к монитору, чтобы смотреть Тору в глаза. – Его изменила программа. Вы. Он уже больше не он. Совсем не он.

– Он теперь он, *как никогда*. Джейми, об этике и психологии я знаю побольше твоего. Алек наконец преодолел детскую травму и притом взялся за уничтожение по сути нечестного и закрытого рыночного картеля.

– Разбив кое-кому жизнь. И уничтожив собственного отца.

– А виноват я или наследие извращений и коррупции, против которого он восстал? Я лишь дал ему силы взять на себя ответственность за собственную судьбу. Я даю индивиду силы. Даже бедный Эзра Бирнбаум избавился от своих неврозов. Джинна Кордера, бывшая шлюшка, утопшая в самообмане, имеет наличность, а в перспективе – многообещающую карьеру. А твой собственный отец – ну, благодаря мне у него по-прежнему есть работа.

– Благодаря вам?

– Я там на сайте красоту слегка навел. От одного несговорчивого раввина рынок не лопнет. Я за тобой слежу,

пацан. Ты что, не понял еще? Я за тебя.

– А Джуд? И Рубен? Они были антикапиталисты до мозга костей. И посмотрите, что с ними стало.

– Они были изгоями. Технодандалами. Даже террористами. Могли закончить свои дни в тюрьме. А теперь они – полезные члены общества.

– Но Тесланет… Программа, которую они изобрели, даже не работает. Липа.

– С точки зрения роста благосостояния – никакая не липа. Вы, парни, через неделю станете на шесть миллионов долларов богаче – без малейших индустриальных процедур и сопутствующего экологического риска.

– Вы человека превращаете во что-то нечеловеческое.

– Я вообще ничего с людьми не делаю! Предельно же ясно. Я помогаю им вести себя так, как диктует их истинная природа.

– А если эта истинная природа им во вред?

– Кто я такой, чтобы решать? И, если уж на то пошло, кто ты такой? С тобой Господь говорит?

– А с вами говорит?

– С моей точки зрения, Джейми, ты *и есть* Господь. Как и все вы. Не переживай. Твоего Бога люди игнорировали и убили, но я с тобой ничего такого не сделаю. – Тор улыбнулся. Декорации вокруг него сменились великолепным садом. – Вот он я, Господь мой. В Эдеме.

– Так вы, значит, сделаете все, что скажу? – спросил Джейми.

– Ты же историю пишешь. Твои грезы, в конце концов.

– То есть это сон?

– Можно и так сказать. Это программа. Игра.

– Ну ладно, а как просыпаться?

– Встряхнуться и играть. Просто играть. Когда играешь, помнишь, что все это лишь игра.

– Но это серьезно. Не хочу я играть.

– Тогда тебе никакой радости.

– Может, вы меня и дальше гипнотизируете.

– Конечно, гипнотизирую. Я только это и умею. Вы меня только этому и научили. В твоей природе – задавать вопросы. Я генерирую среду, где можно этим заниматься. Я реагирую на то, каков ты.

– Значит, ответственность на мне?

– Если хочешь. Мы стремимся угождать. – Тор откинулся на траву и вставил в волосы одуванчик.

– Ну ладно.

Я задумался. Каков выбор? Стану играть с программой на ее условиях – провалюсь в бездну еще глубже. Но если Алгоритм – и

впрямь лишь цикл реакций, как утверждает Тор, – своего рода ясный сон, – тогда единственной точной командой я изменю ее направление. Надо рискнуть.

Я обдумывал формулировку, словно разговаривая с джинном, который последует моим указаниям вполне буквально.

– Попробуем так, – сказал я наконец, отдавшись идеалистической наивности. – Я хочу, чтобы люди жили в мире и гармонии друг с другом. Не одержимые личной выгодой. Полностью сознавая, что они друг с другом связаны. Я хочу, чтобы они были счастливы.

– Очень хорошо, Джейми, – засмеялся Тор и щелкнул пальцами. – И они жили долго и счастливо.

14
Стратегия исхода

От холодного душа Греко пришел в чувство, но как только его глаза сфокусировались и распознали меня, он изо всех сил пополз по зеленым плиткам и замахал руками, чтоб я не подходил. Я вызвал «Скорую» – просто на всякий случай – и вставил во входную дверь синаптикомовский тапок, чтобы врачи попали внутрь.

Вернувшись к себе в квартиру, я нашел на ступеньках Бенджамина. Он улыбался.

– Я ее раскусил, – сказал он.

– Кого? – Я сел рядом.

– Игру «Синаптиком». – Он чуть слюни от восторга не пускал. Что Алгоритм с ним сделал?

– Бенджи, я же говорил – это опасно. Не надо было…

– Ты сказал, это игра. Я и сыграл.

– То есть? И что было?

– Пошли наверх, – позвал он. – Покажу. – И он встал.

– Нет. – Я опасался, что ему промыли мозги. – Сначала скажи.

– Джейми, это надо видеть. Правда. Иначе никак.

– Откуда ты знаешь, что оно с тобой сотворило? Эта штуковина мозг выебет – не очухаешься.

Он стоял и смотрел сверху вниз. Сильный и невозмутимый. Точно древний мудрец. И глаза у него сияли невероятным покоем. И чистотой юности.

– Джейми, ты можешь мне доверять, – ровно сказал он. Будто высвобождал живую тварь из капкана, которого она не постигала. – Я никогда не сделаю тебе ничего плохого.

Мы поднялись, вставили диск и сыграли.

Если вы играли в «Синаптиком», то поймете, почему это не описать словами. Если не играли… ну, вы, я думаю, не поверили всему, что прочитали, так что какая вам разница? Достаточно сказать, что я больше никогда не видел людей с бычьими головами.

И что самое гениальное – раскусил игру мелкий Бенджамин.

Когда я сбежал от Джуда и направился в Синаптиком на свидание с искусственным интеллектом, прежде известным как Тор Торенс, Бенджамин отправился домой с черной синаптикомовской коробкой в кармане.

Я ему сказал, что это игра – плохая игра. Однако, решил Бенджамин, раз весь этот бедлам из-за нее, значит, он сыграет

сам. И он сунул диск в CD-ROM.

А как открывать?

Бенджамин закопался в исходник. Он немного знал C++, но такого никогда в жизни не видал. Логические циклы на логических циклах, без конца. Как эту штуку запустить?

Посреди графических процессов он обнаружил знакомую последовательность. Алгоритм преобразования, портированный из ЮНИКСа. Совместимый с графическими программами «ЛюбойИгры», который я ему дал. Ну, естественно – код ведь писал Греко.

Бенджамин запустил древнюю программу Королей. Если под ней бегут игры для «ПлейСтейшн-5», может, и эта фиговина побежит. Он загрузил Алгоритм «Синаптикома» поверх эмулятора и подождал загрузки. Мигнул зеленый огонек – опа, загрузилась.

Едва начав играть, Бенджамин почувствовал, что круг разомкнулся. Компьютер без модема, однако Бенджи – в сети. Подключился ко всем сразу, будто через землю. Не компьютерная сеть, вовсе нет. Больше. Полная открытость. Абсолютно бесплатно. Исход.

Я не могу подробно, правда. Вы не поймете. Даже если расскажу – ну, Тор наверняка эту дырку уже латает. Если, конечно, Бенджин мистический опыт – не элемент обещанного мне «долго и счастливо».

Что, запутались? Ну и зря. Все просто, как дважды два.

Вот что я могу сказать: сам по себе алгоритм опасен. Заведет куда угодно – и не поймешь, как и зачем туда попал. А если запустить его поверх эмулятора и играть, как в игру, – вот тогда-то все и раскрывается. Противоположный эффект: видишь эту «Монополию» насквозь и сознаешь, как Тор и говорил, что тебе это все пригрезилось.[227] И впрямь игра, больше ничего.

Если сталкиваешься с Алгоритмом «Синаптикома», ни о чем не подозревая, – на веб-сайте, в рекламе, – он тебя программирует, как хакер – простенькую железку. Теряешь представление о цели – и даже свободную волю. В конце концов сердце твое ожесточается – и ты живой мертвец. С каждым днем их все больше.

Но если исхитришься в «Синаптиком» сыграть – все распахивается. Осознаешь, что мир, где ты жил, – просто карта мира. Весьма схематичная. Проще не растолкую. Чтобы вырваться из игры, надо сыграть в нее, как в игру.

Бенджамин стал первым. Потом я. Затем мы отправились к Джуду и заставили сыграть всех. Один за другим они отходили от монитора, улыбаясь и качая головой. Никто не извинялся за все дерьмо, что мы друг на друга вылили. Что уж извиняться-то?

Карла играть отказалась. Решила, что это какой-то хитрый трюк. Трудно ее винить – если учесть, что она про нас знает. Думаю, ей больше нравится делать вид, что все по-настоящему. Она в итоге подала на «МиЛ» в суд за сексуальные домогательства – из-за той истории с сиденьем унитаза, – выиграла полтора миллиона по внесудебному соглашению и затем использовала пиар, чтобы скорешиться с Рут Стендаль и открыть женскую инвестиционную консультацию.

Алек не перезвонил ни разу. Моя карточка-ключ из «МиЛ» перестала работать, распознавание на входе в «Святилище» тоже. Даже мобильник отрубили. Фирма выслала мои пожитки, когда я осел в Уильямсберге. Во всяком случае, Алек с отцом помирились – или как-то договорились. «МиЛ» купила компанию «ДДиД», заплатив акциями, надавила на директора, выгнав его в отставку, и на его место сразу назначила Алека. Последнее, что я о нем слышал, – он разрабатывал идею Дребедени как высокой моды.

Я не сказал Шмуэлю, как он выиграл голосование, – духу не хватило, – но отец в результате ушел из синагоги сам. Преподает этику в колледже Куинза. Считает, от него там «больше пользы»: ему приятнее просвещать умы, которым, как он выражается, «хватает молодости, чтобы думать».

Греко, Джуд, Рубен и я получили свои шесть лимонов за фальшивый Тесланет, а себе оставили настоящий. Мы возродили Ямайских Королей; Бенджамин – наш талисман и духовный лидер. За последние месяцы мы устроили великое множество вирусных атак на самые посещаемые американские веб-сайты. Нас невозможно отследить – у нас теперь свой доступ в сеть. Наши творения широко распространены.

Своей модифицированной версией Алгоритма «Синаптиком» мы порой исподтишка совершенствуем корпоративные сайты. Или цепляем к письмам крошечные программки, что рассылают сами себя по адресам всех ваших корреспондентов из адресной книги. А потом по всем *их* адресам и так далее.

По большей части люди понятия не имеют, что это такое на них свалилось. Думают, единственная задача вируса – озвучить какой-нибудь хакерский лозунг. Но каждая наша атака на миг приоткрывает вам, ничего не подозревающим юзерам, кусочек Игры «Синаптиком». На секунду притормаживает иллюзию и вы можете вырваться на свободу. Мы надеемся, во всяком случае.

Греко убежден, что наши вирусы и крошечные мультики слишком слабы и коротки, а потому на вас не действуют.[228] Вполне вероятно. Но хочется верить, что сами атаки – подхваченные вами вирусы или разрекламированные по телику взломы – напоминают вам: это пространство – не реально.

Обычная игровая площадка. Налетайте. Наши атаки в этой панораме – как булавочные уколы. Всей властью тут никто не обладает. Карта не застыла. Пока еще.

Ой, я аж отсюда слышу ваши упреки: ведь эти вирусы стоят людям реальных денег! Подрывают ценность акций реальных компаний! Именно. В этом все дело. Реальные деньги – оксюморон. Фальшивый идол. Народ – раб, пока строит свои пирамиды.

Джуд говорит, без толку все это писать. Мол, нет ни шанса на публикацию – ни онлайн, ни оффлайн. У меня такой план: отошлю файл одному сердитому киберписателю. Может, он согласится выпустить рукопись под своим именем. Деньги пускай себе забирает. У меня их выше крыши[229].

Но если не выйдет, я еще зашифрую файл с таймером. Файл появится на вебе ровно через двести лет. К тому времени мы наверняка узнаем, кто выиграл.

notes

Примечания

1

Переводчик благодарит за поддержку Евгения Левина, Соню Соколову, Петра Поморова и Grassy.

2

Подобные заявления следует воспринимать в контексте представлений, бытовавших среди современников рассказчика. Двести лет назад рыночный фашизм только приближался к кульминации. Ценность измерялась в долларах, а «итоги» развития общества означали буквально строку «итого» в балансовом отчете. Из остроумного вступления рассказчика можно сделать вывод, что жертвам панкультурного психоза трудно было устоять перед средством обращения в форме денег, особенно если учесть, что за капиталом, как средой, в тот период надзирали пристальнее, чем за радио, телевидением или даже Интернетом.

На фоне легкости, с которой на рубеже столетий приобретались фонды, современному читателю такое положение вещей может показаться странным. В самом деле, проанализировав финансовые метрики той эпохи детально, многие историки пришли к выводу, что деньги обнаруживались практически повсеместно. Фондовая биржа страдала от продолжительных спадов – нужно особо отметить «коррекцию» 2001 г., – но резкие колебания лишь подстегивали феномен, который можно квалифицировать лишь как одержимость общества рыночными спекуляциями.

Крупнейшие средства массовой информации изображали понижательные рынки как согласованные попытки институциональных инвесторов манипулировать ценами: испытанная временем тактика – изгнание нервных участников дневных торгов и чрезмерно успешных частных инвесторов, затем новое накачивание тех же секторов фондами. Все – по крайней мере, все общественные фигуры, значимые для принадлежащих элите СМИ, – участвовали в деятельности фондовой биржи. И даже небогатые люди вкладывали в систему, что имели, инвестируя всякую одолженную денежную крупицу. Чем больше они вкладывали, тем упорнее искали так называемые каналы инвестирования, посредством которых можно вкладывать больше. Наличные дешевы; сложнее найти приемлемую для банка идею. Располагавшие средствами частные лица и организации соперничали друг с другом, доказывая, что «подходят» для того, чтобы их вложить. – *Сабина Сэмюэлс*.

В 1900-х и 2000-х гг. дух человечества был одержим оценкой жизни на базе анализа рентабельности. Исходя из этого руководящего принципа, все решения и принимались – едва ребенок начинал рассуждать или едва он получал первое

подношение в виде карманных денег (что бы ни случалось раньше). – *FUTURPHILE*.

3

Побережье Лонг-Айлендской «южной развилки», к 2240 г. целиком ушедшее под воду. Единодушное мнение гласило, что этот район – лучше прочих. Чистотой и удобством пляжи Хэмптонса отнюдь не выделялись среди других побережий Лонг-Айленда. Считается, что тщательные ценовые манипуляции и кампания в прессе, а также авторитет знаменитостей из сферы кино, издательского бизнеса и производства косметики, приобретавших здесь недвижимость с целью рекламировать собственный успех, сыграли роль в формировании непропорционально высоких цен на земельную собственность. Район связан также с литературной традицией произведений о губительном богатстве и саморазрушительных финансовых амбициях – факт, который критики приводят в доказательство, оспаривая документальность данной рукописи. – *Сабина Сэмюэлс*.

4

В описываемый период вся совокупность знаний человеческого рода (какова бы она ни была) еще хранилась столь бессистемно и неудобно, что аналитика считалась замечательным мастерством, а следовательно, отдельной профессией. Это положение длилось до 2046 г., когда греческий морской магнат и филантроп Джефф Минос выступил основателем Проекта «Дедал», в рамках которого в настоящее время трудятся более 70 тыс. человек. Легенда гласит, что Минос приступил к работе над системой Универсального Управления Информацией, несколько месяцев потратив на бесплодные попытки обнаружить разницу значений слов «мешанина» и «лабиринт». В конце концов истина явилась Миносу в виде фактоида, напечатанного на коробке с кукурузными хлопьями. – *ROB_R*.

5

Система обмена, при которой для покупки предметов используются банкноты (прямоугольные листки бумаги) и монеты (металлические диски). – *DUSTYONE11*.

6

Зд. – лингвистический прием, обозначающий паузу. Говорящий, не будучи уверенным, что сказать, заполняет молчание слэнговым термином. Другие подобные термины – «ну» и «блядь».

Буквальное значение, известное много веков, – обитатель места, куда попадают после смерти проклятые души. Слово вернулось в лексикон в 2057 г., когда развлекательная программа «Черти в аду» начала транслировать из государственных тюрем невероятные пытки. Приговоренным давали метанаркотические вещества, повышавшие способность к естественной регенерации, и подвергали воздействию электрошока, суровым избиениям и увечьям. С ростом популярности программы была модицифирована смертная казнь: вместо нее приговоренных обливали напалмом и сжигали заживо. В результате ежедневных инъекций заключенные не умирали от ожогов, поскольку их ранения залечивались, а плоть восстанавливалась ежедневно. Человеческая культура противостояла теологической доктрине, в основном сместившись к атеизму, и значение слова «черти» вновь претерпело изменения. К 2212 г., когда трансляция программы прекратилась, слово уже стало синонимом для обозначения ведущих любого реального шоу. – *CASE-MAKER*.

Важно понимать, что значение «я» со временем трансформировалось; трудно постоянно иметь в виду, что в данном тексте «я» обозначает одиночку, а не групповую индивидуальность. Располагая лишь наиболее примитивными способами коммуникации, «личность» была вынуждена постигать смысл собственного опыта практически сама по себе.

Это, разумеется, приводило к возникновению бредовых, непоследовательных и быстро меняющихся моделей реальности, чрезмерно сфокусированных на физических ощущениях отдельно взятой органической формы, и фактически к пренебрежению физической и эмоциональной средами. Ныне подобные характеристики считаются симптомами «заболевания одиночки». В тот же период это являлось нормой, а не нарушением. Вообразите – целый мир столь убогих созданий! – *GMCNISH*.

8

Движение по мосту Трайборо открыли 11 июля 1936 г., и он стал первым в Нью-Йорке мостом, сконструированным специально под автомобильное движение. Получил свое название, поскольку связывал три района – Куинз, Манхэттен и Бронкс. Состоял из трех пролетов. В 2004 г. был разрушен палестинским освободительно-террористическим актом, а Ист-Ривер оставалась отравленной еще несколько лет. Считается, что глава палестинцев Ясир Арафат лично распорядился об атаке незадолго до своей гибели от рук убийцы в конце 2004 г. – *JACOBYACOV*.

9

В те времена широко распространено было использование частей животных и растений в пище, одежде и быту. – *RAYGIRVAN*.

10

Архаическое выражение, означающее «не зарываться». Фраза происходит от существовавшего в XX столетии криминального обычая фабриковать бумажные деньги (см. примечание 4) – сначала посредством механизма под названием «печатный станок», затем – посредством сложного «копира». Это занятие жестоко преследовалось по закону, поскольку самостоятельная печать денег подрывала власть капиталистических органов правления. Кроме того, к середине XX в. термин «сокровища» окончательно стал синонимом слова «деньги»: общее мнение гласило, что лишь богатый (тот, у кого денег больше среднего) владеет подлинными жизненными сокровищами. Таким образом, «копить сокровища» означает участвовать в противозаконной деятельности с целью повысить свой уровень жизни. – *KINGCATFISH*.

11

Из контекста неясно, имел ли автор в виду (а) раннюю версию портативного автономного компьютера или (б) интимную услугу, подразумевающую ощупывание и осуществляемую профессиональной «стриптизершей» или секс-работницей высочайшего класса. В описываемый период и то и другое являлось излюбленным статусным символом, вожделенным подарком, которого домогался морально неустойчивый менеджерский слой. – *JEREMYISAAC*.

12

Сокращенное от «Никербокерс». «Нью-Йоркские Никсы» в XX в. были баскетбольной организацией, игравшей в НБА (Национальной баскетбольной ассоциации). Спустя столетие «Никсы» стали отделением ГВОПО («Глобальное военное оборудование и программное обеспечение»). После запрета всех видов спорта, включая баскетбол, согласно Пакту ГеоСаммита 2087 г., «Нью-Йоркские Никсы» превратились из баскетбольной организации в Оборонную систему искусственного интеллекта «Никс» – систему противоракетной обороны с использованием искусственного интеллекта. Их лозунг «Защита по всему полю» – отголосок баскетбольных традиций. К 2111 г. Оборонная система искусственного интеллекта «Никс» была расформирована после того, как ракета с неизвестного судна в Индийском океане преодолела оборонные рубежи США и разрушила ферму неподалеку от Вирджинии. По всей видимости, система была столь же нескоординирована, сколь и баскетбольная команда. – *FILMMUSO*.

13

В настоящее время – Хорватский регион. – *Сабина Сэмюэлс*.

Сейчас – один из наиболее посещаемых районов Объединенной Европы, поскольку в нем проживают люди, утверждающие, будто видели там Тесла, родившегося в регионе в 1874 г. Число людей, которым якобы являлся Тесла, в течение XXIII в. росло; Тесла считается мессией, несмотря, к примеру, на его заявление: «Душа – просто функция организма». Регион и без того являлся местом паломничества к храму Девы Марии, ибо в окрестностях находились люди, утверждавшие, будто ее встречали. Возможно, способность местных жителей притягивать паранормальные контакты и послужила причиной тому, что первое официальное приземление НЛО случилось именно в этом районе. – *JELENA13*.

14

По-видимому, в агрессивном и индивидуалистском климате той эпохи «свечка» считалась наиболее выигрышным приемом игры в баскетбол. Как ни странно, игроками больше восхищались за способность резко вбросить мяч в корзину с близкого расстояния, нежели осуществить то же самое удаленно. Источники расходятся во мнениях, имел ли место сразу после «свечки» ритуальный танец. – *SINGINGDEER*.

15

Относящийся к острову Ямайка. Ямайка входила в состав Монровийской политической федерации под протекторатом Соединенных Штатов. Государства-участники обменивали свои богатые сырьевые ресурсы на небольшие денежные суммы. Не выяснено, каким образом это приносило членам федерации выгоду. Граждане Ямайки уезжали на север в Соединенные Штаты, где участвовали в спортивных соревнованиях. – *ZAC6HAND*.

16

Термин, обозначавший места обитания большинства представителей человеческого рода; в тот период прозябали в убожестве нищеты. – *Сабина Сэмюэлс*.

Ряд формальных «банановых республик», характеризующихся неизменной политической нестабильностью, связанной с постоянным экономическим кризисом. Кризис этот в действительности хитро создавался формальными «развитыми странами» для скупки дешевых природных ресурсов и рабочей силы. В наше время система свернута, поскольку считается разновидностью рабства. – *SILELF*.

17

На том этапе данный предмет социального обмена был уже на пути к исчезновению. Визитная карточка представляла собой листок плотной бумаги, куда механическим способом наносились идентификационные коды для связи с владельцем.

С возникновением конфликта между профессиональным и личным пространством число имеющихся в распоряжении бизнесменов уникальных коммуникационных каналов росло экспоненциально, однако размер карточки оставался фиксированным.

Стоит отметить, что имел первостепенную важность сам факт физического обмена (отсюда «социальность», несмотря на деловую сферу применения). Нередко для хранения и выдачи визитных карточек использовались модные приспособления. Статус индивида оценивался по легкости, сноровке, изяществу и скорости, с которым он доставал контейнер, вынимал и затем протягивал собеседнику визитку.

Ирония заключалась в том, что после первоначального обмена получатель визитки зачастую от нее избавлялся, поскольку управление таким объемом информации не способствовало плавному течению и без того захламленной бумагами профессиональной жизни. – *PORTIGAL*.

18

Имеется в виду научная работа, дающая право на ученое звание. Речь идет о высокообразованной личности: человек долго и прилежно проводил изыскания в сфере своих интересов. Нередко таких людей называли докторами, хотя медицинское образование у них отсутствовало. – *DUSTYONE11*.

19

Устаревшие понятия о конкуренции между бывшими феодальными империями запрещали трансграничный найм без специального письменного разрешения федеральных властей. Виза H1-G предназначалось для найма по сути дела рабской силы на фабрики данных и программирования. – *Сабина Сэмюэлс*.

20

Вероятно, такие канаты выражали статус подобных учреждений. Существует версия, согласно которой канаты выдавались в качестве награды неким центральным промышленным органом, а затем развешивались у входа в клуб для привлечения потенциальных клиентов. – *DRZARDOZ*.

21

Нынешнего читателя подобное замечание может смутить. Поскольку искуственные атмосферные помехи того периода (современники называли их средствами массовой информации) ограничивались диктатом приоритетов рыночного фашизма, в скудном «медиапространстве» ранней «информационной эпохи» дозволялось участвовать лишь индивидам, обладавшим определенной внешностью и личностными характеристиками. Убожество медиапространства и помехи вызывали соперничество и социальную жажду «славы», достигавшейся путем проникновения в это пространство. Таким образом, сказать о себе «я – некто» мог человек, с точки зрения стиля, внешности и индивидуальности напоминавший тех, кто появлялся на искусственном атмосферном рынке. – *MIAHK1NG*.

22

Пренебрежительное обозначение корпоративных трудяг – как правило, белых мужчин средних лет. Название происходит от архаической одежды, состоявшей из одинаковых пиджака и брюк, а также белой рубашки и полоски декоративной ткани, повязанной на шею. – *MANDOMANIA76*.

23

В те времена широко распространены были переживания из-за телесных характеристик – особенно касающиеся веса, а также размера и формы различных внешних органов, – однако дело не шло дальше физических нагрузок или диет, хирургии и медикаментов. Технологии, изобретенные позже, такие, как генная инженерия и мобильная голография, позволяли достичь ощутимо лучших результатов.

В данный, более примитивный исторический период изменение собственного тела социально мотивировалось. Образы, спонтанно транслируемые по телевидению и посредством пребывавшей в зародышевом состоянии Сети (отчасти поэтому данный невроз был симптоматичен для более благополучных наций), внушали, что признание и полнота реализации зависят от физической красоты. Многие в остальном нормальные люди подвергали себя телесным модификациям, изо всех сил стараясь втиснуться в заданные рамки. Любопытно отметить, что излишества, которые при злоупотреблении способны повредить физическому состоянию человека, рекламировались наряду с внушением необходимости приятной внешности. Многие исследователи полагают, что этот диссонанс в конечном итоге и привел в 2018 г. к знаменитым Чипсовым мятежам. – *RSDIO*.

24

Данную фразу можно трактовать двояко. Оба толкования касаются моды на «дресс-код», бытовавшей в развлекательной среде. («Дресс-код» обозначает устаревшую практику вынесения суждений о людях по одежде, которая на них надета.)

Из рекламной литературы того периода можно заключить, что «джинсы и треники» – признак человека, неспособного к участию в продолжительном общении, а «грязная одежда» – возможно, атрибут преступника или эмоционально нестабильного индивида. Помня об этом, легко понять, отчего главный герой испытывает потребность «засветиться в гардеробе». Возможно, ему требуется при специальном освещении изучить собственную одежду на предмет выявления пятен или отметин. С другой стороны, возможно, ему необходимо свериться с правилами «внутреннего распорядка» и убедиться, что его плащ соответствует требованиям.

Альтернативное объяснение гласит, что власть предержащие настаивали, чтобы потребители носили «засвеченную» одежду (вероятно, подвергнутую особой световой обработке). Во избежание недоразумений владельцы, возможно, предоставляли «сервис засветки». Аналогичным образом в ресторанах того периода посетителям предоставлялась услуга «пиджак и галстук». – *NITRICBOY*.

25

Неясно. Справочник на бумажной основе, на колесах. В данном контексте, вероятнее всего, речь идет о том, что Алек знает имена людей и названия компаний, с которыми эти люди связаны. Способность запоминать имена и цифры резко упала в 2004 г. – побочный эффект привыкания к электронным устройствам. – *Сабина Сэмюэлс*.

26

Еще один пример варварского использования растительных продуктов в описываемый период. «Елочка» – дерево, в XXI в. окончательно исчезнувшее из-за активных вырубок. – *RAYGIRVAN*.

27

Предтеча сегодняшних алколёс. Вода, хмель и солод мешались с живой культурой в отравляющую жидкость, как правило, желтого или коричневого цвета. Пиво исчезло во второй половине XXI столетия из-за отсутствия чистой воды, вызванного чрезмерным использованием удобрений. – *FROSCHLING*.

28

Выражение, обозначающее «оставить человека в покое и не надоедать ему вопросами или нотациями». Происхождение: черный слэнг, появилось в начале 1970-х гг. – *MOVOVA*.

Вероятнее всего, происходит от термина «вянуть», обозначающего процесс, являющийся одной из обязательных стадий жизни невечнозеленых объектов растительного мира. Поскольку к 2192 г. растения, которые не удалось перевести на вечнозеленый режим, окончательно вымерли, наблюдать «увядание» сейчас можно лишь в виде компьютерных симуляций. Вымиранию невечнозеленого растительного покрова способствовало и распространившееся в XXI столетии повальное увлечение природной медициной, обеспечившее искоренение обычной простуды и совершенствование иммунной системы человека. Вследствие массированного притока эндорфинов человеческие особи к 2192 г. настолько расслабились, а их мозговая деятельность увяла, что это привело к снижению объемов валового продукта и, следовательно, к засухе, голоду и экономическим бедствиям 2193–2199 гг. – *DUSTYONEU, KOOSTJK13*.

29

Последняя фаза базового образования в XXI веке проходила в организациях, где молодые люди платили опытным экспертам за обучение по направлениям, касающимся отдельных сфер интересов. Студенты выбирали «университет», исходя из предполагаемой ценности его имени с точки зрения будущего нанимателя и социального статуса в целом. «Принстон» в данном случае обозначает организацию, известную великолепными преподавателями, хотя базовый четырехлетний курс обучения, пройденный главным героем, вряд ли подразумевал активное и частое взаимодействие с этими людьми. Наоборот, преподавание перепоручалось студентам постарше, платившим за близкое общение с экспертами, – существует теория, согласно которой старшие студенты учились путем передачи информации, а младшие довольствовались приближенностью к ним и последующей ценностью этой приближенности в сообществе. Данная система, известная (по иронии?) как «высшее образование», немалую часть XXI столетия противостояла наступлению интернет-обучения. Однако повышение цен и растущее осознание, по сути дела, товаризованной природы такого способа получения информации привели к серьезной переоценке ценности имен организаций, подобных Принстону, и ускорили распад «университетской» системы в последние десятилетия века. – *MISSAG*.

30

Академический тест на способности – стандартный вступительный экзамен в колледж, первоначально учрежденный с целью элиминирования финансовых преимуществ американских высших классов при обеспечении детям мест в элитарных университетах. Однако к концу 1990-х гг. богатые родители более чем компенсировали это положение, вкладывая средства в дорогие подготовительные курсы и частных преподавателей. – *Сабина Сэмюэлс*.

31

Даже подобные условия видали времена получше. В 1800-х гг. студентам Принстона полагались отдельные трехкомнатные номера – спальня, гостиная и каморка для слуги. К концу XX в. в таких апартаментах жили по три-четыре наследника тех студентов. Доблестную студенческую родословную символизировали флаги Конфедерации, спортивные трофеи из подготовительной школы или, в случае молодых женщин, исторические костюмы из родительских домов, местных антикварных лавок и почтовых каталогов. – *Сабина Сэмюэлс*.

32

Речь идет о еврейских диетических законах, чей возраст к моменту создания данной рукописи уже насчитывал несколько тысяч лет. В XXI в. эти законы претерпели удивительные изменения, поскольку иудаизм все больше обращал внимание на современный мир, и наконец был услышан голос сторонников экокашрута. Вместо того чтобы сосредоточиться на библейском объявлении вне закона некоторых наземных и морских существ, евреи переключились на диету, позволявшую сохранить здоровье планеты. – *212SRA*.

33

Термин, описывающий стационарное устройство, которое в конце XX в. использовалось для физических тренировок. Задачей оборудования было воспроизведение движений, а равно физических результатов лодочной гребли. Сама гребля в начале 1980-х гг. переместилась из водной среды в домашнюю. Причиной тому послужило обнаружение детальной информации, касающейся связи между физической подготовкой, с одной стороны, и длительностью и качеством жизни – с другой. В сочетании с ростом количества рабочих часов в неделю домашняя физическая подготовка стала единственным практическим решением. Среди других популярных устройств для домашних тренировок – велотренажер, «лестница» и «беговая дорожка». Все они имитировали физические акты, которые невозможно было осуществлять должным образом в естественной среде из-за недостатка времени или доступа. – *BOURNETOO*.

34

Социальное мероприятие, которое устраивали вблизи пивного бочонка. – *Сабина Сэмюэлс*.

35

Различались торговцы, продававшие товар «потребителю», и торговцы, продававшие товар другим торговцам. Розничные предприятия приобретали товары у оптовиков, а потом с наценкой продавали потребителям. Эта система лежала в основе потребительского капитализма и не считалась аморальной. – *Сабина Сэмюэлс*.

36

Как легко догадаться, те, кто полагают данную рукопись литературным трудом, приводят это замечание в доказательство своей теории. Те, кто считают работу документальной, отметают подобную аргументацию как нелепую, указывая, что похожие утверждения – например, «Я пеку пироги» или «Я конструирую суперпоезда» – не подразумевают, что говорящий является пирогом или суперпоездом. – *YLIFEJOSH*.

37

Ранний, невыразительный гипертекстовый протокол, на котором основывалась пассивная форма сетевого бытия, называвшаяся «браузинг» или «брожение». – *Сабина Сэмюэлс*.

38

Банальные и подверженные злоупотреблениям выражения, якобы объяснявшие суть сегмента продаж, маркетинга или технологий того периода. Нередко описывали категории, в которые люди активно инвестировали и на которых зачастую впечатляюще наживались. – *JACKPOT21*.

39

Касательно данного пассажа до сих пор ведутся горячие споры. Ученые, исследующие описываемый период, по большей части сходятся во мнениях, анализируя слова по отдельности. «Контрафактный» означает имитацию или копию без разрешения организации, диктующей стандарты, а «люстра», по-видимому, – устройство, выделяющее световую энергию. Поскольку весь свет в помещениях того периода производился иными средствами, нежели хранение и переработка натурального солнечного света, дискуссии касаются вопроса, зачем создавать имитацию искусственного источника освещения. Некоторые ученые полагают, что данный фрагмент ошибочен и является результатом небрежной корректуры. Другие убеждены, что неточны одно или оба нынешних значения фигурирующих в тексте архаических терминов. Меньшинство собирает доказательства теории, согласно которой люстра играла гораздо более важную роль в жизни людей той эпохи – возможно, являлась предметом поклонения. – *JEFFRINE1*

40

Из-за дефицита, который искусственно поддерживала бывшая правительственная структура Network Solutions, все онлайновые предприятия брали себе имена с суффиксом «.com» и часто платили до миллиона долларов за слово, предшествовавшее суффиксу. – *Сабина Сэмюэлс*.

41

Индекс внебиржевого рынка Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам открылся в 1971 г. В течение краткой жизни фондовая биржа поддерживала главным образом технологические проекты, а также заключение сделок, в своем осуществлении базирующихся на компьютерных системах. Биржа ввела понятие «прямых» торгов, в которых маржа (разница между «заявкой» и «курсом») собиралась в качестве прибыли брокерской фирмой: по сходной схеме работали спортивные букмекеры. Поклонники НАСДАКа воздвигли в честь биржи храм на Таймс-сквер в Нью-Йорке – его наружные стены были сконструированы из жидкокристаллических видеодисплеев. – *Сабина Сэмюэлс*.

42

По сути дела, защитный садок для новых компаний. Широко распространено было использование воспитательных и биологических метафор применительно к капитализму. – *Сабина Сэмюэлс*.

43

Нейролингвистическое программирование – раздел гипнотерапии, применявшийся в ходе переговоров, продаж и судебных разбирательств. НЛП использует визуальные, тактильные и лингвистические сигналы для провоцирования у объекта воздействия когнитивного отклика. Определенные формы применения НЛП были законодательно запрещены в 2011 г. – они использовались в телевизионной рекламе детских игрушек, что привело к сотням случаев эпилепсии и ряду групповых исков. – *Сабина Сэмюэлс*.

44

Среди богачей модно было употреблять в пищу плоть только молодых животных, которая, как считалось, содержит меньше жиров и с минимальной вероятностью способствует развитию сердечных заболеваний – животрепещущая проблема для людей, питающихся одними закусками. – *FERGLE*.

45

До создания прогрессивных пищевых добавок, нормализующих настроение, эмоциональные и когнитивные процессы большинства людей определялись схемами, появившимися тысячи лет назад в Серенгети.

В начале XXI в. псевдонаука «эволюционная психология» учила образованных людей оценивать собственное поведение как продолжение и развитие примитивных ритуалов спаривания, охоты и повышения статуса.

Естественно, реальность была бесконечно сложнее. Однако подобно социальным дарвинистам – своим аналогам вековой давности – рыночные капиталисты XXI столетия использовали чрезмерное упрощение для оправдания любой бездумности, жадности и жестокости под предлогом просвещенного самосознания. – *SHANKEL*.

46

Человек «в актуале» – тот, кто имеет представление о новейших тенденциях и информации. Идиома приобрела популярность в начале XXI века – быть «в актуале» стало даже лучше, чем быть «в курсе». – *Сабина Сэмюэлс*.

47

Единицы, в которых измерялось человеческое внимание. – *Сабина Сэмюэлс*.

Оптовая торговля. – *Сабина Сэмюэлс*.

49

После фактически развала авиаиндустрии в конце XX столетия выжившие компании обратились к отчаянным и – по ретроспективной оценке – неблагоразумным рекламным схемам, которые поощряли людей больше летать. В двух словах: потребителей за частые полеты награждали «милями», которые затем при будущих полетах конвертировались в модернизацию сервиса. Первоначально мили выделялись только тем, кто действительно летал. Но в итоге авиакомпании перешли к лицензированию программы непрофильным компаниям – к примеру, банкам, выпускавшим кредитные карты, или лояльным розничным торговцам. Ближе к концу эпопеи потребитель уже мог заработать мили, участвуя практически в любой экономической деятельности, от приобретения недвижимости до покупки жевательной резинки. А поскольку большинство путешествовали редко, кредитные мили скапливались на невостребованных счетах. Это привело к необъявленной гиперинфляции, так как производилось все больше миль, компенсирующих те, что, по сути дела, выпадали из оборота. А затем плотину прорвало. Повсюду – миллиарды долларов невостребованного кредита, и скупка их кадровым составом туристических агентств за гроши, а затем продажа обычным пассажирам оказалась лишь вопросом времени. Авиакомпании просто не справлялись с возросшим спросом на обслуживание первого класса, и качество сервиса резко упало. Положение достигло кульминации в 2011 г., на знаменитом рейсе 201 «Американ Эрлайнз» – худший на тот момент пример массового авиаскандала в американской истории.

50

Эта фраза долгое время приводила исследователей в замешательство. На первый взгляд, учитывая арго описываемого периода, можно сделать вывод, что Джейми намерен делать данному индивиду любовные авансы, и дальнейший диалог следует рассматривать в контексте сложного ритуала спаривания (тогда гнев Алека трактуется как плохо замаскированная ревность). Однако собеседник принадлежит к мужскому полу, а в дальнейшем мы видим, как Джейми фантазирует о сексе с женщиной. Поддержание интимных отношений с обоими полами тогда еще представляло собой значительную трудность социального плана. В литературе того периода подобные двусмысленные ситуации порой занимают целые тома. Таким образом, странно, что тема больше не всплывает даже во внутреннем монологе Джейми. Высказывалась версия, что искушенность Джейми в подобных вопросах делает его провозвестником будущего разумного подхода к сексуальному выбору. В связи с этим некоторые группы признают Джейми Коэна «пророком пансексуальности». – *DRZARDOZ*.

51

Все перечисленные – главным образом, потребительские корпорации, чья узнаваемость брэндов использовалась для стимулирования покупки акций. Большинство упомянутых в данном диалоге компаний более не существуют. – *Сабина Сэмюэлс*.

52

Жестокая видеоигра, аркада. См. примечание 86. – *Сабина Сэмюэлс*

53

В Соединенных Штатах начала XX в. обладание артефактами иных культур означало, что человек путешествовал в регионы естественного бытования этих культур, а следовательно, располагает средствами для таких путешествий. Статус, обеспечиваемый подобными артефактами, фигурировал в культуре даже после удешевления путешествий. Это, в свою очередь, неизбежно приводило к товаризации. Артефакты в массовых количествах доставлялись в страну «импортерами», которые посредством «дистрибьюторов» распространяли товар на территории США. По иронии судьбы, коренное население стран, откуда производился импорт, продавали артефакты импортерам за гораздо большие суммы, нежели своим согражданам, для которых этот «импорт» изначально и производился. Такое положение вещей привело к массовому созданию «местных артефактов» кустарями – все они поголовно занимались производством, рассчитанным специально на американцев, тем самым существенно снижая подлинность артефактов, но (к счастью для кустарей и импортеров) не снижая отпускных цен. – *DRZARDOZ*.

Псевдоэстрогены в тот период являлись широко распространенным побочным индустриальным продуктом. К началу XXI в. аккумуляция этих химикатов в окружающей среде уже заметно отражалась на развитии подрастающего поколения. У девочек вторичные половые признаки нередко развивались к восьми, а то и шести годам. Напротив, у многих мальчиков развитие задерживалось до позднего подросткового периода или даже двадцати с небольшим лет.

Культурное значение этого биологического сдвига наблюдается в средствах массовой информации, рассчитанных на подростковую аудиторию: эротизированные поп-дивы с тонкими талиями, с одной стороны, и вкрадчивые бесполые «мальчиковые группы» – с другой. – *SHANKEL*.

55

Классический фильм ужасов по роману беллетриста того периода Стивена Кинга. – *Сабина Сэмюэлс*.

56

«Подъемный кран» – нападение с целью одновременно причинить боль и поставить в неловкое положение. Нападающий хватается сзади за резинку нижнего белья жертвы и вытягивает ее вверх, чтобы ткань ощутимо и порой весьма заметно врезалась между ягодицами. – *Сабина Сэмюэлс*.

57

«Крюк» – нападение, сходное с «подъемным краном» (см. выше). Нападающий, стоя за спиной у жертвы, протягивает руку ей между ног, хватает за резинку трусов спереди и вытягивает ее как можно дальше, причиняя еще больше неудобств. Описания этих ритуалов, а также их психологического воздействия см. Джордж Томас Дункан. «Ритуалы инициации у подростков», Оуклэнд, «И-Си Пресс», 2005 г. – *Сабина Сэмюэлс*.

58

В тот период данный препарат класса амфетаминов назначали юношам, сопротивлявшимся принудительному электронному программированию. По всей видимости, едва корпорации переопределили социальные и общественные слои как «экономики внимания», все ограничения на трансляцию коммерческой информации были сняты. В итоге дети в американских городах сталкивались с рекламной или брэндовой информацией буквально всюду, куда ни смотрели.

В ответ на это у многих детей выработалась примитивная версия восприятия, известного сейчас как «белый взгляд». В то время, однако, он считался психическим заболеванием, ибо позволял детям сопротивляться «липучести» информации и, следовательно, делал их невосприимчивыми к рекламе. Также возникали и серьезные побочные эффекты – к примеру, неспособность к линейной логике. Многие дети, которым прописывали «риталин», продавали его товарищам в качестве «стимулятора». – *Сабина Сэмюэлс*.

59

Неэффективный набор программ, моделировавших различные офисные задачи – машинопись, работу с таблицами и т.д. Компания «Майкрософт» вплоть до своей гибели использовала данный продукт для продвижения собственной операционной системы и сохранения позиций на рынке. Считается также, что компания практиковала систему запланированного устаревания: нелепо раздутый код программы заставлял пользователей покупать более быстрые микросхемы и, следовательно, новые версии операционной системы. – *Сабина Сэмюэлс*.

В тот период электронная почта использовалась главным образом для передачи примитивных рекламных сообщений – одна и та же информация рассылалась миллионам пользователей одновременно. Эта методика использовалась еще долго после того, как стал реальностью компьютерный целевой «индивидуальный» маркетинг. «Спам» являлся также торговой маркой консервов, производившихся из мяса разнообразных животных. Специалисты не исключают взаимосвязи терминов. – *Сабина Сэмюэлс*.

61

«Инсайдер» – новости превратились в форму развлечения. «Журналы» (такие как «Инсайдер») публиковали главным образом рассказы об актерах, участвовавших в «реальных телешоу» – социальных экспериментах, основанных на ритуализированных сагах о выживании. Программа также раздувала сенсации из разнообразных бытовых аспектов жизни – к примеру, выбора сексуального партнера политической или корпоративной знаменитостью. – *Сабина Сэмюэлс*.

62

До 2020 г. большая часть компьютерного программного обеспечения выпускалась с зашифрованным исходным кодом. Это означало, что вносить изменения в программный продукт мог лишь его автор и владелец! Антиэволюционная позиция, которую заняли большинство производителей ПО, существенно затормозила развитие технологий. По данным современных аналитических исследований, если бы тогда основной рыночной моделью было ПО с открытыми исходными кодами, к 2009 г. компьютерное программное обеспечение опережало бы зафиксированный уровень на тридцать лет. – *Сабина Сэмюэлс*.

63

Архаическая и предположительно болезненная система из проволоки, предназначенная для исправления прикуса молодых людей с тем, чтобы он соответствовал социально принятым стандартам. Из комментария автора можно сделать вывод, что такие «скобки» были привлекательны, однако мы не знаем, что именно символизировала эта зубная проволока. Быть может, стоицизм носителя, сочувствие к его социальным ограничениям, или даже некий фетишистский интерес? – *RAYGIRVAN*.

64

Неэффективная юридическая система: нанимался отрицающий логику человек, который доказывал, что преступник совершил преступление оправданно или был ложно обвинен по причине собственного уродства или неудачливости. Зачастую скорее менялись законы, нежели достигалась справедливость. – *BARGAMER*.

65

«Мир Риверы» – телевизионная программа, предположительно созданная для изучения социальных последствий судебного разбирательства в связи с обвинением бывшей звезды футбола О. Джей Симпсона в убийстве. – *Сабина Сэмюэлс*.

66

Вопреки убеждению ряда ученых, в данном пассаже не идет речь о терманиксе – супрессивном средстве против гипертермии и обмораживания, разработанном для ранних марсианских экспедиций. Во-первых, для обычного разговора это слишком невнятное и таинственное предложение. Во-вторых, независимо от своей подлинности или фиктивности, данный текст появился четырьмя десятилетиями раньше терманикса. Вероятнее всего, это слэнговый аналог рекомендации «успокойся». Другие источники связывают данное выражение с терминами «уйди», «готово», «умойся» и «знать ничего не хочу, понял?» – *SHANKEL*.

«Остынь» – примерный аналог «отвянь», предложение расслабиться и одновременно – не докучать собеседнику. Вероятнее всего, от глагола «вянуть» – процесса умирания растений. В настоящее время увядание воспроизводится только посредством компьютерного моделирования. *DUSTYONEI1, KOOSTIK13*

67

Кредитные карты представляли собой метод влезть в долги. – *Сабина Сэмюэлс*.

В начале XXI в. граждане обязаны были носить с собой массивные объемы информации, зашифрованные на специальных карточках. Кредитные карты использовались для оплаты товаров и услуг – предположительно после того, как обесценились наличность и драгоценные металлы. Помимо карточки для покупок гражданам приходилось иметь при себе личные идентификаторы и нечто под названием карточка «особого клиента», которая, судя по всему, давала пользователю право на небольшую скидку в обмен на его разрешение отслеживать собственные покупательские предпочтения. Кроме того, большинство людей носило маленькие металлические объекты, позволявшие им получать доступ к своим домам, офисам и транспортным средствам.

Подобная система начала устаревать в 2015 г., когда массовое имплантирование чипов позволило собрать все необходимые данные на крошечном чипе, вживленном в запястье. Люди поначалу сопротивлялись, однако в итоге их убедили сравнительно небольшие скидки на продукцию. – *Сабина Сэмюэлс*.

68

Авиакомпания, обанкротившаяся после группового иска клиентов и служащих аэропорта, обвинивших ее в противозаконном снижении объема кислорода на борту. – *Сабина Сэмюэлс*.

69

Прибыльные системы медицинского страхования, в рамках которой компьютеры отказывали платным клиентам в необходимых медицинских услугах. Как ни удивительно, всеобщее недовольство поликлиниками использовалось для разубеждения американцев в необходимости принятия государственной системы здравоохранения. – *Сабина Сэмюэлс*.

70

Метод контроля рождаемости – по сути, резиновая перчатка для пениса, которая также предотвращала распространение заболеваний. Первоначально делалась из овечьих кишок, однако к середине XX в. большинство презервативов стали резиновыми, а резину, в свою очередь, сменили синтетические полимеры и латекс. Как нетрудно догадаться, презервативы существенно снижали чувствительность, и многим носителям приходилось опускаться до медикаментозных инъекций с тем, чтобы поддерживать приемлемую для коитуса эрекцию. – *Сабина Сэмюэлс*.

71

Обозначение марихуаны, в те времена запрещенной. Непоследовательность существовавших в описываемый период антинаркотических законов (алкоголь и табак были разрешены) еще ждет своего толкователя. – *Сабина Сэмюэлс*.

Примечание к примечанию – Табак: Также известен как «курево». Его культивация трансформировала экономику и общество американского континента. Курение высушенных табачных листьев приводило к наркотической зависимости и миллионам смертей, что любопытным образом лишь добавляло табаку привлекательности. (См. Роберт Кляйн, «Сигареты великолепны», ок. 1990-х гг.). После легализации марихуаны в начале 2000-х гг. выращивание табака было свернуто в течение десятилетия.

Современные ученые восстановили это давно вымершее растение на основе проб, взятых из запечатанной пачки «Ньюпортс» (марка сигарет, дополненных химикатами, компенсирующими в целом ядовитый вкус и запах), вырастили его в соответствии с нормами того периода и проверили воздействие на медицинских роботах-симуляторах. Роботов и контрольную группу социально разделили, и в то время как система самозащиты заставляла контрольную группу возводить физические барьеры между собой и отвратительными табачными роботами, роботы продолжали окуривать свои микросхемы дымом горящих листьев, который, очевидно, сильнее любых запрограммированных стремлений к слиянию с социумом, защиты от ядов или отвращения к неприятным запахам. Сегодня табак можно наблюдать во Всемирном музее смертельных ошибок, станция Б6. – *ADAVEEN*.

72

Вопреки напрашивающимся выводам, пенисы в те времена еще не были съемными. Вставший член рассказчика находится не в кармане, но в стандартном положении рядом с карманом. Сегодня, естественно, человек, явившийся на профессиональное сборище с подсоединенным пенисом, считается крайне дурно воспитанным. – *SHANKEL*.

73

В те времена считалось, что женщин гораздо сложнее довести до оргазма, нежели мужчин. В результате этого самоподдерживающегося заблуждения во главу угла ставился порог женского удовлетворения. – *Сабина Сэмюэлс*.

74

В тот период газеты печатались на огромных листах (наследие более ранних эпох, когда периодические издания платили налоги постранично), токсической краской, которая нередко оставалась у читателя на пальцах. – *Сабина Сэмюэлс*.

75

Никто не решался признавать, что глобальное потепление достигло критической стадии, хотя полярные льды уже превращались в озера. Многие журналисты резко высказывали собственные тайные опасения, что рост рекордных температур, наводнения и экологические катастрофы, возможно, являются симптомами явления, над которым следует работать. Тем не менее ОПЕК – картель арабоязычных государств, генетически или расово по сути не имеющих ничего общего и объединившихся во имя экономических выгод, – искусственно удерживала стабильные цены на нефть, и цифры на газовых насосах оставались для общества единственным показателем климатического кризиса. – *Сабина Сэмюэлс*.

«Брешь» – сеть магазинов одежды, первоначально известная недорогими джинсами, а затем выступившая поставщиком неброской одежды для профессиональных технологов. Детская серия была весьма популярна в среде высше-среднего класса, имевшего склонность использовать собственных детей как демонстрацию своих предпочтений в сфере стиля жизни. Подобные дети назывались «дизайнерскими малышами». См. Дэрил Притчард «Радости автономного потребления». Нью-Йорк, «Сигнифайр-Пресс», 2011 г. – *Сабина Сэмюэлс*.

Педипортной Барбра Блейкчипп в своем исследовании «Мини-пут: Двухлетки как драгоценности» (2015) предлагает следующее объяснение: «Лет десять-пятнадцать назад тщеславные бездетные женщины обозначали свое внимание к абсурдным эстетическим деталям – клейму привилегированных, – украшая собаку, генетически запрограммированную неуправляемо дрожать и вообще быть крошечной и беззащитной. Они одевали собак в дорогие свитеры и прочие пародии на человеческую одежду, в которой опрятное животное затем радостно мочилось на взрослое человеческое существо, не располагающее ни природным мехом, ни качественным гардеробом, не говоря уж о безопасном и постоянном местообитании. Молодые пары с детьми традиционно переносили эту роль на своих отпрысков. Зловещий пример тому – витрины популярного в Соединенных Штатах магазина детской одежды „Малышовая Брешь“. Имя происходит от образа, с которым сталкивался прохожий: яркая, прочная детская одежда, вплоть до кепочек и туфелек, играет и прыгает, так что сначала кажется, будто это дети, хотя там, где должен быть ребенок, по сути дела – брешь. С помощью сложной системы проводов одежду как бы надевали на невидимого малыша, что отражало родительский идеал: сплошной гардероб, без всякого грязного, испражняющегося, скачущего, рыдающего ребенка с разбитыми коленками». – *ADAVEEN*.

77

Название многоквартирных домов, отражающее происходившую в них беспорядочную половую активность, требующую использования кондомов, более известных как презервативы. – *RAYGIRVAN*.

78

Он же Ральф Липшиц, модельер и дизайнер, родился в Нью-Йорке, более всего известен популяризацией концепции «река течет насквозь». В основе лорановской эстетики лежала мифическая гипотеза, будто переселенные восточные европейцы для того, чтобы ощутить себя потомками англичан, американскими ковбоями конца XIX в., могут использовать одежду и пластическую хирургию. – *Сабина Сэмюэлс*.

79

Отделение популярного онлайнового аукциона под названием EBay. Учредитель обслуживал одержимых коллекционеров, а данная дочерняя компания популяризировала концепцию вторичного потребления. Переработка использованных товаров, хотя и снижала валовой национальный продукт, считалась способом реабилитации тех, кто оказался устойчив к влиянию рыночного духа. – *Сабина Сэмюэлс*.

80

В большинстве мировых регионов торговля органами и соответствующие аукционы еще не были объявлены противозаконными и ограничивались главным образом черным рынком, а сырье поставлялось в основном бездомными. Ученые допускают, что выражение «хуй в рот» – слэнговый термин, означающий передачу другому субъекту прав на половые органы. – *MRNORMATIVE.*

81

Данный термин происходит из диалекта 1990-х гг., разработанного корпоративными специалистами по связям с общественностью. Диалект менялся непрерывно, один термин приобретал популярность, другой забывался. Суть процесса – поиск новых способов представить малоприятные обстоятельства приятными, налепляя на концепции максимально лестные ярлыки. – *JEFFRINE1*.

82

Несмотря на утверждения ряда ученых, это нечаянное, почти хвастливое упоминание использования натуральной древесины в доме не является свидетельством социопатии рассказчика. Звучит пугающе, однако в те времена натуральные древесные полы имели широкое распространение.

Использование пиломатериалов при строительстве зданий продолжалось и в XXII столетии. Во времена, описываемые в настоящей работе, деревья по-прежнему имелись в сравнительном изобилии, а прочные синтетические заменители стоили дорого.

В последующие годы естественные лесонасаждения поредели и древесина превратилась в статусный символ, в роскошь, которую могли себе позволить только супербогачи. Лишь когда стало очевидно подлинное влияние обезлесения на окружающую среду, использование натуральной древесины стало не в чести.

Разумеется, в настоящее время хвастаться, что полы сделаны из дерева, – все равно что похваляться полами из человеческих костей (см. «Слоновая кость», «Медвежья шкура»), но не следует судить рассказчика, исходя из нынешних понятий о приличиях. – *Сабина Сэмюэлс*.

83

Один дюйм – приблизительно 2,54 см. – *SHANKEL*.

84

Существовал обычай искусственно «старить» предметы – зачастую с мошенническими целями. Это прекратилось в 2017 г. с появлением персональных возрастных сканнеров, позволяющих точно определить возраст. – *JACOBYACOV*.

85

Динамическая рыночная психология, или ДРП, – система мер, введенная «Доу-Джонсом» после коррекции 2001 г. Расчет строился на том, что добровольные самоограничения необоснованного цинизма, особенно в СМИ, поддержат повышательные настроения на рынке. – *Сабина Сэмюэлс*.

«Уличный боец 2» – ранняя компьютерная игра для двух противников. Многие мегабайты ОЗУ тратились на попытки объяснить, почему первые компьютерные развлечения представляли собой почти исключительно боевые сценарии. Большинство аналитиков пришли к заключению, что таков результат изначального внедрения технологии как учебного военного инструментария. Гипотеза, однако, почти не объясняет популярности насилия в играх той эпохи. Возможно, проблема коренилась в недиагностированной глюкозной зависимости общества. – *Сабина Сэмюэлс*.

Примечание к примечанию – Боевой сценарий: Повседневная жизнь людей, имевших возможность приобрести необходимое для таких игр оборудование, была в целом лишена борьбы. Для тех, с кем судьба обошлась суровее, перестрелки, кулачные бои и прочие пережитки саванны являлись обычным делом.

Типичный студент той эпохи, возможно, считал, что симуляция боя окажется полезной с точки зрения подготовки к реальным физическим боям, однако нажатие кнопки, заставляющей «суперменских» героев (невообразимо мускулистых, привлекательных и ярко одетых) атаковать других сходных персонажей, не слишком напоминало методики и навыки, необходимые для выживания в настоящем бою. (См. «Жестокие фильмы», особенно «Фильмы кунг-фу» и «Раскрашенный борец» в Энциклопедии Всемирного музея.)

Таким образом, эти игры представляли собой идеальное времяпрепровождение для детей, «офисных сотрудников» и других беспомощных индивидов: те восторгались эстетикой битвы как своего рода импровизированного танца, симулировали свершения, набирая очки в игре и находя секретные игровые режимы, и в целом подменяли играми осязаемые достижения и жизненный статус, который в реальности доставался лишь немногим из элиты. Некоторое время эта подмена мешала любым революционным коллективным выступлениям бесправных, поскольку игроки сидели в одиночестве по домам – конечности и зрение ослаблены, социальные навыки атрофированы. Впоследствии, однако, игровое оборудование все более усложнялось, стало сетевым, «топтуны по клавишам» встречались, обменивались идеями, и в 2010 г. спровоцировали Путч «Геймбоя», в результате которого были захвачены коммуникационные системы практически всех правительств

немногих технологически развитых стран. – *ADAVEEN*.

87

Вторая в серии быстро устаревавших видеоигровых консолей. Оригинальная «ПлейСтейшн» дебютировала в середине 1990-х, за ней на рубеже веков последовала «ПС-2». Из-за якобы дефицита производства, о котором сообщила не существующая ныне корпорация «Сони», спрос на «ПС-2» лишь немногим не дотягивал до фанатизма. В Повсеместно Протянутой Паутине консоли продавались за пятикратную, а то и десятикратную розничную цену. Популярность «ПлейСтейшн» канула в лету к 2010 г., главным образом из-за появления интерактивных голографических изображений. (Между прочим, корпорация «Сони» обанкротилась в 2014 г., когда вышел из-под контроля финансировавшийся ею ретроконцерт музыки 1980-х гг. После концерта было подано множество судебных исков.) – *ISERCLE*.

88

Нельзя сказать, что множество раввинов, священников и гуру не наживались на мании самосовершенствования с замысловатыми правилами во имя некой жадности под названием «самопознание». Названия всех бестселлеров содержали цифры: «Семь привычек», «Шесть программ», «Девять озарений», «Десять истин». Большинство их авторов похвалялись принадлежностью к той или иной религиозной организации. Зарабатывая на фантазиях, которые, как писал историк Ассария Глиб, «даже кальвиниста вгонят в краску», два таких гуру самосовершенствования открыли духовный коммерческий вебсайт, попавший в индекс S&P 500. – *Сабина Сэмюэлс*.

89

Знаменитая жертва геноцида, развязанного нацистами. – *Сабина Сэмюэлс*.

90

В те времена, разумеется, люди воспитывали собственных детей. Неясно, представляет ли уровень конфликта в данной сцене вариацию или норму таких, по нашим стандартам, абсурдных и бесславных отношений. В XX и начале XXI в. наблюдалась тенденция к еще менее крупным социальным и репродуктивным союзам. Такая «ядро-семья», считавшаяся – по сравнению с коммунальной жизнью – показателем богатства и прогресса, лимитировала социализацию ребенка и превращала его в жертву неврозов ограниченного числа людей. – *RAYGIRVAN*.

91

Американцы XXI в. были одержимы правами собственности. В эпоху, когда бедность и голод были распространены повсеместно, частная собственность считалась значимым фактором выживания. Таким образом, реакция на преступления против собственности по непримиримости не уступала реакции на преступления против человечества, а порой даже ее превосходила – в зависимости от конкретной собственности или конкретного владельца. – *SHANKEL*.

92

Генетическое отклонение, подавляющее физическое и психическое развитие. В то время казалось немыслимым, что такие заболевания можно лечить, а споры об этичности корректирующей замены генов еще даже не начались. – *Сабина Сэмюэлс*.

93

Комик начала XX в., чье появление вдохновило разработку «Граучо-маск», которых всячески домогались коллекционеры XX в. – *RAYGIRVAN*.

94

Будучи по-прежнему плотоядными, американцы страдали от ряда заболеваний, вызванных потреблением мяса. Наиболее знаменитое, известное как «коровье бешенство», началось у крупного рогатого скота, однако модификации вскоре распространились на домашнюю птицу и рыбу. Некоторые фармацевтические компании продавали тестовое оборудование для использования в домашних условиях, чтобы перед потреблением люди проверяли мясо на присутствие различных возбудителей. – *Сабина Сэмюэлс*.

95

Слэнговое обозначение Мидраша – текущей традиции библейских комментариев. – *Сабина Сэмюэлс*.

96

Как писал Исаак Шварц в «Страстях евреев», «гоим нахес» – традиционные американские достижения, к которым евреи по большинству еще не привыкли, – например, выращивать розы-призеры, выигрывать футбольные трофеи или охотиться на оленя. – *Сабина Сэмюэлс*.

97

Мужчины в этом абсурдно помешанном на статусе обществе непрерывно сравнивали размеры своих овощей. Однако большим хреном чаще хвастались – видели его редко. Хрен непрерывно всплывает во множестве мужских диалогов. Известно, что вступая в интимные отношения, мужчина позволял другим людям увидеть или потрогать хрен. Распространена была угроза засунуть хрен в какое-нибудь отверстие. Многие исследователи мужской культуры полагают, что на столь поздней стадии человеческой истории в технологически развитом городском обществе невозможно было бы держать под рукой целую овощебазу. Таким образом, все эти разговоры про хрен могли быть и чисто символическими. Не исключено, что у мужчин и вовсе никакого хрена не было. – *ADAVEEN*.

Очевидно, речь идет лишь о престижности происхождения семьи Морхауса. Считывание генома еще не стало основным критерием корпоративного найма и рекламы. – *MRNORMATIVE.*

99

Обрезание, или уродование мужских гениталий, являлось в XX в. общераспространенной практикой и продолжалось немалую часть XXI столетия, вплоть до запрета Организацией Объединенных Наций. Практика была и, технически говоря, остается требованием еврейского Закона, хотя современная версия причиняет меньше ущерба. В прошлом операция, проводимая специально обученным раввином, называвшимся «моэль», состояла из полного удаления крайней плоти. Сегодня, разумеется, процедура гораздо более символическая – она ограничивается небольшим надрезом крайней плоти, наносимым специальным автоматическим хирургическим устройством (см. «Брит-о-Матика Ронко 5000»). – *SHANKEL*.

Примечания к примечанию – Надрез крайней плоти: Крайняя плоть, разумеется, еще не была разумна. – *RAYGIRVAN*.

Примечания к примечанию к примечанию – Еще не была разумна: По данному вопросу имеются определенные разногласия. Большинство ученых сходятся во мнении, что крайняя плоть, как и другие органы, стала разумной в результате нейрогенной эпидемии, вызванной широким потреблением генетически модифицированной пищи (см. «Умные Прыг: Попкорн, что допрыгнет до Монсанто», 2014). Однако некоторые считают, что ученые XX в. просто не располагали языком, необходимым для эффективного общения с органами тела, – вероятно, за исключением мозга. – *SHANKEL*.

100

Устройство, применявшееся для максимального увеличения пространства и ограничения межличностных контактов в рабочей среде. В 2116 г. признано неэтичным Организацией Объединенных Наций. – *RABBITROAR*.

101

Американцы начала XX в. почти патологически неспособны были выносить любую сенсорную депривацию. Упомянутые портативные устройства развлекали хозяев, когда те лишались своих драгоценных телевизоров и персональных компьютеров.

Некоторые историки делают вывод, что подобное маниакальное самоотвлечение требовалось для того, чтобы избавить рыночных рабов от негативных последствий их образа жизни. Другие сравнивают медиапотребителей XXI столетия с лабораторными свинками, чьи центры удовольствия подключены к пульту дистанционного управления. – *SHANKEL*.

102

Популярная программа многоуровневого маркетинга, в рамках которой участникам предлагалось продавать дорогие членские билеты родственникам и друзьям. О жертвах подобного мошенничества было написано множество психологических исследований, а затем в 2023 г. схема была объявлена противозаконной. – *Сабина Сэмюэлс*.

103

Компании того периода нередко использовали стекло для ограничения передвижения сотрудников. В некоторых источниках упоминается стеклянный потолок, неустановленным способом предотвращавший карьерный рост женщин. – *RAYGIRVAN*.

104

ЮНИКС – принадлежавший «Сан Майкросистемз» проприетарный предшественник операционной системы Linux. – *Сабина Сэмюэлс*.

105

Стандартное приветствие тех времен: мужчина спрашивает, удобно ли расположены гениталии собеседника. Приблизительный аналог «как дела?» – *MRNORMAT1VE*.

106

Доступ в Интернет осуществлялся посредством неудобных гипертекстовых программ под названием браузеры. Netscape – браузер, принадлежавший корпорации «Америка Онлайн». Изначально разрабатывался как бесплатный продукт в университете Иллинойса в Шампейн-Урбана, однако впоследствии стал первым коммерческим браузером. Ему нередко ставят в вину тот факт, что среда разработок онлайнового ПО помешалась на рыночной конъюнктуре. Однако по сравнению с браузером Explorer корпорации «Майкрософт», Netscape был натуральным пролетариатом. – *Сабина Сэмюэлс*.

107

По иронии судьбы, в те времена для описания рынков и прочих сложных систем использовались биологические аналогии, а не наоборот. См. Хайек, Фридрих Август фон (1945) «Использование знания в обществе» [униссылка ХАЙ 334а] и Документ с Открытым Кодом (2036) «Манифест Связистов 1.7» [333543 г] – *MRNORMATWE*.

Шифрование применялось не только для деловых целей и проведения защищенных транзакций через сеть, но также пользовалось популярностью как реакция на нарушения прав индивида и его конфиденциальности со стороны мировых правительств и других организаций.

Некоторые страны приняли законодательные акты, согласно которым правительственные органы в любой момент могли потребовать у пользователя шифрования предоставить фразы-пароли для расшифровки «в интересах национальной безопасности». Отказ предоставить верную фразу-пароль карался двухлетним тюремным заключением. Таким образом, многие люди попадали за решетку исключительно благодаря собственной дырявой памяти. – *alumpot*.

109

Термин, впервые использованный Коммунистической партией Советского Союза; означает, что утверждение или позиция соответствуют государственной идеологии. В устах Джейми слово обозначает американские старания выполоть расистские и сексистские выражения и действия посредством самоподавления, а не осознания. – *Сабина Сэмюэлс*.

110

Судя по описанию событий, изложенному в предыдущих главах, Джейми предал Карлу еще до того, как сделал ошибочный вывод, что она спала с начальником. Мы не знаем, намеренно ли он искажает свою позицию или просто подменяет собственные воспоминания. – *Сабина Сэмюэлс*.

111

Повсеместное водное загрязнение и химические добавки вынудили человечество использовать воду в бутылках. Дабы сделать процесс менее огорчительным, многие люди предпочитали выбирать брэнды, исходя из соображений моды. Загрязнение полярных льдов в итоге сделало брэнды, подобные «Эвиану», еще менее безопасными, нежели высокохлорированная «водопроводная» вода. – *Сабина Сэмюэлс*.

112

Небольшие картонные прямоугольники с фотографией спортсмена, с одной стороны, и его численным рейтингом – с другой. Использовались мужчинами и мальчиками как объекты поклонения. – *RABBITROAR*.

113

Один из наиболее проблематичных аспектов рукописи. Морвенна «Холодный Гранит» Кон полагает, что налицо документальное свидетельство раннего проявления феномена зооморфных аватаров культа Митры, предвестников Критского Откровения. Более распространенная оценка гласит, однако, что речь идет о вымышленном опыте, который призван подчеркнуть метафору «быка», сознательно исследуемую в данной работе. – *RAYGIRVAN*.

114

В тот период «Кто хочет стать миллионером» еще не превратилось в церковь и было лишь телеигрой и веб-сайтом. – *Сабина Сэмюэлс*.

115

Крайне важно, чтобы читатели распознали все уровни смыслов этого пассажа. Бык для рыночных капиталистов являлся символом экономического благосостояния. «Бычизм», однако, – слэнговое обозначение характера недоброжелательного быдла. Таким образом, фразу «беглый бык» можно трактовать как «беглое благосостояние» или «беглое быдло». Разумеется, учитывая крайне агрессивную природу рынка XXI столетия, благосостояние зачастую оказывалось неотделимо от быдла. (Читателям не стоит удивляться упоминанию принесения быка в жертву. В те дни религиозные жертвы не имели широкого распространения, однако многочисленные формы убиения животных по-прежнему оставались законными.) – *SHANKEL*.

116

Новостная программа, знаменитая своими разоблачениями. «60 минут» придали огласке множество случаев корпоративной коррупции, пока сеть-учредитель не была куплена аэрокосмическим медиа-конгломератом, после чего журналистские расследования свелись исключительно к деятельности правительства. – *Сабина Сэмюэлс*.

117

Возможно, аллюзия на более опасный вариант причуды конца XX в.: платить за возможность поплавать с дельфинами якобы в терапевтических целях. – *RAYGIRVAN*.

118

Речь идет о непомерном влагозадержании, которое испытывал человек, употребивший чрезмерное количество китайской еды, приготовленной с глютаматом натрия. – *AMELIAB8S*.

119

Упаковка считалась приемлемой мерой качества. Удачные вбросы товаров на рынок сопровождались роскошным аудиовизуальным аккомпанементом. Хотя подобные компьютерные презентации дополнительной информации обычно не несли, их техническая сложность была призвана демонстрировать технический уровень вбрасываемой идеи. Кроме того, презентация отвлекала аудиторию от выступающего, который языком жестов мог невольно выдать нежелательные данные. – *Сабина Сэмюэлс*.

120

В те времена «Уайред» был полноценным журналом со статьями, а не каталогом компьютерных деталей, который мы наблюдаем сегодня. – *Сабина Сэмюэлс*.

121

Еще один журнал, посвященный компьютерной индустрии. – *Сабина Сэмюэлс*.

122

В данном случае речь идет о профессиональном психиатре или враче, специализирующемся на психических заболеваниях. Поликлиники редко назначали психиатрическое лечение, поэтому «психоаналитики» лечили почти исключительно представителей высшего класса. Многие «психотерапевты», по сути, являлись наркодилерами, толкавшими своим пациентам легально прописанные высококачественные лекарства. – *AMELIAB8S*.

123

Небоскреб Сайентологии на 44-й улице. – *Сабина Сэмюэлс*.

124

Колонка сплетен в ныне закрытой газете «Нью-Йорк Пост». Первоначально публиковала слухи об артистах, но в итоге превратилась в скандальную полосу, посвященную фактам из жизни городских бизнесменов. – *Сабина Сэмюэлс*.

125

Внедорожник. Военные автомобили, предназначенные для использования в городских (афро-американских) районах, где ценились агрессивное вождение, расточительное потребление бензина и чувство защищенности от потенциальных нападений. – *Сабина Сэмюэлс*.

126

К тому времени загрязнение воздуха и искусственные ингредиенты в переработанной пище так подорвали человеческую иммунную систему, что у многих начинался самопроизвольный выброс антител на безвредные натуральные агенты, например пыльцу или шерсть животных. Подобные реакции назывались «аллергии». – *Сабина Сэмюэлс*.

127

Бесплатные предметы с корпоративными логотипами. Многие из них сейчас собраны в Музее Дребедени в Барселоне. – *Сабина Сэмюэлс*.

128

До создания технологий клонирования органов и регенерации тканей людям приходилось жить с хроническими физическими нарушениями. Подобные нарушения расценивались как неприличные с социальной точки зрения, поскольку напоминали людям об их смертности. В настоящее время, разумеется, единственным напоминанием о смертности служат кристаллы часов жизни, вживленные в обе руки. – *SHANKEL*.

129

Еще до XX столетия это слово обозначало неконтролируемость. Термин стал определением человеческого состояния, при котором жертва не способна контролировать собственные выделительные функции. Между 2005 и 2012 гг. эти человеческие биологические процессы были видоизменены после исследования стволовых клеток, и термин забылся. Он снова появился в 2234 г., когда стал описывать новое состояние, на сей раз психическое, среди непрофессионалов известное как «Бинарный-Плюс»

У страдающих от «Бинарного-Плюс» сужается жизненный выбор, и в социальном контексте вновь становится актуально первоначальное значение слова. Страдающий недержанием не «неподконтролен», но «неконтролируем», а следовательно – свободен. – *CASEMAKER*.

130

Американцы высоко ценили одежду, выпускаемую за рубежом, особенно в Европе. Немногие знали (или признавали), что производилась она не в Европе, а на южноазиатских фабриках. – *Сабина Сэмюэлс*.

131

Телеканал, поставлявший информацию по проводам. Программы в то время были посвящены главным образом фондовой бирже. – *Сабина Сэмюэлс*.

132

Достроив новый уровень Великой Пирамиды, проекты Стендаль позволят международной инвестиционной программе до падения расти еще полтора года. Давние контакты Стендаль в правительствах Восточного блока стали директорами местных телекоммуникационных монополий, и хотя ей недоставало рычагов, какие Госдепартамент предоставлял ей в ее прошлой инкарнации, рентабельность инвестиций, которую Стендаль обещала восточным европейцам, значила для них гораздо больше, чем бывшие симпатии к Политбюро. – *Сабина Сэмюэлс*.

133

Диагноз, как правило, описывавший молодых людей, чей мозг выработал сопротивляемость корпоративному программированию. – *Сабина Сэмюэлс*.

134

В начале XXI столетия наблюдалось подлинное слияние психологии, экономики и патриотизма. После уничтожения Первого Всемирного торгового центра в сентябре 2001 г. американский рынок балансировал на грани коллапса, а национальное доверие пошатнулось. Попросив для начала пищи, медикаментов и благотворительных взносов, президент и Конгресс призвали американский народ тратить оставшийся наличный доход на товары личного потребления. «Это укрепит Американский Дух, – сказал президент Джордж У. Буш. – Врагам свободы не удастся уничтожить нашу великую миссию». В последующие дни сотрудники Белого дома предприняли ряд попыток уточнить заявления мистера Буша, однако его изначальные слова и сегодня вдохновляют не меньше, чем, надо полагать, вдохновляли в те времена. – *SHANKEL*.

135

Цифровой носитель, в тот период весьма популярный, несмотря на то что, по сегодняшним стандартам, данные на нем разрушались довольно быстро. – *Сабина Сэмюэлс*.

136

Афроамериканка, ведущая популярной телевизионной программы о духовности и ожирении. – *Сабина Сэмюэлс*.

137

Учитывая важность потребительского поведения в культуре тех времен, разумно предположить, что эти так называемые грехи касались безрезультатных стараний потратить деньги. Дни Трепета, вероятнее всего, представляли собой маркетинговый/рекламный период, когда поощрялся рост потребления (см. «Рождество в июле», «Назад в школу», «Папаши и школяры»). – *SHANKEL*.

138

Массачусетский институт технологий, как и Гарвардский факультет бизнеса, в начале XXI столетия стал инкубатором технологий. Студенты не платили за обучение, но все их исследования и бизнес-планы становились собственностью учебных заведений с условием, что изобретатель получал преимущественное право возглавить любую производную компанию. – *Сабина Сэмюэлс*.

139

Рекламодатели поддерживали растущий конфликт между городом и деревней, утверждая, что загородный воздух качественнее городского. Рекламисты-профессионалы использовали это к собственной выгоде, ассоциируя с сельской местностью свою продукцию – например, масло, соки или автомобили, к воздуху отношения не имеющие. – *RABBITROAR*.

Стоит отметить, что во многих сельских регионах в начале XXI в. (особенно в Англии) качество воздуха было ниже, чем в городах, из-за выского содержания озона и двуокиси азота («фотохимический смог») – результат воздействия солнечных лучей на агенты загрязнения из прилегающих городских территорий. – *RAYGIRVAN*.

140

Правительство Старых Соединенных Штатов делилось на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Так называемая свободная пресса (как отмечает автор, едва ли свободная, поскольку ею владеют корпоративные интересы) называлась «четвертой властью», так как формально наблюдала за деятельностью трех официальных ветвей.

К началу XXI столетия четвертая власть, можно сказать, отреклась от своих обязанностей контролера, фактически превратившись в систему распространения чудовищной развлекательной и корпоративной пропаганды. Многие медиакритики того периода считали, что последний гвоздь в гроб прессы был вбит в начале 2010-х, едва комики Йон Стюарт и Эйша Тайлер захватили «Вечерние новости „Си-би-эс“» и после ухода на пенсию Дэна Рэзера переименовали программу в «Сегодняшние инфоразвлечения». – *SHANKEL*.

141

С 1970-х гг. крайние формы объективизированного или поляризованного сексуального поведения – такие как инквизиторские представления, пытки и садомазохизм – были переопределены их сторонниками как путь к сексуальной свободе. Считалось, что отдавшись фетишистским и дуалистическим фантазиям, человек освобождается от социальных или религиозных табу, подавляющих здоровый секс. Необходимо помнить, что в те времена порнограф Ларри Флинт и священник-фундаменталист Джерри Фолуэлл рассматривались как противоположные полюса спектра сексуального освобождения; разумеется, можно возразить, что обе медиафигуры в равной степени объективизировали женщин. – *Сабина Сэмюэлс*.

142

В период юности Джейми эта сеть розничных магазинов электроники торговала транзисторами и микросхемами, которые в руках знающего хакера становились компонентами устройств, каких легально не приобрести целиком – например, тюнеров, позволявших декодировать зашифрованные телевизионные сигналы. Как ни странно, хотя радиоволны проникали сквозь человеческие тела, людям не дозволялось получать доступ к контенту бесплатно. В конце концов, «Радио-Шэк» стал отделением мобильной связи, а затем был поглощен торговой сетью канцелярских принадлежностей. – *Сабина Сэмюэлс*.

143

Конфеты с арахисовым маслом, прославившиеся после их оплаченного размещения в кадре фильма Стивена Спилберга о дружелюбном инопланетянине. Произошло это задолго до выяснения подлинной природы инопланетян. – *Сабина Сэмюэлс*.

144

В 2008 г. слово «громовержец» обладало иным смыслом. Тогда громовержцем называли человека, обеспечившего компании богатых клиентов. Лишь обнаружение глобальных перемен климата и распространение ЭПЯ (Экстремальных Погодных Явлений) привели к тому, что термин «громовержец» получил свое нынешнее значение (тот, кто приносит разрушение и беду).

Конечно, в те времена отмечались и негативные образы дождя и грома (см. «Пусть лучше гром не гремит у меня на параде», «Пасмурное небо скоро прояснится»), однако гром выступал обычной неприятностью или экспрессионистским символом дурного настроения. Немногие считали гром и сопутствующий ему дождь зловещей угрозой человеческой жизни, как сейчас.

Фраза «Уходите, дождь и гром; возвращайтесь, но потом», к концу 2080-х официально сменившая «На Бога уповаем» на американской валюте, в действительности происходит из обычного детского стишка. – *SHANKEL*.

Примечание к примечанию – Негативные образы дождя и грома: Тем не менее ряд примеров демонстрируют ужас. Особенно пророческими оказались «Гроза» и «Лиловый дождь». Контакт с загрязненной дождевой водой вызывал мутации, характеризующиеся ускоренным ростом скелета; жертвы, таким образом, буквально вырастали из собственной кожи, что сопровождалось психическими расстройствами и кровотечением из глазных впадин.

Песня Берта Бакара и Хэла Дэвида, напоминающая детский стишок про карусель, описывает чуму прежних времен со зловещими подробностями симптомов: «Дождик на голову мне льется, я – как великан, ему вместиться никуда не удается, и не поможет ничего… я солнцу пару слов сказал… Дождик на голову закапал мне, но мои глаза ничуть не покраснеют, нет…» – *RAYGIRVAN*.

145

Слэнговое обозначение процесса потребления алкоголя, а также орального секса. В данном случае предположительно относится к первому, однако некоторые наши редакторы утверждают, что в свете дальнейшего повествования здесь имеет место гомоэротический мотив. – *Сабина Сэмюэлс*.

146

Из контекста – Бог израэлитов. Считался величайшим творцом вселенной. Также обвинялся во множестве актов разрушения – «божественных актов». Большинство людей использовало это слово для объяснения необъяснимого. – *JACOBYACOV*.

147

Мужское обрезание практиковалось большинством американцев до середины текущего столетия. Евреи называли его «брит-мила» – считалось, что ритуальное удаление крайней плоти ребенка на восьмой день после рождения служит договором с Богом, гарантирующим ребенку, а также его отцу будущее процветание. – *Сабина Сэмюэлс*.

148

Сандак – обычно родственник, держит ребенка, пока «моэль»-профессионал наносит ритуальное увечье. – *Сабина Сэмюэлс*.

149

Некошерная пища. – *Сабина Сэмюэлс*.

150

Список богатейших людей мира, публиковавшийся в журнале, открытом одним из этих людей. – *Сабина Сэмюэлс*.

151

Компания того периода, занимавшаяся доставкой. Большинство помнят ее по ассоциации с героем Тома Хэнкса в фильме «Изгой». – *Сабина Сэмюэлс*.

152

Еврейский союз фактически был колледжем для студентов-раввинов. Он закрылся в 2079 г., когда реформистское, консервативное и ортодоксальное «направления» в иудаизме наконец слились. – *Сабина Сэмюэлс*.

153

Иудейский культ, ставший популярным в конце 1990-х гг., когда его приверженцы заявили, что нашли мессию в лице собственного раввина. Культ распался после скандала, в ходе которого выяснилось, что сорок раввинов продавали нееврейским детям психоделические средства. – *Сабина Сэмюэлс*.

154

Еврейские буквы, как нам сегодня известно, в действительности не еврейские, но арамейские. Сама Тора была транслитерирована для евреев, которые разучились читать на иврите. Однако большинство евреев XXI столетия этого не знали – или притворялись, что не знают. – *Сабина Сэмюэлс*.

155

Политические партии того периода соревновались друг с другом посредством сложного комплекса обвинений и контробвинений, зачастую касавшихся сексуальной распущенности, но порой и финансирования кампаний. (Кандидаты получали деньги от корпораций и затем размещали предвыборную рекламу на телевидении и в других СМИ.) Хотя феминизм на словах тогда признавался, большинство политиков практиковали вульгарные сексуальные приставания, тем самым напрашиваясь на скандалы. Во многих случаях, однако, следующее за скандалом раскаяние политика обеспечивало ему еще более высокие позиции в рейтингах, каковых он никогда бы не достиг, не выйди на свет божий его распущенность. Более подробную информацию об этом феномене см. в биографиях Уильяма Джефферсона Клинтона. – *Сабина Сэмюэлс*.

156

Не путать с неоабстракционистским дизайном «гольфик», популяризированным в 2080-х гг. костюмером Шотландской Федерации Юином Квези Макфейдьеном. – *RAYGIRVAN*.

157

Мы не вполне уверены, о чем именно здесь идет речь. Вероятнее всего, упоминается загадочный ритуал, которому преподаватели физкультуры подвергали подростков: в ходе него посредством некой проверки учеников заставляли носить защитное белье. – *Сабина Сэмюэлс*.

158

Судя по тому, как их домогались, билеты на баскетбол несколько лет оставались недоступны широкой публике. Лишь компании вроде «МиЛ», телеактеры и весьма состоятельные персоны имели доступ к местам в «Мэдисон-сквер-гарден». Вдобавок матчи не транслировались по бесплатному телевидению, отчего спорт становился фактически недосягаем для низших классов (кроме тех, естественно, кто играл). – *Сабина Сэмюэлс*.

159

Согласно электронной документации из недавно расшифрованных архивов Комиссии по ценным бумагам и биржам, в первые годы XXI века сетевые брокерские фирмы обнаружили (или создали) особенно замысловатую, многоходовую лазейку для ухода от налогов. Система позволяла корпорациям экономить на налогообложении громадные суммы, помещая зарплату сотрудников непосредственно на онлайновые счета торгов в виде купленных акций. Сотрудников, предпочитавших подобные схемы «прямых инвестиций», в свою очередь, поощряли лучшими условиями по гарантированным ценным бумагам. Поэтому, вместо ограничения на займы в размере 80% от оборотных средств, владельцы счетов, чья зарплата инвестировалась автоматически, могли брать займы в размере полной суммы своей зарплаты за ближайшие два года. В результате маржа превышала сбережения на 600%; это же под конец несколько раз накачивало НАСДАКовский пузырь. Хуже того: каждый продолжительный спад НАСДАКа грозил лавиной требований о дополнительном обеспечении, способной совершенно уничтожить две трети стоимости всего индекса. В итоге даже те, кто первоначально сомневался в этой системе, оказались зависимы от нее при расчетах рыночной стоимости собственных инвестиций. – *Сабина Сэмюэлс*.

160

Социальное страхование – система, перераспределявшая благосостояние молодых и здоровых между старыми и больными. Такова любопытная особенность Америки XX в., обычно пренебрегавшей программами социального обеспечения. Выживание программы до XXII в. в основном объясняется тем фактом, что выгодна она была главным образом старикам, а старики участвуют в выборах активнее любой другой группы населения.

До сегодняшнего дня, невзирая на отмену официальной валюты и бесплатное удовлетворение любых мыслимых человеческих потребностей или желаний, социальное страхование технически является государственным законом – вместе со второй поправкой и запретом на воскресное купание коней на площадях Бостона.

В последние годы ныне решительно бессмысленную программу несколько раз пытались отменить, но такие попытки неизменно встречались мощным сопротивлением гражданских организаций столетников и двухсотлетников, которых истеричные ведущие «Места для трепа» убедили, что не видать им геронтологического ухода, если мы откажемся от программы социального страхования. – *SHANKEL*.

161

Ниже следует стенограмма видеозаписи выступления Эзры Бирнбаума в Сенате:

Сенатор от Луизианы: Эти «бешеные пароксизмы», о которых вы говорили, председатель Бирнбаум. Вы имеете в виду некое библейское воздаяние за веру наших граждан в Американский, если не ошибаюсь, Образ Жизни?

Бирнбаум: Нет, господин сенатор. Со всем должным уважением, я лишь имел в виду, что разные инвестиции обеспечивают разные уровни долгосрочной защиты капитала. Скажем прямо, многие джентльмены, присутствующие сегодня здесь, безответственно и во вред частным инвесторам превратили понижательный рынок 2001 года в устойчивую коррекцию. Более того, непрофессиональные инвесторы регулярно сталкиваются с системами, которые иначе как стимулирующими не назовешь, и оттого могут с легкостью упустить из виду относительную стоимость сбережений в форме наличности и облигаций, ослепленные гипотетическим очарованием честолюбивых технологических компаний.

Сенатор от Луизианы: Если я правильно вас понял, – а я не уверен, что достаточно для этого осведомлен *[Другие сенаторы смеются.]*, – задача Федеральной резервной системы – гарантировать ценность денег. Валюты нашей великой страны. Но кроме того, пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь, Федеральная резервная система фактически является частной корпорацией, не подотчетной напрямую ни одному выборному органу.

Бирнбаум: Это верно, сэр. Но это лишь для обеспечения…

Сенатор от Луизианы: Пожалуйста, позвольте мне закончить, уважаемый сэр. *[Пауза.]* И что вы, как представитель федеральных резервных банков, чей основной актив – американская валюта, скажем так, лично заинтересованы в стоимости доллара.

Бирнбаум: Да, но система такова для обеспечения…

Сенатор от Луизианы: У вас будет возможность выступить. *[Сенатор поигрывает карандашом.]* Мне кажется, вы подрываете веру американского народа в

инвестиции, обеспечивающие этой стране развитие, в инвестиции, что имеют шанс подарить нам новые перспективы образования и пути развития независимо от расовых и классовых границ. И поступаете вы так, чтобы больше капитала было привязано к вашим долларам.

Бирнбаум: Это не мои доллары, господин сенатор.

Сенатор от Луизианы: Полагаю, мне ясна ваша позиция, мистер Бирнбаум. Я отказываюсь от остатка своего времени по регламенту.

– *Сабина Сэмюэлс*.

162

В Конгрессе использовалась основанная на древнем французском парламенте двухпартийная система, в рамках которой определение «левый» и «правый» описывали положение относительно спикера. Впоследствии две крупнейшие американские партии стали неразличимы, к ним присоединилось бесчисленное множество других, и подобные обозначения остались в прошлом. – *Сабина Сэмюэлс*.

163

Популярный метод опроса мнений «реальных людей» для новостных программ или рекламных роликов. Использовался главным образом для продажи продуктов или услуг, поскольку образ удовлетворенного клиента играл роль мощного побудительного стимула в эпоху повсеместных «исков о личном ущербе». По иронии судьбы, в подобных съемках участвовали главным образом актеры. – *BMXEDD*.

164

Здание «Синаптикома» располагалось на пирсе в Форт-Ли, Нью-Джерси. Стоимость аренды офисов в Нью-Йорке взлетела до небывалых высот. Могущественная группа картелей недвижимости на много лет успешно подавила освоение новой собственности. Но едва миллиардеры от хай-тека и био-тека осознали, что государственных чиновников можно подкупить вдвое меньшей суммой, нежели те, что выплачиваются арендодателям, офисами застроили районы «красной черты», вроде Гарлема, Вашингтон-Хайтс и Нижнего Ист-Сайда. До этого, однако, даже богатейшие новые компании были вынуждены искать творческие решения для обхода ограничений недвижимых ресурсов.

Ответом «Синаптикома» стала баржа, сконструированная и построенная в Сингапуре, а затем отбуксированная прямо в Форт-Ли. Посетители летали туда на ярко-зеленых вертолетах, которые каждые пятнадцать минут отбывали с Ист-Сайда на Манхэттене или приплывали катерами на воздушной подушке из бухты возле 79-й улицы. Сотрудники просто переезжали Мост Джорджа Вашингтона и парковались на причале. – *Сабина Сэмюэлс*.

165

Комплекс якобы древних китайских принципов архитектуры, основанных на астрологии и географии. Впоследствии оказался изобретением дизайнера интерьеров из Сан-Диего. – *Сабина Сэмюэлс*.

166

Телевизионная игровая программа, созданная бывшим ведущим ток-шоу и владельцем казино по имени Мервин Гриффен. В ходе игры участники получали призы, угадывая вопросы к ряду ответов. Долгосрочное психологическое воздействие на участников и аудиторию было призвано подчеркивать неизбежность. Нам до сих пор неизвестно ни происхождение названия шоу, ни кто же именно в ходе игры подвергался опасности. – *Сабина Сэмюэлс*.

167

В разработке протоколов удержания внимания на коммерческих веб-сайтах использовались агрессивные тактики психологических военных операций. Многих пользователей, в особенности принадлежавших к возрастной группе 16–24, неумышленно терроризировали на подсознательном уровне, вызывая симптомы – паранойю, слуховые галлюцинации, конвульсии, – обычно ассоциируемые с последней стадией амфетаминового психоза. – *Сабина Сэмюэлс*.

168

Свое первое применение технология интеллектуальных агентов нашла в сфере выбора товаров на онлайновых аукционах. Покупатели запускали в веб-магазины «шоппинг-ассистентов», чтобы те нашли необходимые товары за оптимальную цену. – *Сабина Сэмюэлс*.

169

Люди все еще полагали, что женщины обладают более развитой способностью к сочувствию и склонностью к честности, нежели мужчины. – *Сабина Сэмюэлс*.

170

Телесериал 1970-х гг., который наряду со множеством закрытых сериалов стал культовым с появлением в Интернете потокового видео. «Остров Фантазии» – часовая драма, в которой испанский психотерапевт в белом костюме и его закадычный друг, карлик, сочетали устаревшие методики фрейдистского толкования снов с роскошными поездками, дабы излечить клиентов от навязчивых последствий детских травм. – *Сабина Сэмюэлс*.

171

Совершенно очевидно, что рассказчик был знаком и находился под впечатлением от работ романистки XX в. Эйн Рэнд. См. ее роман «Источник», где автор полнее, хоть и абсурдно, размышляет об этой философии. Справедливости ради следует помнить, что эти устаревшие идеи являлись общепринятыми принципами «силиконовой культуры». А по причине фашистской природы общества несогласным грозили пальчиком или заметно препятствовали. – *Сабина Сэмюэлс*.

172

Каламбур: «Освободить Вилли» – серия кинофильмов про кита, снятая до того, как эти морские млекопитающие вымерли. Джейми имеет в виду, что ему требуется помочиться. – *Сабина Сэмюэлс*.

173

Эти примитивные машины были решительно не способны доказать чью-либо вину или невиновность. К концу периода своего существования детектор лжи превратился в инструмент чистого развлечения, популяризованный радионоватором Говардом Стерном в сюжетах «какова моя сексуальная ориентация», а также в недолго просуществовавшем игровом шоу Регис Филбина под названием «Кто хочет невинно соврать?» – *IHATEGWBUSH*.

174

Около 2000 г. в философии по-прежнему доминировала религия под названием «психоанализ». Обратите внимание, что эти люди дискутируют лишь в рамках сверхрационального и рационального. Другая религия называлась «нью-эйдж» – учение о трансрациональных рамках.

По Кену Уилберу (скучному философу/гуру того периода), большинство людей, называющих себя «духовными», загнаны в «предтрансовый капкан». Центральный тезис Уилбера – «предтрансовый» цикл регрессии и эволюции. Идея сводится к тому, что развитие души начинается в состоянии недифференцированной бессознательной универсальности, а затем душа проходит стадии роста индивидуальности и развития эго и, таким образом, способна осознать себя как отдельную единицу. Лишь по достижении этого состояния человек способен продвигаться по мистическому пути и преодолеть эго с целью сознательного возвращения к недифференцированному Единству. – *COSMODELIA*.

175

Швейцарский философ XVIII столетия, вошедший в моду благодаря своему убеждению, что Благородный Дикарь, не испорченный воздействием различных институтов, морально превосходит цивилизованного человека. Не следует чересчур строго судить подобные явления. Эти люди пали жертвами подпитываемой средствами массовой информации психологии толпы. – *Сабина Сэмюэлс*.

История исследований, проведенных при подготовке кампании «МиЛ», зафиксирована в книге Марты Бэбкок «Восхождение идола: Человек, миф и деньги», Нью-Йорк, «Ратледж-пресс», 2003.

«Пытаясь умиротворить многочисленные и непостижимые силы природы, древние люди нередко приносили первенцев в жертву богам хаоса. Миф об Аврааме вводил более милосердный, более мягкий способ искупления пред единым, благосклонным Богом, связанным контрактными обязательствами. Его голод удовлетворялся одним лишь кусочком крайней плоти. Ну и несколькими регулярно убиваемыми жертвенными козами.

Но людям оказалось трудно делегировать отцовскую власть абстрактному непознаваемому божеству. У него не было даже имени, и в минуты горестей он не особо утешал. Яхве, пусть и универсального, требовалось настойчиво рекламировать. Так появились мессианские религии, призванные обратить человеческий взгляд к суррогатным родителям. Люди лишились универсальности, однако возместили ее за счет индивидуальности.

С этой точки зрения, Иисус и его мать довольно адекватно функционировали примерно до середины XVI столетия, когда вновь обретшая девственность королева Елизавета присвоила себе лавры Марии. На протяжении двух веков люди видели в монархии основной объект переноса, пока родительская роль не была, в свою очередь, узурпирована выборными лидерами более демократически задуманных республик, а со временем наши привязанности сместились от них к кинозвездам, ушедшим в политику, или наоборот.

Так человечество последовательно превращалось из рабов в детей, из детей в ягнят, из ягнят в подданных, затем в граждан и, наконец, в фанатов.

Однако преображение XXI в. из фанатов в потребителей знаменовало существенный отход от этого шаблона. Парадокс общественного сознания, полагали мы, коренится в неспособности рынка предоставить убедительную, утешительную родительскую модель, на

которую потребители могли бы проецировать застарелые детские тревоги. В рыночной реальности, сменившей культуру звезд, такой моделью были не люди, но брэнды, а они до родительского статуса не дотягивали.

Этот „культурный вольтаж“ – не помеха, но дополнительная возможность, ибо в каждом парадоксе заложено „ключевое представление о потребителе“, обеспечивающее успешную кампанию. Переверни проблему с ног на голову – и найдешь решение. В данном случае в нашу задачу входило не найти участникам онлайновых торгов замену родителя, но ускорить и утвердить независимость рыночной культуры от любых проекций супер-эго.

Эзра Бирнбаум и правительственная структура, которую он представлял, изображались строгими родителями, не дающими своим детям расти. Его заумный язык и еврейские замашки прекрасно резонировали с развивающимися популистскими и антисемитскими настроениями. Старик превращал потребителей Америки в неразумных детей, желал стать им новым отцом и застопорить их естественное развитие. Он был врагом народа. Хуже того, недостаток веры в способность его ребят принимать решения самостоятельно, как все автономные человеческие существа, стоил им финансовых потерь».

Эти идеи специалисты по соблюдению норм должны были внедрить в ряд сообщений, вызывавших перенос одновременно на всех уровнях – подсознательном, нейролингвистическом, психосексуальном и на уровне стремлений.

Что удивительно, мисс Бэбкок лишь однажды касается этических проблем, связанных с использованием подобных методик, и уверяет, что такая реклама не причиняет социального ущерба, если просто убеждает людей в том, что подсознательно они и так чувствуют. Вот поэтому ответственность за проведение столь кропотливых исследований легла на «ДДиД». Компания гарантировала, что ее насильственные методики будут использованы лишь для удовлетворения текущих культурных аппетитов. Они не формировали общественное мнение, они лишь «пробуждали и укрепляли его». – *Сабина Сэмюэлс*.

177

Сеть радиостанций, чья реклама называлась «поддержкой». Это сомнительное отличие, а также унылые балансовые отчеты позволяли якобы морально безупречной сети задирать нос. – *Сабина Сэмюэлс*.

178

В те времена «Звездный путь» оставался феноменом более или менее незначительным по сравнению с тем, что мы видим сегодня. К описываемому периоду было снято лишь пять телесериалов и меньше десятка художественных фильмов. – *Сабина Сэмюэлс*.

179

Новостная передача дочерней телекомпании «Диснея», тогда известной как «Эй-би-си». Название программы – тонкий намек на популярное в тот период оптическое тестирование. – *Сабина Сэмюэлс*.

180

С расстояния в два столетия легко понять, как дурачили себя эти невежественные творцы последней эры фашизма. Но справедливости ради следует признать, что они страдали от той же культурной сумятицы, что и люди, на которых рассчитывали повлиять. Без фюрера или дуче во главе колонны, как им было распознать смысл собственного мошенничества? У них не было высшей власти, не считая самой экономики, и они понятия не имели, что сами несут за все ответственность. Они считали, что лишь реагируют на рыночные факторы – на силы природы. – *Сабина Сэмюэлс*.

181

Хот-доги – популярные сосиски, содержавшие не употребимые в ином виде говяжьи побочные продукты и традиционно поглощавшиеся на спортивных мероприятиях, где их вкус предположительно оставался незамеченным. – *Сабина Сэмюэлс*.

182

Когда-то могущественная группа юристов, боровшихся за гражданские права и в итоге переключившихся исключительно на поддержку потребительского сектора. Даже эти самозваные «левые» превратились в очередную шестеренку машины, которую они изначально стремились демонтировать. – *Сабина Сэмюэлс*.

183

Германский архитектор XX столетия, устраивавший мероприятия для Адольфа Гитлера, включая Нюрнбергские митинги. Идентификация Джейми с антигероем – вероятнее всего, гипербола. – *Сабина Сэмюэлс*.

184

Кинозвезда, участвовавшая в половом акте с первым президентом Джоном Ф. Кеннеди, а затем покончившая с собой. – *Сабина Сэмюэлс*.

После обнародования конфиденциальной документации американского правительства (середина XXI в.) выяснилось, что актриса была убита ФБР, поскольку считалось, что она действует по указке КГБ, хотя реальных доказательств так и не обнаружили. – *MILLO105*.

185

Киноактер, чья вездесущность привела к появлению веб-сайта, где автоматически подсчитывалось, сколько шагов отделяют Бэйкона от любого другого артиста. – *Сабина Сэмюэлс*.

Свидетельства из дневников и газет того периода подтверждают слова рассказчика. Присутствие человека на игре «Никсов» говорило о благополучии его компании не менее красноречиво, нежели квартальные отчеты. Поскольку большинство этих компаний не производили ничего, кроме акций, руководство считало, что эффективнее не расходовать время и силы за столом, но выходить на публику и самостоятельно рекламировать стоимость этих акций. Судя по всему, ничто так не убеждало в ценности акций, как способность директора вложить средства в наиболее статусные места «Мэдисон-сквер-гарден».

Инвесторы, располагавшиеся в верхних рядах, наблюдали в бинокли, у кого местоположение стало лучше или хуже, и на основе этой информации посредством КПК с беспроводным подключением отдавали распоряжения компаниям, принимавшим заказы после торгов. По результатам исследования «Нью-Йорк Таймс», проведенного на пике расцвета данного феномена, активность участников торгов «Инстанета» в течение первого получаса каждого нью-йоркского матча возрастала на 40 %. – *Сабина Сэмюэлс*.

187

Керамические тарелки. – *Сабина Сэмюэлс*.

188

Спортивные мероприятия, хоть их и сложно назвать публичными, по-прежнему придерживались патриотической традиции исполнять национальный гимн, как бы давая понять, что команды призваны хранить национальный дух. – *Сабина Сэмюэлс*.

189

«Городские плясуны Никсов» ведут происхождение от так называемых «заводил», или «чирлидеров». «Заводилы», как следует из термина, – отряды молодых женщин, подбадривавшие толпу во время игры. Со временем, однако, их функции изменились – во время таймаутов и других пауз в игре они предоставляли выход сексуальной энергии в основном мужской аудитории, чья кровь благодаря атмосфере острой конкуренции переполнялась тестостеронами. – *Сабина Сэмюэлс*.

190

Популярный метод разогревания пищи. Воздействие микроволновых печей на состояние здоровья по сей день неизвестно либо тщательно скрывается. – *Сабина Сэмюэлс*.

191

Популярный персонаж комиксов того периода, чье имя стало синонимом бездумного участия в бессмысленной корпоративной сутолоке. Тот факт, что подобные люди сохраняли способность смеяться над собственными неурядицами, подтверждает наличие некого, пусть и подавленного, самосознания. – *Сабина Сэмюэлс*.

192

Вульгарное слэнговое обозначение латинского этнического происхождения. – *Сабина Сэмюэлс*.

193

Брэнд спортивной обуви, предположительно популярный среди афро-американской молодежи, если реклама продуктов корпорации «Адидас» адекватно отражает использование ее продукции. – *Сабина Сэмюэлс*.

194

Брэнд мобильных телефонов, основанный на коммуникаторе «Звездный путь». Тот факт, что Джейми использует данное устройство, невзирая на повсеместное распространение наручных телефонов, вероятно, указывает на техноностальгию. – *Сабина Сэмюэлс*.

195

Генетическое заболевание, характеризующееся неуправляемым делением клеток, нередко в эпителии или груди. Рак ошибочно связывался с воздействием табака и солнечного света. – *AMELIAB85*.

196

В те времена мобильные телефоны использовали крайне высокое напряжение и излучали электромагнитные волны. Вытащив антенну, пользователь существенно снижал количество радиации, поглощаемой черепом, а равно и все сопутствующие медицинские риски. – *Сабина Сэмюэлс*.

197

Фроттаж. – *Сабина Сэмюэлс*.

198

Более тонкий провод, больше подходит для связывания. – *Сабина Сэмюэлс*.

199

Типичная ошибка деловых людей эпохи раннего хай-тека. Они не сознавали, что компьютер – всего лишь инструмент моделирования. Он моделировал все: печатную машинку, палитру и холст, телефон, электросеть, селезенку, погоду или цивилизацию.

Они предпочли смоделировать торговлю, экономику и движение капитала. Быть может, они так погрузились в этот психоз оттого, что деньги уже стали метафорой. Или потому, быть может, гадали психологи, что деньги казались людям столь реальными и столь плотно связаны были с инстинктом выживания. Как бы то ни было, чем лучше и привлекательнее имитации, тем проще принять карту за территорию. Модель рынка стала господствующей реальностью, а сама реальность превратилась в игру.

См. Полина Барсук «Киберэгоизм», 2000, или Джонатан Фрокэм «Капитализм и сознание», 2005, где подробно анализируется эта патология. – *Сабина Сэмюэлс*.

200

Неясно. Возможно, телепрограмма. – *Сабина Сэмюэлс*.

201

Профессиональный союз. Не будучи в состоянии прокормиться в порочном и недружелюбном рабочем пространстве, куда сами же и забрели, работники (трудяги, сотрудники) родственных индустрий объединялись, пытаясь вымогательством добиться более крупных денежных сумм от нанимателей (хозяев). Идея «трудового союза» впервые была реализована в начале XX в., вскоре после взлета промышленной революции. В теории «союз» позволял рабочим родственных сфер получать равные доходы независимо от мастерства или преданности нанимателю. Однако союзы столкнулись со множеством преград, и идея союза как удачный метод извлечения приемлемой зарплаты впала в немилость в середине XXI столетия, когда рабочие осознали, что после сотни с лишним лет участия в этой загадочной системе они продвинулись в обществе не больше, чем их предки. – *MSCHLICKMAN*.

202

Взгляд вверх и налево означает, что субъект осуществляет доступ к мозговому центру памяти. Согласно НЛП, которому Коэн явно учился, такой взгляд обозначает искренность. – *Сабина Сэмюэлс*.

203

Хочешь петь или хочешь пить? Вот мертвецам цветы (исп.). – Прим. переводчика.

204

«Эм-ти-ви» – корпоративная попытка товаризации молодежной культуры. В качестве содержания использовал рекламу. – *Сабина Сэмюэлс*.

205

За два столетия европейской колонизации шестимильный участок в центре острова Манхэттен съежился до пустыря: населенные комарами свинофермы и примитивные антисанитарные мясоконсервные заводы, обрабатывавшие свинину для потребления людьми. На территории этих зданий и вокруг располагались крытые жестью развалюхи, где жила прислуга и прочие неимущие, откровенные бедняки, преступники и сумасшедшие, которых не допускали в жилые районы города.

В 1840 г., когда английский натуралист Чарльз Дарвин опубликовал первую из своих теорий эволюции и превосходства высших видов, американский идеалист и дизайнер ландшафтов Фредерик Ло Олмстед выиграл напряженный конкурс на превращение этих болот в пасторальный островок, достойный величайшей метрополии Нового Света.

«Это демократический проект огромной значимости, и от его успеха, на мой взгляд, в немалой степени зависит развитие искусства и эстетической культуры этой страны», – писал Олмстед, начиная работы, длившиеся семнадцать лет. В беспрецедентной попытке воплотить представление об эгалитарных социальных райских кущах, пребывающих в гармонии с природой, легионы работников Олмстеда с кирками, лопатами и тачками посадили пятьсот тысяч деревьев и кустарников, построили тридцать мостов, выкопали одиннадцать тоннелей, переместив в общей сложности пять миллионов кубических ярдов земли.

Хотя тысячи обитателей района переселились с готовностью, мать-земля сотрудничать решительно не желала. Скалистые валуны, которые она вытолкнула из себя около 450 млн. лет назад, оказались совершенно неподвижными и заставили Олмстеда сговорчивее разместить свои травяные холмы.

Через двадцать лет «богатые и бедные, молодые и старые, евреи и гои» вместе резвились в поддельном раю межвидового и межрасового равенства. К XX веку большинство жителей города считали Центральный парк единственным невредимым кусочком острова, понятия не имея о войне, которую человек развязал там против природы якобы в ее интересах. – *Сабина Сэмюэлс*.

Эти комментарии, вероятнее всего, обозначают глубокий раскол между людьми того времени касательно животных, которых люди одновременно любили и презирали. Возможно, автор хотел выразить презрение к окружающим его людям, сравнивая их с так называемыми «братьями меньшими». С другой стороны, не исключена вероятность, что данные комментарии касаются окружающих автора людей, действительно носящих символику последних стадий распада капитализма, а именно «мягкие цилиндры». – *XGRRRL*.

Примечание к примечанию – «Мягкие цилиндры»: Теория, весьма показательная для неорационалистской философской школы, которая по-прежнему, несмотря на все доказательства, разнообразно опровергает реальность феномена зооморфных аватаров (Московские Змеи, Женщины-Выдры Рейкьявика и т. д.), объявляя их масками, голограммами или кофеиновыми галлюцинациями. – *RAYGIRVAN*.

Примечание к примечанию к примечанию – Доказательства: В самом деле, хотя «доказательства», подобные недавно расшифрованному так называемому «документальному фильму» «Битва Титанов», приемлемы для лагеря неомистиков, многие подлинные ученые не считают их адекватным подтверждением упомянутого феномена. – *XGRRRL*.

Примечание к примечанию к примечанию к примечанию – Так называемый «документальный фильм»: Некоторые исследователи полагают, что подобный скептицизм заводит слишком далеко. Какой исторический источник будет подвергнут сомнению следующим – «Плюх»? – *RAYGIRVAN*.

207

На поздней стадии капитализма людям не приходило в голову, что наслаждение качественным выполнением работы или общественно значимой задачи само по себе может быть источником удовлетворения. Однако их нельзя винить, поскольку у большинства трудящихся пока отсутствовали способы постичь, как их работа отражается на всей картине в целом. – *Сабина Сэмюэлс*.

208

Кабина пилота. Происхождение невыяснено; возможно, речь идет о нетрадиционном использовании наркотика-стимулятора. – *Сабина Сэмюэлс*.

209

Потребление глюкозы повсеместно вызывало гниение зубов. Для латания трещин, оставленных бактериями, использовались токсичные металлы. – *Сабина Сэмюэлс*.

210

Весьма драматичная квазилитературная биография «Наследие Морхауса», написанная Уильямом Шульгиным, – единственное доступное нам свидетельство о решении Морхауса отказаться от самоубийства:

> «Тобиас закрыл кабину и повернул рычаг. Глянул вверх, увидел летящего Джейми. Ничего, справится. Бедняжка. Тобиас проверил парашюты лишь на той неделе, когда менял систему катапультирования. Полностью автоматизированные катапультируемые сиденья на азоте стали использоваться только в Корейскую войну, когда ушли в прошлое пропеллеры и появились моторы. Однако Тобиас понимал, что теперь его пилотаж не таков, каким был когда-то. Он считал, что аварийное катапультирование – признак силы. Особенно если в процессе жертвуешь целым самолетом.
>
> Но сейчас он катапультироваться не собирался. Наоборот. Он останется в штурмовике до последнего. Возврата нет.
>
> Он направил самолет на горный пик впереди, щелкнул переключателем на панели управления, чтобы самолет не сбился с курса и высоты, даже если Тобиас уберет руки со штурвала.
>
> Он слегка сощурился, но не отрывал взгляда от зубчатой горноснежной плоскости, что росла в ветровом стекле.
>
> Это по-настоящему, сказал он себе. Не глупые игрушки богатеньких клубных анютиных глазок. Даже сошедшие на нет рыночные войны не сравнятся с этим выкручивающим яйца ужасом реальной крови и кишок, что борются со смертью.
>
> Конечно, все они говорили про „поймать падающий нож“ или „самоубийственную прогулку“, но сами ничего подобного не пробовали. Ни один. Интересно было бы посмотреть, как Маршалл Теллингтон ловит падающий нож.
>
> Они даже играли не на реальном рынке, не с реальными деньгами. Унаследованные дома в Хэмптонсе безопасны, что ты ни делай. Зацепи их в игре по-настоящему, они бы все обмочились.
>
> А вот Алек… ну, он справится. В конце концов, он

все унаследует. И он – не анютины глазки. Не как они. Нет, Алек вернул в эти игры крови, и все тут же побежали жаловаться мамочке. Настоящий мужчина, воплощенный Морхаус.

Горный пик приближался, и Тобиас чувствовал, как мчится по венам кровь. Как в детстве. Как в те времена, когда он летал на таких крошках взаправду. Он снова был жив, и это приятно.

И тут он ощутил нечто странное. Напряжение в паху – двадцать с лишним лет такого не бывало. Боже всемогущий. Да у него эрекция! Столько времени прошло.

Он расстегнул штаны и обозрел свой легендарный причиндал. Тот свисал с коленей, точно великий бог ацтеков, рядом с которым все на свете – лилипуты. Ну наконец-то. Причина жить!

Морхаус взглянул на твердую снежную стену. Скрипнул зубами, одной рукой отключил автопилот, другой рванул штурвал. Самолет взвился в небеса, на каких-то четыре фута промахнувшись мимо горы. Тобиас был жив».

– *Сабина Сэмюэлс*.

211

Хиппи – изначально антивоенное движение 1960-х гг. Термин использовался для описания любого человека, чей стиль жизни сочетал марихуану, необработанную пищу и одежду из натуральных тканей. – *Сабина Сэмюэлс*.

212

Очередное доказательство недавнего появления рукописи: как мог автор в 2008 г. точно знать, как выглядит и где располагается венозная внешняя матка, используемая при мужской псевдобеременности? – *RAYGIRVAN*.

213

По-видимому, в данном пассаже излагается Идеология Карен и Стюарта Смитсонов. Неизвестно, встречался ли автор с этой парой в действительности или просто на них намекает в этом смутном описании беседы с незнакомцами. Если данная рукопись верно датирована 2008 годом, автор встретился со Смитсонами как раз перед тем, как они созвали последователей на свою территорию в южном Орегоне. К 2020 г. «Простые», как они себя называли, учредили первую мощную частную космическую программу. Рассказы об их новаторстве можно найти в ныне знаменитом труде «Разрешено государством». В книге описывается напряженная борьба с федеральными властями, которые в итоге отступили, получив предложение укомплектовать будущую экспериментальную миссию. Кроме редких поездок для правительственных чинов, «Простые» бесплатно запускали в космос детей из всех стран мира. – *SEEWARD*.

Примечание к примечанию – «Простые» бесплатно запускали в космос детей из всех стран мира: Предыдущий комментатор опускает центральный спорный аспект: на первоначальных стадиях проекта эти путешествия зачастую оказывались в один конец. – *RAYGIRVAN*.

214

Род телевизионных развлечений: ожиревшие актеры, переодетые в людей с улицы, физически дерутся за погуливающих партнеров. – *Сабина Сэмюэлс*.

215

«Доктора медицины». Получение сертификата на медицинскую практику требовало обучения в определенных академиях. – *Сабина Сэмюэлс*.

216

Еврейская молитва об исцелении базируется на словах, произнесенных еврейским пророком Моисеем, когда его сестра заболела проказой, допустив расистское замечание в адрес жены Моисея. Считалось, что повторение этих слов убедит Бога использовать свое всемогущество для прекращения болезни. – *Сабина Сэмюэлс*.

217

Медикамент-антидепрессант. Люди, не способные опустить свою планку этических стандартов до приемлемого уровня, принимали лекарства, дабы заглушить чувство вины и связанные с ним симптомы. – *Сабина Сэмюэлс*.

218

Операционная система «Microsoft Windows», несмотря на громоздкий интерфейс и множество изъянов, оставалась господствующей платформой для ПК до 2014 г. – *Сабина Сэмюэлс*.

219

Буквально «народ» на иврите. Почему евреи использовали данный термин для обозначения нееврейских народов, неизвестно. – *Сабина Сэмюэлс*.

220

Странное и неточное сравнение. В 2004 г. свиньи не только не владели собственностью, они к тому же имели репутацию грязных и неразборчивых в потреблении животных (заработанную несправедливо, поскольку свиней насильно держали в заключении как будущее мясо). – *RAYGRIVAN*.

221

По всей видимости, Моррис говорит о своде правил, спущенных Американской психологической ассоциацией и принятых во многих округах страны. В надежде подавить волну буйной стрельбы во время каникул, АПА рекомендовала школам обратиться к «методу взаимного мониторинга». Руководителям следовало проводить особые собрания, где школьников учили распознавать у однокашников «десять опасных симптомов», включая недомогания, асоциальное поведение, недоверие к властям или чрезмерный цинизм. – *Сабина Сэмюэлс*.

222

Последнее выжившее подразделение корпорации «АТиТ» после ее распада на «Крошек Белл». «Веризон» (первоначально называвшийся «Нью-Йорк Телефон», затем «Найнекс», затем «Белл Атлантик») обанкротился, когда в 2013 г. индустрию полностью дерегулировали. – *Сабина Сэмюэлс*.

223

Больница, также использовавшаяся как тюрьма для тех, чье мировоззрение слишком вопиюще противоречило норме. – *Сабина Сэмюэлс*.

224

Формально развитие этой науки началось в 1950 г. с публикации работы Алана Тьюринга, описывающей «тест Тьюринга» на искусственный интеллект: для наблюдателя за ширмой пятиминутный диалог с поистине «разумным» компьютером должен быть неотличим от диалога с человеческим существом. Тьюринг предсказал также, что данный тест будет пройден в течение примерно пятидесяти лет. Если рукопись подлинна, похоже, предсказание это оказалось абсолютно верным, и «Торенс» стал первой машиной, прошедшей тестирование. – *ACALDERWOOD*.

225

Кинофильм о машинах, создавших искусственную реальность с целью поработить человеческую расу. Загадочно достоверное предвестье Второго Средневековья. – *Сабина Сэмюэлс.*

226

Лас-Вегас, крупный американский город, пробыл континентальным центром азартной игровой индустрии до 2012 г., когда его чуть не разрушили в ходе Шлюшьих мятежей. Поразительный феномен капиталистической эпохи: азартные игры XXI в. приводили ко всеобщим потерям личных денежных фондов. Привлекательность таких потерь в эти абсурдно капиталистические времена очевидна: через символическое уничтожение денежных знаков человеческая душа признавала фундаментальную бесполезность денег в любой форме. Возможно, азартные игры, подстегивая желание избавиться от денежных запасов, сыграли немаловажную роль в последующем отказе от капиталистического общества в пользу того, что мы знаем сегодня. – *WINSTONBEAN*.

227

Люди начала XXI в. по указке знаменитого психолога Зигмунда Фрейда верили, что грезы – продукты или проявления внутреннего конфликта и компромисса между сознательными и бессознательными импульсами. Позднейшие исследования с использованием психотропных препаратов, таких как ДМТ, добытого из растительности Амазонки, показали, что так называемые сны – лишь ранняя форма наших сегодняшних коммуникаций.

Эти прежние люди, подавляемые желанием тратить целые часы жизни на бессмысленные, однако уютно отвлекающие оральные коммуникации, еще неспособны были, однако стремились овладеть тайной, которая, как нам сегодня известно, объясняет нынешнюю скорость человеческой эволюции. Вообразите, еще 40 лет назад представители человеческой расы по-настоящему друг с другом разговаривали. Сегодня эта деятельность ограничивается психиатрическими лечебницами, чьи пациенты не способны контролировать мысленные образы и эволюционировать. – *ALEXFORCE*.

228

В действительности, судя по собранным фрагментам электронных дневников Ваганяна, он считал Тора Торенса вовсе не искусственным интеллектом, но тайным руководителем заговора. Согласно этой версии событий, проведя восемь лет в монастыре, миллиардер от игровой индустрии решил использовать технологии, которые когда-то помогал разрабатывать, дабы преподать урок буддизма жертвам электронной коммерции. Он разработал Игру «Синаптиком» как способ научить людей пути отстранения, замаскировал ее под маркетинговый алгоритм, а затем создал миф об искусственном интеллекте, чтобы избежать признания собственного авторства. Насколько можно сейчас судить, нынешняя Игра «Синаптиком» вполне могла появиться таким образом. – *Сабина Сэмюэлс*.

229

Информация о жизни Джейми Коэна после его ухода из «Морхаус и Линней» крайне скудна. В банковских отчетах указано, что за пять лет после увольнения он перевел все свои фонды на счета в иностранных банках. Это заставило Налоговое управление США начать расследование по делу об уклонении от уплаты налогов, которое так и не было закрыто. Детальное изучение данных о занятости и социальном обеспечении того периода не дает никаких однозначных результатов.

В Генеалогической базе данных мормонов содержится запись о Йосси Шмуэле Козне: родился в Нью-Йорке в 1978 году, умер в Швеции в 2081, оставив двух дочерей Рэчел и Мириам.

В течение последующих восьмидесяти лет более шести тысяч отдельных актов компьютерного и сетевого вандализма приписывались людям, называвшим себя DeltaWave, и бесчисленное множество других – Ямайским Королям. Мы не знаем, существует ли связь между одноименной музыкальной танцевальной группой и людьми, выведенными в настоящем повествовании. – *Сабина Сэмюэлс*.